

Академик В. М. Плоских

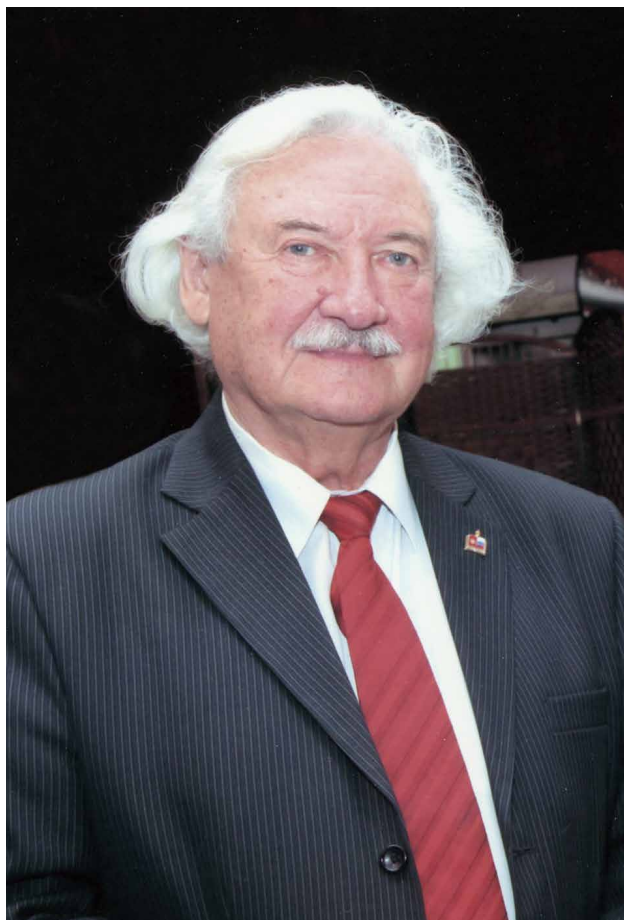
СОБРАНИЕ
СОЧИНЕНИЙ

VI

*Время разбрасывать камни
и время собирать камни.*

Библия, Екклесиаст 3:5

A handwritten signature in black ink, written in a cursive style. The signature is fluid and appears to be the name of the man in the portrait above.

Академик В. М. Плоских

**СОБРАНИЕ
СОЧИНЕНИЙ**

VI

Редакционная коллегия:

А. А. Асанканов, чл.-корр. НАН КР, д-р ист. наук
Д. Д. Джунушалиев, чл.-корр. НАН КР, д-р ист. наук
А. Ч. Какеев, акад. НАН КР, д-р филос. наук
Т. К. Койчуев, акад. НАН КР, д-р экон. наук
З. К. Курманов, д-р ист. наук, проф.

Составитель:

профессор В. А. Воропаева

Ответственный редактор:

академик НАН КР Т. К. Койчуев

Плоских В. М.

Собрание сочинений: в 15 т. / сост. проф. В. А. Воропаева; отв. ред. акад. Т. К. Койчуев. — Бишкек: Нео Принт, 2014–2021.

Владимир Михайлович Плоских — один из ведущих учёных Кыргызстана, внёсших значительный вклад в развитие исторической науки республики.

Доктор исторических наук, профессор, действительный член Национальной академии наук Кыргызстана, действительный член Российской Академии педагогических и социальных наук, заслуженный деятель науки Кыргызской Республики, археолог, педагог, писатель, член Конфедерации подводной деятельности России, дважды лауреат Государственной премии Кыргызстана в области науки и техники, лауреат общественных премий им. Е. Д. Поливанова, А. П. Чехова, И. Бунина, Ататюрка, И. Ахунбаева.

В. М. Плоских — руководитель Центра источниковедения и рукописного наследия Института истории и культурного наследия НАН КР, директор Института мировой культуры, заведующий кафедрой истории и культурологии Кыргызско-Российского Славянского университета, главный редактор журнала «Диалог цивилизаций».

Награждён почётными грамотами КР, удостоен государственных наград КР — ордена «Манас» III степени, медали «Данк», имеет другие награды Кыргызской Республики, а также России, Казахстана, Украины, Туркменистана. Является автором ок. 500 научных трудов по истории, археологии, источниковедению, кыргызско-российским межгосударственным взаимоотношениям.

Основные научные проблемы, которыми более 50 лет занимается В. М. Плоских, обобщены и систематизированы в Собрании сочинений учёного.

**Национальная Академия Наук Кыргызской Республики
Кыргызско-Российский Славянский университет**

В. М. ПЛОСКИХ

**ИСТОРИЯ ГОРОДОВ
И ПОСЕЛЕНИЙ КЫРГЫЗСТАНА**

Бишкек — 2016

УДК 902/904
ББК 63.4
П 74

Плоских В. М.

П 74 **История городов и поселений Кыргызстана.** — Бишкек: Нео Принт, 2016. — 436 с.: ил. (Собр. соч.: в 15 т. / В. М. Плоских; — Т. VI).

ISBN 978-9967-12-119-5

В VI том включены несколько монографий и статей разных лет, объединённых одной темой – это история древних городов и поселений Кыргызстана. О далёкой эпохе и её людях, об археологических находках и забытых памятниках, о природных и социальных катастрофах повествуется в четырех разделах (частях) книги.

На богатом историческом материале, охватывающем период с глубокой древности до конца XIX в., раскрывается история городов Ош, Каракол (Пржевальск), Бишкек (Пишпек), поселений Кетмень-Тюбе, Таш-Рабат, некоторых русских сёл Прииссыккуля.

В сводном виде монографии и статьи публикуются впервые. Воспроизведение стереотипное.

ISBN 978-9967-12-119-5

© Плоских В. М., 2016

Часть первая

**СТАРИННЫЙ
ОШ**

ПРЕДИСЛОВИЕ

Ош — областной центр республики, древнейший город в Кыргызстане. Его история богата значительными событиями, которые являются составной частью общей истории Кыргызстана.

Древнейшие пласты города восходят к седой старине. В первом тысячелетии через Ош проходила одна из ветвей знаменитого Шелкового пути, связывавшего Восток с Западом, в раннем средневековье он считался третьим по величине городом Ферганы. Ош находился в центре южнокыргызских кочевий и служил торгово-перевалочным пунктом на пути из Средней Азии в Китай и Индию.

Специальных работ по дореволюционной истории Оша нет, а в брошюрах краеведческого характера о многовековом прошлом города написано весьма кратко¹. Мы предприняли эту скромную попытку воссоздать в очерковой форме страницы истории Оша древнего, средневекового и нового времени (до 1917 г.) в надежде, что это поможет познанию исторического прошлого южных районов Кыргызстана, а также привлечению внимания к вопросам сохранения

¹ См.: *Касымов Г. К.* Город Ош: Краткий исторический очерк. — Ош, 1960. — С. 4–20; *Айдашев А.* Город Ош: Краткий краеведческий очерк. — Фрунзе, 1968. — С. 25–38; *Исаев А., Картавое М. М.* Город Ош: Краткий краеведческий очерк: Путеводитель. — Фрунзе, 1974. — С. 8–14; *Кравцов М. М., Сулина М. Г.* Ош: Путеводитель. — Ош, 1982.

и пропаганды историко-культурных, в том числе и археологических памятников Оша. В черте города, у бывшего его общественного центра создан историческо-культурный заповедник под открытым небом.

Помимо открытого поселения эпохи бронзы перед посетителями Ошского объединенного историко-культурного музея-заповедника предстают наскальные рисунки древности и средневековья, мазар Асаф ибн Бурхия — архитектурный памятник XI в., мечеть Рават Абдулла-хана XVII в. Здесь так же представлены памятники предков кыргызского народа от эпохи бронзы до позднего средневековья. И все это рядом с проявлениями новой жизни современного областного центра — седой город в новом юношеском облики.

Сохранение исторических памятников в этих условиях — не самоцель. Это одно из действенных средств идейно-нравственного воспитания людей в духе взаимного уважения и дружбы всех наций и народностей страны, любви к Родине, интернационализма и солидарности с народами других стран. Этой важной задаче будет отвечать и создающийся новый музей-заповедник. Наше славное прошлое должно служить настоящему.

ДРЕВНЕЙШИЕ ПОСЕЛЕНИЯ

Легенды

Ош... Споря об этимологии этого названия, ученые до сих пор не могут прийти к согласию — столь далеко в глубь веков уходят его корни. Столь же древняя и его многовековая история, переплетающаяся с легендами о знаменитой горе Тахт-и Сулейман (в переводе с арабского «Трон Соломона»).

По одним преданиям, здесь в незапамятные времена обосновался и вершил правосудие мусульманский «святой» Азрат Сулайман — Пайгамбар, считавшийся посланником Аллаха на земле и его представителем среди правоверных. По другим сказаниям (людей «покойных, знатных и чистосердечных»), здесь проживал нищий кыргыз, имя которого было Сулайман. Он так долго жил, что со временем это место стали называть «Тахт Сулайман», т. е. «трон, где сидит Сулайман». Так или иначе — мифический мудрец или легендарный кыргыз Сулайман не зря избрали себе местом обитания прекраснейшую гору. В далеком прошлом она так и называлась — Бара-Кух — «Красивая гора», которая гордо возвышается над городом. С нее видны и отроги крупнейшей высокогорной системы — «Крыши мира». Это о ней древний автор поэтично сказал: «Там, где Ферганская долина упирается в Памир, дрожит синий контур четырехглавой горы, как льдинка в бокале».

В начале XX в. выходявшая в Оренбурге на тюркском языке газета «Вакт» («Время») опубликовала простонародную легенду об основании Оша.

В восточной части Ферганской долины расположен город Ош, о происхождении названия которого существует незамысловатая легенда. Прежде на месте, где располагается город, была пашня. Однажды во время пахоты заболевший бык слег и не смог уже встать. А хозяин, стремясь поднять его, все покрикивал: «Хош», «хош». (Многие пастухи из тюркоязычных племен погоняли крупный рогатый скот окриками «хош», «хош»). Отсюда якобы впоследствии местность и получила название «Ош»¹.

В этой бесхитростной легенде явно угадывается желание хоть как-то объяснить название города, о происхождении которого никаких достоверных данных не сохранилось.

Известно и другое мусульманское сказание на ту же тему, непосредственно связанное с библейским Сулайманом — царем Соломоном. Он вел свое войско, а впереди гнал пару волов с плугом. Когда волы дошли до знаменитой горы, Соломон сказал: «Хош!» («Довольно!»). Так будто бы и произошло название появившегося здесь города². Это предание столь же наивно, как и предыдущее. И, понятно, что оно вовсе не объясняет ни факта возникновения города, ни этимологии его названия, но свидетельствует о древности земледельческих занятий жителей этих мест.

Бытовали и другие варианты подобных по характеру сказаний, свидетельствующие об уровне знаний, удовлетворявшемся уже подобными объяснениями.

В «Трактате о городе Оше», отложившемся в рукописных фондах Ленинградского отделения Института востоковедения АН СССР, приводится легенда о пророке Сулаймане, который «бывал» в Оше и дал городу воду: «А еще рассказывают, что жители Оша обратились к святому пророку

¹ Ахиллулла Хайрилулла Оглы. Город Ош и Тахт Сулайман // Приложение к газете «Вакт», на тюркском яз. — Оренбург, 1913. — № 1264.

² Ювачев И. Курбанджан-датха, кара-киргизская царица Алая // Исторический вестник. — Т. СХ, 1907. — № 12. — С. 956.

Сулайману: «Город Ош очень маловоден, и мы не видим выхода из этого положения». Святой Сулайман приказал дэвам: «Гору, что стоит у реки, унесите и освободите путь воде». Дэвы исполнили приказ святого Сулаймана, и с тех пор в городе Оше достаточно воды...»¹

Ученые пытаются высветить достоверные страницы истории города в прошлом. Для этого в самом Оше археологами заложены раскопы. Вот уже свыше 10 лет там ведутся систематические археологические работы².

Что же можно сказать уже сегодня, основываясь на скудных письменных источниках и незавершенных археологических раскопках, о начале Оша?

Открытие археологов

Город Ош, без сомнения, древнейший в Кыргызстане и один из старинных городских центров Средней Азии и Закавказья. Письменная история его насчитывает свыше тысячелетия, а археологические находки ведут вообще в трехтысячелетнюю давность. Впрочем, вопрос о времени основания города в научной литературе все еще остается открытым. Специальных раскопок древней подосновы современного Оша (включая его бывшую старгородскую часть) прежде не было, хотя эпизодические, но плодотворные работы здесь и вели Ю. А. Заднепровский и Е. В. Дружинина. Нет пока публикаций со сводкой археологических и нумизматических находок, различных памятников истории и культуры в Оше и его округе. Подготовка же к составлению свода памятников в Ошской области стала вестись с конца 70-х—

¹ Рукоп. фонды ЛОИВ АН СССР. Инв. № 482 С. — 2038. Л. 43—44.

² См.: *Заднепровский Ю. А.* Ошский оазис в древности // Изв. АН КиргССР. — 1948. — № 2; *Шустов В.* Гора загадок // Вечерний Фрунзе, — 1983. — 17 декабря.

начала 80-х годов, но работы не были завершены. Дискуссионны еще пока и попытки датировать время возникновения города путем сопоставления терминов «ош» и «усунь» (название некогда обитавших здесь древних племен) или же с помощью распространенных прежде мусульманских преданий. Достоверно известно лишь то, что в седой древности, еще задолго до начала функционирования Оша как города, земля эта была одним из очагов расселения человека каменного века.

Вслед за краеведами и археологами можно утверждать, что территория современного города и его окрестности уже обитаемы, по меньшей мере, с эпохи неолита¹. Это подкрепляется не только различного рода археологическими свидетельствами, но и рисунками пещерной и наскальной живописи, обнаруженной непосредственно в Оше — в пещере «Навес орлов» на Сулейман-горе, на Сурет-Таше, а также в окрестностях города. Начало же сравнительно долговременного проживания и хозяйственного освоения нынешней городской территории связано с появлением первых оседлых поселений в Ферганской долине, где древнеземледельческие традиции восходят к рубежу II—I тыс. до н. э. Носителями их были представители так называемой чустской археологической культуры, названной по имени первоначально изученного археологами синхронного древнего поселения близ г. Чуст в Узбекистане. Оно и послужило как бы эталоном при исследованиях других земледельческих поселений — оазисов XIII—VIII вв. до н. э. в Фергане².

¹ Следы каменного века зафиксированы А. Н. Бернштамом, А. И. Пошко, А. В. Рановым, В. И. Исаевым и др. См.: *Заднепровский Ю. А.* Археологические памятники южных районов Ошской области. — Фрунзе, 1960. — С. 153; *Юнусалиев М. Б.* В глубь тысячелетий по долинам Киргизстана. — Фрунзе, 1970. — С. 18, 24.

² См.: *Заднепровский Ю. А.* Древнеземледельческая культура Ферганы // МИА. — 1962. — № 118.

Жители Чустского и соседнего Дальверзинского поселений бронзового века, как и поселенцы Оша, выращивали зерновые — пшеницу, ячмень и просо, разводили домашний скот. Они обитали в земляных, примитивных глинобитных и сложенных из сырцового кирпича жилищах. На Ошском поселении основным видом жилищ были полуземлянки, располагавшиеся на террасах южного склона Сулейман-горы. Землянки же были еще довольно распространены у кыргызов и других народов Средней Азии и Казахстана и в недавнем дореволюционном прошлом. Можно полагать, что «истоки этой традиции домостроительства, следовательно, восходят к бронзовому веку»¹.

Небезынтересна сама история выявления и первоначального изучения названного выше Ошского поселения и найденных там свидетельств о жизни людей бронзового века на территории южных районов современного Кыргызстана.

Обнаруженная Е. В. Дружининой (сотрудником Ошского областного музея) на южном склоне Сулейман-горы (1967 г.) и на территории Ошского пединститута (1973 г.) подъемная керамика, в том числе и расписная, каменные изделия, характерные для оседлых земледельцев чустской культуры, позволили предположить существование в далеком прошлом террасового поселения на «Ошской горе». На его остатки указывали и выходы культурного слоя с характерной керамикой, зафиксированные весной 1976 г. также Е. В. Дружининой при строительстве дороги к одному из созданных в горе зданий музея. Работы Ферганской археологической экспедиции (ЛОИА АН СССР) под руководством Ю. А. Заднепровского вполне подтвердили правильность упомянутой гипотезы. Весьма результативны были совместные раскопки участников экспедиции и сотрудников

¹ Заднепровский Ю. А. Ошское поселение бронзового века // Изв. АН КиргССР. — 1981. — № 2. — С. 92.

Ошского музея на склоне Сулейман-горы — на месте стационарного поселения чустского времени в Оше.

Вообще к сегодняшнему дню на территории современного Оша выявлено три поселения эпохи бронзы. Одно — на левом берегу р. Ак-Бура, с восточной стороны у подножья Сулейман-горы. Другое — на Чаян-тепе, в западной части города. И, наконец, самое древнее — непосредственно на Сулейман-горе.

Благодаря многолетним раскопкам и археологическим изысканиям, кстати, продолжающимся и ныне Е. В. Дружининой и Ю. А. Заднепровским) можно наиболее полно представить себе этот древнейший очаг жизни на территории города.

Последнее из упомянутых трех поселений располагалось террасами по крутому южному склону горы. Было раскопано 10 землянок на трех террасах, но их ранее насчитывалось несомненно больше, так как выявлено 15 жилых террас. Исследования показали, что жители были искусными строителями. Пользуясь примитивными орудиями из дерева и камня (а, возможно, и бронзы), они терпеливо вырубали в крутом склоне горы свои жилища. Землянки представляли собой узкие прямоугольные жилища шириной 3,5–5 м, длина сохранившейся части от 11 до 15 м. В одной из них обнаружено 8 хозяйственных ям, которые практически занимали всю площадь пола. Видимо, заполненную яму забрасывали мусором и сверху замазывали, а рядом устраивали новую. Одна из землянок отличалась сравнительно большими размерами — 11 м×5 м. Площадь самой большой землянки составляла более 100 кв. м — она являлась, видимо, общинным домом для собраний. Внутри землянки обнаружены углубления для опорных столбов, на которых держалась крыша. По мнению Ю. А. Заднепровского, это были заземленные жилища со световыми и дымовыми отверстиями в крыше и опорными столбами в центре. Многочисленные хозяйственные ямы (а их обнаружено

около 150) свидетельствуют о длительной оседлости населения, о его занятиях земледелием¹. Здесь найдено около 16 тыс. фрагментов керамики, в том числе около тысячи с росписью (краснооблицованные полусферические миски, конические горшки, кувшины с шаровидным туловом, характерными носиками и ручками-налепами, расписная керамика с геометрическими и зооморфными узорами и единственным пока известным изображением козла и даваньских скакунов), и свыше десятка сохранившихся богато орнаментированных сосудов. Попадалась также и привозная черно-серо-лощеная посуда. Собрана также коллекция из 400 каменных орудий: два серпа, ступки и песты, колотушки, зернотерки, отбойники. Выявлены еще куски шлака, бронзовые шила, а также сердоликовая бусина и альчики с просверленными дырками. Особо следует отметить каменное навершие булавы — символ власти древнего вождя, ранее известной по поселениям в Дальверзине, Чусте и в Узгенском районе.

В результате начальных раскопочных работ уже добыта ценная информация о жилище, развитии гончарного мастерства и металлургии, обработке камня, кости и металла, о культуре и хозяйстве земледельцев Ошского поселения, их меновой торговле и связях с окрестным кочевым и оседлым населением древней Ферганы.

Итак, первое из известных оседло-земледельческих поселений на территории г. Ош, возникшее в эпоху поздней бронзы, явилось, образно говоря, «прародителем» современного города. Последние археологические работы, проведенные Ю. А. Заднепровским, подтвердили высказанную им ранее точку зрения о древности Ошского поселения, выросшего на территории современного города три тысячи лет тому назад. Эта дата подтверждена также радиоуглеродными

¹ История Киргизской ССР с древнейших времен до наших дней. В 5 т. — Т. 1. С древнейших времен до середины XIX в. — Фрунзе, 1984. — С. 121–122.

определениями возраста поселения¹. Опшкое поселение террасовидной планировки представляет собой ранее неизвестный новый тип чустских поселений. Необычайная планировка, обилие расписной посуды позволили археологам сделать заключение о своеобразном культурно-идеологическом значении Опшского поселения². Все сказанное свидетельствует о важном значении раскопанного на Сулейман-горе поселения эпохи бронзы как для истории города Опш, так и в целом для истории Кыргызстана. Поэтому мы и остановились на нем столь подробно.

Освоение Опшского оазиса древними жителями края — оседлыми земледельцами и скотоводами-кочевниками — преимущественно продолжалось в последующие времена. Это подтверждают многие памятники истории и культуры последующих времен, выявленные в Опше и его округе, в частности, на могильнике Озгор (в районе одноименного современного селения в верховьях р. Ак-Бура), датируемом эпохой раннего железа (VI—IV вв. до н. э.). Раскопанные здесь в 1979 г. катакомбные захоронения дали различные предметы обихода и украшения кочевников — бронзовые пряжки, браслеты, перстни, бусы из сердолика, большое количество остатков керамической посуды, железных наконечников. А на восточной окраине г. Опш — на Мирзалим-тепе — тогда же раскапывался дом-усадыба дехканина так называемой шурабашатской археологической культуры (III—I вв. до н. э.). За два года этот памятник раскопан полностью, удалось в деталях представить его планировку и дать реконструкцию. В таких укрепленных домах-усадыбах и обитала, по заключению Ю. А. Заднепровского, основная масса земледельческого населения древней Ферганы.

¹ *Заднепровский Ю. А.* Опшский оазис в древности. — С. 56.

² *История Кыргызской ССР.* — Т. 1. — Фрунзе, 1984. — С. 123.

Античная Давань

Известно, что эпоха бронзы в Фергане повсеместно сменялась временем господства ранних кочевников — саков-хаомаварка. Ярким свидетельством обитания последних в окрестностях Оша является могильник Тулейкен, который частично был изучен еще А. Н. Бернштамом. Это одно из связующих звеньев между чувстской культурой и Даваньским царством — одним из древних рабовладельческих государств в Ферганской долине. В пригородных местностях современного Оша (в частности, на землях Кара-Суйского района) открыты и другие памятники античности. Где-то недалеко от города проходили в III в. до н. э. отряды разведчиков Александра Македонского. Отсюда, получив отпор, они вынуждены были повернуть резко на юго-восток, оставив о себе память лишь в легендах. Ошская Сулейман-гора навеяла одну из таких легенд об Александре Македонском и побывавшему здесь в 30-х годах знаменитому чехословацкому журналисту Юлиусу Фучику. В его путевых очерках о Сулейман-горе есть такие строки: «На ее вершине сверкает на солнце большой камень, гладкий, как зеркало. Вглядишься в это зеркало и ты увидишь прошлое, еще совсем недавнее, но более страшное, чем сказка о драконе, который приполз с вершины противоположного Таш-Ата и поглотил все войско Александра Македонского...»¹.

Но легенда — это легенда. А подлинные археологические материалы уже неопровержимо подтверждают, что здесь в это время жило население независимого государства Давань, прославившегося своими «небесными конями», чьи изображения на Араванских скалах донесли до наших дней их «небесную» легкость.

¹ О путешествиях Ю. Фучика по Советской Средней Азии. См.: *Фучик Юлиус* о Средней Азии. — Ташкент, 1960, и др.

² Том VI. В. М. Плоских

В III—I вв. до н. э. на землях современной Ошской области и сопредельных районов обитали как скотоводы-кочевники — саки, усунь и др., так и древние земледельцы, условно именуемые даваньцами. Последние, как известно из восточных письменных источников, занимались и животноводством, и земледелием. Далеко за пределами долины славились даваньские аргамаки. Население возделывало ячмень и рис, сеяло люцерну (на корм домашнему скоту), выращивало виноград и фруктовые деревья. Даваньцы торговали со странами Запада и Востока, будучи связаны с ними Великим шелковым путем.

Археологические находки, обнаруженные на территории города, а также при раскопках окрестных холмов — тепе и на Акбуринском городище, указывают на значительное развитие здесь земледельческой культуры в период Даваньского царства. И можно полагать, что зарождение Оша как города относится к этому времени. Однако только в раннем средневековье, после арабского вторжения, Ош сложился в качестве крупного городского центра.

В I—IV вв. н. э. города и селения Ферганы входили в состав рабовладельческого государства Кушан. Вплоть до наших дней в окрестностях Оша сохраняются сильно сnivelированные курганы кушанского времени, в которых обнаружены захоронения погребенных с разного рода сопроводительным инвентарем, включая сосуды, изготовленные на гончарном круге, ювелирные украшения и оружие. Небезынтересны в этом отношении и недавние находки того же времени вблизи от города на многослойных памятниках (городище Кош-тепе у с. Маданият и др.).

Впоследствии, в V—VIII вв., некоторые из населенных пунктов, известные еще как даваньские (в восточных хрониках упоминалось около 70 больших и малых городов того времени в Ферганской долине), функционировали как замки и крепости периода раннефеодального общества в Фергане. Вероятно, развился за это время и Ош, особое

значение которого определялось важной культово-идеологической функцией, вызванной традиционным поклонением знаменитой горе.

Подводя итоги археологическим раскопкам и определяя этапы становления города Ош, Ю. А. Заднепровский пишет, что первое стабильное оседло-земледельческое поселение, возникшее здесь три тысячелетия назад, и явилось прародителем современного города, его древнейшим ядром. Второй этап связан с эпохой раннего железа и представлен материалами так называемого эйлатанского периода (VI—IV вв. до н. э.). Третий этап относится к Даваньскому царству в Фергане на рубеже нашей эры¹.

Археологические работы продолжаются. Намеченные контуры древнейшей истории города с каждым новым сезоном полевых археологических работ насыщаются все новым конкретным материалом, служат новыми стимулами для расширения раскопок, углубления исследований и наших познаний об истоках становления самого города Оша.

Пещерный комплекс музея Сулайман-Тоо

¹ Заднепровский Ю. А. Ошский оазис в древности. — С. 58—59.

СРЕДНЕВЕКОВЫЙ ОШ

Во тьме веков

Чем больше ученые обращаются к трудам основоположника научной археологии Кыргызстана А. Н. Бернштама, тем более поражаются его «предвидению», его ретроспективной прозорливости.

Имея лишь разведочные материалы, сравнительно скудные конкретные данные, он сумел в основном верно реконструировать археологическое прошлое Тянь-Шаня, Ферганы и Памиро-Алая.

Его периодизация, выделенные этапы их культуры сохраняют свое научное значение до сегодняшнего дня, хотя завершилась уже не одна экспедиция, а полученные результаты в десятки раз превосходят бернштамовские.

Прав он оказался и в определении общей схемы генезиса города Оша. Почти четыре десятилетия тому назад А. Н. Бернштам писал: «Образованию города Оша предшествуют тепе... даваньского и кушанского времени, обследованные экспедицией в 1946 г. С укреплением роли и значения города Ош эти поселения, расположенные к западу от него по Наукатской дороге, отмирают. На смену им появляются крепости и замки, реконструирующие былые замки кушанского типа. К таковым относится крепость на Ак-Буре к северо-западу от г. Ош и крепость Кургашинтепе к северу от него...

Таким образом, к VIII–IX вв. наблюдается — за счет отмирания множества отдельных поселений — образование

крупных феодальных центров с развитой системой обороны оазиса крепостями...»¹

Сегодня Ю. А. Заднепровский после новых многолетних раскопок подтверждает, что намеченные А. Н. Бернштамом принципиальные пути сложения феодального Оша правильны, настало время обосновать их конкретными данными и проследить по материалам вновь раскопанных курганов, поселений и городищ.

Но если древнейшие, античные памятники активно выявляются, то в отношении средневековья это еще предстоит сделать, ибо «раннесредневековые памятники, непосредственно предшествовавшие появлению средневекового города, еще не известны»². Археологически средневековый Ош практически исследован мало, так как последующие постройки поглощали существовавшие ранее «культурные» слои. Город рос и развивался на одном и том же месте. Поэтому археологическое изучение становления города Оша — дело настоящего и предстоящего будущего. Можно лишь предположить, что оформление Оша в крупный средневековый город, третий по величине в Фергане, произошло, как и других известных среднеазиатских городов того времени, путем объединения ряда небольших поселений, существовавших ранее на его территории.

А пока нашими основными указателями в историю средневекового Оша будут письменные источники, данные нумизматики и эпиграфика.

Средневековье для территории Кыргызстана, входившей в состав тюркских, а затем караханидских каганатов, связано с важными внешнеполитическими событиями, наложившими отпечаток на всю последующую историю края.

¹ Бернштам А. Н. Историко-археологические очерки Центрального Тянь-Шаня и Памиро-Алая // МИА. — 1952. — № 26. — С. 249.

² Заднепровский Ю. А. Ошский оазис в древности. — С. 59.

И одно из них — арабское завоевание Средней Азии VII—VIII вв. Будучи само по себе сложным и противоречивым явлением, оно имело и столь же неоднозначные последствия для развития здесь городской жизни. «С одной стороны, арабское завоевание и сопутствующие ему события принесли (особенно для Мавераннахра) разрушения производительных сил, и с другой, — последовавший период политической стабилизации и вхождения в систему централизованного организма халифата способствовали как бы второму циклу урбанизации Средней Азии, наблюдаемому в IX—X вв.»¹

Отмеченные историками-медиевистами и археологами характерные черты этого исторического периода и его события так или иначе наложили свой отпечаток и на судьбы раннефеодальных городов Ферганы, в том числе Оша и Узгена. Однако из-за общей скудности письменных источников и некоторой односторонности сочинений арабо- и персоязычных авторов, фрагментарности приводимых ими сведений о городах и селениях на юге Кыргызстана пока можно лишь предположительно говорить об отзвуках некоторых событий и переменах в городской жизни Оша, связанных с арабским завоеванием и его отдаленными последствиями.

По страницам сочинений средневековых географов

Об Оше как «городе» Ферганы упоминает первый арабский географ, произведения которого дошли до нас — Абу-л-Касим Хордадбех (820—912/13 гг.) В его «Книге путей государств», составленной в 232 г. х. (846/47) сообщается:

¹ *Массон В. М.* От редактора / А. М. Беленицкий, И. Б. Бентович, О. Г. Большаков // Средневековый город Средней Азии. — Л., 1973. — С. 4.

от города Оша до Узгена (Узгенд — у средневековых авторов) семь фарсангов или один большой переход (1 фарсанг равен 6—7 км).

Вслед за ним другой арабский географ Абу-Бакр Исхак ал-Хамадани (по прозвищу Ибн ал-Факих) — автор «Книги стран» («Китаб ал-булдан», написанной примерно в 902 г.) повторяет сведения Ибн Хордадбеха с уточнением, что в городе Оше «имеются укрепленные башни».

Но более подробные, пожалуй, самые основательные сведения об Оше из сочинений арабских географов приводятся у знаменитого путешественника Ибн Хаукаля (X в.). Он, в частности, отмечает, что Ош — город большой, Узгенд в сравнении с ним на треть меньше. В Оше — населенная медина, или шахристан (внутренний город), и цитадель, в последней расположены дворец эмира и тюрьма (что симптоматично!). У медины есть рабад (предместье), окруженный стенами, которые смыкаются с горой (Сулеймана). На горе — сторожевой пост, с него ведется наблюдение за окрестным кочевым тюркским населением, которое в отличие от горожан было еще немусульманским. Город имел трое укрепленных ворот, называемых воротами Горы, воротами Воды (или Реки) и воротами Мугкеде (т. е. «Ворота храма огнепоклонников»). Рядом с Ошом находился другой небольшой городок Медва (Мады)¹.

Соседний Узген, имевший цитадель, укрепленную медину и рабад, был пограничным городом — «торговым пунктом у ворот тюрков».

Город Ош стоял на одной из ветвей древнего трансконтинентального торгового тракта, соединявшего Восток с Западом, — на Великом шелковом пути. Торговля городов Ферганы с Восточным Туркестаном шла по этому ответвлению — через город Ош, его город-спутник (или крепость?)

¹ Бартольд В. В. Туркестан в эпоху монгольского нашествия // Соч. — Т. 1. — М., 1963. — С. 212—213.

Мады, и далее на Алай. Но можно было проехать и из Оша через Узген — Центральный Тянь-Шань к озеру Иссык-Куль и уже оттуда в Восточный Туркестан. Это определяло и значение Оша как торгового центра и транзитного пункта в средневековье.

Последний представитель классической арабской географии X в. Макдиси (ал-Мукаддаси, ок. 946/47—1000 гг.) в своем знаменитом труде «Лучшее разделение для познания климатов», составленном для правителей-Саманидов, дополняет эту картину раннесредневекового Оша. Здесь, по его сведениям, много каналов. И вообще город большой и благоденствующий. В нем много рынков, среди них — большая соборная мечеть. В городе большой рабад, к которому стекаются многие люди со всех сторон¹.

В географических сочинениях отмечались также обширность и благоустроенность Оша, указывалось, что город преуспевающий и «благоденствующий», густо населен. Этот богатый город изобилует доброй водой из реки Оша (Ак-Буры), подающейся по во множестве искусно устроенным самотечным каналам («блага его многочисленны и воды его обильны»), В городе имелся большой караван-сарай, к которому направлялись желающие со всех сторон, — так лаконично дополнял своих предшественников Макдиси. Впоследствии жители Оша называли свой город «лучшим из городов»².

В пространственно-планировочной структуре Оша, как и других среднеазиатских городов раннего средневековья, косвенно отразилась социальная стратиграфия городского населения, о которой в источниках прямо не говорится.

¹ См.: Караев О. Арабские и персидские источники IX—XII вв. о киргизах и Киргизии. — Фрунзе, 1968. — С. 81.

² Зимин Л. Мусульманское сказание о городе Оше: Протоколы заседаний и сообщений Туркестанского кружка любителей археологии (11 декабря 1912—4 марта 1913 г.). — Ташкент, 1913. — С. 12.

Подобно другим крупным ферганским городам Ош состоял из трех отдельных, хотя функционально и связанных между собой частей средневекового города: цитадели, шахристана и рабада.

Административно-политический центр города, расположенного на горном склоне, составляла крепость, или цитадель, — резиденция правителя (эмира) Оша и его округа. По сравнению с другими частями городов X—XII вв. цитадель обычно занимала небольшую площадь. В Оше под защитой ее стен, над которыми возвышалась сторожевая наблюдательная башня, находились эмирский дворец, выделявшийся среди построек, занимаемых его личной охраной и слугами, и непременно тюрьма — зиндан. Видимо, в крепости был и монетный двор, где хранилась казна владетеля.

За стенами цитадели лежали окружавшие эту наиболее укрепленную часть Оша кварталы внутреннего города. В источниках отмечалась их благоустроенность. В персидском (расширенном) переводе сочинения «Китаб масалик ал-мамалик» (букв. «Книга путей государств») арабского автора X в. ал-Истахри говорилось: «Ош равен (по величине) Кубе. Шахристан и кухендиз (центр города) там благоустроенные, дворец эмиров и тюрьма (находятся) в кухендизе. В шахристане — рабад. Рабад обнесен стеной, а стена доходит до горы, на которой выставляются караульные; они ведут наблюдение за туркестанскими войсками. В Оше трое ворот: «Дарваза-йи Кух, Дарваза-йи Аб и Дарваза-йи Мугкеде»¹.

Письменные источники подтверждаются материалами археологических раскопок средневекового города. О его культуре говорят, в частности, и находки водопроводных керамических труб, которые обнаруживаются в наши дни

¹ *Истахри*. Китаб Масалик ал-Мамалик / пер. с персидского З. Н. Ворожейкиной // *Материалы по истории киргизов в Киргизии*. — Вып. 1. — М., 1973. — С. 31. (Далее — МИКК).

в различных местах города. Подробная планировка раннесредневекового Оша неизвестна. Но в восточных городах этого и позднейшего времени главные улицы обычно шли от ворот к воротам в стенах, окружавших внутренний город. Внутри же городских кварталов за глинобитными стенами-дувалами находились дома и надворные постройки городской феодальной знати, зажиточных земледельцев и крупного купечества. Здесь же, на территории шахристана, среди шумных и многолюдных базаров, устраиваемых большей частью вблизи городских ворот, выделялась из прочих сооружений соборная мечеть с высившимся рядом минаретом. В разных местах города находились квартальные мечети и духовные учебные заведения — медресе.

К стене, опоясывающей внутренний город, примыкало обширное предместье, или рабад, — внешняя часть города, выполнявшая те же функции, что и посад в древнерусских городах. Застройка в нем производилась всегда более скученно, чем в цитадели и шахристане, хотя все эти три части древнего Оша были многолюдны (в источниках — «населены»). Здесь стояли дома, мастерские и лавочки ремесленников и мелких торговцев. Лепились друг к другу такие же несложные глинобитные жилища простых земледельцев и другого мелкого люда, стоявшего на низших ступенях социально-имущественной лестницы феодального города среднеазиатского Востока. За городской стеной находились посеы (в источниках — «плантации») и выпасался скот горожан, охранявших их от кочевников, за которыми велось наблюдение с вершин Ошской горы.

История Оша и других городов Ферганской долины в IX—XII вв. связана с ростом здесь производительных сил, развитием ремесла и торговли в тот период. Наиболее ранние упоминания об Оше с информацией о расстояниях между ним и близлежащими населенными пунктами по торгово-караванным путям содержатся в сочинениях арабоязычных авторов (путешественников, историков,

географов) — упомянутых Ибн Хордадбега, Ибн ал-Факифа, Кудама ибн Джафара и др. Причем у последнего сказано об Оше: «...а это большое селение». Расстояние от г. Куба до Оша определялось в один большой переход, или 7 фарсангов, до Мады — всего в 2 фарсанга, до Узгена — в один дневной переход.

Сравнительно более подробные сведения о г. Оше, а также о роли и месте подобных городских центров в общеполитическом устройстве раннесредневековой Ферганы находим у других авторов арабской, так называемой классической школы, в частности, в краткой арабской редакции «Книги путей государств» ал-Истахриза «В Фергане есть несколько областей, в каждой из них — большое число городов, у каждого из этих городов — рустак (сельская округа, рабад. — *авт.*), в котором многочисленные селения»¹.

На периферии Караханидского каганата

В конце IX и в X в. Ош уже занимал видное место среди городов и крупных селений Восточного Приферганья. Современники считали его третьим по величине городом в ферганском владении Саманидов — после столичного центра г. Ахсикет и большого (по размерам) города Куба (ныне Кува).

Рабад, как и в других ферганских городах IX–XII вв., был средоточием торгово-промышленной деятельности Оша. Ведущее место в городском ремесле занимало гончарное производство, хотя, судя по археологическим находкам и сведениям письменных источников, были развиты также различные виды строительных ремесел, кузнечное дело и др. Продукция ошских, как и других среднеазиатских

¹ *Истахри*. Китаб Масалик ал-Мамалик / пер. с араб. Л. З. Писаревского // МИКК. — С. 20.

гончаров того времени, отличалась (судя по многочисленным археологическим находкам) большим разнообразием форм и разного назначения изделиями, сработанными на гончарном круге: от больших емкостей — хумов для зерна, воды или вина до небольших сфероконических сосудов для хранения ртути и ароматических масел. Столь же многообразно было и украшение керамических предметов, покрывающихся глазурью и цветным орнаментом с различными мотивами.

Одна из гончарных мастерских с массой полых керамических сфероконусов, покрытых штампованным орнаментом, была обнаружена при рытье котлована под фундамент гастронома «Ширин», что на современной улице Свердлова. Археологический надзор осуществлялся Е. В. Дружининой — научным сотрудником Ошского областного краеведческого музея. В других местах на территории города также попадались прекрасная поливная посуда, различные изделия из металла, дерева, кожи, тканей IX—XII вв., реже — XIII столетия, многие из которых бережно хранятся в музее г. Оша.

Ремесленниками-строителями, трудом зависимых от феодалов городских низов и, видимо, тюркских рабов, здесь, как и в других ферганских городах, возводились укрепления, дворцы для знати, мусульманские культовые сооружения и медресе новой архитектуры, караван-сарай, постоянные дворы, водоемы, бани, проводились арыки, строились мосты, прокладывались дороги. Об ошских ремесленниках, как и вообще о демографии городского населения, его этнорелигиозной принадлежности, социальном и профессиональном составе можно лишь делать более или менее обоснованные предположения, исходя из лаконичных строк письменных источников. Но сами вещественные остатки их творений говорят о трудолюбивых и умелых руках непосредственных производителей, о мастерстве ошских ремесленников, о высоком уровне

строительного дела и других сфер материальной культуры. Косвенно об общественно полезной деятельности и отчасти о положении городских ремесленников можно судить по восторженному стихотворению поэта XI в. Назира Хисроу «Хвала ремесленникам»:

Ремесленник! Нет в мире лучшей доли —
Не царь, но и не раб. Всегда на вольной воле.
Стучит он или шьет на трудовой скамье,
Но вечером поет в своей родной семье.
Пускай не каждый год по горло сытым ходит,
Но умножает он все то, что производит.
Избавлен от судьбы вселяющего дрожь,
Он также не дрожит пред пышностью вельмож.
Под молотом его золотые искры мчатся...
Тачает или шьет, варит или грохочет,
Он низменных страстей не знал и знать не хочет...
Трудолюбив, шутилив.
Общительного нрава
Осанна ремеслу! Ремесленнику слава!
Нет! Равного ему не сыщите нигде!
Ведь и самим царям нужда в его труде!¹

Ремесленники изготавливали разнообразные изделия для горожан, выносили их на базар для приезжих купцов. Помимо торговых рядов, множества лавок и лавочек мелких торговцев неперменной принадлежностью среднеазиатских базаров являлись также небольшие ремесленные заведения по изготовлению предметов домашнего обихода и национальных блюд, а также складские помещения, караван-сарай. Здесь как раз и происходил обмен продукцией

¹ Цит. по кн.: Гулямова Э. Хульбук — столица Хутталя. — Душанбе, 1969. — С. 56.

между торгово-ремесленным людом города и окрестными кочевниками-тюрьками.

Шумен восточный базар! Чего только здесь нет: душистые местные дыни и полосатые халаты, простейшие предметы быта, изысканнейшие лакомства и драгоценные камни, китайские шелка и бадахшанская бирюза. Блеяние овец перекрывают зазывающие голоса лавочников. Степенные менялы-ростовщики тихо шепчутся с иноземными купцами. Надрывно кричат и кривляются дервиши. Со всего мусульманского Востока стекаются на поклонение к Сулейман-горе паломники, страждущие излечения, молящие о наследниках. Но и их путь обязательно лежит через базар — благо он раскинулся рядом, почти у подножья горы.

Большой торг вели крупные купцы самых разных национальностей, постоянно проживавшие в Оше. Здесь узбеки и арабы, таджики и индусы, уйгуры и кыргызы и др¹. Они поставляли предметы роскоши, в том числе иноземного производства, в ошский замок, для военно-феодальной и духовной знати, владельцев загородных дворцов, поместий и обширных садов. Можно предполагать участие ошских торговцев в межрайонной и международной торговле. Не случайно в арабских дорожниках — своеобразных маршрутных путеводителях для тароватого восточного купечества — отмечены важнейшие торговые пути и расстояния между Ошом и городами Медва (Мады), Куба, Ходжент и Узген. Все они стояли на некогда очень оживленном тракте Великого шелкового пути — трансконтинентальной торговой трассы, связывавшей государства Запада, в частности Римскую империю, со странами Востока — Китаем и Индией.

¹ См.: Мокрынин В. П. Торговые связи Киргизстана (VI—X вв.) // Арабо-персидские источники о тюркских народах. — Фрунзе, 1973. — С. 105–106, 122.

Знаменитый поэт караханидской эпохи уроженец Кыргызстана Юсуф хас-хаджиб ал-Баласагуни, или короче — Юсуф Баласагуни (1015/16—1069/70), так восхвалял купцов своего времени:

Еще есть торговцы; и ночью и днем
В заботе они о доходе своем.
В исканьях дохода весь свет им — дорога.
В скитаньях они уповают на бога.
И с ними ты добрую связь береги:
Давай им, что просят, наладь на торги.
Нужны они миру, о том не забудем,
От края до края лежат их пути,
Что б мог ты желанную вещь обрести.
И тысячи тысяч сокровищ вселенной
Найдешь ты, о мудрый, в их ноше бесценной¹.

Искусные изделия ферганских ремесленников через Ош и Узген, а далее через горные перевалы перевозились в Восточный Туркестан (Кашгарию), а затем во Внутренний Китай. По древним караванным дорогам, через рынки Мавераннахра в Западную Европу отправляли шелк, серебро, скот и продукцию животноводства, а кроме того кошмы, сибирский мед, пушнину и даже рабов. В международных торговых отношениях немаловажное значение имели торговля мехами и употребление серебряных монет — дирхемов. Медные же монеты — фельсы, в том числе выпущенные ошским и другими монетными дворами среднеазиатских городов, обращались на местных рынках.

Контролируя подступы к ферганским и алайским горам и проходящую через город торгово-караванную дорогу, Ош благодаря своему географическому положению на восточной

¹ *Баласагунекий Юсуф*. Благодатное знание / Издание подготовил С. Н. Иванов. — М., 1983. — С. 337—338.

окраине Ферганы служил важным опорным пунктом в борьбе мусульманских правителей — Саманидов — против тюркских племен Тянь-Шаня. По-видимому, Ош обладал довольно мощными укреплениями, ибо в X в. его цитадель и шахристан, в отличие от других ферганских городов, не были разорены. Двойной, а местами тройной пояс стен с башнями и надвратными укреплениями служил защитой горожанам от нередких нападений беспокойных соседей — оседлых и кочевых феодалов. Попасть в сам город можно было лишь через трое укрепленных ворот. Причем они носили весьма характерные, отражающие местоположение и особенности города, названия: Горные, Речные (со спуском к реке) и Мугкеде, или «Ворота храма огнепоклонников». Название последних ворот — один из отзвуков древней религии зороастризма, исповедовавшейся лишь частью ошских горожан, поскольку к X в. ислам стал господствующей религией оседло-земледельческого населения Ферганы.

Роль внешних укреплений для Оша выполняли окрестные оседло-земледельческие поселения (как и вокруг городов Узгена и Кубы). Кроме того, к юго-востоку от Оша находился и городок Медва (Мады) с первоклассной по тем временам крепостью. В отличие от Оша вокруг Куба и Узгена городов не было.

В X в. Ош, как и Узген, служил одним из форпостов исламизированной Ферганы на границе саманидских владений с территорией тюрков-кочевников, за которыми стояли тогда правители Караханидского каганата. Возникший в Семиречье и Восточном Туркестане Караханидский каганат вскоре расширил свои владения до Ферганы, где город Узген явился как бы его второй столицей. Естественно, что взоры завоевателей тут же обратились на богатый Ош, мысли их были направлены на то, чтобы отнять город у Саманидов. В борьбе за Ош, как важный экономический и политический центр, враждующие стороны пытались

завладеть примыкающей к городу с запада Сулейман-горой — удобным наблюдательным пунктом, высылая туда аванпосты. Военственно настроенные горожане обозревали с горы окрестности, следя за передвижением лазутчиков и передовых конных отрядов тюрков-кочевников, используемых Караханидами в качестве ударной силы. Тюркские же военачальники, в свою очередь, вытеснив ошцев с горы и сбив их передовые караулы, с вершины Сулейман-горы могли видеть богатый и укрепленный Ош, наблюдать за скоплением в ошском рабаде прибывших туда газиев — «защитников веры» ислама.

Но кочевники были не только неустанными воинами-завоевателями. Это были и рядовые искусные труженики, гимн которым воздал в своей знаменитой поэме караханид Юсуф Баласагунский:

Еще скотоводам отличья даны,
Пасут они в долах стада-табуны.
Они все — бесхитростный, праведный люд,
И людям от них — ни несчастий, ни смут.
Одежда, еда, кони — все из их стад.
Они же и вьючных животных растят.
Кумыс, молоко, сыр и творог,
Подстилки и седла их — все тебе впрок.
И все это — пользы великой мужи,
И ты их доверье добром заслужи!
Корми их, пои, с ними близко водись,
И с правдой дано тебе в жизни сойтись.
Что спросят — давай им, что нужно — возьми,
Я видел: у них нету лжи меж людьми.
Неведом закон им, они не мудры,
Но вольною ширью поступков щедры¹

¹ Хас-Хаджиб Юсуф. Наука быть счастливым. — М., 1971. — С. 339.

³ Том VI. В. М. Плоских

Вторая половина X в. для Ферганы — время межфеодалных раздоров и дворцовых переворотов среди представителей правящей в Самарканде и Бухаре Саманидской династии. В 992 г. владетель Баласагуна (что близ современного г. Токмак) и Тараза (современный Джамбул) караханид Харун Богра-хан вторгся в пределы Саманидского государства, включавшего владения от Бухары и Самарканда до Узгена, и разгромил его войска, но из-за болезни вынужден был отойти в свои владения, где и умер в конце 992—начале 993 г. Среди Саманидов продолжались кровопролитные столкновения за престол, после которых в феврале 999 г. на престол был возведен Абдулмалик ибн Нух. Но уже в октябре этого же года новый караханидский правитель Наср ибн Али прошел через всю Фергану и хитростью, почти без сопротивления занял Бухару. Абдулмалик ибн Нух, правитель Бухары Бегтузун со всеми своими родственниками были захвачены в плен и отправлены в заточенье в Узген¹. Караханидский историк Бейхаки описал это следующим образом: «Из Узгена примчался илиг Бул-Хусайн Наср, сын Али. В первый день месяца зу-л-када сего года (389 года хиджры, т. е. 14 октября 999 г.) он явился в Бухару и представился так, будто пришел изъявить покорность и оказать помощь. Через день Бегтузуна внезапно схватили со многими предводителями и заковали. Повелитель Хорасана спрятался; его тоже схватили со всеми братьями и родственниками и в балдахинах увезли в Узген»².

Так произошло падение некогда могущественной династии. С 999 г. здесь устанавливается господство

¹ См.: История Самарканда. Т. I. С древнейших времен до Великой Октябрьской социалистической революции. — Ташкент, 1969. — С. 145–146.

² Цит. по кн.: Караев О. История караханидского каганата (X—нач. XIII вв.). — Фрунзе, 1983. — С. 123.

Караханидов, государство которых разделялось на ряд уделов во главе с илек-ханами. Ош первоначально вошел в удельное владение основателя Караханидской династии Насра ибн Али (правил с 990 по 1013 г.), а затем — в состав удела его брата Ахмада ибн Али.

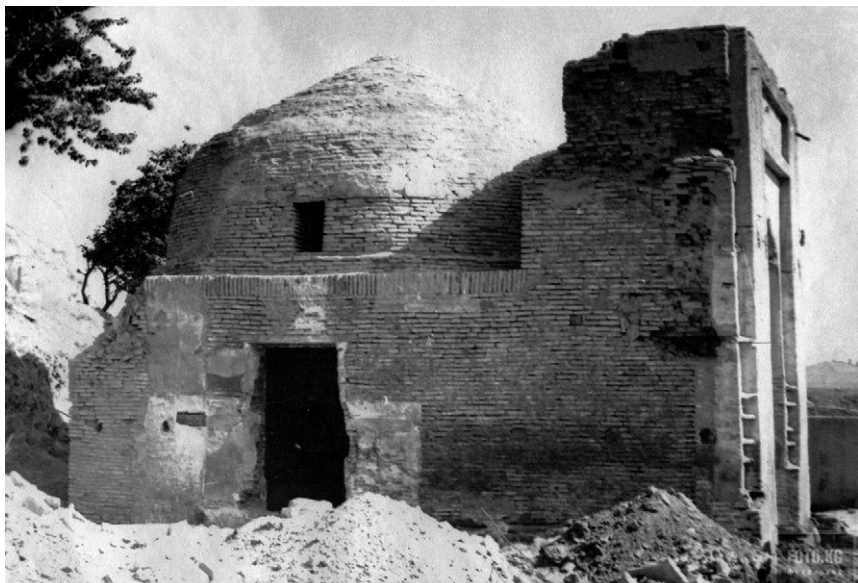
Эти факты из политической истории Оша начала XI в. стали ясны после прочтения имен караханидских правителей на деньгах, отчеканенных на монетном дворе в Оше. В 1978 г. фрунзенским нумизматом М. Н. Федоровым был обнаружен и впервые введен в научный оборот серебряный дирхем узгенского чекана западнокараханидского правителя Хизр-хана — единственная монета данного правителя из примерно 16 тыс. дошедших до наших дней караханидских монет. Летом 1983 г. на территории Тянь-Шаньского городища Ширдадбек археологом М. И. Москалевым был найден второй такой же дирхем Хизр-хана, но битый уже не в Узгене, а в Самарканде¹. Первый датировался 473 г. х. (1080/81 г.) и свидетельствовал о начале правления Ахмада ибн Хизра, второй — 479 г. х. (1086/87 г.) — отодвигал на несколько лет время правления этого малоизвестного в исторической литературе западнокараханидского правителя. Таким образом, было установлено, что Хизр-хан в XI в. владел не только Мавераннахром, с городами Бухарой и Самаркандом, но и Ферганой, с ее восточным крайним пунктом Узгеном, что в эти годы в его владения входил и город Ош. Так нумизматы внесли новое слово в науку, благодаря двум монетам Хизр-хана, найденным лишь на территории Кыргызстана. Эти данные свидетельствуют, что в конце XI столетия города Ферганы поддерживали торговые связи с Тянь-Шанем (крепость Ширдак-бек — в самом центре Тянь-Шаня).

¹ Федоров М. Н. Второй дирхем Хизр-хана // Из истории дореволюционного Киргизстана. — Фрунзе, 1985. — С. 147—152.

Узген в источниках упоминается и позже, в связи с различными политическими событиями вплоть до начала XIII в., но сведения об Оше исчезают. Ему была отведена второстепенная роль. Политическое и культурное первенство перешло к Узгену, ставшему и знаменитой усыпальницей караханидских правителей.

От раннесредневекового Оша, в отличие от Узгена, не сохранилось величественных памятников монументальной архитектуры периода Караханидского каганата. Однако, как видно из арабских надписей на надгробных плитах — кайраках и из средневековых рукописей, из Оша происходят видные для своего времени мусульманские правоведы. Одним из них был Али ибн Осман, носивший почетное прозвище «Светоч веры» — автор сборника юридических и бытовых норм, а также судебных решений (569 г. хиджры, т. е. 1173 г. н. э.). Ему же принадлежат «Книга лучших известий и стихотворных жемчужин», сборник 1000 хадисов (изречений пророка Мухаммеда). Но наибольшую популярность приобрели его «Касыды» — короткие стихотворные изложения основ исламской догматики, известные по многим рукописным копиям. Сведения об Али ибн Османе — уроженце раннесредневекового Оша нам любезно предоставил Санкт-петербургский востоковед А. Б. Халидов — участник первой полевой археографической экспедиции, занявшейся с 1976 г. поиском на территории Кыргызстана старинных рукописей и книг. О них мы расскажем ниже.

И, наконец, об энциклопедическом словаре одного из последних «классических» географов арабского мира — Йакута (около 1179–1229 гг.). В статье об Оше Йакут отмечает, что это большой город, он окружен стеной, примыкающей к горе, и имеет четверо ворот. Раньше географы упоминали лишь о трех воротах города. На Сулейман-горе по-прежнему был дозорный пункт стражи против тюркокочевников. Йакут пишет о плодородных землях в городе и округе, называет знаменитых ученых и теологов из Оша,

Мавзолей Бурхия

побывавших в Мекке, Багдаде, Бухаре. Это — Омар ибн Муса ал-Оши, это — Имран и Масуд — сыновья Мансура ал-Оши, известного законоведа, умершего в 1125 г., это — Мухаммад ибн Ахмад ибн Али ибн Хамид Абу Абдаллах ал-Оши, который, совершив паломничество к «святым местам» — хадж, читал лекции в Багдаде в 1215/16 г. х. и умер в Бухаре (в следующем году).

Словарь Йакута и сегодня — серьезнейший научный источник, к сожалению, еще мало используемый по истории Кыргызстана. В свое время академик И. Ю. Крачковский писал именно о словаре Йакута: «В науке наших дней его книга живет и служит каждодневным авторитетным пособием»¹.

¹ Крачковский И. Ю. Избранные соч. — Т. IV. — М.; Л., 1957. — С. 342.

Другие арабские сочинения XIII в. при описании г. Оша все более выделяют его как один из мусульманских центров Ферганы на границе с кочевниками, упоминают имеющиеся здесь гробницы «святых» и деяния местных шейхов. Характерно в этом отношении сочинение среднеазиатского ученого и поэта Мухаммада Джалал ад-Дина Карши (род. 628 г. х., т. е. 1230/31 г.) «Мулхакат ас-Сурах» («Прибавления к словарию «Сурах»). Это единственный источник по истории Средней Азии, написанный местным жителем в эпоху монгольского владычества. Мухаммад Карши родился в Алмалыке, много путешествовал, встречался с местными знаменитостями в Ходженте, Ташкенте, Оше, Фергане и свой основной труд написал в Кашгаре. Из ошских достопримечательностей Мухаммад Джалал ад-Дин Карши удостоил упоминания в своем сочинении мазары святых и праведников и «рядом с другими могила Асафа ибн Бурхия — везира Сулаймана ибн Дауда». Мавзолей Бурхия у подножья Сулейман-горы сохранился до наших дней.

Под копытами кочевников

Все сокрушающие орды чингисханового воинства сыграли свою отрицательную роль и в жизни Ферганской долины и Восточного («кыргызского») Приферганья. Значительно сократилось после их нашествия в начале XIII в. число городов и селений. Если арабоязычные авторы IX—XII вв. насчитывали здесь 40 ферганских городов (в их числе Ош) и крупных селений с соборными мечетями, то в XV в. в источниках упоминается уже менее десятка городов¹. Пришли в упадок производительные силы. Но, что касается Оша,

¹ См.: Баевский С. И. Географические названия в ранних персидских толковых словарях (XI—XV вв.) // Страны и народы Востока. — Вып. 22. — М., 1980. — С. 84—88.

то, судя по всему, город не был полностью разрушен, так как изредка сведения о нем все же встречаются в источниках. Тем не менее история Оша времени монгольского владычества в Фергане почти не известна. До нас дошли лишь отдельные, вырванные, обгоревшие в пламени веков, страницы истории города. Со второй половины XIII в. Ош с округой входил (как и вся Фергана) в восточную часть владений улуса Чагатая, а затем около двух столетий принадлежал его династии. Монетные дворы в Оше и Узгене эпизодически действовали как при Чагатаидах (известен фельс 687 г. х.—288 г. ошской чеканки), так и в период правления Тимура и Тимуридов¹.

Археологических находок XIII столетия из Оша крайне немного. На первое место выступают сведения о захоронениях мусульманских «святых». Как видно из эпитафий на кайраках, уроженцы Оша в средние века носили нисбу — прозвище «ал Уши» («ал Оши») — «из Оша». Это один из отзвуков некогда важного значения города Оша.

Иранский поэт середины XIV в. Шамс ад-дин Фахри Исфакхани в своем толковом словаре «Майиор-и Джамали» («Джамилов эталон») город Ош причисляет уже к селениям («Уш — селение...»), что является прямым свидетельством упадка городской жизни в Оше после монголо-татарского нашествия².

В составе Моголистана

В начале XV в. в восточных хрониках Ош отмечается в связи с походом внука Тимура — Улугбека против ферганского

¹ Бартольд В. В. Улугбек и его время // Соч. — Т. II, ч. 2. — С. 100.

² Заднепровский Ю. А. Типология и динамика развития поселений древней Ферганы // Древний город Средней Азии : Краткие тезисы докладов. — Л., 1973. — С. 20.

правителя Ахмеда. Вытесненный Улугбеком из Ферганы в Моголистан эмир Ахмед вновь возвратился с полученным от монголов войском и после ухода Кутубека с основными силами разбил при Оше оставленные им отряды¹. Позднее упоминания о городе встречаются в «Тарих-и Рашиди» — летописной «Рашидовой истории» мирзы Мухаммада Хайдара при описании феодальных усобиц в крае, когда каждый из могольских и тимуридских сановников — правителей Оша и его округи — стремился превратить пожалованную ему должность и владение в наследственные. Однако такие попытки мало кому из них удавались. Неудачи постигли и деда Мухаммада Хайдара — одного из приближенных моголистанского Вейсхана, и самого автора «Рашидовой истории» — феодала из знатного тюрко-монгольского рода дуглат. Под его властью длительное время в числе других земель находился и юг Кыргызстан.

Столь же немногочисленны и сведения о хозяйственном развитии Оша в этот период. Медные монеты, найденные на Сулейман-горе в Оше и опубликованные М. Е. Массоном, свидетельствуют о тесных торгово-экономических связях в XV в. между городами Восточного Туркестана и Средней Азии, переживавшей вновь кратковременный период хозяйственного оживления. Причем выясняется также довольно заметная роль Оша в среднеазиатско-кашгарской торговле. На рынках Оша в третьей четверти XV в. обращались медные монеты тимуридского и кашгарского чекана. Характерно, что в ошском кладе, обнаруженном в 1953 г., преобладали монеты, битые в Бухаре, Кашгаре и Восточном Туркестане. встречались и монетные кружки, отчеканенные в Орду, Ширазе, Герате, Хутталане и Самарканде. На монетах с надчеканом упоминаются также города

¹ См.: Давидович Е. А. Денежное хозяйство Средней Азии после монгольского завоевания и реформы Масудбека (XIII в.). — М., 1972. — С. 98, и др.

Самарканд, Карши, Термез и Шахрухия¹. Таков, по всей вероятности, и был круг торговых связей Оша к концу XV в., когда товарно-денежная торговля в Средней Азии достигла своего расцвета.

Из найденного на Сулейман-горе хорошего поделочного камня с белыми и красными прожилками искусные ошские ремесленники изготавливали ручки для ножей, пряжки для поясов и другие обиходные предметы. Из краснокорой древесины дерева табулгу, росшего в окрестных горах, для горожан мастерились клетки для певчих птиц (перепелок), для воинов и кочевников — колчаны для стрел, ручки для нагаек (камчи), для паломников — дорожные посохи.

Во второй половине XV в. Ош вместе с другими городскими центрами Ферганы входил во владения одного из феодальных правителей Тимуридов Омар-Шейха (правил в 1462—1494 гг.) — отца Захиреддина Мухаммада Бабура — будущий основатель династии Великих Моголов в Индии. В конце XV—начале XVI в. Ош являлся яблоком раздора, а подчас выступал платой за лояльность или услуги ослабевшим Тимуридам со стороны представителей военно-феодальной знати или могольских ханов. Во время феодальных междоусобиц окрестности Оша с усадьбами горожан и селениями, а также городские предместья неоднократно подвергались нападениям враждующих сторон. Захиреддин Бабур в «Бабур-наме», в частности, упоминал о набегах Ибрагим Бегчика — одного из противников Омар-Шейха — на окрестности Оша. Омар-Шейх, опасаясь нападения соперника на Андижан, вызвал в Фергану своего союзника Йунус-хана с моголами, предварительно пообещав ему Ош.

Как сообщал Мухаммад Хайдар в «Тарих-и Рашиди», в конце XV в. Ош кратковременно становится и ставкой одного из могольских ханов. В период межфеодальных

¹ Массон М. Е. Клад медных монет XV в из Оша // Эпиграфика Востока. — Вып. XIII. — М., 1960. — С. 111, и др.

усобиц правитель Моголистана Йунус-хан был призван на помощь владетелем Ферганы Омар-Шейхом, за что последний «встретил хана с подобающим почетом и уважением и передал хану вилайет Ош»¹. Хан остался зимовать в городе, а своих приближенных отослал в Моголистан. Ошский вилайет Йунус-хан отдал Мухаммад Хайдар-мирзе — тезке автора сочинения. Таким образом, поселившись в городе, Йунус-хан не пожелал затем его покидать, а уходя в Моголистан, оставил там своего наместника. Когда же моголы покинули Ош, Омар-Шейх изгнал из города Мухаммада Хайдара (1484 г.) и вновь направил в город своего наместника (даругу).

В этом сюжете обращает на себя внимание тот небезынтересный факт, что, оказывается, с историей средневекового Оша в какой-то степени связаны имена родителей автора знаменитого сочинения по истории Средней Азии «Тарихи-и Рашиди» Мухаммада Хайдара и автора «Бабур-наме» Захриддина Мухаммада Бабура. Омар-Шейх — тимурид, сын Абу Саид-мирзы, отец Бабура; род. в 860 г. х. (1455/56), погиб 4 рамазана 899 г. х. (8 июня 1494 г.). Мухаммад Хайдар-мирза — дуглат, отец автора «Тарих-и Рашиди».

Как можно судить по названным сочинениям, оба автора бывали в Оше, а Бабур оставил самое прекрасное его описание.

В конце XV—начале XVI в. город-крепость Ош играл определенную роль в ожесточенной борьбе за власть военно-феодальных группировок Мавераннахра и Моголистана. Их предводители — Тимуриды и Шейбаниды — втягивали в кровавые междоусобия горожан Оша и сельчан из его окрестностей, неся разорение и налоговый гнет для рядовых тружеников.

¹ *Мирза Хайдар*. Тарих-и Рашиди // Материалы по истории казахских ханств XV—XVIII веков (Извлечения из персидских и тюркских сочинений). — Алма-Ата, 1969. — С. 203.

«Бабур-наме»

Об этих событиях мы знаем гораздо больше, чем о других, благодаря первоклассному источнику — «Бабур-наме». Автор этих записок (мемуаров) Захиреддин Мухаммад Бабур (1483–1530 гг.) был одним из представителей династии Тимуридов, вкусившим сладость власти в Андижане, а затем горечь изгнания и, наконец, ставший удачливым завоевателем, основателем обширной империи Великих Моголов, включающей в себя Индию и Афганистан. Но не этим прославился в культурном мире тимуридский наследник, не за военные подвиги и завоевания отмечали по решению ЮНЕСКО в 1983 г. полутысячелетний юбилей Бабура во всем мире. Чествовали не жестокого завоевателя, а талантливого ученого, прекрасного поэта и историка, автора ценного исторического первоисточника — «Бабур-наме».

Бабур хорошо знал город Ош и оставил о нем немало лестных строк. Сам Бабур родился в соседнем Андижане. Его отец Омар-Шейх — правнук «железного хромца» Тимура (Тамерлана) — был правителем ферганских владений Мавераннахра. Когда отец умер, двенадцатилетний Бабур занял его престол и наследовал ферганские владения. Но неудачная борьба с наступавшими Шейбанидами, феодальные междоусобицы вынудили Бабура покинуть родину и искать спасения в Кабуле. Здесь ему улыбнулась фортуна. Набрав в Афганистане армию, Бабур не стал искушать судьбу в Средней Азии и двинулся на завоевание Индии. Раздираемая межфеодальными усобицами, страна стала сравнительно легкой добычей завоевателя. Так в 1526 г. была создана империя Великих Моголов — централизованное государство, оставившее свой след в развитии Индии. Правил Бабур пять лет, жил в новой столице Агре, но очень тосковал по родине, часто вспоминал Андижан и другие города Ферганы, в том числе и Ош. И на склоне лет решил написать мемуары — «Бабур-наме», ставшие

замечательным литературно-художественным памятником и ценным источником по истории народов Средней Азии, Афганистана и Индии конца XV—начала XVI в. Как видно из мемуаров, Бабур не раз бывал в Оше, прекрасно знал город, а потому и описал его со знанием дела, подробно и достоверно.

Обратимся непосредственно к первоисточнику:

«Он (Ош. — *авт.*) стоит к юго-востоку от Андижана, в четырех йигачах (около 24 км. — *авт.*) пути, воздух там прекрасный, проточной воды много, очень хороша бывает весна.

...К юго-востоку от крепости стоит красивая гора, называемая Бара-Кух. На вершине этой горы Султан Махмудхан (чагатаид, могольский хан, убит в 1508 г. — *авт.*) построил худжру (беседку. — *авт.*) Ниже ее, на выступе горы, я тоже построил в девятьсот втором году (1496/97. — *авт.*) худжру с айваном (террасой. — *авт.*). Хотя его худжра стоит выше моей, но моя была расположена много лучше: весь город и предместья расстилаются под нею...

У подошвы горы Бара-Кух между горой и городом стоит мечеть, называемая мечетью Джауза. По склону горы течет большой ручей...

В области Ферганы нет города, равного Ошу по приятности и чистоте воздуха»¹.

Не без поэтичности Бабур описал природно-географические условия Оша и его ближайших окрестностей; вдоль высоких берегов реки, протекавшей через озелененные ошские предместья и собственно город, раскинулись фруктовые сады и роскошные цветники владетельных и богатых горожан, перемежавшиеся с полями, огородами и бахчами. Весною там благоухали фиалки, затем расцветали тюльпаны и розы. Чистый весенний воздух (о приятности которого ходили споры между жителями Оша и Кассана), обилие

¹ *Бабур*. Бабур-наме (Записки Бабура). — Ташкент, 1982. — С. 18–19.

проточной воды (речной и арычной), изобилие зелени, цветов и фруктов назывались как неперемненные достопримечательности средневекового Оша. О достоинствах города уже к началу XVI в. слагались целые предания.

В «Бабур-наме» упоминается еще сохранившаяся крепость — цитадель Оша, где располагалась резиденция правителя города и округа, а также вскользь говорится о других топографических объектах города и его окрестностей, славившихся обширными садами. Итак, мы видим, что к этому времени сохранялась традиционная трехчленная структура средневекового города (цитадель, шахристан и рабад с присущими им функциями). Конкретных же данных для суждения о территориальных размерах города сравнительно с домонгольским временем в письменных источниках не содержится, а археологических раскопок позднесредневекового Оша не велось, поскольку современный город построен на той же местности. Остатки средневекового пригорода Оша и двух крепостных ворот обнаружены при аэрофотосъемке Ю. А. Заднепровским.

В записках Бабура и сочинениях академика В. В. Бартольда, комментировавшего его информацию об Оше и использовавшего также другие восточные источники, приводятся лишь некоторые характерные детали о примечательных топографических объектах средневекового Оша, в том числе и о реке Ак-Буре (названной Бабуром р. Андижан, видимо, по общему направлению ее течения) и о становившейся все более известной «Ошской горе». И это нетрудно понять. Ведь вопросы водообеспечения наряду с земельными являлись для горожан (как и в предшествующие и последующие времена) жизненно важными. Речная вода самотеком поступала в 9 каналов (арыков), вырытых с учетом покато́й местности с юга на север и снабжавших город водой. Она полностью расходовалась на хозяйственные нужды, для орошения садов, огородов и полей. Главный арык из Ак-Буры назывался хоканским

(как и упомянутые южные ворота города — по-видимому, по названию местности Хокан, находившейся к югу от города). За широким магистральным арыком, через который трудно было переправиться вброд даже на лошадях, тянулась полоса холмистых адыров вплоть до внешних стен города, окруженных рвом с водой. По другую сторону рва пролегла мощенная камнем дорога, а за нею располагались загородные кварталы (махалля) обширных ошских предместий (рабада), поскольку собственно внутренним городом считался шахристан.

Бабур-наме

Ошская Сулейман-гора, названная в «Бабур-наме» Бара-Кух («свободная, одиноко стоящая гора», а в иных толкованиях — «красивая»), как и в предшествующие столетия, еще не включалась в территорию города. Но городская застройка уже, по-видимому, несколько приблизилась к ней.

На вершине этой горы с конца XV в. стояла каменная худжра, раньше считалось, что это худжра Султана Махмуда — чагатаида, убитого в 914 г. х., сына моголистанского правителя Йунус-хана. А ниже ее, на выступе, возвел якобы свою худжру с айваном и Бабур. Впоследствии первая худжра разрушилась, а за второй утвердилось название «Белый домик» или «Домик Бабура». Отсюда с высоты птичьего полета открывался вид на располагавшийся у подножья горы город с заселенными предместьями и близлежащие окрестности.

Но вот краеведы Оша вместе с ленинградскими учеными и фрунзенскими реставраторами в предюбилейный Год Бабура — 1982 г. — решили установить, так ли это. Выяснить это было непросто, потому что не сохранилась ни одна худжра. Однако удалось собрать все описания и фотографии домика, который обычно называли в литературе то мечетью, то мазаром мусульманского пророка Сулеймана.

Заметим, что у З. Бабура и у арабских географов X—XII вв. гора уже не фигурировала как трон библейского царя Соломона или горой мусульманского пророка Сулеймена (Сулеймен-тоо). Арабский ученый и поэт XIII в. Джемаль Карти, писал в упомянутом ранее сочинении о двух «небольших горах: Барака и Ханиаф».

Российский посол в Кокандское ханство переводчик Отдельного Сибирского корпуса Филипп Назаров в 1814 г. побывал и в Оше. «По правой руке на утесе упомянутой горы, — писал он о Тахт-и Сулеймане, — мы видели построенные два древние здания, под коими находится большая пещера... Здания сии никем не обитаемы»¹. В 1913 г. востоковед Л. Зимин, ученик В. В. Бартольда, опубликовал фото Сулейман-горы, на котором видны две постройки: одна на вершине горы, другая — на более низкой террасе.

¹ Назаров Ф. Записки о некоторых народах и землях Средней Азии. — М., 1968. — С. 49—50.

Проанализировав описания и фотографии, собравшиеся эксперты пришли к заключению, что «Белый домик», обычно приписываемый Бабуру, на самом деле постройка Султана Махмуда — дяди Бабура, правившего в Ташкенте. Он стоял под прикрытием скалы и сохранился дольше. А художра Бабура, располагавшаяся, по словам самого строителя, на выступе скалы, «несколько ниже, но зато с лучшим видом на город и предместье», разрушилась раньше, так как не была защищена от воздействия ветров и дождей¹.

Это надо иметь в виду, когда в отдельных публикациях и на фотографиях встречаешь так называемый «Домик Бабура» — сохранявшуюся до 1963 г. постройку, на самом деле представляющую собой художру Султана Махмуда.

На склоне горы, между садами и Ошом, при Бабуре действовала мечеть Джауза, с большим внешним двором, упомянутая в «Бабур-наме», видимо, из-за ее широкой известности. А несколько ниже, у трех водоемов, наполнявшихся из стекавшего с горы ручья, в тени деревьев отдыхали путники и паломники. Обычно популярные места поклонения на Востоке не обходятся также без михман-хана, заведения базарного характера, жилых и хозяйственных построек шейхов, эксплуатировавших культовые объекты. Все это, а также разросшееся кладбище у горы, где якобы находилась и почитаемая мусульманами могила визира пророка Сулеймана (Соломона), свидетельствует о несомненно большем освоении горы уже в XV в., чем об этом пишет сам Бабур. Последний, очевидно, знал и о других ошских преданиях, в частности религиозного характера — хадисах, например, о таких, как сфабрикованные местными шейхами легенды о пребывании якобы в Оше пророка, о будто бы оставленных им следах, и о его каменном

¹ Дружинина Е. Бывал Бабур в Оше // Ленинский путь. — 1983. — 12 августа.

троне (Тахт-и Сулейман), однако не упоминал их. Кстати, так же — Тахт-и Сулейман — именовался иногда в источниках в последующие века и сам город Ош. К сожалению, о жизни ошан, как и жителей других ферганских городов, а тем более о положении простого люда Захиреддин Бабур, а равно и его современник Мухаммад Хайдар прямо ничего не сообщают, но читатель понимает, что описываемые ими многочисленные усобицы феодальных правителей за власть в Фергане несли разорение простым горожанам и дехканам. Они в массовом порядке отвлекались от хозяйственных работ, нищали, а при попытке сопротивления грабегам «своих» и иноземных феодалов беспощадно истреблялись. И все же Бабур вынужден был обмолвиться о сопротивлении трудового населения Оша, Маргелана и других городов Ферганы феодальной эксплуатации, поборам и грабегам воинов, угону горожан и дехкан в ополчение враждующих между собой эмиров и их могольских союзников. Например, едва в 1499 г. эмир Султан Ахмед Танбал и Джахангир-мирза вступили с войсками в город, «как и в Оше, — писал Бабур, — чернь тоже подняла бунт. Людей Танбала здорово поколотили и выгнали из Оша»¹. Восставшие, надеясь, что Бабур будет «хорошим» правителем, сохранили крепость для него и послали к нему гонца с этим известием. Последующая попытка Танбала занять Ош также окончилась неудачей, так как жители восстали, изгнав его сторонников из города². Вскоре, однако, Ош был внезапно захвачен ночью братом эмира Танбала Халилом. Когда же в 1502 г. Бабур с могольским войском подступил к Ошу, жители его, не оказав сопротивления, сдали город. Их примеру последовали узгенцы, а потом и маргеланцы, изгнавшие своих правителей. Позже

¹ *Бабур*. Кн. 2. Бабур-наме. — С. 56—57.

² *Азимджанова С. А.* К истории Ферганы второй половины XV в. — Ташкент, 1957. — С. 42—43.

⁴ Том VI. В. М. Плоских

Бабур предпринял неудачную попытку утвердиться и в Самарканде. Однако вскоре жители Оша убедились, что новая власть, не стеснявшаяся в поборах и притеснениях, ничем не лучше прежней, тем более, что могольские воины считали себя вправе за помощь Бабуру «законно» грабить ошан. «Моголы, оставленные в Оше, Маргинане (Маргелан. — *авт.*) и других покорившихся мне крепостях, — писал Бабур, — вопреки надеждам народа, начали творить жестокости и насилия. Когда ханы ушли из-под Андижана, жители Оша и Маргинана напали на моголов, находившихся в крепости, схватили их, ограбили, побили и выгнали»¹. Таковы первые дошедшие до нас известия о народных выступлениях в Оше в эпоху средневековья, весьма скупо сообщаемые автором «Бабур-наме».

Ош и другие города и селения богатого и благодатного края, несколько окрепшие при Тимуридах, вновь продолжали служить ареной феодальных войн и усобиц, разрывавших трудовые массы города и деревни в XV—XVI вв.

Немногие нарративные (повествовательные) восточные источники содержат крайне скудные и отрывочные сведения об Оше и юге Кыргызстана в событийной политической истории этого времени, равно как о хозяйстве и социально-экономических отношениях ошских горожан и окрестных сельчан в XVI—XVII вв.

На хозяйственных занятиях и социально-экономическом развитии городского и сельского оседло-земледельческого населения крайне неблагоприятно отражались бесконечные внутренние раздоры ферганских феодалов, междоусобицы кочевой верхушки узбеков-шейбанидов с казахскими султанами и распри предводителей кыргызских родоплеменных подразделений с местными феодальными владельцами. Отзвуки этого находим в строках «правоверного» балхского мусульманина Махмуда ибн Вали об Оше

¹ Бабур. Кн. 2. Бабур-наме. — С. 77.

в первой половине XVII в.: «Временами в его окрестности переселяются кыргызские племена и мятежные казаки блуждают [там] подобно волку и грабят мусульман»¹.

Но особенно разорительными были многочисленные грабительские набеги могольских ханов из Восточного Туркестана на Андижан, Ош и Узген. Против в целом безуспешных вторжений в ферганско-семиреченские районы могольских ханов, чтобы удержать здесь бывшее временное господство, активно выступали с XVI в. тьянь-шаньские кыргызы. Они уже стали преобладающей народностью на Тянь-Шане и начинали играть активную, а нередко и главенствующую роль в политических событиях в Средней Азии и Восточном Туркестане.

Отдельные попытки ошских городских верхов, недовольных поборами и насилиями «своих», местных правителей, отдаться на ханскую милость и обрести покровительство более сильных иноземных владык кончались для Оша весьма трагично. Так было, например, и во время первого удачно сложившегося для моголистанского правителя Абдаллах-хана (1638–1668 гг.) похода на Ош. Когда Абдаллах-хан с многочисленным войском дошел до «Ошского перевала» (вероятно, перевал Карван-кул к югу от Оша на дороге Ош–Гульча), «жители Оша вышли встречать хана, который, войдя в Ош, пустил [город] на поток и разорение и возвратился к перевалу Катман-Тюбе»².

В конце XVI и XVII в. Ош — «укрепленное поселение»³ и один из центров Восточного («киргизского») Приферганья — вместе со своей сельской округой входил в «Ошский

¹ *Махмуд ибн Вали*. Море тайн, относительно доблестей благородных. — Ташкент, 1977. — С. 19.

² *Шах-Махмуд ибн мирза Фазил Чу рас*. Хроника. Критический текст, перевод, комментарии и указания О. Ф. Акимускина. — М., 1976. — С. 214.

³ Там же. — С. 219.

тумен»¹ Андижанского вилайета Моголистанского государства. Правда, по словам осведомленного и просвещенного современника Махмуда ибн Вали — библиотекаря правителя Балха аштарханида Наср Мухаммад-хана (правил в первой половине XVII в.), по поручению которого написал (в 1631—1641 гг.) сочинение «Море тайн», в первой половине XVII в. город Ош «был далек от благоденствия» из-за непрекращавшихся феодальных «смут», и не отличался, как в раннем средневековье в период Караханидов, «благоустройством». Зато Ошские «святыни» — Сулейман-гора и другие — получали стараниями местного исламского духовенства все большую известность в мусульманских странах Востока.

Сам город Ош, «как вторая Мекка» и другие окрестные населенные пункты (административно они составляли тогда Ошский тумен) до 70-х годов XVI в. передавались моголистанскими ханами, как значится в их грамотах, «с древних времен» в качестве земельного пожалования в условное владение («суюргал») светским чиновникам и духовным феодалам из Андижана, чаще всего мусульманским судьям — «казиям Андижанской области и Оша»².

Для ошских правителей (а в их числе бывал и главный судья области — кази-калан) — это пожалование в «суюргал» означало не только налоговый иммунитет, но и административно-судебный, о чем неоднократно извещались ханскими грамотами соседние феодалы и само население — «особенно вельможи, держатели приказов, шейхи и прибывающие окрестные люди, которые проживают в Андижане, прежде всего жители Чохортарака

¹ Тумен-туман — десять тысяч, воинское соединение в 10 тыс. человек. Также район, который мог выставить и содержать столько же воинов.

² *Набиев Р. Н.* Новые документальные материалы к изучению феодального института «Суюргал» в Фергане XVI—XVII вв. // Изв. АН УзССР. — Серия обществ. наук, 1959. — № 3. — С. 31.

и Оша...» А для труженников — ошан и жителей соседних кишлаков «суюргал» оборачивался усилением их эксплуатации каждым новым владельцем и ростом отчуждаемой части феодальной ренты. Причем жители Оша и окрестных селений в XVI—XVII вв. находились в постоянном страхе за личную безопасность и сохранность своего имущества.

В конце XVII—первой половине XVIII в. для усиливавшихся предводителей кыргызских крупных родоплеменных подразделений Ош становится собственным административным центром — их феодальной ставкой. Но это отнюдь не сулило гарантий безопасности горожанам Оша, не приносило им облегчения от налогового гнета, не спасало от насилия при взимании различных поборов. Городские укрепления Оша теперь уже не могли служить серьезной преградой для вооруженных отрядов враждующей между собой местной и иноземной военно-феодальной знати.

Против джунгарских завоевателей

Захвативший в 1638 г. Верховную власть в Моголистане (с центром в Яркенде) Абдаллах-хан с целью упрочить свое положение в государстве решил завоевать и соседние с Восточным Туркестаном горные районы Кыргызстана. После походов на Памир (в Болор и Бадахшан) Абдаллах-хан направляет свои войска в грабительские набеги на город Ош. Дважды кыргызы успешно отражали нашествие, но вскоре вынуждены были сдаться на милость победителя. Правда, завоевав Ош, Абдаллах-хан решил не расправляться физически с кыргызскими феодалами, а постарался склонить их на свою сторону и использовать в борьбе со своими соперниками в Восточном Туркестане, для чего наделил их немалой властью и пожаловал крупные военные должности и важные государственные посты. С этого времени кыргызские предводители стали играть значительную роль в борьбе

претендентов за кашгарский престол различных представителей теократических групп («ходжей»). И это продолжалось до тех пор, пока Джунгарское ханство не завоевало в конце XVII—начале XVIII столетия Восточный Туркестан. В ходе этой борьбы часть кыргызов была оттеснена с Тянь-Шаня и из Восточного Туркестана в Ферганскую долину. Здесь они одно время играли решающую роль в политических событиях, часто выступая совместно с кочевыми узбекскими племенами как в борьбе с Бухарским эмиратом, так и в отражении нашествия джунгарских феодалов.

В 1684 г. джунгарский правитель Галдан Бошокту-хан захватил и разграбил Ош, двинулся далее на Андижан, но, встретив совместный отпор объединившихся кыргызов и узбеков, вынужден был отступить. Это явилось крупным успехом их объединенных сил в условиях нестабильного политического положения в Фергане.

Наступил кратковременный период полной независимости Оша, который, надо полагать, управлялся кыргызскими родоправителями, поддерживавшими союз с узбекскими феодалами. Как свидетельствуют восточные хроники, в начале XVIII в. главную роль в Фергане «играли кыргызское и узбекское племя юз»¹. С завоеванием Ферганы бухарской династией Мангытов основную противоборствующую им силу составляли все те же узбеки и кыргызы.

В среднеазиатских источниках имеются сведения о походе кокандского правителя Рахим-бия (1721/22—1734—?) на Самарканд. В «Тарих-и Рахим-хани», например, говорится, что «Самарканд во время смут около шести лет находился в руках кыргызов...»².

Около 1741 г. произошло вторжение джунгар (калмаков) в Фергану, был осажден Коканд (но, видимо, не взят, хотя

¹ Валидов А. З. Некоторые данные по истории Ферганы XVIII столетия // ПЗСТКЛА, год 20-й. — Ташкент, 1916. — С. 78.

² Там же. — С. 81.

отдельные среднеазиатские источники и свидетельствуют, что «после некоторого сопротивления» местные беки во главе с управителем Коканда «вынуждены были покориться этим неверным»¹). Вероятнее всего, как повествуют другие источники, правитель Коканда Абд ал-Карим-бий (1734—?—1750/51 гг.) выдал джунгарам в качестве заложника своего наследника Баба-бия, чем их и успокоил. После смерти Карим-бия Баба-бий был отправлен джунгарами в Коканд в качестве наместника. Но «кокандцы не любили Баба-бия и, воспользовавшись междоусобиями среди калмаков, убили его в Биш-Арыке», а беком Коканда стал его брат Ирдана². Таким образом, даже номинальная зависимость от Джунгарского ханства Коканда продолжалась очень недолго — всего несколько месяцев правления Баба-бия.

Город Ош в связи с этими событиями непосредственно не упоминается, но Ирдана смотрит на него уже как на вожделенный объект для завоевания. А пока окрестные кыргызские племена не признавали даже формально джунгарского подданства.

...Жизнь шла своим чередом. Скотовод на лето поднимался со стадами на джайлоо Алая, земледelec возделывал хлеб, рис и хлопок в окрестностях города, торговец ждал, когда дехкане освободятся от сезонных работ и придут на базар за товарами, которые к этому времени старались изготовить умельцы-ремесленники. И все с тревогой думали о встрече с налоговсборщиками. Когда же налоговый пресс слишком сжимал «пружину терпения» народа, она стремительно расправлялась, ударяя по эксплуататорам. С подавлением феодалами народных выступлений все

¹ *Валидов А. З.* Повествование о походе Великого эмира на Ура-Тюбе // ПЗСТКЛА, год 20-й. — Ташкент, 1916. — С. 110.

² *Валидов А. З.* Некоторые данные по истории Ферганы XVIII столетия. — С. 85.

вновь возвращалось на свои места, и только в песнях и легендах народ высказывал свою мечту о безоблачном будущем, о счастливой жизни.

Скотоводы поднимаются со стадами на джайлоо Алая

ПОД ГНЕТОМ КОКАНДСКОГО ХАНСТВА

В борьбе с кокандскими владельцами

Начиная с 60-х годов XVIII в. правители Кокандского феодального владения (впоследствии ханства), пытаясь расширить его территорию за счет южнокыргызских земель, обращали свои алчные взоры на город Ош.

Уже в то время Ош играл определенную роль в политической истории Кокандского ханства. Нарративные источники вскользь упоминают, что его правителем был феодал Хаджи-бий, считавшийся главой большого кыргызского рода адыгене в составе племени ичкилик. Это было крупное родоплеменное объединение в Южном Кыргызстане, расселявшееся по Алаю и в приферганских горах, кочующее также в ошской округе. В его состав входили как многочисленные «пришельцы», так и местное кыргызское население, издревле проживавшее на территории Памиро-Алая¹.

Будучи правителем Оша, Хаджи-бий, как явствует из восточных источников, мог выставить «200 тысяч людей орды бурутов, рассеянных от Бухары до Востока»².

¹ *Аристов Н.* Опыт выяснения этнического состава киргиз-казаков Большой Орды и кара-киргизов на основании родословных сказаний и сведений о существующих родовых делениях и родовых тамгах, а также исторических данных и начинающихся антропологических исследований // *Живая старина.* — Вып. III–IV. — СПб., 1894. — С. 435; *Труды Кыргызской археолого-этнографической экспедиции.* — Вып. 1. — М., 1956. — С. 157.

² *Валидов З.* Повествование о походе Великого эмира на Ура-Тюбе, — С. 116.

Эти данные (даже если цифры преувеличены) косвенно свидетельствуют о том, что город Ош имел важное политическое значение в Фергане в середине XVIII в.

Большую роль в этот период играл и другой кыргызский родоправитель из ичкиликов Кубат-бий (или Ковад-мирза), который был, как сообщали бухарские хроники, «сподвижником и опорой Ирданы» — кокандского правителя. Сначала союзник, затем заподозренный в измене, он неожиданно покинул Ирдану-бия, чем обрек его на поражение в борьбе с уратюбинским правителем. Кубат-бий просто «взял всех своих кыргызов и удалился»¹. Его власть и сила были таковы, что Кубат-бий завязал дипломатические отношения с китайской империей Цин: вел переписку не только от своего имени, но и от имени своего союзника — правителя Коканда. Получалось, что Коканд и Ош в то время как равные выступали на международной арене, в частности в контактах с соседней Цинской империей².

Но по мере укрепления и возвышения Кокандского владения его правители начинали смотреть на соседние города как на желанные объекты завоевания. В 1762 г. Ирдана-бий, воспользовавшись межфеодальными усобицами кыргызов, напал на них, опустошив их земли «в стране Узе» (Узген)³. Причем поводом для этого Ирдана избрал ограбление кыргызскими феодалами (из рода адыгене) кокандских купцов. Правитель Оша Хаджи-бий, встав во главе объединенных сил родов ичкилик, адыгене и монголдор, выступил против Ирданы, но был разбит. Кокандцы захватили город Ош, фарисейски утверждая, что он якобы издавна принадлежал Коканду и теперь вновь возвращен

¹ Плоских В. М. Кыргызы и Кокандское ханство. — Фрунзе, 1977. — С. 89.

² Там же, — С. 106–109.

³ Бернштам А. Н. Источники по истории киргизов VIII в. // Вопросы истории. — 1946. — № 11–12. — С. 129.

в состав ханства. Кыргызские войска отступили в горы, но борьбы не прекратили. Когда через два года кокандский правитель выступил из Оша для завоевания Ходжента, Хаджи-бий неожиданно напал на Кокандское владение с востока. Ирдана вынужден был вернуться и всей силой обрушился на кыргызов. Хаджи-бий попал к нему в плен, но, видимо, ненадолго, так как Ош вскоре вновь упоминается как подконтрольный кыргызам. Однако всерьез противостоять окрепшему Коканду Ош, даже с его кыргызской округой, был уже не в состоянии, и в последующем в источниках он называется лишь как один из городов Андижанского вилайета Кокандского владения, а позже и как самостоятельный вилайет. В хозяйственных документах Кокандского ханства 50–70-х годов XIX в. нередко упоминается «вилайет Ош» — в числе других областей ханства, подведомственных его столице — Коканду.

Однако основная масса кыргызских племен, надо полагать, еще не подчинялась Коканду. Об этом пишет, в частности, «странник поневоле» Филипп Ефремов. Он был сначала казахским, затем бухарским пленником, в конце XVIII в. бежал через Ош (в крепостной стене которого сохранилось лишь двое ворот) в Алай и Индию, обогнул на английском корабле Африку и лишь через Англию вернулся в Петербург. Здесь он вскоре издает свои записки, быстро завоевавшие популярность, в которых рассказал о своей «Одиссее». Так вот Ф. Ефремов повествует в книге, что еще в 70-х годах XVIII в. южные кыргызы перемещались свободно между Ошом и Кашгаром «кочевьями в небольшом количестве», были фактически независимы, имели своих «князьков» и занимались меновой торговлей с Кокандом¹.

¹ Странствование Филиппа Ефремова в Киргизской степи, Бухарии, Хиве, Персии, Тибете и Индии и возвращение его оттуда через Англию в Россию / в соавт. под ред. и от лица магистра исторических наук Петра Кондырева. — Казань, 1811. — С. 73, 103.

Но так продолжалось недолго. Нарбута-бий постепенно расширяет свою власть на окрестные Ошу территории, где кочевали кыргызы¹. Закрепившись в Оше и на Алае, кокандские феодалы продолжали захватнические походы в другие местности на юге Кыргызстана в Кетмень-Тюбе и на север края.

Успешному завоеванию территории Кыргызстана кокандскими ханами содействовали межродовые и родоплеменные уособицы кыргызских феодалов, не желавших даже перед угрозой общего врага объединиться. Так, в конце лета 1821 г. Омар-хан направляет Бекназар-бия — своего верноподданного кыргызского феодала, возглавлявшего род кутлук-сейид и одновременно бывшего хакимом города Касан, для подчинения Коканду кыргызов рода сарыбагыш, кочевавших за г. Ош по дороге к Кашгару. Омар-хан распорядился, чтобы «племя кутлук-сейид со своим отрядом [лашкар], позаботившись о снаряжении и припасах для ружейной стрельбы, выступило бы со всем усердием в конный поход. Приказано было, истребляя все время [сарыбагышей], никому из... племени пощады не давать...»². В помощь кыргызскому феодалу в его грабительском набеге был придан отряд кокандцев. «Произведя страшные грабежи и убийства, среди которых не щадили ни женщин, ни детей, забрав большую добычу [главным образом скот] и массу пленных», — отмечалось в кокандских источниках, Бекназар-бий с ханским отрядом возвратился в Коканд³. В результате, не только силой своего оружия, но и умело используя соперничество и вражду кыргызских феодалов

¹ Обзорение Кокандского ханства в нынешнем его состоянии // Зап. РГО — Кн. III. — СПб., 1849. — С. 192.

² Перевод извлечений из «Шах-наме» : Тарих-и Омар-хани, Мирзы Каландара Мушриффа Исфараги // МИКК. — С. 227.

³ *Наливкин В.* Краткая история Кокандского ханства. — Казань, 1886. — С. 132.

между собой, кокандские ханы расширяли свои владения за счет соседних южнокыргызских земель. А именно через них лежал торговый путь в Восточный Туркестан и Индию.

Один из торговых путей пролегал непосредственно через Ош в Кашгар. Для обеспечения его безопасности Мадалихан приказал в 20-х годах XIX в. выстроить на Алае два укрепления — Суфи-Курган и Кызыл-Курган, что и было исполнено андижанским хакимом Иса-датхой¹. Позже это сыграло определенную роль в предотвращении цинской агрессии в Фергану. Когда китайские войска предприняли поход из Кашгара на Коканд, они не осмелились взять алайские укрепления, и, простояв перед ними 20 дней, ушли назад ни с чем.

В начале 40-х годов XIX в. началось бухарское нашествие в Фергану. Временно власть на кокандском престоле оказывается в руках эмирского ставленника из Бухары — Ибрахима-хаял парваначи. Он, как истый завоеватель, сразу обложил население непомерными налогами, а пришедшие с ним бухарские солдаты стали бесчинствовать и безнаказанно грабить жителей. Вскоре это привело к общекокандскому восстанию, в котором важную роль играли кыргызы. Кыргызские феодалы решили возвести на престол прозябавшего в кочевьях на Таласе Шералы — одного из отпрысков кокандской династии Минг. Воспользовавшись вспыхнувшим народным восстанием, правитель кыргызского рода кырк-огул Юсуф-минбаши со своими сторонниками привел Шералы с Таласа в свои родовые кочевья по р. Кара-Су в окрестностях Оша. Сюда стали стекаться со всех сторон повстанческие отряды кыргызов и кыпчаков. Здесь у мазара Сафид-Булан с соблюдением традиционных обрядов кочевников Шералы поднимают

¹ Куропаткин А. Н. Кашгария. Историко-географический очерк страны, ее военные силы, промышленность и торговля. — СПб., 1879. — С. 116.

на белом войлоке и объявляют ханом¹. Отсюда ставшее значительным войско, состоявшее преимущественно из кыргызских и кыпчакских повстанцев, легко занимая крепости, селения и города (надо полагать, — без боя и г. Ош), победоносно входит в Коканд. Ибрахим-хаял бежит в Бухару. Как сообщает кокандский источник, он правил всего месяц и семнадцать дней (хотя есть и другие данные — 79 дней), а затем вспыхнуло восстание, в результате которого «от группы сартийя и кыпчакийя и киргизийя в согласии со всем народом ферганским» на престол и был возведен Шералы.

Первоначально Шералы — довольно равнодушный к власти, миролюбивый человек. Молва приписывала ему следующее двустишие: «Обычно, когда ханы входят на путь, то идет дождь (льется благополучие). Что ты за хан, когда на твоём пути льется из глаз народа кровь?»². Однако вскоре «хорошие слова» расходятся с его делами. Методы правления, налоговый гнет и поборы Шералы, окруженного алчными феодалами, возведшими его на престол, ничем не отличались от существовавших в правление предшественников. Кыргызские феодалы жалуются ярлыками с правом власти над родами и племенами, получают в управление города и села. Постепенно все большее влияние при дворе приобретает кыпчакская группировка во главе с умным, жестоким предводителем Мусульманкулом. Усиливается угнетение кыргызов, которые ожидали, наоборот, послабления налогового гнета. И в 1845 г. вспыхивает новое восстание южных кыргызов. Кокандский историк Мулла Нияз Мухаммед в своем сочинении «Тарих-и Шахрохи» так повествует об этом событии: «Смятение и тревога, овладевшие сердцами кыпчаков, были вызваны тем обстоятельством,

¹ *Наливкин В.* Краткая история. — С. 146.

² *Петровский Н.* Очерки Кокандского ханства // Туркестанский сборник. — Т. 76. — С. 5.

что сведения о киргизском восстании в окрестностях Оша, [охватившем район] до Уч-Кургана и до границы Алая, и об осаде Оша дошли до кыпчаков Шахристана, которые оповестили Мусульман-Кули¹ — предводителя кыпчаков, бывшего фактическим правителем Коканда.

Возглавляли восстание кыргызов Алымбек-датха, Саидбек-датха, Пулат-датха и другие кыргызские феодалы. Повстанцы осадили Мады и сам город Ош, который, вероятно, и был ими взят. Основную роль в восстании сыграли алайские кыргызы, потом уже поддержанные окрестным населением Оша. Выступившие на подавление восстания кыпчакские феодалы из Шахристана во главе с Кур-оглы и подошедшие войска кокандского главнокомандующего Мусульманкула разбили повстанцев.

В «Тарих-и Шахрохи» об этом сказано: «После получения этого устрашающего известия [о восстании, кыпчаки], отложив ташкентские дела, занялись отражением кыргызов. Не имея иного средства и вынужденные к тому необходимостью, они собрали кошун и стали наступать на киргизов. Кыпчак по имени Кур-оглы, который был правителем [хакимом] Шахристана, выступив с кошуном этого вилайета на два дня раньше войска столицы и встретившись с кыргызами, обратил их в бегство»².

Из Оша пленных кыргызов отправили на казнь в Коканд. В базарный день их подвели к ханской урде. На площади собралось множество народа. Воспользовавшись отсутствием Мусульманкула и главных кокандских войск, бывшие в опале феодалы — некий датха Рахматулла-мирза и исфаринский хаким кыргыз Сатыбалды составили заговор против Шералы. На помощь они призвали кыргызов Алая. Сыграли, видимо, определенную роль и пленные

¹ Перевод извлечений из «Тарих-и Шахрохи»: Муллы Нияз Мухамеда Хоханди // МИКК. — С. 233.

² Там же.

ошане. переворот закончился тем, что Шералы казнили — «заставили испытать напиток мученичества», а на престол возвели приведенного с собой Мурад-бека — одного из сыновей Алим-хана¹. Правда, на престоле он продержался недолго — всего одиннадцать (по некоторым источникам — семь) дней. Но, по свидетельству современников, основным желанием его жизни было «поцарствовать хотя бы два дня». Социальной опоры Мурад не имел, прибывший с ним кыргызский отряд насчитывал всего 100—200 человек, и вскоре Коканд оказался в руках предприимчивого кыпчакского предводителя Мусульманкула, посадившего на престол малолетнего сына Шералы Худояр-хана.

С годами Худояр-хан стал все более тяготиться опекой своего могущественного временщика Мусульманкула, ставшего, к тому же, и тестем хана. Он долго дождался своего часа, но и отомстил сверхжестоко. В 1853 г., опираясь на узбекскую знать, Худояр-хан приказал казнить регента-кыпчачка Мусульманкула и «стереть с лица земли всех кыпчачков и кыргызов». И ханские приспешники, выполняя приказ, убивали их во всех городах — от Коканда до Оша, а также на базарах и дорогах, истребляя их без разбора возраста и пола. Так, разжигая межнациональную рознь, умело отводили от себя народный гнев хан и его придворное окружение — истинные виновники всех бед народа.

Вообще город Ош как один из окраинных городов ханства, окруженный «неспокойными» кыргызскими кочевьями, неоднократно становился центром антикокандского повстанческого движения. Здесь же и недовольные ханской властью претенденты на престол искали поддержки и убежища. В 1858 г. Малля-бек, старший брат правившего Худояр-хана, решил вступить в борьбу за престол, он нашел поддержку со стороны кыргызских феодалов. Но заговор

¹ Перевод извлечений из «Тарих-и Шахрухи» : Муллы Нияз Мухамеда Хоханди // МИКК. — С. 233.

был раскрыт, и Малля-бек бежал в Ош, посетил Кара-Су и Узген, прося помощи и поддержки у влиятельного кыргызского феодала алайского родоправителя Алымбека ибн Хасан-бия. Тот, «бывший в то время в большой силе среди всех ближайших кыргыз» и имевший свою ставку в Кара-Су, поддержал выступление Малля-бека. В результате Малля-бек в том же 1858 г. победоносно вступил в Коканд¹. Кыргызские родоправители получают важные назначения: Алымбек-датха становится правителем (хакимом) Андижана, Саидбек-датха направляется в Ходжент, Мулла Касым — в крепость Нау и т. д. Вскоре Алимбек-датха стал главным визирем, кыргызские родоправители захватили на время политическую власть в ханстве.

Но только Малля-хан решил было ущемить интересы приближенной кыргызско-кыпчакской группировки и устранить с политической арены кыргызских феодалов, как «был зарезан ночью в орде каким-то подосланным кыргызом»². Согласно кокандским источникам, казнь была совершена в феврале 1862 г. парваначи Алымбеком, Хыдыр-бием эшикагаси, парваначи Шадманом-ходжой, Худайназаром-датхой, Дуст-Михтаром, Мухаммадом Ибрахимом Мирзабаши и другими феодалами из кыргызов, узбеков, кыпчаков, тюрков и пр. В одних источниках упоминается, что решающую роль при этом сыграл кыргыз Алымбек-датха (будучи уже парваначи), в других — кыпчак Мулла Алымкул — соперник Алымбека. На престол был возведен внук Шералы — Шахмурад, продержавшийся у власти менее года.

Когда позже Худояр-хан в очередной раз с помощью бухарского эмира возвратил себе кокандский престол,

¹ *Наливкин В.* Краткая история. — С. 188–189.

² *Алибеков М.* Домашняя жизнь последнего кокандского хана // Ежегодник Ферганской области. — Т. II. — Н. Маргалам, 1903. — С. 83–84.

⁵ Том VI. В. М. Плоских

кыргызские и кыпчакские феодалы бежали из Коканда в поисках спасения в Андижан и Ош¹.

Из Оша выступал против ханского двора и предводитель алайских кыргызов Алымбек-датха, когда выдвинулся в высшие сановники ханства. Вообще на Ош алайские родоправители смотрели как на своего рода ставку в Фергане, имели здесь земли, дома, торговые лавки, строили мечети и медресе, определяли им в вакф собственное имущество. Одним из крупнейших в Кокандском ханстве было и возведенное Алымбеком в Оше медресе на правом берегу реки Ак-Бура, имевшее на правах вакфного владения большие земельные угодья. Все это придавало не только политический, но и экономический вес алайским феодалам в Оше. В борьбе за власть и влияние в Кокандском ханстве Алымбек-датха и кыргыз-кыпчакский предводитель Алымкул часто использовали поддержку кыргызского населения, кочевавшего в горах Приферганья и на Алае. Как сообщил в своем кратком очерке по истории Коканда американский журналист Ю. Скайлер, совершивший тогда путешествие по Туркестану, Алымкул в своем противоборстве с Худояр-ханом в начале 60-х годов пригласил в город Ош трех ханских приспешников — вероятных претендентов на престол — Мирзу-Ахмета, Садыкбека и Хаджибека и убил их. Они были похоронены на холме у подножья Сулейман-горы². Ошане и окрестные жители — кыргызы и в последующем неоднократно принимали самое горячее участие в противоханских выступлениях — будь то восстание против налогового гнета или выдвижение и поддержка нового претендента на ханский престол. При их активном участии был провозглашен кокандским ханом

¹ *Зимин Л.* Зерцало побед и его значение для истории Кокандского ханства // ПЗСТКЛА, год 17-й. — Ташкент, 1913. — С. 34.

² *Schuyler E.* Turkistan. Notes of a Gourney in Russian Turkistan, Khokand, Buchara and Kulgja. — Vol. 1 — London, 1876. — P. 353.

Шералы, в другой раз — девятилетний сын Малля-хана — Султан-Сайд, они пытались возвести в ханы родного брата Худояра — правителя Маргелана и Оша и т. д. Характерно, что ошане во всем и всегда выступали против жестокого правления Худояр-хана, становясь на сторону его соперников и противников. При неудачах отступали в горы или даже переходили в пределы северной части Кыргызстана, подвластной Российской империи.

Почти непрерывные войны кокандских ханов с соседними правителями, особенно хивинскими и бухарскими ханами, непрекращавшиеся междоусобия феодальной верхушки разнонационального оседлого и кочевого населения ханства, зачастую оканчивавшиеся дворцовыми переворотами и сменой хана, жестокие расправы над участниками народных восстаний — все это тормозило экономическое и культурное развитие городов, в том числе и Оша, ухудшало положение как простых горожан, так и окрестных кочевников-кыргызов.

Несмотря на то, что Ош находился на отдаленной окраине ханства, город нередко оказывался в зоне военных действий и феодальных неурядиц, а его жители становились невольными жертвами или в лучшем случае — свидетелями военных столкновений и кровавых феодальных усобиц, ослаблявших ханство. Кыргызы никогда не могли окончательно смириться с ханским господством и пользовались любым поводом для вооруженного выступления против кокандского гнета. Как писал туркестанский генерал-губернатор К. П. Кауфман военному министру Д. А. Милютину 3 декабря 1875 г., «история Кокандского ханства представляет собой целый ряд беспрестанных восстаний кыпчаков и киргиз и борьбы государственной власти ханства Кокандского с этим беспокойным элементом»¹.

¹ ЦГВИА. Ф. ВУА. Д. 6886. Л. 2.

Алымбек

Город Ош и с. Кара-Су рассматривались южнокыргызскими феодалами как их ставки. Здесь они имели недвижимое имущество, через Ош держали связь с кокандскими наместниками и центральными властями ханства.

Крупнейшими феодалами, оставившими заметный след и в истории города, были Алымбек-датха и почти на полвека пережившая его вдова Курбанджан. Поэтому остановимся вкратце на их биографиях в связи с историей города Оша.

Характеризуя политическое положение Кокандского ханства и кыргызов в конце 60-х годов, английские историки Джон и Роберт Митчел (пользовавшийся, правда, информацией Валиханова, Венюкова и Бардашева), писали, что влияние кыргызов в ханстве чрезвычайно велико, поскольку даже первый ханский министр Алымбек был из кыргызов племени адыгене¹.

Среднеазиатские источники — нарративные («Тарих-и Джахан-намай», «Тарих-и Шахрохи») уточняют: он был из рода баргы племени адыгене. «Из рода баргы был хан Алымбек, который разрушил (?) город Коканд (бузат), — писал автор «Истории кыргызского раздолья» Осмоналы Сыдыков. — А в городе Оше он построил одно великолепное медресе по образцу бухарских. Город Ош расположен на видном высоком месте»².

5 декабря 1860 г. по дороге из Индии в Коканд посетил Алай английский агент Мулла Абдул Маджид. Почти тогда же, через два года с небольшим, в Калькутте были изданы его записки, в которых он назвал резиденцией алайского

¹ The Russians in Central Asia. Their occupation of the Kirghis steppe and the line of Syr-Daria... — London, 1865. — P. 227.

² Сыдыков О. Тарих-и Шадмания. — Уфа, 1914. — С. 31.

правителя Алымбека-датхи именно Гульчу¹. Позже русский путешественник Е. Марков в своих путевых очерках по Кокандскому ханству так охарактеризовал положение алайских родоправителей Курбанджан и ее мужа Алымбека: «Датха эта была почти независимою владельницею во времена кокандских ханов, и хотя муж ее получил свое звание бека от Худояр-хана, но эта ханская инвеститура была скорее условием приличия, чем действительным правом хана, так как алайские кыргызы высоко чтили родовитую «белую кость» своих беков и беспрекословно шли за ними, куда они их вели, даже без освящения их прав ханской властью»².

Летом 1962 г. мы встретились в Оше с почтенным аксакалом пенсионером Д. Зайнабитдиновым. Его отец в свое время служил писарем у знаменитой «алайской царицы» — Курбанджан-датхи, а сам он в первые годы Советской власти заведовал вакфным отделом в Оше.

Зайнабитдинов передал нам свою рукопись воспоминаний о клане крупнейших кыргызских феодалов Алая и Оша — Алымбека — Курбанджан, о медресе Алымбека и его вакфном хозяйстве. По словам Д. Зайнабитдинова (который, кстати, сам видел в детстве Курбанджан), Алымбек проводил фактически независимую политику, а в некоем договоре — ахдах, обусловливавшем зависимость Алая от Кокандского ханства, было даже оговорено право Алымбека управлять Алаем. В Оше же Алымбек в качестве недвижимой собственности владел торговыми лавками, имел вакфную землю своего медресе, выстроенного им на правом берегу реки Ак-Бура.

¹ Report of a Journey to Kokan // Selections from the Records of the Government of India, Foreign Department. — № XXXIX. — Calcutta, 1863. — P. 8.

² Марков Е. Фергана. Путевые очерки Кокандского ханства // Русский вестник. — Т. IX. — СПб., 1893. — С. 35.

Являясь могущественным кыргызским феодалом-родо-правителем и изошренным придворным сановником, игравшим большую роль в ханских междоусобицах и дворцовых переворотах, Алымбек не щадил даже жизни своих подданных, если это служило его личным интересам. Именно Алымбек, по словам путешествовавшего в 70-х годах XIX в. по Алаю А. П. Федченко, выделился «зверским убийством» местного населения непосредственно в городе Ош в период одного из антиханских восстаний¹.

Рано вступив на поприще политической деятельности, Алымбек в 1831 г. получает из рук Мадали-хана титул датхи — правителя Алая. Здесь он встречается двадцатилетнюю девушку Курбанджан, с которой и связал всю последующую жизнь. Курбанджан родилась в семье кочевника-скотовода Маматбека в Кичи-Алае. Маматбек был «заурядным кыргызом из рода мунгыш (монгуш. — *авт.*) и не выделялся от своих сородичей ни положением, ни особенным богатством»². С детства Курбанджан просватали и в 17 лет выдали замуж за Кулы-Сад-Ярова — кыргыза из рода юваш, которого она и увидела в первый раз лишь в день свадьбы. Жених ей не понравился, и Курбанджан три года считалась номинальной женой Ярова, оставаясь все время в юрте своего отца. В 1831 г. Алымбек-датха, будучи правителем Алая, встретил Курбанджан, освободил ее от мужа, и в следующем году они поженились. Курбанджан стала преданной помощницей Алымбеку: во время его отсутствия на Алае по делам ханства она успешно заменяла его, жестко и полновластно управляя алайскими кыргызами. Имеется упоминание, что Алымбек принимал активное участие в организации Ошского восстания в 1845 г. и только благодаря хладнокровию жены,

¹ Федченко А. П. Путешествие в Туркестан. — М., 1958. — С. 371.

² Ювачев И. Курбанджан-датха, кара-киргизская царица Алая // Исторический вестник. — 1907. — № 12. — С. 962.

вовремя предупредившей его об опасности, сумел избежать расправы, жестоко проведенной кокандским минбаши Мусульманкулом, буквально потопившем восстание в крови¹.

Однако Алымбек не просто бежал в горы, а организовал новый заговор, в результате которого Шералы-хан был свергнут и на престол возведен в 1845 г. Мурад-хан. Затем в период правления заступившего место Мурад хана нового кокандского владыки Худояр-хана (правил трижды: 1845–1858, 1862–1863, 1865–1876 гг.) Алымбек больше остается за кулисами придворных интриг, в тени общественной жизни Коканда. Но зато он активен на Алае, поддерживает повстанцев Восточного Туркестана против цинского гнета.

В 1847 г. один из представителей и наследников бывших теократических правителей Кашгара Ходжа-Тюря решил воспользоваться недовольством народных масс Синьцзяна китайским господством и возглавить восстание. Его поддержали всегда принимавшие живое участие в судьбе своих соплеменников, оказавшихся за границей под игом манчжурских феодалов, алайские кыргызы во главе с Алымбеком. Движение было организовано вопреки воле кокандского хана, даже в противовес его внешнеполитическим интересам. Но именно потому кыргызы и выступили активной силой и пошли на помощь синцзянским повстанцам.

Восставшие действовали успешно, даже отбили у китайцев Кашгар. Но вскоре местные цинские власти получили подкрепление и восставшие вместе с Алымбеком, да и сам Ходжа-Тюря вынуждены были бежать. Они нашли укрытие опять-таки в кочевьях Алая. Из Кашгара в холод, спасаясь от голода, потянулись в Фергану беженцы-повстанцы — уйгуры, кыргызы. На перевале Терек-Даван их застигла снежная буря, гибли женщины и дети. Имущество беженцев было брошено или разграблено. Немногие уцелевшие

¹ Ювачев И. Курбаджан-датха, кара-киргизская царица Алая // Исторический вестник. — 1907. — № 12. — С. 964.

и достигшие Оша вынуждены были продавать здесь своих детей, чтобы добыть пропитание и не умереть с голоду¹.

По возвращении Алымбек организует заговор против Худояр-хана в пользу его старшего брата Малля. Для этого он спускается с Алая к Ошу и Узгену.

Переворот был успешным. На престол взошел Малля-бек (1858–1862 гг.). Худояр спасается бегством в Бухару. Все источники главную роль в этих событиях отводят южным, в первую очередь ошским и алайским, кыргызам. Малля-бек, читаем в одном из информационных сообщений, направленных в это время в Россию, «с помощью каменных вообще кыргыз напал на Коканд и овладел этим городом»².

Именно в это время политическая власть в ханстве практически перешла в руки Алымбека и кыргызских феодалов, выказывавших свое рвение в соперничества с кыпчаками.

После взятия и разрушения русскими с помощью кыргызских повстанцев в 1860 г. крепостей Пишпек и Токмак в Чуйскую долину по распоряжению Малля-хана с кокандским войском (7 пансатов и андижанский отряд) выступает Алымбек-датха. Его дорога шла через Центральный Тянь-Шань, в Куртке и Кетмень-Тюбе он увеличил свое войско до 12 тысяч (в основном конники и лишь 1 тысяча пехоты). В Чуйской долине войска Алымбека встретились с подошедшими другим путем к Пишпеку кокандскими отрядами под началом ташкентского наместника кыпчака Канаат-шаха. Два феодала-соперника не сумели поделить верховную власть, ни один не хотел признать над собою главенства другого. Поэтому, когда Канаат-шах выступил против русских в Узун-Агаче, Алымбек задержался и не поддержал его. Сказалось, видимо, здесь не только

¹ Ювачев И. Курбаджан-датха, кара-киргизская царица Алая // Исторический вестник. — 1907. — № 12. — С. 964–965.

² ЦГА КазССР. Ф. И. 3. Оп. 1. Д. 167. Л. 14.

личное соперничество, но и нежелание Алымбека со своими кыргызами воевать против русских, которых, к тому же, поддерживали семиреченские кыргызы, а иссык-кульские еще ранее, в 1855 г., приняли добровольно российское подданство. Дело закончилось тем, что Алымбек не вступил в сражение и увел свои войска.

Кокандский придворный историк Мулла Нияз Мухаммад, не одобряя действий Алымбека, с горечью писал: «В это время Алымбек кыргыз и Канаат-шах таджик, предъявив друг другу претензии на главенство и право распоряжаться войсками, начали вражду и ссору. По причине распри Алымбек забрал андижанское войско и киргизов, удалился с ними в сторону, а дело битвы, все, что влечет за собой честь или позор, оставил Канаат-шаху, ухватившись за подол бесчестья, [Алымбек] полу славы и мужества выпустил из рук»¹.

Просто Алымбек имел свои виды на события. Он предпринимает попытки создания собственно кыргызского ханства и в этом хотел заручиться поддержкой царя. Свои отношения с Россией он намеревался строить иначе, мирными средствами, а не войной. К тому же, ему не было никакого резона вступать в конфронтацию с кыргызами Семиречья, не только не настроенными против русских, а наоборот, призывавших их на помощь в борьбе с кокандцами.

Понятно, что после этих событий Алымбек впадает в ханскую немилость, оставаясь, правда, еще по-прежнему хакимом Андижана и округи (надо полагать и города Оша). Когда на следующий год Малля-хан решил было возобновить поход против русских, кыргызы наотрез отказались выступить. Тогда хан послал джигитов арестовать Алымбека, но тот успел бежать в горы за Гульчу и удалось лишь конфисковать его имущество.

¹ Перевод извлечений из «Тарих-и Шахрухи»: Муллы Нияз Мухамеда Хоханди // МИКК. — С. 233.

Алымбек организует новый заговор против хана. По словам Муллы Нияза, кыргызские феодалы Алымбек и Кыдыр, тюрк Худай Назар «в согласии» с кыргыз-кыпчаком Алымкулом организовали заговор и 24 февраля (в русских источниках указывается март) 1862 г. убили Малля-хана¹. На престол возводится один из внуков Шералы — хан Шах-мурад. Алымбек становится первым лицом — главным визирем ханства.

Но вскоре его сопернику кыпчаку Алымкулу удалось оттеснить кыргызов и в разное время физически расправиться с Алымбеком, Кыдыром и другими крупными кыргызскими феодалами.

В одном из донесений начальника Алатавского округа Г. А. Колпаковского к сибирскому корпусному командиру от 25 июля 1862 г. сообщалось о занятии при помощи бухарского эмира кокандского престола Худояр-ханом и что при этом «многие из лиц, умертвивших хана Малля, были казнены, в том числе убит черню и знаменитый Алымбек»².

Курбанджан

После гибели Алымбека политическую власть и власть главы рода наследовала его вдова Курбанджан-датха. В 1862 г. Худояр-хан с помощью бухарского войска вновь занимает Коканд и овладевает престолом. Но самыми непокорными продолжают оставаться восточные районы Ферганы, кыргызы и кыпчаки. Посланный эмиром Музаффаром бухарский отряд дошел до Оша, осадил Мады. Имеется

¹ *Мулла Нияз Мухаммед Бен Ашур Мухаммед. Тарих-и Шахрухи: История владетелей Ферганы // Изд. Н. Н. Пантусова. — Казань, 1885. — С. 108 (Рукописный перевод источника любезно предоставлен В. А. Ромодиным).*

² ЦГА КазССР. Ф. И. 19. Оп. 1. Д. 167. Л. 14.

смутное упоминание, что в это время произошла встреча эмира с алайской правительницей. Музаффар, узнав о влиянии Курбанджан-датхи на алайских кыргызов, «вопреки мусульманскому обычаю, дал ей почетное звание датхи, снабдив ее надлежащим ярлыком и одарив подарками», — писалось в русских журналах¹.

Неслыханным делом было для Средней Азии, да и всего исламского Востока, — женщина-мусульманка, нарушая традиции и волю родителей, не идет жить к выбранному ей супругу, а позже, после смерти избранного самой мужа, власть не передает его старшему сыну, а берет в свои руки. И — виданное ли дело! — опора ислама в Средней Азии — эмир Бухары утверждает ее в звании датхи — правительницы Алая. Кокандский хан Худояр любезно принимает в своем дворце женщину, явившуюся с гор и не признающую паранжу, узурпировавшую, с точки зрения мужчины — мусульманского фанатика, власть среди свободолюбивых кыргызов-кочевников Алая. Худоярхан прощает... нет, даже не вспоминает(!) о всевозможных восстаниях кыргызов против него, в которых зачинщиками и открытой политической силой выступали подданные Алымбека и Курбанджан, подтверждает ее в звании датхи и праве полного распорядителя Алая, одаривает ее парчовым халатом со своего плеча и... живой(!) отпускает в родные кочевья Алая. Это действительно был уникальный случай в фанатичном исламском мире Бухары и Коканда. Ее пасынок Джаркинбай, в угоду мачехе отказавшийся от наследственного титула датхи, был назначен в 1864 г. ошским хакимом (вскоре он был убит в одном из сражений кокандского войска с отрядами генерала М. Г. Черняева).

В 1865 г. Худояр-хану удалось в третий раз овладеть престолом, и Курбанджан поспешила явиться к нему

¹ Ювачев И. Курбанджан-датха, кара-киргизская царица Алая // Исторический вестник. — 1907. — № 12. — С. 965.

в Коканд. Хан подтвердил ее права на звание датхи и управление Алаем, а вместо убитого Джаркинбая ошским хакимом назначил старшего ее сына Абдуллабека.

Известный путешественник по Кокандскому ханству А. П. Федченко, посетивший Алай в 1871 г., отмечал, что Курбанджан-датха «пользуется огромным авторитетом, наши джигиты не говорили о ней иначе, как с великим уважением». Даже Худояр-хан в случае ее приезда в Коканд принимал «алайскую царицу» «как важного бека»¹.

В период завоевания Южного Кыргызстана Россией в 1876 г. на Алае произошла встреча Курбанджан с генералом М. Д. Скобелевым, командовавшим русским отрядом. «Алайская царица» явилась к генералу в сопровождении сына Камчибека и внука Мирзапаяза. Будущий первый ферганский военный губернатор, будущий герой Шипки в русско-турецкой войне 1877–1878 гг. ласково принял Курбанджан. Через переводчика он выразил свое удовлетворение встречей, похвалил храбрость ее сыновей и просил Курбанджан убедить их с подвластными кыргызами склониться к российскому подданству, обещая всем полную безопасность жизни и сохранность имущества. Курбанджан внял совету, разослала по всему Алаю своих гонцов с приказанием свободно возвращаться по своим аилам. Три ее сына: Махмудбек, Хасанбек и Батырбек послушались матери и вскоре вернулись в Ошский уезд. Приехавший сюда к этому времени генерал-губернатор Туркестанского края К. П. Кауфман назначил всех сыновей датхи волостными управителями.

Несколько позже в исторических сюжетах народного кыргызского акына-демократа Тоголока Молдо прозвучит мотив, что «алайские кыргызы присоединились к русским

¹ Федченко А. П. Путешествие в Туркестан, — С. 371. См.: Газиев А. Курбанджан-датха — Некоронованная царица Алая. — Бишкек, 1991. — С. 62.

под руководством Курбанджан»¹. «Алайская царица» становится теперь верным приверженцем царизма, играя важную роль в управлении алайскими кыргызами и после вхождения их в состав России. За это специальным императорским указом от 1881 г. Курбанджан-датхе была определена пожизненная государственная пенсия в размере 300 рублей².

Между Курбанджан-датхой и первым ошским уездным начальником майором Ионовым — соратником Скобелева по Алайскому походу — установились приятельные отношения, не прерывавшиеся до самой ее смерти. Ее сын Махмудбек хранил пачку писем, адресованных Курбанджан-датхе от различных представителей туркестанских властей. Но более всего писем было от ставшего впоследствии военным губернатором Ферганской области генерала Ионова. С ним датха неоднократно обменивалась подарками и фотографиями³.

Небезынтересно письмо Курбанджан русским властям от 1885 г.

«Многоуважаемому высокостепенному Ферганскому областному губернатору от служителя Ошского уезда Курбанджан-датхи. Заявление.

Уважаемый, прошу извинения. При этом заявляю Вам, что когда Ферганское мусульманское государство не признавало еще Россию, я воевала и спорила с Вами. Потом Абдуллабек со своими двумя братьями — Махмудбеком и Хасанбеком через Ош бежал к Кабулу. Я, бедная, с малышом Камчибеком осталась на Алае. В это время на Алай Ошский начальник Ионов прибыл с генералом

¹ *Тоголок Молдо*. Родоплеменное деление // Рукоп. Фонды Отд. Общ. Наук АН КиргССР. — Инв. № 1016. — С. 95.

² ЦГА УЗССР. Ф. И. 19. Оп. 1. Д. 11061. Л. 2.

³ *Ювачев И.* Курбанджан-датха, кара-киргизская царица Алая // Исторический вестник. — 1907. — № 12. — С. 969.

(Скобелевым, — 1876 г. — *авт.*). И представил меня генералу. Генерал встретил меня приветливо, отнесся с уважением. Я осталась довольна.

По величине Россия равняется Риму. Возможно, в настоящее время она еще увеличивается.

Теперь сыновья вернулись ко мне. Без надежды и с мучениями. Они боялись царя, но я приказала через одного посланца, чтобы они возвратились сюда. По воле бога, Абдуллабек там умер. Махмудбек и Хасанбек вернулись здоровыми.

Затем я встречалась с туркестанским генерал-губернатором Кауфманом, когда он приезжал в город Ош. Он тоже с уважением относился ко мне и говорил: если вы прислушаетесь к моим словам — вам будет полезно и хорошо — как будто были на приеме у царя-императора. Покойный генерал-губернатор с согласия царя ежемесячно выплачивал пенсию в 25 рублей. Жаль, что не могу лично выразить ему признательность.

Благодаря богу я сейчас имею 3 детей. Никогда раньше мы не видели такого государства. Испокон веков к сиротам ни одно государство так хорошо не относилось. Как со родными, всем народом вместе будем жить в таком государстве. Если вдруг его авторитет не признаем, изменим государству, тогда, я считаю, на нас ляжет несмыываемый позор. Я считаю, что если относиться со всей душой, всем сердцем и уважением к этому государству, тогда бог простит все, что мы совершили против него раньше.

В это мирное время я заявляю: *весь мой народ, я сама и мои родные никогда не выступим против вас* (выделено нами. — *авт.*). От нас никакой неприятности не будет. Если мой народ сделает плохо и станет изменником, тогда накажу виновного самой тяжелой мерой, буду вечно мучиться до конца дней своих.

В заверение ставлю свою печать — дочь Маматбека Курбанджан-датха.

В связи с потерей печати подписываюсь»¹.

И «царица Алая» расписалась собственноручно.

«Царица Алая» прожила до 96 лет и тихо скончалась 3 (по другим источникам 1) февраля 1907 г. в с. Мады в 13 верстах от Оша в окружении многочисленных родственников: в это время были живы двое ее сыновей, 2 дочери, 31 внук, 57 правнуков и 6 праправнуков. Захоронили Курбанджан на главном кладбище Сары-Мазар. Над могилой построен высокий гумбез из кирпича.

Роль личности Курбанджан в истории Киргизии бесспорна. Так, по нашему мнению, к ней и следует подходить. Нельзя в целом охаивать ее как крупного феодала, но нельзя и слишком идеализировать ее как «вождя, боровшегося за свободу и интересы трудового народа»². Первоисточники не позволяют идеализировать ее образ, отнюдь не умаляя ее роли как сильной незаурядной личности и представителя своего сословия и своего класса. Она была феодалом со всеми вытекающими из этого последствиями. Но она была умной и дальновидной представительницей своего народа и на фоне мрачного, жесточайшего ханского гнета, исламского фанатизма ярко выделялась своей оригинальностью. Не сразу Курбанджан-датха признала Россию, но как только поняла неизбежность, необходимость соединения с Россией, всю себя отдала в ее распоряжение. Но поскольку распоряжались в Туркестане царские чиновники, естественно, что Курбанджан, преданная ранее ханам, становится верным слугой царизма.

Неизгладим ее след в истории Кыргызстана. Ее роль в истории кыргызского народа достойно оценена потомками. Память о Курманджан-датхе и ее роли в суверенном

¹ ЦГА УЗССР. Ф. И. 19. Оп. 1. Д. 1629. Л. 1.

² Именно такая оценка была дана Курбанджан в статье Х. Садыкова и Х. Бабекова «Курбанджан — дочь народа» // Газ. «Кыргызстан маданияты». — № 50 от 11 декабря 1975 г.

Кыргызстане отражена в скульптурной композиции на Центральной улице Оша, в памятнике и музее в Гульче, на ее любимом Алае, а ее облик запечатлен на пятидесятисомовой купюре национальной валюты: Курбанджан стала как бы олицетворением своего народа.

Город и его жители

Документальные источники времени зависимости Кыргызстана от деспотического Кокандского ханства, как кокандские, так и русские, содержат крайне мало фактических и достоверных сведений для описания города Ош, как, впрочем, и других населенных пунктов в Восточном Приферганье. Однако из скурых рассказов отдельных торговцев и других русских людей — «невольных странников», подобных Ф. Ефремову, записок посланных в Коканд представителей российских властей, отечественных и иностранных путешественников вырисовывается общая картина о состоянии города Ош первых трех четвертей XIX в. Проясняются и отдельные детали: его примерные размеры, примечательные топографические объекты, общий характер застройки, занятия жителей, некоторые городские события времен истории ханства и т. п.

В середине XVIII в. Ош представлял собой, скорее, временную ставку, чем постоянное местообитание кыргызских кочевых феодалов. Восточные источники прямо свидетельствуют, что кыргызы «в городе Ош зимуют, ...занимаются земледелием и выпасают на летних пастбищах скот»¹. В те годы город, очевидно, не был хорошо укреплен, отсутствовали оборонительные стены (источники, во всяком случае,

¹ *Си юй чжи* [Описание западных земель] : рукоп. 1763–1770. Кн. 1 / пер. Г. П. Супруненко // Рукоп. фонды Института истории АН КиргССР. — С. 40.

о них не сообщают). Но археологическое обследование окрестностей города позволяет заключить, что, по крайней мере, на его юго-западной окраине, обращенной в сторону Алая — самого «неспокойного» района Кокандского ханства, какая-то крепость стояла. Нарративные источники упоминают крепость Мады, располагавшуюся всего в одном фарсанге от Оша. В 1275 г. х. (1858/59) поблизости от Оша была отстроена и другая крепость в местности Лангар. Именно эти крепости принимали первые удары повстанцев против ханского гнета. Сам же Ош не без борьбы за него переходил из рук в руки. Цитадель, которая находилась в центре города, не была приспособлена для долговременной обороны, поэтому, например, когда кыргызские повстанцы в 70-х годах XIX в. дошли до селения Араван и напали на Ошскую цитадель, ханский наместник тут же бежал из города.

Первым российским путешественником, побывавшим в Оше еще в 70-х годах XVIII в., был унтер-офицер Филипп Ефремов. «Странник поневоле», беглец из плена, естественно, уделяет особое внимание расстоянию между городами. От Оша до Маргелана, отмечал Ф. Ефремов, 3 дня пути, а от Оша до Кашгара — 13 дней. Ф. Ефремов отмечает также независимость от Кокандского ханства кыргызов, но сам город, по словам автора, был ему уже «подвластен»¹.

Сибирский казак Максимов в начале XIX в., по дороге в Кашгар видевший, как «кыргызы и кыпчаки кочевали близ Оша», сообщал о паломничестве мусульман к горе Тахт-и Сулейман².

Кокандские послы, бывшие в 1832—1833 гг. в Турции, назвали в составе Кокандского ханства 12 больших

¹ Ефремов Ф. Странствие... — С. 73, 103.

² Потанин Г. Н. Показание сибирского казака Максимова о Кокандском владении // Вестник РГО. — Ч. XXVIII, отд. II. — СПб., 1860. — С. 73.

⁶ Том VI. В. М. Плоских

городов, многочисленные городки и кишлаки¹. Одним из них, несомненно, был г. Ош, который являлся административным центром вилайета. В нарративных источниках Ош иногда продолжал упоминаться также под названием Тахт-и Сулейман — по названию горы, возвышающейся на западной окраине города. «Святая» гора влекла к себе паломников из разных мусульманских стран, благодаря чему город был известен как один из крупных религиозных центров Ферганы. Здесь от позднего средневековья сохранились еще старинные мечети, усилием кокандского духовенства еще шире распространялся ислам и строились десятки медресе. Одним из самых известных было медресе Алымбека (о нем более подробно расскажем ниже). Паломничество подогревало религиозные чувства. Средневековое религиозное мракобесие отнюдь не способствовало социальному и культурному прогрессу.

По занимаемой территории в первой трети XIX в. Ош был небольшим городком, меньше Маргелана и тем более Ташкента, приближаясь по величине к г. Аксу в Восточном Туркестане. Но по сравнению с территорией города в прошлые века в этот период она все же расширилась. И одним из признаков этого было уже отсутствие внешней, опоясывающей раннесредневековый город стены.

Другой характерной особенностью топографии города являлось разделение его на две части быстротекущей горной рекой Ак-Бурой, через которую был перекинут мост. Большая часть города располагалась на левобережье под Сулейман-горой, окруженной «старым, малым бедным городком», и хорошо известной всем прибывавшим в город Ош торговым людям площадью, где останавливались дальние купеческие караваны. На противоположной стороне

¹ См.: *Vacque—Grammon G. L. Turan. Une description du khanat de Khokand vers 1832 d'après un document ottoman. — «Ca-hiers du Monde russe et soviétique». — XIII (2). — 1972. — P. 204—205.*

реки, менее обжитой, жилищ было немного, стояли они редко, и потому проезжавшим по караванной дороге улицы казались здесь более просторными. Жилая застройка состояла почти сплошь из глинобитных, низких, с плоскими крышами домов восточного типа (сакли или мазанки). Впрочем, в Андижане и Бухаре подобные дома внешне выглядели несколько лучше. Вообще, по словам посещавших Ош иноземцев, там «хорошего строения мало».

Помимо многих объектов культового назначения, привлекавших внимание бывавших в Оше ханского времени, упоминаются и некоторые другие. Так, в городе находился, по сведениям Тимковского, монетный двор, где чеканилась медная монета — пул¹. Другие авторы сообщают, кроме того, о ставке — «урде» — правителя Ошского бекства, или вилайета, с канцелярией и другими служебными, жилыми (включая гарем) и хозяйственными помещениями, а также казармами для отряда.

Хан, его ближайшие родственники и некоторые высшие придворные чиновники владели в Оше и его окрестностях значительной недвижимостью — лучшими домами с усадьбами, садами, виноградниками и пахотно-пригодными землями. В собственных и казенных помещениях проживали ханские военачальники, судья (казий), начальник налоговщиков — зякетчей, а также представители мусульманского духовенства в городе.

О том, что Ош был именно кыргызским городом, и не только территориально, но и этнически, имеется немало свидетельств в источниках XIX в. Автор кокандской рукописи «Миротул-фтух», например, отмечал, что родина кыргызов и кыпчаков «находилась в окрестностях Андижана и Оша». Кыргызы контролировали торговый тракт,

¹ Тимковский Е. Ф. Путешествие в Китай через Монголию в 1820 и 1821 гг. — Ч. 1–2. — СПб., 1824. — С. 91.

ведущий из Коканда в Кашгар, и, надо полагать, претендовали на пошлины с караванов, проходящих через их земли. Именно это имел в виду А. П. Хорошхин, когда писал: «Все дороги на Кашгар через Уш (Ош — *авт.*) небезопасны, их стерегут номады — кыпчаки»¹. Поэтому небезосновательно один из среднеазиатских обозревателей 70-х годов XIX в. назвал Ош «центром кыргызско-кыпчакского населения», которое считало его «своим собственным городом» и в котором никогда постоянно даже не стояли сарбазы (солдаты) Кокандского ханства².

Национальный состав населения города Оша в XVIII—XIX вв. (до 1875 г.) не был этнически однородным — кроме окрестных кыргызов здесь проживали ферганские узбеки, таджики (каратегинцы), уйгуры («кашгарлыки»), в небольшой мере оседали кыпчаки и др. На более или менее длительное время в нем останавливались по торговым делам и выходцы из сопредельных стран зарубежной Азии. Как и в других среднеазиатских городах, здесь проживали индийские ростовщики-менялы. Наличие столь разных этнокомпонентов в национальном составе жителей Оша объяснялось историей сложных внешнеполитических взаимоотношений Кокандского ханства с соседними государствами и народами, той ролью, которую приходилось играть в них Ошу, многонациональностью и подвижностью самого населения ханства, которое зачастую вовлекалось в феодальные усобицы, в войны с соседними государствами, а также издавна установившимися разветвленными торгово-хозяйственными связями городов Ферганской долины, включая Ош, наконец, контактами его горожан с коренным населением сельской территории.

¹ Хорошхин А. П. Очерки Коканда: Сборник статей, касающихся до Туркестанского края. — СПб., 1876. — С. 51.

² Военные действия против кокандцев 1875—1876 гг. // по официальным донесениям. — СПб., 1876. — С. 49.

Сословный состав населения Оша в период его подчинения Кокандскому ханству определялся господством феодальных порядков в ханстве и соответственно феодальным строем городской жизни. Все рычаги управления городом и его населением находились в руках военно-служилой, чиновной и мусульманской правящей верхушки. К господствующим классам принадлежали также крупные купцы-толстосумы, державшие в своих руках оптовую торговлю в городе и торговлю с Восточным Туркестаном, ростовщики и менялы, крупные баи и землевладельцы, мастера-предприниматели, караван-баши, имевшие множество выючных лошадей, а также владельцы городских караван-сараяв и лавок на ошском базаре, частью сдававшихся ими в аренду иногородним и мелким местным торговцам.

Кокандское ханство до последних своих дней сохраняло институт рабства, и южная часть Кыргызстана была одним из источников его пополнения. В сохранившемся архиве Кокандского ханства имеются документы, где говорится о вызове женщин-рабынь из Оша. Так, в 1287 г. х. (1870/71) одному из ханских чиновников отдается распоряжение (патта) о выдаче некоему Ахунду-баба определенной суммы за привоз невольниц-чури из города Оша¹. Рабство было ликвидировано лишь после присоединения территории страны к Российскому государству.

Итак, классовый состав населения Оша был очень неоднороден: с одной стороны — беки, датха, купцы, с другой — ремесленники, обедневшие пастухи, наемные работники, отходники и рабы. Большую часть горожан составляли бедные земледельцы, мелкие торговцы и ремесленники, солдаты, низшие служители культа и учащиеся духовных школ, черно- и разнорабочие, водоносы, грузчики и упаковщики в караван-сараях, прислуга, а также нищие, т. е. лица из самых низов городских жителей,

¹ ЦГА УзССР. Ф. И. 1043. Оп. 1. Д. 2899.

испытывавших жестокий налоговый гнет и непосильные трудовые повинности, произвол феодалов. К сожалению, прямых свидетельств об уровне жизни трудового люда в Оше почти не сохранилось.

Хозяйственные занятия горожан

Основная масса жителей Оша занималась сельским хозяйством, многие — извозом и торговлей, значительная часть — ремеслом. Отрасли сельскохозяйственного производства с конца XVIII в. и до 1875 г. оставались традиционными: поливное земледелие («город окружен плодородною землею», «пашни наводняют каналами», — сообщали Муртаза Файзулин и другие информаторы Г. Ф. Генса), садоводство («сады у жителей хорошие и ... фруктов родит много»), а также скотоводство («у жителей много скота, пасущегося поблизости от города»)¹.

Податно-налоговые материалы 40-х—начала 70-х годов XIX в., в частности опубликованные документы ханской канцелярии, позволяют несколько детализировать сельскохозяйственные занятия ошцев. Так, жители Оша и окрестных селений сеяли в основном зерновые: преимущественно кукурузу, несравненно меньше — пшеницу и ячмень (посевы последних были примерно равновеликими), немного риса и просо — джугару. Из волокнистых культур разводили хлопчатник, из масличных — лен и кунжут, а также мак (его употребляли в пищу и из него готовляли наркотики) и люцерну. Были распространены домашнее огородничество (выращивали, как и в соседних районах Ферганы, огурцы, лук, особенно много моркови), бахчеводство, приусадебное садоводство и виноградарство.

¹ *Гене Г. Ф.* Дорога из Семипалатинской крепости в Кашгар, Кокан и Ташкент // Зап. РГО. — Кн. X. — СПб., 1855. — С. 349.

У зажиточных горожан имелись обширные загородные виноградники, сады, огороды и бахчи. В начале 70-х годов XIX в. под дынями в Оше было занято более 50 участков. Летом ошская беднота кормилась дыней с лепешкой. Особенно излюбленными у ошских жителей были дыни-скороспелки. Различные сорта «сахарных» дынь и винограда сушили впрок.

Согласно нарративным источникам, распространение культуры риса в Кыргызстан началось с города Оша. После завоевания города в 1762 г. кокандский правитель Ирдана распорядился отправить в Ош 50 семей колонистов для выращивания здесь риса. Переняв у узбекских поселенцев опыт возделывания рисовых плантаций, кыргызы успешно продолжили культивирование этой культуры¹. Еще и сейчас так называемый «узбекский» рис является лучшим для приготовления любимого блюда горожан — плова.

Хлопчатник как важная техническая культура в XIX в. высевался лишь в окрестностях Оша. В 1877 г., на следующий год после падения Кокандского ханства, здесь получили 6,2 тыс. пудов², т. е. около 200 тонн хлопка, что для того времени было довольно высоким урожаем.

Многие семьи в Оше занимались разведением тутового шелкопряда. Ремесленники-шелкомотальщики были обязаны платить натурой налог в ханскую казну. В кокандских документах особо отмечаются «подношения от шелкомотальщиков»³.

Рабочим и транспортным скотом служили лошади и волы. Многие жители города держали овец.

Включение Оша и южных районов Кыргызстан в состав Кокандского ханства повлекло за собой изменение

¹ См.: Плоских В. М. Киргизы и Кокандское ханство. — С. 222–223.

² ЦГА УзССР. Ф. И. 19. Оп. 1. Д. 23344. Л. 48.

³ Троицкая А. Л. Каталог архива кокандских ханов XIX в. — М., 1968. — С. 106.

традиционных форм аграрных отношений у кыргызов. Хан юридически и фактически становился верховным собственником и распорядителем всех без исключения обрабатываемых и необрабатываемых, закрепленных за кем-либо и свободных земель. Он — глава государства, а стало быть, все земли номинально считались государственной собственностью. Хан был вправе их дарить, продавать, жаловать кому-либо, отбирать и перепродавать.

В результате перенесения практики земельных отношений Кокандского ханства в южную часть Кыргызстана здесь сложилась система государственной, частной и общинной собственности на землю, система землевладения — феодального и крестьянского, система землепользования — индивидуальная и коллективная (общинная). По мере расширения сферы влияния кокандского духовенства на территории юга Кыргызстана возникало и мусульманское землевладение (вакфные владения). Но влияние Коканда на земельные отношения кыргызов в немалой степени зависело от прочности его власти в Кыргызстан и ослабевало по мере удаления от центров ханства.

В целом система аграрных отношений Кокандского ханства, повлиявшая в определенной степени на развитие земельных отношений в городе и среди окрестных кыргызов, вполне соответствовала интересам господствующего класса и носила феодальный характер, сохраняя в то же время черты патриархально-родового уклада.

Процесс разложения общинного и обособления частного землевладения у кыргызов начался уже во время кокандского господства, и, надо полагать, более активно протекал именно в городах. Во всяком случае известен один такой характерный документ от 1254 г. х. (1838 г.) о закреплении большого массива прежде общинной земли в г. Оше уже в личное владение некоему Муллабаю Ахуну Нарботобаеву. Документ, переведенный туркестанским чиновником прошлого столетия, свидетельствовал: «В местности

Ош XIX в.

Мады — часть земли, орошаемая из ключей Карасу, граничит с запада — с полями хана, с востока часть прилегает к полям, принадлежащим отделению бакал, часть прилегает к полям, принадлежащим отделению юваш, с севера — к арыку Мады, с юга — арыком Юваш. Месяц Мухаррама 1254 г. Мы, нижеподписавшиеся кыргызы Мулла Тойчи Курбанбиев, Таракчи и Кожур Ниязбековы... (и др. всего 44 человека. — *авт.*) удостоверяем, что из вышеупомянутой в границах земли часть таковой с поливами из арыка Юваш с 11 очередными поливами из арыка этого же имени принадлежит Нарбото Абдаазимбаеву, Самулу Хусаинову, Муллабаю Нарботобаеву, Гайит-биби Балдышанховой, Мулле Кыргыз Али Абдраманбаеву, Маат Кариму, Мулле Шаназарову, Юсуп Али Суванкулову и Мирзе Амели Абдушукурову, а мы, в свою очередь, удостоверяем, что из числа принадлежащей нам земли половинная часть таковой

с пятью очередными поливами принадлежит Муллабаю Ахуну Нарботобаеву, против чего мы никаких претензий не имеем. В чем и дали сей документ в присутствии казиев, приложивших на оном печати»¹.

Во многих отношениях интересен и другой подобного рода документ, оформленный как купчая на землю, а фактически являвшийся своеобразной отступной грамотой. Оригинал документа хранится в бывшем Ошском краеведческом музее, ныне историко-культурный музей-заповедник, сотрудник которого Е. В. Дружинина нам его любезно предоставила, а перевод по нашей просьбе сделал востоковед В. Н. Настич. Это большой свиток, типично восточного (кокандского) орнамента и бумаги, написанный каламом тушью. Документ, датированный 1864 г., составлен на канцелярском таджикском языке и является купчей — сделкой на усадьбу и несколько участков пахотной земли в районе города Оша. Он содержит 25 строк текста, скреплен 4 печатями и 3 подписями свидетелей. Из-за технических особенностей воспроизведения оригинала с трудом разбираются отдельные слова в тексте, а подписи на оттисках печатей вообще не читаются.

С точки зрения формуляра, традиционного в позднесреднеазиатском делопроизводстве и предписанного шариатом, документ состоит из нескольких «тахдидов» — определений предметов сделки, и собственно протокола купли-продажи. В целом он представляет собой так называемую «васику».

Вот этот документ:

«Описание границ одной постройки² вместе с прилежащим к ней дворовым участком с известными

¹ ЦГА УзССР. Ф. И. 19. Оп. 1. Д. 23534. Л. 78–79.

² *Пак-хана* — этим термином могла обозначаться любая постройка жилого, хозяйственного или общественного назначения, но преимущественно жилой дом (если назначение постройки не указывалось специальным словом). Слово *йак* — числительное «один».

границами¹, которая находится в богоспасаемом городе Оше, в квартале² покойного Нар-бая — таким образом, что [этот участок] с запада частично примыкает к общественной дороге³, частично примыкает к земле Барат-ходжи сына Рузи-ходжи, а частично примыкает к земле Хусейн-бая, сына Йакуб-аке⁴; с востока — частично примыкает к земле Абд ал-Джаббар-бая сына Мирсадык-бая, частично примыкает к земле Муллы Мухаммада Амина, сына покойного Мухаммада Али казия⁵; с юга — частично примыкает к земле Закир-бая, сына упомянутого Нар-бая, частично примыкает к земле, оставшейся (после смерти) Нимат-бая, сына Сейфуллы, а с севера — частично примыкает к земле, оставшейся (после смерти)⁶ йакуб-аке, сына Алланазара, частично же примыкает к земле упомянутого Барат-ходжи.

¹ Т. е. границы которого ясны, существуют физически в виде тех или иных «опознавательных знаков» на самой местности и в отношении которых никаких сомнений правового порядка возникнуть не может.

² *Махалла* — городской квартал; названия кварталов давались, как правило, по имени их старейшин, наиболее уважаемых или самых богатых жителей

³ *Рах-и амм* — здесь, скорее всего, главная улица, отделяющая данный квартал от соседних (в отличие от рах-и хасс — переулков внутри квартала).

⁴ *Аке* (или *ака*) — почтительная приставка к мужскому имени, означающая «старший брат»; не исключено, что у упомянутого Йакуба был младший брат с таким же именем, тогда эта приставка может служить различительным формантом и в этом значении быть неотделимой от имени собственного

⁵ Судьи.

⁶ *Матрука* — любая движимая и недвижимая собственность, оставшаяся после смерти владельца, на которую либо не осталось законных наследников, либо таковые еще не оформлены нотариально.

Также определение одного участка пахотной земли¹ с известными границами, который расположен на канале Кендже-кули (?)², который является одним из каналов³ упомянутого города — таким образом, что с запада он полностью примыкает к заповедной части⁴ канала общего пользования⁵, с востока — полностью примыкает к земле, оставшейся [после смерти] Йакуб-аке, сына Алланазар-бая, с юга — полностью примыкает к заповедной части упомянутого канала общего пользования Кендже-кули, с севера же — частично примыкает к земле, оставшейся [после смерти] упомянутого Йакуб-аке, а частично примыкает к земле наследников (?)⁶ Ибрахим-шейха, сына...⁷

¹ Замин-и мазраа — земли, пригодные для возделывания под любую сельскохозяйственную культуру, включая сады и бахчи, но преимущественно такие, которые обрабатываются ежегодно.

² В строке 6 это название отпачталось неясно; восстановлено по следующим упоминаниям (строки 7 и 9–11).

³ Джуйбарха — любые водные протоки, преимущественно искусственного происхождения; здесь просто в собирательном значении, в отличие от названия отдельных каналов в других местах текста либо в значении магистральных каналов или оросительной системы в целом (ср. джуй при упоминании конкретных каналов).

⁴ Харим — здесь участки канала общего пользования (см. ниже), водоразбор с которых запрещен или так или иначе регулируется городскими властями.

⁵ Джуй-и амм — «муниципальный» канал, не являющийся чьей-то частной собственностью, а в пределах города, очевидно, не проходящий (полностью или частично) через те или иные кварталы; в последнем случае должен называться джуй-и хасс.

⁶ Воспроизведено нечетко, но по сохранившимся остаткам букв и диакритических знаков ничего другого здесь быть не может (прочитано как *вараса* — мн. ч. от *варис*).

⁷ В тексте оставлен пробел. Это делалось в тех случаях, когда составлявший документ по тем или иным причинам не мог назвать имя отца упоминавшегося лица, с тем расчетом, что со временем он, либо кто-то из владельцев документа, вписал бы его, когда таковое становилось известно.

А также определение одного участка пахотной земли с известными границами, который расположен на упомянутом канале Кендже-кули — таким образом, что с запада он полностью примыкает к земле Абдухалика, сына Мухаммада Мурада, с востока — полностью соединяется с милком⁸ Нурмухаммад-шейха, сына Тура-шейха, с юга — полностью примыкает к заповедной части упомянутого канала Кендже-кули, а с севера — полностью примыкает к земле, оставшейся [после смерти] Йакуб-аке.

А также определение одного участка земли с известными границами, который расположен в упомянутом канале Кендже-кули — таким образом, что с запада он частично примыкает к дороге общего пользования, частично примыкает к земле Сатылгана, сына Тилека, частично примыкает к земле Суранчи-йала⁹, сына Джанкузи, а частично примыкает к земле Игамберди, сына..., с востока — полностью примыкает к заповедной части канала общего пользования, с юга — частично примыкает к земле Ахундбека, сына Тилек-бая, частично примыкает к земле Сери, сына Конак-бая, а частично примыкает к земле Ширгази, сына..., с севера же — частично примыкает к владению Малля, сына Ходжамкула, частично примыкает к земле Конче, сына Койтикке (?), а частично примыкает к земле Ураза, сына...

А также определение одного участка земли с известными границами, который расположен на канале Ашкия (?)¹⁰ — на том, что является одним из каналов

⁸ *Милк* (или *мулк*) — особый вид собственности на землю и другую недвижимость, а также собственность («владение») вообще. Различались разные виды *милка*, о чем существует обширная литература (см. работы Бартольда, Семенова, Петрушевского, Чехович и др.).

⁹ *Нала* (также *йал*) — почетная приставка к имени, означает «свободный» или «герой».

¹⁰ Графика этого названия сомнительна из-за неясного росчерка в конце слова и возможного его соединения со следующим, что было бы орфографически неверно, но в принципе не исключено.

упомянутого города — таким образом, что с запада он частично примыкает к земле Муллы Абд ар-Расула, сына Шир-баба, а частично примыкает к земле Абдурасула, сына Шахназара, с востока — полностью примыкает к земле, оставшейся от Йакуб-аке, сына упомянутого Алланазара, с юга — полностью примыкает к земле М. ш. т. рай (?) — баба¹, сына муллы Ходжаназара, а с севера — полностью примыкает к общественной дороге. Разграничительные признаки всех пяти упомянутых участков известны.

В священном месяце Мухарраме² года 1281 — тысяча двести восемьдесят первого³ совершено: заявление ясное, правильное, признаваемое по закону сделала [женщина] по имени Хаким-биби, красная (т. е. рыжеволосая), круглолицая, тучная (букв, «мясистая»), по её собственным словам — семидесяти лет⁴, дочь Алланазара, [находясь] в состоянии правомочности и дееспособности своих распоряжений, добровольно и [как предусмотрено] по закону, лично, в том, что: «от всех прав и претензий, унаследованных мною от отца и матери, которые я имела и предъявляла к мулле Ходжаназару, сыну [упомянутого] Алланазара, — в частности, в отношении участков, упомянутых выше⁵, в обмен на шесть мискалей золота червонных,

¹ Это имя начертано также нестандартно, поэтому его точное чтение не установлено.

² Месяц мухаррам в письменных источниках часто упоминается с эпитетом ал-харам — «священный» или «запретный»; по преданиям, в этом месяце древними арабами не допускались военные действия из-за общих для всех религиозных праздников и богослужения.

³ Соответствует 6 июня — 5 июля 1864 г. по новому (григорианскому) стилю.

⁴ Традиционное описание примет и внешнего вида заявителя, в котором обычно отражались наиболее характерные детали либо телесные недостатки. Некоторые из них (в частности, возраст), как видно из нашего документа, записывались со слов самого заявителя.

⁵ Буквально: «в основной части [документа]».

полновесных, высокопробных, кокандского чекана, обращающихся в настоящее время, получив, отказываясь в пользу упомянутого мулы Ходжаназара отказом полным и отречением окончательным на все времена (?), будучи осведомлена о значении [слова] «отказ», который есть прекращение [всех прав], с предоставлением ему [того], что в этом заявлении...¹ В этом заключается событие, которое записано. Совершено в присутствии справедливых и добросовестных свидетелей».

Оттиски четырех печатей (трех круглых и одной овальной), надписи не читаются.

Подписи свидетелей: «Присутствующие в собрании² — Хусейн-бай, Абд ар-Разик и Пирмухаммед».

Как видно после тщательного ознакомления с документом, он представляет собой не простую купчую, а скорее — своеобразную отступную грамоту: пожилая женщина отказывается от наследованных ею от родителей прав на усадьбу и нескольких земельных участков в пользу другого человека (судя по общему их «отчеству», это брат и сестра). Даже без особых расчетов и прикидки на местности ясно, что эти участки достаточно крупные и плодородные (хотя бы потому, что практически все примыкают к каналу, откуда можно их орошать). Нет сомнения, что все юридические лица, поименованные в документе, — весьма зажиточные горожане. Но цена, полученная «красной» Хаким-биби от ее брата за всю эту недвижимость — 6 золотых тилла — особенно значительной суммы не представляет: при тогдашнем соотношении это 22 рубля 80 копеек в переводе на русские деньги. Создается впечатление,

¹ Несколько слов в ксерокопии воспроизведены бледно и смазаны: здесь должно содержаться окончание формулы условий сделки, и на общий смысл и содержание документа оно не влияет.

² Выписано монограммой.

что почтенные ошане ловко «надули» свою престарелую и, возможно, обедневшую родственницу.

Документ интересен, между прочим, и обилием имен жителей дореволюционного Оша (как живых в то время, так и покойных), среди которых немало чисто тюркских, в том числе кыргызских, а также упоминанием нескольких терминов (названия кварталов и каналов), важных для исторической топонимики. Более того, описание участков настолько подробно, что при знании современной топографии г. Ош можно попытаться найти их «в натуре» и по их площади определить более точно, насколько справедливой была описанная в документе сделка. Равным образом «васика» дает определенный материал и для исследования хозяйственной терминологии, вопросов землепользования и его правового оформления.

Мы столь подробно остановились на данном документе потому, что он, во-первых, вводится впервые в научный оборот; во-вторых, это документ из важных, последних на то время поступлений в Ошский краеведческий музей; в-третьих, получен от ошских жителей — возможных наследников своих предков середины прошлого столетия; в-четвертых, «васика» является типичным образцом земельных документов кокандского периода, свидетельствующих о наличии частной собственности на землю в южной части Кыргызстана того времени.

Кыргызские и кыпчакские феодалы (Алымбек, Алымкул и другие) имели как в самом Оше, так и в окрестностях города «родовые земли»¹. Наиболее крупным кыргызским землевладельцем был алайский родоправитель, ханский сановник Алымбек. Он построил в Оше медресе, отвел ему в наследственный вакф (так называемый вакф-авлод) земельный массив в кишлаке Чин-Абад (Алымбек-чек).

¹ *Зимин Л.* Зерцало побед и его значение для истории Кокандского ханства // ПЗСТКЛА, год 17-й. — С. 34.

Наследники Алымбека специальными документами определяли в вакф медресе городские участки земли и лавки в Оше. Кокандские ханы освобождали от налогов («обеляли») вакф могущественных алайских феодалов. Поскольку далее будет специально рассмотрено ошское медресе Алымбека, то здесь лишь отметим, что это был не единичный случай. Кыргызские родоправители с течением времени все более перенимали кокандские феодальные обычаи, превращаясь в типичных представителей господствующей знати государства. В документах изредка встречаются упоминания о принадлежности отдельным вакфным учреждениям не только пахотных земель, торговых лавок, мельниц, но и сенокосов и пастбищ. Так, ошское медресе Алымбека-датхи имело в вакфе сенокосные угодия. В одном из поименных списков-дефтеров религиозных служителей — муфтиев, аламов, ишанов, тура, а также биев, саркаров, батыров и других — по Ошскому вилайету об освобождении от налога (танабана) и о возвращении владельцам собранных с них денег назван и вакф медресе Алымбека, за сенокосы которого учреждению предписывалось возратить 24 танга взятого налога¹.

В Кокандском ханстве имела место довольно редкая для мусульманского мира практика продажи земель в вакф. И она также нашла распространение среди кыргызов.

В 1288 г. х. (1871/72) некие Байбек-Суфи и Нурмат Бек-Алиевы рода Койбка общества Ирке-Кашка продали участок пахотной земли на арыке Каирма в местности Арча-Мазар за 64 тилла мутавалию мечети в махалля Алымбая в г. Оше. Земля была куплена на вакфные деньги и присоединена к владению ошской мечети².

¹ ЦГА УзССР. Ф. И. 1043. Оп. 1. Д. 1093.

² ЦГА УзССР. Ф. И. 19. Оп. 1. Д. 34937. Л. 129–130.

В 1280 г. х. (1863/64) Курбан Ходжа Исламбаев продал за 28 тилла свой участок земли в кишлаке Кыпчак-Кургане мутаваллию сельской мечети. Так как деньги были вакфные, то казий признал и землю вакфной. Здесь же в 1282 г. х. (1865/66). Мухаммед Азимбай Сатыбалдиев продал за 17 тилла «участок земли со всеми водами и дорогами» мутаваллию той же мечети¹. Недавний кочевник подчас еще предпочитал продавать землю в вакф, а не только жертвовать. Однако в целом вакфный институт землевладения в Кыргызстане не получил широкого распространения, а с включением его в состав Российской империи был сначала существенно ограничен и затем почти ликвидирован. В 1882 г. в черте города Ош вакфные земли составляли всего лишь 51 дес. 1340 кв. саж.²

Ош издревле славился как торговый центр по обмену продукцией между земледельцами Восточной Ферганы и скотоводами-кочевниками окрестных предгорий и Алая. Здесь было несколько базаров, что можно заключить из упоминаний в источниках об «овечьем базаре». Кроме зерновых и бахчевых культур, скота и продуктов животноводства на базарах выставляли (да и производили здесь же) свои ремесленные товары народные мастера — уста: шорники, кузнецы, столяры и др. Видимо, был и невольничий рынок, о чем можно судить по продаже людей в рабство, продаже пленных.

Ош не только лежал на удобной торговой транзитной дороге, но являлся городом, в котором проходили таможенный досмотр купеческие караваны, взималась торговая пошлина, и купцы вынуждены были распаковывать свои товары. А это вело к тому, что Ош становился одним из торговых центров, причем активных, на пути из Кашгара

¹ ЦГА УзССР. Ф. И. 19. Оп. 1. Д. 34801. Л. 1–2 (3–4).

² ГАОО, Ф. 598. Оп. 1. Д. 35. Л. 7.

Базар. 1906 г. Фото К. Маннергейма

в Фергану. О значении Оша во внешней торговле между Кокандским ханством и Кашгарией сообщал в своих показаниях сибирский казак Максимов, побывавший в начале XIX в. в Кокандском ханстве¹.

Находясь на бойком торговом месте — дороге из Коканда в Кашгар, проходившей через Андижан и кочевья местных кыргызов, Ош, даже уступая по величине другим городам Ферганской долины, вел обширную иногороднюю и транзитную торговлю. Так, по словам Ф. Ефремова, сюда съезжались хивинские, бухарские, ташкентские и другие среднеазиатские купцы, которых влекла возможность

¹ Потанин Г. Н. Показание... — С. 72.

дешевой скупки кашгарских товаров и обмена среднеазиатских ремесленных изделий на пригоняемый кыргызами скот. Как видно из записок английского агента-путешественника Мир Иззет Уллы (посетившего город через 33 года после Ф. Ефремова), об оживленной торговой жизни Оша свидетельствовал еженедельный базар по вторникам. Весною здесь также происходило «стихийное торжище» (ярмарка?) стекавшихся в город паломников. Последние привозили с собой массу всевозможных товаров для продажи и обмена со среднеазиатскими купцами, горожанами и окрестными кыргызами-кочевниками¹.

Сведения предшествующих путешественников по Средней Азии о торговом значении Оша дополняют записки Ф. Назарова. В частности, он выделяет Ош как один из центров внешней торговли ханства. «По дороге на упдающей из горы Кашкар-Диван реке Сыр-Дарье, — писал он, — учреждена портовая (т. е. торговая — *авт.*) застава Ош, где взимается пошлина с проходящих из Китая и в Китай караванов»².

В кажущееся противоречие со всем этим вступает опубликованный рассказ Муртазы Файзуллина об отсутствии торговли в Оше, где якобы по этой причине купеческие караваны даже не распаковывают своих тюков. В опубликованном тексте допущено искажение подлинной записки Ф. Генсом рассказа Муртазы о торговом значении Оша. «В городе *почти* никакой торговли нет и жители *почти* единственно занимаются скотоводством и хлебопашеством (курсив наш. — *авт.*)»³. Это важное, хотя и мимолетное, наблюдение («*почти*») о хозяйственных занятиях горожан

¹ Путешествие Мир Иззет-Уллы в Кокандское ханство в 1812 г.: Сводный текст по английскому и французскому переводам / пер. и примеч. Ю. А. Соколова // Труды САГУ. Историч. науки. — Вып. 7–8. — Ташкент, 1956. — С. 45–46.

² Назаров Ф. Записки... — С. 49.

³ Гене Г. Ф. Дорога из Семипалатинской крепости... — С. 349.

Оша в редакции Н. А. Аристова передано так: «Торговли тут никакой не бывает, жители занимаются хлебопашеством и скотоводством»¹. Хотя такое определение хозяйственной базы кокандского Оша в первой половине XIX в. и противоречит сообщениям упомянутых и других путешественников, но оно в определенной мере утвердилось в литературе. Добавим, что на временное расстройство кашгаро-кыргызской торговли, как и во время посещения Оша Муртазой Файзуллиным, могли повлиять последствия нередких антицинских восстаний в Кашгаре местного населения, поддерживаемого кыргызами. Тем не менее в рукописных записках того же Г. Ф. Генса об ответах Муртазы Файзуллина по вопроснику Оренбургской пограничной комиссии уточняется, что пошлина (зьякет) с иноземных купцов взималась то в Оше, то в самом Коканде. По всей вероятности, пошлина бралась на месте, в Оше, если торговые гости прибывали именно для торга с горожанами и окрестными кыргызами. А следующие далее в ханство купеческие караваны сопровождалась в столицу присланными оттуда ханскими чиновниками. Пошлина в этом случае взыскивалась уже в самом Коканде.

Русские источники третьей четверти XIX в. также указывают на важную торговую роль Оша в качестве крупного центра внешней и транзитной торговли ханства с Восточным Туркестаном. Из Восточного Туркестана через Ош и Андижан кашгарские караваны везли в Фергану в числе других товаров яркендские ковры, чайную посуду (синий кашгарский фарфор) и чай. Кстати, именно последний составлял одну из важных статей этой торговли.

Если после «очищения» пошлиной в Оше привозные товары не находили сбыта на месте — в городе, окрестных селениях и аилах, то их везли далее — в Наманган или

¹ Аристов Н. А. Западный Тянь-Шань. Усуни и кыргызы или кара-киргызы // Архив ГО СССР. — Ч. 1—2. — Инв. № 13—39, разр. 65.

Коканд¹. По сведениям, собранным Ч. Ч. Валихановым, через Ошскую пограничную таможенную в 30-х годах XIX в. ежегодно проходило только с чаем от 50 до 80 тыс. лошадиных вьюков. Из Коканда же в Ош поступали наряду с традиционными среднеазиатскими товарами и привозные русские, которые транспортировались для продажи в восточнотуркестанские города. Частью фабрично-заводские товары из России раскупались ошскими купцами, которые продавали их в городских лавках на базаре, а остатки развозились меновыми торговцами по окрестным кыргызским кочевьям. Следовательно, Ош играл роль одного из важных торгово-распределительных центров в крае.

Оживленная заграничная и местная торговля Оша, разветвленность его торгово-экономических связей и интенсивность караванного движения вызвали появление многих лиц, обслуживавших караванную торговлю — караванбашей, проводников, возчиков, грузчиков, упаковщиков товаров.

Древний торговый центр на юге Кыргызстана — город Ош издавна известен и производством ремесленных изделий, будучи крупным пунктом обмена земледельческо-ремесленной продукции на скот и продукты животноводства с окрестным кочевым населением. В конце XVIII — первой половине XIX в. на развитии ремесла и кустарных промыслов в определенной степени неблагоприятно сказывались постоянные феодальные неурядицы в Кокандском ханстве, конкуренция более развитых ремесленных центров Средней Азии, таких, как Фергана, Бухара, Самарканд. Тем не менее, Ош являлся для ханства поставщиком материи, одежды, обуви. Документы архива кокандских ханов, обработанные А. Л. Троицкой, содержат распоряжения ханских чиновников Муллы Абдулджалила, Султана Мухаммеда

¹ Валиханов Ч. Ч. О состоянии Алтышара... // Собр. соч. В 5 т. — Т. 3. — Алма-Ата, 1985. — С. 209.

Мурад-бека, Мирзы Мухаммеда Юсуфа о вывозе из Оша одежды и обуви, которые были, правда, самыми простыми и дешевыми¹.

В городе имелись шорники, портные, цирюльники, садовники. Как и в любом другом городе ханства, военные (солдаты, пушкари), чиновники кормились за счет сбора натуральных податей.

Ошские ремесленники удовлетворяли нужды не только городского, но и окрестного сельского населения. Организация ремесла в Оше и у оседлых сельских жителей во время ханского господства приближалась к средневековой цеховщине². Приближалась, но не достигла его развития — этому мешало и неупорядоченное налогообложение горожан.

С Ошом связаны и некоторые горнорудные разработки. По дороге из Оша в укрепление Иркештам в районе реки Кара-Дарьи имелись небольшие разработки меди. Более крупные разработки меди в Кокандском ханстве были на Наукатском месторождении³. Возможно, именно потому, что недалеко от Оша добывалась медь, в городе был устроен монетный двор, где лили мелкую кокандскую монету из меди — пул. Имеются сведения о добыче в окрестностях Оша в «кокандский период» каменной соли. Казак Максимов упоминает о соляном хребте «Туз-тау», находящемся недалеко от Оша⁴.

¹ См.: Троицкая А. Л. Каталог архива кокандских ханов XIX в. — М., 1968.

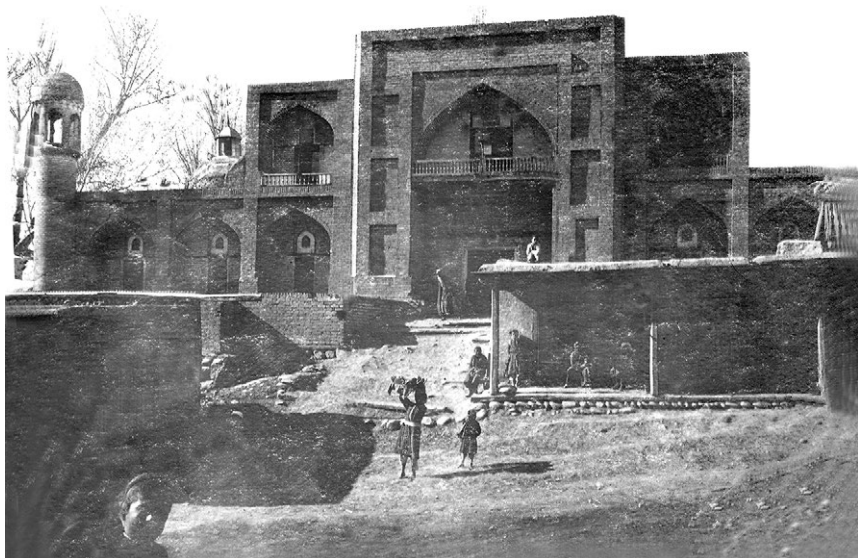
² Зима А. Г. Киргизия накануне Великой Октябрьской социалистической революции. — Фрунзе, 1959. — С. 22.

³ Вебер В. Полезные ископаемые Туркестана. — СПб., 1913. — С. 93—94; Латвийский Б. А. Древнейшие страницы истории горного дела Таджикистана и других республик Средней Азии. — Сталинабад, 1954.

⁴ Потанин Г. Н. Показание... — С. 66.

Медресе и его вакф

Став видным кокандским сановником датхюю Алая, хакимом Андижанского вилайета и, наконец, на короткое время главным визирем Кокандского ханства, Алымбек продолжал считать чуть ли не родовым именем алайские кочевья, а город Ош — ставкой кочевников-кыргызов. Именно в Оше Алымбек возводит на собственные средства медресе, которое, по словам современников, своей архитектурой и красотой соперничало с ханским медресе в Коканде. До наших дней медресе не сохранилось, оно было разрушено где-то в 50-х годах нашего столетия, но остались фотографии и описания его, сохранились официальные юридические документы (вакф-наме) по оформлению в собственность этому духовному учреждению — в так называемый вакф — земель, торговых лавок и прочего имущества.

Медресе Алымбека Фото: Малюшицкого Ю. Н 1927 год

Согласно архивным документам, медресе было построено в конце 50-х годов XIX в. по правому берегу р. Ак-Бура на Кара-Суйской дороге, напротив базара. Возведено оно было из жженого кирпича, состояло из дарс-ханы, ханакп, 28 худжр — келий, в которых проживало три мудариса (духовных наставника) и от 80 до 100 учеников-мулл¹.

В архитектурном плане это было сооружение типично мусульманского культового назначения. В основе оно представляло собой прямоугольник, размером 40×50 м при общей высоте 5 м. Фасад украшали два 15-метровых минарета. Внутри двора имелись четыре гумбеза, мечеть, айваны, которые в праздничные дни вмещали тысячи верующих. Поскольку медресе располагалось на противоположной от центра города и базара стороне реки, Алымбек построил через Ак-Буру большой висячий мост. Первым главным мударисом в медресе был приглашен известный своей ученостью Хаджимат-алам².

Архивы хранят еще немало неизвестных документов по истории Оша и его учреждений. Где-то в их хранилищах затерялось и вакфное дело, зашифрованное под № 449 от 1901 г. о медресе и вакфе Алымбека-датхи. Но нами в свое время было обнаружено другое, более позднее, — из Канцелярии туркестанского генерал-губернатора, озаглавленное «Дело по всеподданнейшему прошению муллы Хасанбек Алымбекова о восстановлении вакфных прав медресе «Алымбек-чек» в г. Оше Ферганской области»³, из которого вырисовывается и общая картина накопления и сосредоточения в хозяйстве медресе Алымбека земель и торговых лавок, т. е. образования и расширения вакфа медресе Алымбека.

¹ ЦГА УзССР. Ф. И. 19. Оп. 1. Д. 34947. Л. 3; Д. 33514. Л. 14.

² Плоских В. М. Вакф медресе Алымбека // Страницы истории и материальной культуры Киргизстана (Досоветский период). — Фрунзе, 1975. — С. 42–43.

³ ЦГА УзССР. Ф. И. 1. Оп. 12. Д. 647. Л. 3–6.

На страницах этого оригинального документа читаем, что в 1276 г. х. (1859) Алымбек-датха пожертвовал в собственность построенному им самим медресе 5 тыс. кошей (примерно 1660 десятин, т. е. около 1825 га) земли. Это были земли всего селения Чин-Абад. Но исключались из жертвования личные дворовые участки дехкан, размером в 2 танапа. Они, как говорилось в вакф-наме, составляли «неотъемлимую собственность их обитателей и должны были считаться свободными от всяких повинностей в пользу вакфного установления — медресе». Можно предположить, что некогда это был свободный массив земли, который по распоряжению Алымбека оросили и сделали пригодным к земледелию. За труды каждый дехканин получал в полную необлагаемую собственность по 2 танапа земли — под приусадебный участок, а налог со всей остальной земли должен был поступать в пользу медресе Алымбека. Так была заложена основа земельной собственности медресе, которая с каждым годом расширялась. И сам Алымбек и впоследствии его наследники еще прикупали различные земельные участки как в самом Оше, так и в его окрестностях, оформляя их («жертвовали») в вакф.

Примечательно, что будучи не только крупным землевладельцем, но и собственником стад скота, Алымбек-датха беспокоился и о заготовке сена (что в целом не было характерно для кочевых кыргызов). Ошское медресе Алымбека имело в вакфе и сенокосные угодья. В одном из архивных документов Кокандского ханства — поименном списке представителей духовенства по Ошскому вилайету — назван и вакф медресе Алымбека, имеющий свои сенокосы. Сохранился документ бывшего ошского хакима Султан Мурад-бека об освобождении от налогов с сенокосных угодий и виноградника сына Алымбека — Абдуллабека и даже его воинов¹.

¹ ЦГА УзССР. Ф. И. 1043. Оп. 1. Д. 1093. Д. 1710.

Как следует из вакфного документа, мутавалием — распорядителем вакфа — Алымбек указывает себя, а затем это право должно будет переходить к его наследникам. Спрашивается, зачем это было нужно Алымбеку — орошать земли, покупать их, а затем жертвовать в вакф духовному учреждению? Вызвано ли это фанатизмом верующего, отдающего большую часть своей недвижимости — земли — духовному училищу, или благотворительностью — пожертвованием земли для организации обучения в медресе и обеспечения учащихся? Вовсе нет! Если это и имело место, то лишь для повышения «авторитета» этого феодала. Суть заключалась в другом. Согласно шариату, имущество, завещанное в вакф какому-либо учреждению, не может быть отчуждаемым: его нельзя продавать, нельзя и конфисковать. Но зато оно может быть (и это было чуть ли не повсеместно) освобождено от налогов в пользу государства, правда, для этого иногда еще требовалась так называемая «обельная» грамота. То есть вакф обладал еще налоговым иммунитетом. При условии же, что распорядителем вакфа устанавливался сам жертвователь, он не только ничего не терял, но и многое выигрывал.

Во-первых, жертвователь остается распорядителем дохода с вакфных земель (хотя в самом документе и оговаривается, какой процент идет лично мутавалию, какой — на ремонт заведения, какой — на содержание учащихся и учителей).

Во-вторых, он получает гарантию частной собственности и может не беспокоиться, что она будет конфискована. (А на этом Алымбек не однажды уже обжигался, неоднократно подвергаясь опале с конфискацией имущества).

В-третьих, обеспечивается правопреемственность наследия должности мутавалия, что гарантировалось самой религией — исламом.

И, в-четвертых, при всем при этом создавалась видимость богоугодного дела — «жертвовалась» своя собственность

духовному учреждению — мусульманскому медресе или мечети.

Пожертвование Алымбека в вакф оказалось оправданным. Превратности придворной жизни, соперничество и межфеодальные усобицы привели к тому, что вскоре звезда Алымбека-датхи закатилась. Новый хан Худояр конфисковал все имущество Алымбека, кроме... вакфа. Вакф медресе Алымбека в Оше остался неприкосновенным и распоряжение им перешло в руки потомков кыргызского феодала. Первым после Алымбека мутавалием вакфа медресе стал его старший сын Джаркинбай Мирза-датха, затем по очереди другие сыновья — Абдуллабек, Батырбек, Хасанбек и т. д. Последними мутавалиями были С. Таныевков, Мулла Байба, Мулла Исам-и и, наконец, Абдулмаджит Абдулхакимов, который сдал все дела нашему информатору Д. Зайнабитдинову в вакфный отдел в 20-х годах уже при Советской власти. Правда, не все они были из родового клана Алымбека — Курбанджан, но все в той или иной степени причастны к нему. В вакф, как неприкосновенную копилку, «жертвовали» свою собственность и наследники Алымбека и Курбанджан.

В 1292 г. х. (1875) Абдуллабек оформил в вакф своего отца два смежных участка земли по Ошскому саю в кварталах Шахидан-тепе и Сарай-куча, общей площадью около 14 танапов. На одном участке располагались торговые лавки. Право мутавалия Абдуллабек оставлял за собой¹. То есть фактически поддерживал традицию наследственного вакфа (вакф-авлод) своего отца. Как видно из последующих документов, на этих землях только лавок имелось 161, и зякет со всех них шел не в ханскую казну, а непосредственно на нужды ошского медресе Алымбека и его сына мутавалия Абдуллабека.

¹ ЦГА УзССР. Ф. И. 19. Оп. 1. Д. 34947. Л. 2–7.

Для примера приведем сам вакфный документ (вакф-наме) и ханскую грамоту (иноят-наме) об освобождении вакфа от налогов. Первый дается в переводе туркестанских чиновников начала XX в., второй — в переводе, сделанном по нашей просьбе востоковедом из Алма-Аты В. П. Юдиным.

«Вакф-наме кыргызского феодала Абдуллабека о пожертвовании им двух участков земли в вакф медресе своего отца Алымбека-датхи в г. Оше 1292 г. х. (1875).

Медресе из жженого кирпича в г. Оше. Медресе состоит из дарс-ханы, ханаки и 28 келий. Границы: с запада — кладбище и сай, с юга — вакфные лавки медресе, с востока — дорога, с севера — кладбище.

Два участка земли по Ошскому саю, один около другого, длина участков 443 аршина.

1-й участок имеет границы: с запада — мельничный арык Мирза-Рахим арбакеша, с юга — дорога, с востока — Ошский сай, с севера — земля, находящаяся во владении Мулла Хусейн Али Мулла Пиримкулова, жертвователя, и Мулла Мухаммед Азиз Махзума Дамулла Тангрикумова.

2-й участок имеет границы: с запада — мельничный арык, с юга — земля Мир-Сеид Шейха, Абджуази Абдрахманбая Мулла Халь Мухаммедова и Абджуази Ишан Ходжи, с севера — дорога. На этом участке имеются лавки.

В месяц зиль каада 1292 г. х. Абдуллабек-датха сын Алымбека парваначи Хасанбек-биева заявил, что упомянутые участки земли он жертвует в вакф в пользу медресе. Мутавалием вакфа — сам жертвователь, а после него — потомство.

Доходы вакфа должны идти на ремонт медресе, а остаток должен делиться на 10 частей: 1 — мутавалию, 3 — мударису, 1 — имаму, 1 — муэдзину, сторожу и цирюльнику и 4 — в пользу учащихся»¹.

¹ ЦГА УзССР. Ф. И. 19. Оп. 1. Д. 39947. Л. 2–3.

Вакф-наме скреплен 20 печатями опшских казиев, улемов и прочих юридических и духовных лиц, ханской печати документ не имел. Видимо, поэтому потребовалась еще «обельная» ханская грамота, которая тогда же и была выдана Абдуллабеку Худояр-ханом.

«В настоящее время да знают и ведают все хакимы, и амины, и казии, и благородные улемы, и шейхи ислама и [все лица], причастные к султанским делам и принявшие на себя ответственность в хаканских занятиях, и прочие саркары, и амины, и аксакалы, и все кедхудаи высокой державы, что в дни ежедневно возрастающего и вечно [нам] сопутствующего могущества нашего августейшего величества чубазират-пансат Абдуллабек-датха купил на берегу сая вилайета Ош многочисленные лавки с пригодной для застройки земель, превратил в вакф медресе, построенного его отцом, покойным Алымбеком-парваначи [и] изготовил вакфную грамоту, украшенную печатями казиев и улемов, [которая] удостоилась рассмотрения светлым взором нашего величества. Из [нашего к этому лицу] благорасположения и благоволения [мы] повелели, чтобы все хакимы, и амины, и саркары, и прочие имеющие отношение лица считали вакфы, границы которых определены в вакфной грамоте, абсолютным вакфом упомянутого медресе, не требовали и не стремились получить с него дирхемов и фулсов, не посягали на что-либо подобное из относящегося к упомянутым вакфам и, считая по этой причине решенным, не преступали [нашего] величайшего, обязательного для исполнения фирмана.

В месяце раджабе почитаемого года 1292 г. х. (1875)»¹.

Этот документ был скреплен малой печатью Худояр-хана второго периода его правления — датой 1279 г. х. (1863) и представлял собой полноправную «обельную» грамоту, освобождающую вакф от всех налогов в пользу казны,

¹ ЦГА УзССР. Ф. И. 19. Оп. 1. Д. 39947. Л. 4.

доход с него теперь полностью поступал лишь медресе Алымбека, а распоряжался им мутавалий Абдуллабек.

Освобождение от налогов должен был подтверждать своими документами каждый новый хан, что обычно и делалось — но лишь в отношении своих сторонников. Явные враги могли и не получить такого подтверждения.

Абдуллабек, будучи приверженцем Исхака, объявившего себя Пулат-ханом и занявшего в последние месяцы существования ханства престол, такие «обельные» грамоты имел и от него.

В 1292 г. х. (1875) Абдуллабек объявил специальным инаят-наме, что арык Ходжалят, находящийся во владении Абдуллабека-датхи, освобождается от хераджа, который должен поступать в пользу его вакфа, определенного мечетям Имам-Ата и Хыдьер-датхн. Сборщиком налогов предписывалось «ни под каким видом не касаться хераджа означенного арыка»¹.

Надо сказать, что вакфный иммунитет сохранялся и в первые годы после присоединения Ферганы к России, даже в отношении явных противников последней, что не распространялось на частную собственность тех же лиц. Так, после бегства Абдуллабека в Афганистан и нежелания возвратиться, его собственные земли в местности Беш-Булак были причислены к казенно-оброчным статьям на основании распоряжения военного губернатора Ферганской области Скобелева в 1876 г.² Однако земли, в свое время определенные Абдуллабеком в вакф различным учреждениям (как медресе своего отца, так и другим мазарам), не подлежали конфискации и остались неприкосновенными. Их мутавалиями были, как сказано выше, поочередно сыновья Алымбека согласно ведомостям о медресе и мечетях

¹ ЦГА УзССР. Ф. И. 19. Оп. 1. Д. 34944. Л. 3–4.

² *Ильясов С. И.* К вопросу о вакфах на территории Южной Киргизии // Изв. АН КиргССР. — Вып. 1. — Фрунзе, 1955. — С. 148.

Ошского уезда, в 1877 г. медресе Алымбека-датхи имело 71 торговую лавку и 34 танапа городской земли, с которой поступало доходу 319 рублей, да кроме того, шел доход с вакфных земель кишлака Чин-Абад в размере 437 рублей¹. Надо отметить, что даже после упразднения основного числа вакфов и отобрания основного фонда земель медресе и мечетей и перевода их в разряд казенных, вакф медресе Алымбека продолжал оставаться довольно состоятельным. По сведениям начальника Ошского уезда, в 1886 г. мутавалию медресе Хасанбеку только в городе принадлежало 80 торговых лавок, а по данным на 1906–1907 гг., за медресе числилось 120 торговых лавок². Несмотря на то, что после поземельно-податного обследования большая часть земель отошла от вакфа в фонд казенных земель, ошское медресе Алымбека продолжало оставаться самым богатым. В 1891–1892 гг. на содержание мутавалия приходилось в год 160 руб., учащиеся старших классов получали по 20 руб., средних — по 10 и младших — по 5 руб³. В целом доход от торговых лавок в 1901 г. составил 1350 руб⁴. С земель же, которые в ходе поземельно-податного обследования были изъяты из вакфа и временно предоставлены в аренду населению на правах казенно-оброчных статей, в том же 1901 г. был исчислен налог (но поступивший уже не вакфному медресе, а в казну) с 1307 десятин в сумме почти 3140 руб⁵.

Живучесть вакфного установления сказалась даже после революции. Еще в первые годы Советской власти медресе

¹ ЦГА УзССР. Ф. И. 19. Оп. 1. Д. 22507. Л. 54.

² ЦГА УзССР. Ф. И. 19. Оп. 1. Д. 23586. Л. 9; Д. 33610. Л. 6–7.

³ *Айтмамбетов Д. А.* Дореволюционные школы в Киргизии. — Фрунзе, 1961. — С. 27.

⁴ ЦГА УзССР. Ф. И. 19. Оп. 1. Д. 33514. Л. 14.

⁵ Там же. Л. 12–13.

Алымбека продолжало сохранять за собой только в г. Ош два участка пахотной земли и несколько торговых лавок¹, пока вакф не был окончательно ликвидирован. Принимал последние вакфные дела от медресе Алымбека представитель администрации советских органов уже упоминавшийся Д. Занабитдинов, передавший нам записи своих воспоминаний о медресе Алымбека и вакфе в г. Оше летом 1962 г.

Памятники и рукописи

Особенно трудно характеризовать культуру населения Оша в кокандский период. И не только из-за скудости источников. Кокандское ханство находилось на такой стадии развития, что говорить о заметном культурном прогрессе нет оснований: культура предшествующего — тимуридского периода была едва ли не выше. Да и источников по истории культуры кокандского периода почти не сохранилось. Можно утвердительно говорить лишь о тех архитектурных и рукописных памятниках, которые сохранились до наших дней, либо упоминания о которых встречаются в более поздних источниках. Даже затруднительно как-то охарактеризовать материальную культуру горожан, потому что это полностью неисследованная сфера и изучение её является делом предстоящего будущего.

Поэтому остановимся лишь на памятниках культовой архитектуры XVIII—XIX вв. и рукописных книгах этого времени, к выявлению и сбору которых мы были причастны в последние 80-е годы в ходе историко-археографической экспедиции.

К культовым памятникам можно отнести мавзолеи — гумбезы, мазары, мечети и медресе, представляющие интерес в историко-архитектурном плане.

¹ ЦГА УзССР. Ф. И. 19. Оп. 1. Д. Д. 33730. Л. 2

⁸ Том VI. В. М. Плоских

Намогильные сооружения кыргызов — гумбезы строились, как правило, в традиционном исламском стиле из сырцового, реже — жженого кирпича. Возводились они в честь мифических или реально живших мусульманских «святых» и над могилами крупных местных феодалов. К ним относились гумбезы у подножья Сулейман-горы (в окрестностях города, кстати, позже было родовое кладбище Курбанджан, да и гумбез самой «алайской царицы»), непосредственно в городе Оше, а также мазар конца XVII—начала XVIII в. Ходжа Биала, мазары Ишан Балхи в Уч-Кургане и Арсланбоб в одноименном кишлаке Ошского вилайета. В Оше, писал корреспондент мусульманской газеты «Вакт» («Время») в 1913 г., несколько мавзолеев и много мечетей, особенно много их под Сулейман-горой и вокруг кладбища. Здесь происходили моления. Причем у одной стороны мечети мог быть выставлен на длинной жерди хвост яка, а на другой — флаг¹.

Скромные во внешнем архитектурном решении гумбезы и мазары Оша во многом уступали известным аналогичным памятникам Средней Азии более ранних времен, в частности, самаркандским эпохи Тимуридов, узгенским караханидского периода или даже синхронным бухарским. Недолговечна была и их жизнь, множество их не сохранилось до нашего времени, равно как и медресе и здания большинства мечетей.

Всего, как можно заключить по архивным материалам, в последние годы Кокандского ханства непосредственно в Оше и его ближайших окрестностях было 6 медресе и 147 мечетей.

Медресе Алымбека высоко оценивалось современниками, как достойное архитектурное сооружение Оша середины XIX в. Его сравнивали с ханскими медресе в Коканде

¹ Ахилулла Хайрилулла Оглы. Город Ош и Тахт Сулайман // Прилож. к газ. «Вакт» («Время»). — Оренбург, 1913. — № 1264.

и аналогичными в Бухаре. Были здесь и другие, более скромные медресе – Алымкула, Халмурза-бая.

Медресе и вакф Алымбека подробно охарактеризованы выше. В целом это комплексное сооружение представляло не только исторический, но и архитектурный интерес как памятник былой архитектуры города Оша, юга Кыргызстана, да и Ферганы в целом. Медресе занимало территорию площадью более четверти гектара и представляло собой значительный архитектурный комплекс. Это было типичное сооружение позднего этапа культового зодчества Средней Азии, образец ферганской архитектурно-строительной школы.

Внешне медресе являло собой замкнутую симметричную композицию, обширный двор окружали кирпичные стены, как бы отделявшие внутреннюю жизнь медресе от внешнего мира; они были более пяти метров высотой, по углам стояло четыре минарета высотой более 15,0 м, которые придавали сооружению своеобразный вид. Входы в этот комплекс были подчеркнуты высокими монументальными порталами с глубокими стрельчатыми нишами.

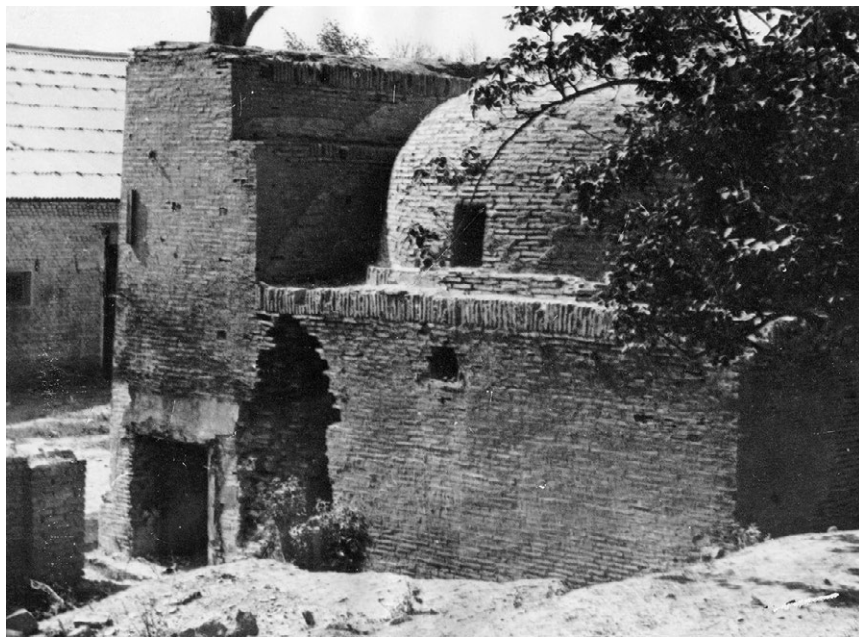
Характерный живописный вид общему силуэту медресе придавали пять куполов, минареты на углах и два портала. Этот комплекс был весьма внушительным среди окружающей его малоэтажной невзрачной жилой застройки. Двор медресе имел в плане форму прямоугольника, окруженного по периметру стрельчатыми арками. Во дворе был хауз с проточной водой, выведенный по арыку из реки Ак-Буры. На плоскую кровлю и на второй этаж можно было подняться по винтовым лестницам минаретов. Каким было убранство помещений, сейчас трудно судить, но надо полагать, что и декору помещений было уделено определенное внимание.

Медресе, как уже говорилось, было возведено из жженого кирпича на ганчевом растворе. За период своего существования оно подвергалось неоднократным ремонтам,

пристройкам и перестройкам, что даже специально оговаривалось вакфными документами.

Наиболее известным сохранившимся до наших дней средневековым памятником Оша является мавзолей Асаф ибн Бурхия. Современный внешний вид, согласно оценке специалистов, этот мавзолей приобрел в результате реконструкций в XVIII–XIX вв. Но основа его была возведена из обожженного кирпича, характерного для караханидского времени. Неподалеку от мавзолея Асаф ибн Бурхия находился до недавнего времени существовавший (в руинах до 1976 г.) караханидский мавзолей Кчик-Макка. Здание представляло собой купольное сооружение с двумя входами, служившими проходами к мавзолею-мазару Асаф ибн Бурхия.

Что нам известно сегодня об этом мавзолее? Какова его ценность?

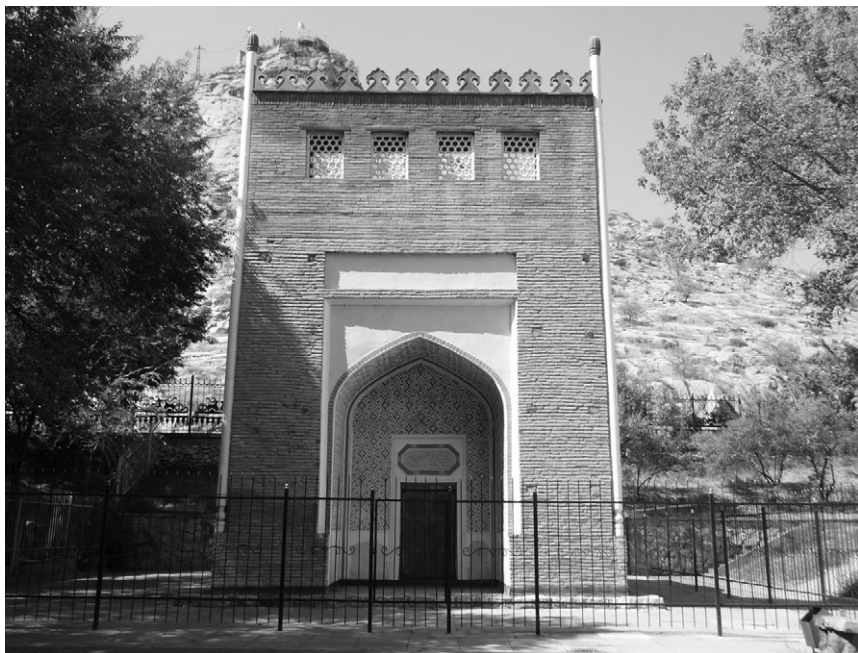

Мавзолей Бурхия

Если обратиться к паспортам памятников истории и культуры Кыргызстана, заведенным на подобного рода объекты в Министерстве культуры Киргизской ССР, можно узнать, что мавзолеем Асаф ибн Бурхия «имеет научно-историческое и художественное значение как единственный представитель этого вида сооружений Ферганской долины, сохранившийся в г. Оше». Информации о мавзолее, его фото и планы можно встретить в работах Л. А. Зимина, Б. П. Денике, А. Н. Бернштама и В. Е. Нусова¹, хотя о времени возведения этого сооружения единого мнения у исследователей пока нет. Не установлено и имя автора и строителя мавзолея, неизвестно даже подлинное имя захороненного в мавзолее, мемориальная надпись в нише утрачена. По сообщению Л. А. Зимина, на несохранившейся до наших дней одной из двух створок резной двери было имя резчика — усто Ахмед. Вот, пожалуй, и все данные. Датировка памятника предложена сугубо по сравнительным аналогиям, технике и строительному материалу, по архитектуре сооружения. Считается, что в основе мавзолея было сооружение караханидского времени XI—XII вв. Затем на этом месте возводилось новое культовое сооружение XVI в., позже подвергшееся перестройке и приобретшее современный вид в XVIII—XIX вв. Последние изменения были связаны с пристройкой к мавзолею в начале XX в. мечети Джамии. Согласно преданию, здесь был захоронен местный «святой» — Асаф ибн Бурхия.

Мавзолеем расположен на восточном склоне Сулейман-горы и главным фасадом обращен на юго-восток. Сооружение в плане прямоугольное с размерами сторон 7,3 и 9,65 м.

¹ *Зимин Л. А.* Мусульманское сказание о г. Оше // ПЗСТКЛА, год 17-й. — Ташкент, 1913; *Денике Б. П.* Архитектурный орнамент Средней Азии. — М.; Л., 1939; *Бернштам А. Н.* Архитектурные памятники Киргизии. — М.; Л., 1950; *Нусов В. Е.* Архитектура Киргизии с древнейших времен до наших дней. — Фрунзе, 1971.

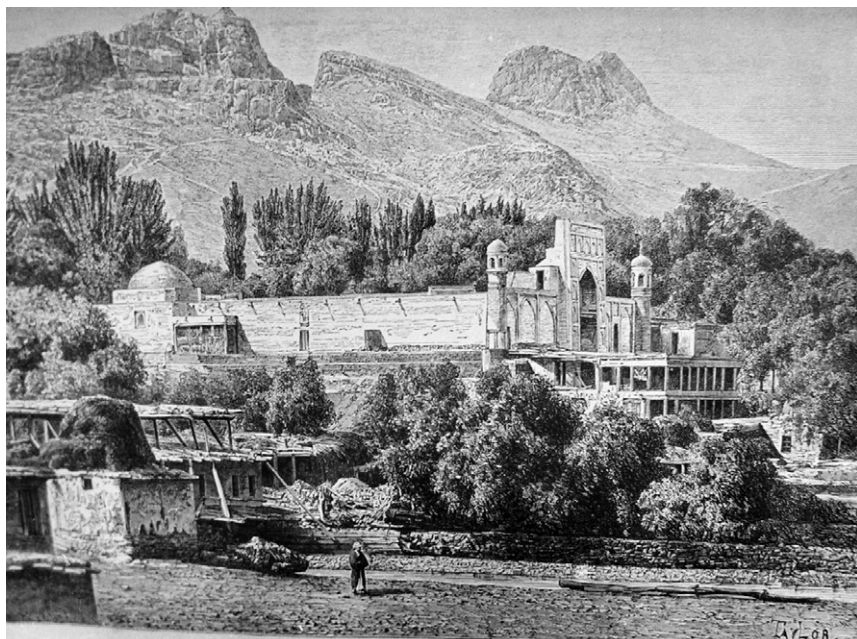
Мавзолей Бурхия после реставрации

Внутреннее помещение имеет восьмиугольное очертание. Стрельчатый купол диаметром 4,4 м покоится на восьмигранном невысоком барабане. В архитектурном решении это — высокий портал с глубокой нишей, перекрытой стрельчатой аркой. Верхняя часть портала завершается четырьмя прямоугольными проемами с прозрачными решетками. Вместо карниза портал завершает массивное орнаментальное в виде парапета ограждение. Кроме основного дверного проема в нише портала есть поздний дверной проем в юго-западном фасаде. Над дверью была надпись на небольшом плафоне. Фундамент памятника сложен из крупных рваных камней на лессовом растворе. Стены и купол выложены из жженого кирпича. На портале и вокруг двери юго-западного фасада имеется резной

ганчевый декор. На флангах, возможно, в углах, были изящные стройные колонны.

Мавзолей как архитектурный памятник подлежит государственной охране. В 1980—1983 гг. группой архитекторов реставрационных мастерских Министерства культуры республики разработан проект реставрации и реконструкции мавзолея.

С северо-восточной стороны у подножья Сулейман-горы сохранилась одна из больших мечетей, называемая Рават Абдуллы-хана. Здесь в настоящее время размещена экспозиция по дореволюционной истории области краеведческого музея. Первоначальный вид это культовое сооружение давно потеряло в результате неоднократных ремонтов и перестроек, проведенных в XIX в. и в первой половине XX в.

Мечеть у Тахти-Сулейман в г. Ош. Возведена сыном Абдурахмана Афтобачи. Литография Тейлора. 1877 г.

До ремонта мечеть Рават Абдуллы-хана имела величавый вид монументального культового сооружения. Главный фасад мечети, обращенный на восток, представлял собою симметричную трехарочную композицию, которая завершалась на оси высоким стрельчатым куполом. Три глубокие монументальные арки образовывали три стрельчатые ниши глубиной от 3 до 4 м. Арки ниш опирались на мощные пилоны толщиной от 125 до 162 см. Ниши арок давали глубокую тень, которая подчеркивала выразительную рельефность фасада сооружения. Архитектурный декор на фасадах не сохранился, но можно полагать, что он был.

Мечеть в плане имеет форму прямоугольника с размером сторон 15,6 и 27,4 м. Толщина колеблется в пределах от 92 см до 2,5 м. Структурно ее план состоит из трех частей. Центральная подчеркнута высоким куполом, боковые имеют, хотя и второстепенное, но немаловажное значение. Открытое центральное помещение с высоким куполом, находящееся на оси главного фасада, перекрыто стрельчатым куполом на парусах. Диаметр купола около 4 м. Высота центрального помещения от пола до зенита купола около 12 м. Центральная часть была летним помещением, а боковые — зимними, которые освещались через узкие стрельчатые окна.

Мечеть возведена из прочного плиточного кирпича на лессовом растворе с примесью ганча. Полы, возможно, были выстланы кирпичом. Внутренние стены и купола оштукатурены ганчевым раствором. Не исключено, что существовали росписи на стенах с растительным и геометрическим орнаментом. Точная дата строительства мечети пока не определена. Но, судя по стилю, характеру архитектурных форм и декора, а также конструкций и строительных материалов, по строительным приемам зодчих, эта мечеть сооружена в духе ферганской архитектурно-строительной школы XVI—XVII вв.

Архитектурный обмер мечети Рават Абдуллы-хана был произведен в 1963 г. архитектором В. Е. Нусовым. Им же разработано проектное предложение реконструкции и реставрации этого архитектурного комплекса.

Мавзолей Асаф ибн Бурхия и мечеть Рават Абдуллы-хана в Оше представляют определенный историко-культурный интерес как памятники ферганской архитектурной школы позднего средневековья. В Южном Кыргызстане таких сооружений всего два и оба они находятся в Оше. Эти памятники входят в сокровищницу памятников истории и культуры Кыргызстана.

Аналогичными, но более скромными в архитектурном решении были и другие мавзолеи, мечети и медресе Оша. Строительным материалом служили жженный и сырцовый кирпич, гуваляк, пахса, использовалось для внутреннего крепления и архитектурного обрамления также дерево. Мечети и медресе, как правило, имели айваны, примыкавшие к зимним помещениям, стены и потолок их украшали разноцветные росписи с растительным и геометрическим орнаментом, резьба по ганчу и дереву. В медресе имелись кельи для учащихся. Дети обучались в мектебах (школах) при мечетях, с превеликим трудом осваивая лишь азы арабского письма и чтение Корана. Ученики овладевали канонами ислама и едва ли в этот период занимались науками. Да и учащихся было очень мало, кыргызов — единицы, и то преимущественно из среды зажиточных горожан и ошского купечества. Мы не знаем имени ни одного ошского ученого или писателя времени Кокандского ханства, кто оставил бы хоть какой-то заметный след в культуре, не в пример раннему средневековью.

Кыргызский народ, как известно, не имел до революции своей письменности, исторических хроник и литературных письменных произведений. Однако общение с узбеками и таджиками (а оно в Оше было наиболее тесное)

способствовало распространению, правда, весьма незначительному, среди кыргызов и в кокандский период арабского письма. В Оше распространялись и ходили среди населения единичные экземпляры рукописных книг как на арабском, так и на таджикском языке, а также на тюрки, или иначе — чагатайском языке. Находки старинных книжных рукописей в Оше (часть их хранится в Ошском краеведческом музее, часть приобретена для нынешнего Института истории Национальной Академии наук Кыргызстана), служат бесспорным доказательством, пусть слабых, но все же культурных связей кыргызов с другими среднеазиатскими народами. Археографические находки, в том числе и в Оше, говорят о том, что среди обращавшихся в Кыргызстане рукописных книг были не только сочинения духовного содержания (хотя таковых, вполне естественно, больше), но и светского характера — учебники, поэтические сборники, в том числе и санаты (четверостишья правоучительного характера), наставления по правоведению.

В рукописном виде ходило среди населения и такое легендарное сочинение, как уже упоминавшийся выше «Трактат о городе Оше». Это копия анонимного сочинения, переписанного во времена кокандских ханов и уходящего своими истоками, видимо, в средневековье. В нем собрание мусульманских преданий, прославляющих достоинства и достопримечательности Оша¹. (Фотокопия его переснята нами еще в 60-х годах в бывшем Ленинградском

¹ Рукоп. фонд ЛОИВ АН СССР. — Инв. № С-2038. — Фотокопия и перевод хранятся в фондах Института истории АН Киргизской ССР. Легенды сочинения частично сходны с преданиями об Оше, опубликованными на узбекском языке в «Туркестанской туземной газете» в 1885 г. и переведенными на русский язык Л. А. Зиминым (Мусульманское сказание о городе Оше) // ПЗСТКЛА, год 17-й, — С. 3–16; Описание «Трактата об Оше» есть в каталоге : *Миклухо-Маклай Н. Д.* Описание персидских и таджикских рукописей. — Исторические сочинения. — Вып. 3. — М., 1975. — С. 321–322.

Отделении Института востоковедения АН СССР, а в середине 70-х годов его с персидского любезно перевели востоковеды из Алма-Аты В. Н. Настич и В. К. Шуховцев). Не имея конкретно-исторического значения, рукопись тем не менее представляет интерес своим мифологическим осмыслением некоторых сюжетов. В частности, именно здесь упоминается, что г. Ош — «лучший из городов». В ней говорится: «В восточной стороне есть город, который называется Ош. Он — лучший из городов, и он достойнее остальных городов, а его жители [достойнее] остальных народов». И далее снова: «Это город, который находится на востоке земли и называется Ош, а еще называют его Хайр ал-булдан» (букв.: «Лучший из городов». Название Хайр ал-булдан редко встречается в других источниках).

Рукопись XIX в., переписанная тушью почерком насталик на типично восточной бумаге, переплетена в картон, покрытый кожей, представляет собой характерный образец кокандских религиозных книг. Имеет историко-культурное значение как письменный памятник прошлого. Правда, следует отметить, что, по заключению названных выше переводчиков, язык сочинения (персидский, таджикский) отличается малограмотностью, текст изобилует грамматическими неточностями и диалектизмами. Это как раз и говорит, что автор не блистал особой «ученостью», и что сочинение было написано где-то на периферии от культурных центров, не исключено, что именно в Оше.

Примечательным памятником культурного прошлого кыргызского народа являются рукописи санат кыргызского автора прошлого столетия Молдо Нияза (примерно 1820—1896 гг.)¹. Первая его рукопись была случайно обнаружена в Ошской области в 1951 г. профессором

¹ См.: Плоских В., Назаралиев Т. Оригинальные источники по истории Киргизстана // Страницы истории и материальной культуры Киргизстана (Досоветский период). — Фрунзе, 1975. — С. 64—72.

Б. М. Юнусалиевым и хранилась в Академии наук Кыргызской ССР¹. Автор был известным в свое время певцом-наставником, возможно, из алайских или шахимарданских кыргызов. Как следует из санат, Молдо Нияз объездил всю Фергану, Тянь-Шань, Чуйскую и Таласскую долины. Будучи свидетелем и непосредственным участником многих исторических событий в Кокандском ханстве, он оставил о них свои записи в форме поучений. В санатах Молдо Нияза мы встречаем упоминания о кокандском Худоярхане, Алымкуле — всесильном регенте при малолетнем Сарымсаке, Якуб-беке — кашгарском бадаулете — основателе уйгурского государства Йетшышаар и др. В них находим мотивы сочувственного отношения к простым труженикам, обличения деспотизма Худояр-хана, при котором «весь угнетенный народ попал в беду: сын остался сиротой, жена стала вдовой, джигиты Алымкула бежали», у кыргызов «кровавый день настал». Бичуя ханских прислужников, султанов-тысячников, Молдо Нияз говорит, что лучше умереть простым алайцем, чем уподобиться кровопийцам.

В отдельных санатах Молдо Нияза звучит прямая, хотя и несколько наивная, критика местных кыргызских феодалов и духовенства (казиев), которые наживаются за счет простого люда (букары), жестоко угнетая свой народ. Автор призывает борцов против кокандских приспешников — неких кыргызов из рода найман Суванкула и Таира к защите народных интересов, к активной борьбе: «Все найманы в угнетение попали. Ханские тысячники насилуют народ. Где вы — Таир и Суванкул? Надо спасать народ!»

Как историк, да и как поэт, Молдо Нияз не сумел подняться до научного анализа фактов и их художественного обобщения. Все события он преподносит так, как воспринимает:

¹ Санаты Молдо Нияза // Рукоп. фонды ООН АН КиргССР. — Инв. № 1732; вторая рукопись. — Героические песни Молдо Нияза; Там же, инв № 5072.

наивно, субъективно, упрощенно, иногда неверно в силу ограниченности мировоззрения, иногда из-за слишком пристрастного отношения к участникам и событиям, поскольку сам был лично с ними связан. Все это и понятно. Трудно ожидать большего от воспитанника ортодоксального медресе (а только такое и мог окончить в свое время Молдо Нияз). Однако надо учитывать, что для того периода это пока еще единственное высказывание представителя кыргызского народа о современных ему исторических и политических событиях. К тому же, следует учитывать, что санаты написаны «на кыргызском языке, с отражением фонетических, морфологических и лексических особенностей юго-западного (ичкиликского) диалекта»¹, как констатирует признанный советский тюрколог, специалист кыргызского языкознания академик Б. М. Юнусалиев.

В Ошской области и непосредственно в г. Оше нами выявлено, а затем приобретено для Института истории Академии наук Кыргызской ССР несколько рукописных книг, в том числе и кокандского периода. Правда, в большинстве своем это — различные комментарии к шариату, Коран, хадисы (высказывания пророков), но среди них есть и рисоля — книжечки-молитвы и, наставления ремесленникам, мясникам, земледельцам и даже учебники.

Среди находок — интересные наборные, литографические и рукописные книги со стихами Бедиля и Хафиза, Омара Хайяма, Джамии и Алишера Навои, есть и совсем безвестные рукописи.

На территории Кыргызстана нами были приобретены и такие сочинения, как тюркское переложение «Мухтасар ал-Викайя» (копийный список 1807 г.), энциклопедический словарь «Гийас ал-лугат» (1826/27 г.), копия сочинения

¹ Юнусалиев Б. М. Отражение диалектных особенностей в санатах Молдо Нияза // Тюркологические исследования : сб. статей, посвященных 80-летию академика Константина Кузьмича Юдахина. — Фрунзе, 1970, — С. 50.

средневекового автора из Средней Азии по мусульманскому правоведению «Ал-Хидайа», объемная тюркская рукопись Суфи Аллаяра «Маслак ал-мутаккин» («Путь праведных») и другие¹.

Одним из ценных наших приобретений 1984 г. можно считать почти целый экземпляр рукописи, любезно переданной в дар институту старейшим жителем Оша С. Исаковым. В одном книжном переплете в ней различные сочинения, объединенные общей тематикой. По мнению востоковеда В. Н. Настича, в рукописи содержатся четыре текста на арабском языке по схоластической логике и комментарии к ним. На полях первого текста приписки из других сочинений разными почерками и чернилами. Заставка — колофон имеет дату — 1242 г. х., т. е. копия — список сделан в 1826/27 г. В колофоне второго сочинения приводятся имя переписчика и дата завершения его работы над рукописью: «12 месяца зулкада года 1242 совершено: рукой бедного, ничтожного Мир Сейида Ибрахима, сына Мирза Махмуда Мазари в Хазрат-Шах, одной из деревень Балха, в мазаре, изобилующем знаменами четвертого халифа [т. е. Али], Закончил. Конец» В переводе с хиджры указанная дата соответствует 7 июня 1827 г.

Аналогичны и два следующих сочинения — комментарии.

Особой научной ценности по содержанию сборник не представляет, тем более, что все приведенные в нем трактаты, комментарии и, возможно, суперкомментарии безымянны. Определенный интерес представляет сама рукописная книга как таковая — копия произведение кокандского периода, имевшая хождение в Оше, наличие в ней имени переписчика, дата, а также особенности каллиграфии и переплета. Рассматриваемая книга — образец рукописного книжного дела в Средней Азии первой

¹ См.: *Плоских В. М.* В поисках книг и рукописей // По следам памятников истории и культуры Киргизстана. — Фрунзе, 1982. — С. 138–139.

половины XIX в. и, что не менее важно, свидетельство бытования в Оше традиционной мусульманской грамотности на арабском языке. Небезынтересны в некотором смысле и обнаруженные нами в одном из гумбезов Ошской области в этом же 1984 г. несколько свитков с записанными на них от руки мусульманскими молитвами. Это своеобразные обереги — тумары, написанные на бумаге среднеазиатского производства XIX в. темно-серыми или коричневыми чернилами, плохо заточенным каламом (пером) и некаллиграфическими почерками.

Один из свитков содержал молитву на таджикском языке приблизительно следующего содержания: «От болезней. — Кто при себе с чистыми помыслами имеет [данную молитву], то все равно, что он совершил бы тысячу хаджей (паломничеств в Мекку. — *авт.*) или прочел тысячу раз коран, или освободил тысячу рабов, или насытил тысячу голодных и т. п. Хазрат Осман говорил, что бог сотворил для человека три тысячи болезней. Кто эту «великую» молитву с искренним чувством при себе держит, того она от трех тысяч болезней, посылаемых Аллахом (!), предохранит, и шайтан к этому человеку дорогу не найдет...» и т. д. Как, оказывается, все просто!

Помимо того, что эти и подобные им молитвы-обереги, строго говоря, являются таким же продуктом народного творчества, как и образцы любого литературного жанра, и уже поэтому заслуживают внимания специалистов-языковедов, диалектологов и фольклористов, они представляют собой и красноречивое свидетельство надувательства простых людей, которым в случае серьезной болезни или другого несчастья вместо лечения или активного вмешательства в ход событий, в «красочной» и соблазнительной форме предлагается (причем без альтернативы!) «с чистыми помыслами» и искренним чувством надеяться только на Аллаха, который-де поможет мусульманину. Тут же совершенно прозрачно намекается, что если кому-то это

не поможет, то исключительно по причине отсутствия «чистых помыслов» и безусловной веры во всю эту мистику. Написавший же эту молитву и получивший за нее определенную плату мулла, конечно же, ни за что не отвечал.

На примерно такой идейно-просветительной основе протекала «культурная» жизнь горожан Оша и окрестного населения в мрачный период кокандского владычества — времена темноты и забитости, насилия и безудержной эксплуатации. Характеризуя весь археографический комплекс в целом — все собранные рукописные книги и свитки, можно отметить, что, несмотря на всю их скромность, они представляют достаточно ценные и интересные для исторической науки источники, позволяющие сделать определенные выводы о степени развития, а точнее, — о бедности просвещения и отсутствии научных представлений (о науке, конечно, и речи нет). И все же, даже свитки с полуграмотными молитвами на тюркском и таджикском языках, на первый взгляд, лишённые какого-либо познавательного значения, могут внести определенный вклад в изучение социальной и индивидуальной исторической психологии населения того времени, в значительной мере уходящей в глубь столетий и корнями своими отражающей весьма древние представления и доисламские верования.

Не говоря уже о произведениях светского содержания, несущих интересную историческую информацию и представляющих художественную ценность, рукописные книги по богословию и мусульманскому правоведению, не будучи прямыми первоисточниками исторического круга, тоже зачастую содержат скрытый фактографический материал, позволяющий делать определенные идеологические выводы. Все они при критическом подходе к ним как источникам могут служить немаловажным подспорьем для востоковедов-историков, для философов и историков мусульманского права. В любом случае они отражают интересы, ценности горожан и сельчан или дух своей эпохи.

При всем этом надо учитывать, что рукописные книги, особенно выполненные с высоким художественным мастерством, были очень редки и ценились высоко. Поэтому и доступны они были только состоятельным людям, да и появлялись нередко лишь по заказу правителей, крупных феодалов-меценатов и состоятельных горожан.

Как видим, и архитектура культовых памятников (гумбезы, мазары, медресе, мечети) и памятники духовной культуры, в частности книги, имеют классовый-религиозный характер как по форме, так и по содержанию, хотя непосредственным их творцом, мастером (и нередко высокого уровня) были исполнители из народа. Общественная структура феодального общества накладывала свой отпечаток не только на политику, хозяйство и быт, но и на материальную и духовную культуру поселения. Как пишут К. Маркс и Ф. Энгельс, «класс, имеющий в своем распоряжении средства материального производства, располагает вместе с тем и средствами духовного производства, и в силу этого мысли тех, у кого нет средств для духовного производства, оказываются в общем подчиненными господствующему классу»¹.

Налоговый гнет

Трудовое население города в полной мере испытывало все налоговые тяготы, которыми облагалось население Кокандского ханства. Налог взимался и с зерновых культур у горожан — херадж, и с бахчевых — танап, и со скотоводства — зякет, с торговли — также зякет, взимался налог и с ремесленного производства, за юридические сделки, за наследование имущества, за сбор хвороста и т. д. Не зря русский ориенталист А. Л. Кун, собравший налоговые

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. — Т. 3 — С. 46.

⁹ Том VI. В. М. Плоских

ханские записи-дефтеры после падения Кокандского ханства, писал о податном гнете: «Оставался, кажется, один воздух, за право дышать которым не бралось ничего»¹. Налог взимался как натурой, так и деньгами. Широко использовалась трудовая повинность в форме ашара (не следует путать с ашаром — взаимопомощью и коллективным трудом объединившихся соседей). Тяжелой была, естественно, воинская повинность — так называемый «налог кровью».

Уже первые правители Коканда, которым удалось захватить Ош, пытались взимать с его жителей и окрестных кыргызских кочевников налоги в свою пользу. Усиление гнета кокандских феодалов возрастало по мере утверждения их власти на юге Кыргызстана. О размерах податных поступлений хану из Оша и его округи в 40–70-х годах XIX в. можно судить по данным русских путешественников прошлого столетия. Так, только натуральная подать хану в 1840 г. из Оша составляла 12 тыс. чариков (мера веса в 4 пуда) зерна — 10 тыс. чариков джугары и по 1 тыс. чариков пшеницы и ячменя². В переводе на русские ассигнации это приносило доход в 38400 руб. Наблюдалась устойчивая тенденция к их увеличению, ибо все новые и большие налоги устанавливались каждым вновь взошедшим на престол в ханстве правителем.

К налогу деньгами с кочевников, вероятно, перешли ранее, чем с оседлого населения. Во всяком случае, к 70-м годам XIX в. он получил гораздо большее распространение. Это видно хотя бы из документов архива кокандских

¹ Кун А. Некоторые сведения о Ферганской долине // Военный сб. — 1876. — № 4. — С. 439; Он же. Очерк Кокандского ханства // Изв. РГО. — Т. 12, отд. 2. — СПб., 1876 (Отд. оттиск). — С. 6–7

² Венюков М. И. Опыт военного обозрения русских границ в Азии. — СПб., 1873. — С. 370, 374; Обозрение Кокандского ханства в нынешнем его состоянии. — С. 20–46.

ханов, в которых налоги, например, по Маргеланскому бекству, включая Ош, Араван и другие кыргызские районы, с оседлого населения названы в натуральном выражении (в чариках пшеницы, риса, хлопка, льна, опийного мака), а со скотоводческого — в денежном (в танга и тилла)¹.

Денежный зякет представлял собой немалую статью ханского дохода. Достаточно сказать, что в последние годы ханства зякет со скота кочевников (илатие) Оша и Аравана, племен найман, тейит, ургу, бига, уйгур, чучук ежегодно составлял один лак шестьдесят две тысячи девятьсот сорок танга². При этом в записях (дефтерах) указывался то район, то род и племя, то предводитель кочевников.

Отсутствие четкого учета показателей налоговых возможностей населения привело к развитию в широких масштабах откупной системы в Коканде и других городах ханства. А. Л. Троицкая, проанализировав хозяйственный архив кокандских ханов, приходит к заключению, что для последних трех десятилетий Кокандского ханства были характерны откупная система податей и правительственных обложений³. Практика откупов по нисходящей ступени шла от хана к бекам, а от беков — ниже. Иногда ханы, в обход беков, сами сдавали откупщикам сбор налогов с определенных районов бекства или кварталов городов.

После занятия Ферганы в 1876 г. начальник города Коканда доносил военному губернатору области: «Весь финансовый строй в Фергане при ханах велся по откупной системе, что одно уже дает серьезный повод сомневаться в справедливости заключающихся в дефтерах сведений; всем известно, что сборщики податей всегда обманывали ханов»⁴.

¹ См.: ЦГА УзССР. Ф. И. 1043. Оп. 1. Д. 656.

² Там же. Д. 1993.

³ Троицкая А. Л. Каталог. — С. 5.

⁴ ЦГА УзССР. Ф. И. 300. Оп. 1. Д. 1. Л. 9.

Все это вело к тому, что при взимании налогов по откупной системе «не соблюдалось ни время, ни срок и нередко даже и количество самой подати»¹. Для того, чтобы внести в казну требуемую с населения сумму, откупщики-налоговосборщики занимали деньги под проценты у ближайших купцов, взыскивая затем налог с трудящихся, отнюдь не безвыгодно для себя. Таким образом и купцы постепенно втягивались в орбиту налоговой эксплуатации трудового населения. Сохранились расписки откупщиков трафаретного содержания: «Подписка о том, что вместо отданных ими кокандскому начальству за общество денег... — ныне они с согласия общества [собирают] следующий харадж с жителей»².

Для получения в аренду или на откуп сбора хараджа обычно подавали прошение хану или беку и получали соответствующую грамоту, а население данного района оповещалось особым указом или извещением, где перечислялось количество зерновых, сданных в аренду или на откуп. «По-видимому, — с полным основанием замечает А. Л. Троицкая, — аренда или откуп в ряде случаев перепродавались несколько раз. Первым откупщиком или арендатором хараджа был саркар или доверенное лицо хана или бека, которое в свою очередь сдавало харадж в аренду амлакдару, находившемуся под его контролем»³.

Откупная система тесно переплеталась с ростовщичеством. В архивных материалах имеются документы, говорящие о ростовщических операциях в среднеазиатских

¹ Из донесения управляющего туземным населением центра Туркестанской области 1 ноября 1865 г. // ЦГА УзССР. Ф. И. 336. Оп. 1. Д. 14. Л. 113.

² ЦГА УзССР. Ф. И. 336. Оп. 1. Д. 14. Л. 141–144 и др.

³ Троицкая А. Л. Архив кокандских ханов XIX века. Предварительный обзор // Труды публ. библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина. — Т. 2. — Л., 1957. — С. 195–196.

ханствах, несмотря на формальный запрет мусульманством всяких сделок, приносящих проценты. Однако на практике ростовщичеством занимались даже духовные учреждения мусульманства — вакфные заведения.

Налоговый гнет и повинности тяжелым бременем ложились в первую очередь на плечи трудящегося населения, непосредственных производителей — городских ремесленников и дехкан. Феодалы, как кокандские, так и местные кыргызские, сами принимали участие в их эксплуатации и к тому же пользовались всевозможными налоговыми льготами. На освобожденные от налогов (обельные) частные земельные владения феодалов выдавались специальные ханские грамоты, а их владельцы вносились в специальные списки — дефтери-тархани. Полностью или частично обельными выступало большинство вакфов. Один из крупнейших вакфов Кокандского ханства — ошское медресе кыргызского феодала Алымбека — был освобожден от всех видов налогов. Не только вакфные лавки и земли, пожертвованные Абдуллабеком, но и личные его земли были освобождены от налогов ханами и их правомочными наместниками. В частности, в архиве кокандских ханов сохранилось распоряжение (патта) от 1287 г. х. (1870/71), адресованное некоему Мулле Барат-Махраму от Султан Мурад-бека об освобождении восьми бахчей (участков под дынями) от танапного налога. Мало того, одновременно подобным же распоряжением освобождались от танапного налога и собственные бахчи зависимых от Абдуллабека воинских чинов (батыров). Через три года Султан Мурад-бек новым документом подкрепляет свое прежнее распоряжение об освобождении в Ошском вилайете собственных земель (сенокосов и виноградников) как самого Абдуллабека, так и его воинов¹.

¹ ЦГА УзССР. Ф. И. 19. Оп. 1. Д. 1448; Ф. И. 1043. Оп. 1. Д. 1710.

Освобождая представителей феодалов от налогов, хан тем самым передавал им право на ренту, которой распоряжался как правитель государства и верховный собственник земли. Нередко ханом уступалась рента не целиком, а частично, либо в качестве компенсации за услуги, военную службу или в результате «неполной» продажи земли. В таком случае часть ренты продолжала поступать государству в виде налога, а часть присваивалась феодалами.

Все ошские служители культа, законоведы и должностные лица освобождались от налога — танабана. В одном из документов архива кокандских ханов упоминаются следующие лица в Оше, с которых был взят налог, но поскольку он был собран незаконно, то подлежал возвращению владельцам: муфтии, аламы, ишаны, тура, би, датха, саркары. От налогов освобождались также ошские дервиши, ходжи, имевшие специальные грамоты — ярлыки¹. Зато все бремя налогового гнета и неcodифицированных поборов целиком ложилось на плечи трудящихся горожан.

По анонимному источнику середины XIX в. «Обозрение Кокандского ханства в нынешнем его состоянии», налоговый сбор в ханских городах основывался на количестве домов, лавок и некоторых статей производства. Общее количество налога определялось «круглым числом», а среди горожан раскладку и сбор производили свои аксакалы. С г. Ош собирали 1 тыс. чариков пшеницы, 1 тыс. чариков ячменя и 10 тыс. чариков джугары. В переводе на европейские меры исчисления это составляло: 64 т пшеницы, 64 т ячменя и 640 т джугары. При переводе натуральных сборов в денежные показатели выходило (при соотношении в то время: 1 тилла = 12 руб. 80 коп. русскими ассигнациями) 38400 руб. ассигнациями. Поскольку налоги

¹ Троицкая А. Л. Каталог. — С. 173, 186, 191.

отдавались на откуп, то сбор получался частью натурой, частью деньгами¹.

В середине 70-х годов XIX в. Ош поставлял в ханскую казну (вместе с Маргеланом) 19 тыс. руб. при всей сумме зякета ханства в 197,5 тыс. руб. Торговый зякет с вывозимых в Кашгар товаров составлял от 10 до 20 танга (в зависимости от товара) в пользу хана². С каждой арбы зерновых взималось от 10 до 13 танга. Крупная торговля осуществлялась через посредников — маклеров, а торговыми сборами занимались крупные военачальники ханства, даже панджабаши (пятисотники). Картину маклерских сборов в г. Ош дополняют документы из архива кокандских ханов, хранящиеся в Ташкенте. Так, арендная плата маклера овечьего базара в г. Ош муллы Мир-Абдусаида в казну составляла в год 10 тыс. танга, а вся арендная плата маклера по всем сборам г. Ош Бахти Мухамед-курбаша достигала в год 113 тыс. танга.

Налоговый гнет особенно усилился в годы правления алчного Худояр-хана. Так, в 70-х годах в пользу ханской казны выплачивалось от населения Ошского бекства, т. е. Оша с приписанными к нему селениями, свыше 20 тыс. батманов³ натуральной подати зерном. В одной из своих статей А. Л. Кун писал о взимании с жителей Оша и восьми приписанных к нему селений 24 тыс. батманов зерна, а в другой — уже о 27 тыс. батманов с г. Оша и десяти причисленных к нему селений (один батман равнялся 4 русским пудам; средняя стоимость 1 батмана на базаре 2 руб). Пахотная подать с хлопка и огородных

¹ ЦГВИА. Ф. ВУА. Д. 19254. Л. 38, 46.

² *Пантусов Н.* Сборы и пошлины в бывшем Кокандском ханстве // Туркестанские ведомости. — 1876. — № 17.

³ См.: *Кун А.* Некоторые сведения о Ферганской долине. // Военный сборник. — 1876. — № 4. — С. 441; *Он же.* Очерки Кокандского ханства // Изв. РГО. — Т. X. — С. 8 (отд. оттиск).

культур составляла в денежном исчислении 6000 тилла (монета достоинством в 3 руб. 60 коп. в прежнем исчислении). Кроме того, с городов Ош и Маргелан взыскивался зякет с товаров в сумме 8000 тилла, с городских базаров и весов — 1800 тилла, со скота окрестного населения — 3500 тилла, особым налогом облагались изделия ремесленников. В последние годы существования Кокандского ханства с г. Ош и округи (т. е. города и приписанных к нему тогда уже 20 селений) взималось: натуральной подати зерном (галя) 27 тыс. батманов, денежной подати с хлопка и огородов — 6 тыс. тилла¹. Всего в денежном выражении это составляло примерно 75 тыс. руб. ассигнациями.

Город Ош является крупным источником налоговых доходов кокандских ханов. Недаром его наместниками нередко выступали наследники ханского престола.

Для податных сословий горожан натуральные и денежные налоги усугублялись тяжестью трудовых повинностей. Кокандские ханы, беки, как и кыргызские маналы, бии, не прочь были использовать даровую рабочую силу для создания ирригационной сети на своих землях, при постройке зданий и т. п. В архивной записке со сведениями о Кокандском ханстве (1874 г.) можно прочитать следующие строки о насильственном применении трудовой повинности: «Для проведения дорог, постройки ханских домов, для работы на его (хана. — *авт.*) пашнях и в его садах, а также для проведения арыков и каналов, рабочие сгоняются со всех концов ханства, причем они должны трудиться безвозмездно, а в случае неявки их на работу люди эти наказываются палками, причем случается, что их забивают до смерти... Иногда бывает и то, что несчастных ослушников ханской воли живыми зарывают в землю»².

¹ Кун А. Очерки Кокандского ханства. — С. 8–9.

² ЦГВИА. Ф. ВУА. Д. 6868. Л. 111.

Все более усиливавшийся гнет вызывал различные формы социального протеста, волнения трудящихся города и села. Одним из крупнейших народных выступлений явилось восстание 1873–1876 гг., приведшее к крушению Кокандского ханства.

Грозные годы восстания

Особо важные события происходили в Оше в первой половине 70-х годов XIX в. Они связаны с наиболее крупным народным движением — Кокандским восстанием и ликвидацией самого ханства. В краткой официальной записке «По поводу волнений в Кокандском ханстве» востоковед Н. Ф. Петровский констатировал, что причина восстания сводилась к «жестокому, крайне деспотическому управлению ханством бывшего его правителя Худояр-хана»¹.

Тяжелейший ханско-феодальный гнет, все увеличивавшиеся налоги и поборы Худояр-хана и его чиновников в одинаковой мере делали повсеместно невыносимым положение трудового люда — горожан, оседлых землевладельцев, скотоводов-кочевников и полукочевников, вызывая с их стороны активное сопротивление.

Сочувствие большинства жителей Оша и других городов восставшим против ханской деспотии кыргызам и кыпчакам предопределило то, что Ош, как и другие города и селения в Восточном Приферганье, был взят повстанцами в 1873 и 1875 гг. без боя, причем многие горожане присоединились к отрядам восставших.

Предводителями кыргызов в народном движении против ханского гнета в 70-х годах были в основном выходцы из простого народа. Но источники, особенно нарративные, как правило, писали о руководителях восстания — феодалах.

¹ ЦГИА СССР. Ф. 560. Оп. 21. Д. 335. Л. 2.

Надо сказать, что представители кыргызской феодальной знати, принимавшие участие в восстании, в критические моменты предавали повстанцев и, попадая в плен к ханским войскам, нередко избавлялись от наказания и даже награждались подарками: заигрывая с феодальной верхушкой, кокандские ханы пытались привлечь на свою сторону кыргызских родоправителей или, по крайней мере, нейтрализовать стоявшую за ними силу.

Одним из очагов непрерывных восстаний против ханского гнета были Восточная Фергана, заселенная кыргызами, города Ош, Узген, селения Кара-Су, Джалал-Абад, Хан-Абад и др. Вначале 70-х годов XIX в. в окрестностях мазара Хазрет Аюба вспыхнуло крупное восстание под руководством некоего Мамыра Мергенова из кыргызского племени мундуз. Повстанцы-кыргызы, кочевавшие к востоку от Оша, расправились с ханскими налогосборщиками, изъяли собранные у населения налоги и напали на Джалал-Абад и Хан-Абад. Обеспокоенный размахом восстания Худояр-хан сам направился на его подавление (по другим сведениям, против восставших был направлен брат Худояр-хана маргеланский бек Султан Мурад).

В июне 1873 г. повстанцы без сопротивления заняли Узген, где ими была захвачена ханская казна. Сражение с кокандскими войсками, во главе которых стоял Султан Мурад, повстанцы выиграли, после чего без боя заняли Ош, Сузак, Булак-Баши, Уч-Курган и другие города и селения. Простые горожане и селяне массами переходили на сторону повстанцев, в то время как беки и старшины бежали под защиту ханских войск.

О массовости народного движения свидетельствуют письма самих восставших кыргызов к ходжентскому начальнику, в которых они объяснили причины восстания и просили помощи со стороны России повстанческому движению. Вот фрагмент одного из писем, написанных осенью 1873 г. «Мы, не вынеся несправедливости, ограбили

зьякетчи. Худояр-хан послал к нам войска свои, от которых мы и убежали в горы, оставив наши кочевки. Но ханский военачальник успел захватить у нас 240 человек в плен. Привез этих людей в г. Ассаке и по приказанию хана всех велел посадить на кол. Тогда мы все собрались и объявили себя врагами хана. Вы прислали к нам человека, и мы все очень этому были рады и сделались с вами тамырами. Теперь уже обращаемся к Вам как к тамыру. Вы большой начальник и можете посоветовать и приказать, и все, что Вы скажете, мы исполним. Если прикажете драться — будем драться, ибо от всяких притеснений и обид мы потеряли всякое терпение»¹.

В апреле 1874 г. около 2 тыс. повстанцев, переживших зиму в Кара-Кульджинском ущелье, сошли в долину и, заняв город Узген, стали угрожать Ошу.

Приведем еще одно извлечение из письма восставших кыргызов к Джура-беку, имевшему дружественные отношения с генерал-губернатором Кауфманом (апрель 1874 г.): «Как Вам известно, все кара-кыргызы, подведомственные Коканду, считаются подданными Худояр-хана. Притеснения, гонения, страшные казни, как-то: сажание на кол, которому подвергаемся мы со стороны хана, и наказания палками принудили нас отпасть от хана и принять враждебное положение в отношении его. Рода означенных кара-киргизов: мундуз, кутчи, утуз-оглы, туялас, найман, кызыл-аяк, нуйгут, кыргыз-кипчаки, адыгене, ахтачи, бури и барчи, за исключением афтобачи; численность киргизов и кипчаков доходит до 200 тысяч кибиток. Не желая из приличия беспокоить Вас, мы до сего времени писали и посылали людей своих к Абдукаюм Саркеру (в Ходжент). Нечаянно встретили одного из Ваших людей Абдукаюм Караулбеги, который передал нам милостивые слова Ваши

¹ ЦГА УзССР. Ф. И. 1. Оп. 34. Д. 197. Л. 7 (цит. по: Усенбаев К. У. Присоединение Киргизии к России). — Фрунзе, 1960.

и порадовал нас. Пользуясь этим случаем, сообщаем, что положение кара-кыргызов Вам хорошо известно. Если будет возможность и не составит для Вас труда, доложите обо всем вышеизложенном генерал-губернатору. При согласии его превосходительства, мы, несчастные кокандские подданные, могли бы избавиться от тиранства Худояр-хана и найти спокойствие»¹.

Окрестные жители присоединились к повстанцам. Они напали на Араван и осадили цитадель г. Ош. Ханский наместник из Оша бежал за помощью. Вскоре подошли ханские войска под командованием сына казненного Худояром Мусульманкула Абдурахмана афтобачи, и восстание было подавлено. Повстанцы бежали в горы, но не прекратили сопротивления. Наиболее ожесточенная борьба проходила там, где восстание возглавляли народные вожаки. Одним из них был признанный предводитель повстанцев Мамыр Мергенов. Тенденциозные кокандские хроники отмечали, что он был из кыргызского племени мундуз, кочевавшего в окрестностях Оша — в Уч-Кургане и Избаскенте. Стараясь опорочить предводителя повстанцев, ханские авторы писали, что он собрал вокруг себя «несколько воров», которые «захватили сборщиков зякета, избили их и конфисковали деньги». Все это свидетельствует о социальной направленности восстания, настоящем организованном движении, во главе которого стоял выходец из трудовых слоев.

Не имея пока достаточно сил для победы над Худояр-ханом и не получив поддержки от туркестанских властей, восставшие кыргызы пишут письма с просьбой о разрешении переселиться им в пределы России, в Кетмень-Тюбе и Центральный Тянь-Шань, заселенные их «родственниками», которые были уже подданными России. В этом

¹ ЦГА УзССР. Ф. И. 1. Оп. 34. Д. 343-а. Л. 23–24 (цит. по указ. работе К. У. Усенбаева).

повстанцы видели пока единственный путь избавления от ненавистного ханского ига.

Приведем письмо восставших кыргызов племени мундуз к исполнявшему обязанности генерал-губернатора Туркестанского края Г. А. Колпаковскому, отправленное в мае 1874 г.

«Как мы, так и наши доверители, в прошлом году откочевали из Кокандского ханства в Токмакский военный округ, дабы спастись от преследований кокандского ига, который (хан. — *авт.*) немилосердно казнил наших киргизов и грабил наше имущество. Мы поселились недалеко от г. Токмака в местности, называемой Кетмень-Тюбе, Тогуз-Торо, но тут нас начали притеснять и гнать жившие там кыргызы родов керимбек и чура буатай. Мы же, не желая возвращаться в Кокандское ханство, где нас неминуемо ждет смерть, просим... о принятии нас и наших доверителей под свое высокое подданство, об отводе нам и нашим доверителям места для кочевий.

В нашем роде мундуз-ият находится две тысячи кибиток, которые поголовно принимают подданство России. Мы бы давно явились к Вашему высокопревосходительству, но нас караулили и не пускали в Ташкент, так что мы только теперь можем тайком приехать сюда и лично просить... у Вашего высокопревосходительства о всем вышеизложенном»¹.

Не дожидаясь официального ответа, повстанческий отряд во главе со своим предводителем Момуном всем родом перекочевал в пределы российских границ в северной части Кыргызстана. Но царские власти с неудовольствием смотрели на такого рода «своевольные» вселения восставших кыргызов. Предводитель повстанцев Момун был интернирован царскими властями и сослан. В просьбе было отказано, и повстанцы вновь возвратились в ханство,

¹ ЦГА УзССР. Ф. И. 1. Оп. 34. Д. 243—а. Л. 27 (цит. по указ. работе К. У. Усенбаева).

поселившись в местах своих прежних кочевков — в окрестностях Оша, Кара-Су, Уч-Кургана.

С аналогичной просьбой обращался к российским властям непосредственно и Мамыр Мергенов. Но все просьбы тогда были отклонены. Новые власти Туркестана еще надеялись спасти ханский режим и не спешили откликаться на просьбы повстанцев о принятии их в подданство.

Вынужденные возвращаться на прежние места повстанцы становились жертвами жестокой расправы со стороны ханских ставленников. Взятых в плен повстанцев по 5—7 человек рассылали по кишлакам, где их сажали на кол в устрашение другим. Захваченных на пашнях женщин и детей жестоко истязали, после чего убивали¹.

Непосильный налоговый гнет, принудительные трудовые работы, а также жестокие расправы хана и его военачальников не только над терпевшими временные поражения повстанцами, взятыми в бою пленными, но и над жителями мирных айлов побуждали кыргызов, кочевавших вокруг Оша и других городов и селений в Восточном Приферганье, вновь и вновь направлять депутации к русским властям с просьбами о защите и принятии их в российское подданство. Так, после взятия царскими войсками Уч-Кургана в Андижан к русскому командованию съехались «все знатные люди Маргелана», а его бек возглавил представителей городского населения и депутации из Оша, Узгена и Коканда. Они единогласно «заявили об арестовании своих беков, не желающих покориться русской власти и об изгнании из городов войск» хана.

С новой силой восстание вспыхнуло в ряде кыргызских и узбекских районов осенью 1875 г. После бегства Худоярхана в Ходжент на престол сел его сын Насреддин-хан, сразу признавший себя вассалом туркестанского генерал-

¹ Хасанов А. Х. Народные движения в Киргизии в период Кокандского ханства. — М., 1977. — С. 54.

губернатора. Но некоторые отряды, предводительствуемые реакционными феодалами и духовенством, не желали подчиняться России. Тогда туркестанские власти направили, наконец, свои войска в пределы ханства. Разгромив эти отряды под Махрамом, войска уже без боя заняли столицу ханства — Коканд. Боясь народного гнева, бежал в Ходжент и Насреддин-хан. Вскоре царские войска заняли город Маргелан. Отсюда сформированная полковником Скобелевым летучая колонна двинулась к Ошу и вступила в него 10 сентября 1875 г.

Жители Оша во главе с городскими аксакалами не только не оказали русским войскам сопротивления (при наличии в городе пушек и вооруженных ханских солдат), но и встретили иноверцев «с достарханом» — традиционным восточным хлебом-солью. Получив по первому требованию начальника колонны все имевшееся в городе вооружение и 114 свежих лошадей для смены загнанных, а также мясо и лепешки для солдат, фураж для лошадей, отряд уже на второй день выступил обратно к Маргелану. Жители лежащих на его пути селений дружелюбно встречали русских.

Ненавистная ханская власть была сброшена. Ханы бежали — теперь нужно было решать будущее края. И тогда в декабре 1875 г. туркестанский генерал-губернатор К. П. Кауфман внес правительству предложение о присоединении территории бывшего ханства к России. Военный министр Д. А. Милютин наложил 15 января 1876 г. резолюцию: «Секретно. Государь император ввиду разъясненной генерал-адъютантом фон Кауфманом необходимости решительных мер для обеспечения порядка и спокойствия в пограничной части Сыр-Дарьинской области высочайше разрешил занять и остальную часть Кокандского ханства, когда генерал-адъютант фон Кауфман признает это необходимым»¹.

¹ ЦГВИА. Ф. ВУА. Д. 6886. Л. 1.

Действия туркестанского генерал-губернатора не заставили себя ждать. В Фергане уже находились войска под командованием М. Д. Скобелева. Повстанцы, изгнав ханов, возвращались к мирной жизни. Ханство под натиском всенародного восстания прекратило свое существование.

18 февраля 1876 г. по всем населенным пунктам бывшего Кокандского ханства представители русских властей объявили о ликвидации ханства, территория которого, включая южнокыргызские районы, вошла в состав Туркестанского края.

Последние попытки активного сопротивления отдельных феодалов, стремившихся сохранить ханскую власть в Коканде и объявивших под влиянием фанатиков мулл «газават» — воину против неверных (русских), были подавлены вооруженными отрядами царской армии. Мирное население отошло от борьбы, призывало и повстанцев прекратить сопротивление. 24 февраля генерал Г. А. Колпаковский в телеграмме сообщал: «30 джигитов с жителями Маргелана, Оша и кара-киргизами, высланными по распоряжению генерала Скобелева на поимку Пулат-хана, захватили его после перестрелки в ночь с 18 на 19 февраля в Алайских горах»¹. Вскоре, 1 марта, он был публично казнен как «самозванец».

Весною и летом 1876 г. царским войскам, в том числе и расквартированным в городе Верном, все же пришлось подавлять последние очаги сопротивления от повстанцев на Алае. До конца не желал подчиниться со своим отрядом и старший сын Курбанджан-датхи Абдуллабек. 16 марта 1876 г. генерал Колпаковский телеграфировал из Ходжента в Ташкент туркестанскому генерал-губернатору Кауфману: «Кара-киргиские роды под водительством Абдуллабека, ныне сосредоточенные в Гульче, не изъявляют еще покорности. Должно ожидать, что после перекочевки на Алай,

¹ ЦГВИА. Ф. ВУА. 1396. Оп. 2. Д. 132. Л. 386.

которую они предпринимают через две недели, кара-киргизов трудно будет подчинить нашей власти. Посылаю в Ош генерала Скобелева...»¹.

Район Гульчи, по донесению М. Д. Скобелева, представлял собой основное место зимовки кыргызов рода барга, которые на лето уходили далее вверх по р. Гульча на Чон-Алай. Гульча была как бы перекрестком всех дорог горной части Ошского уезда. Отсюда дороги шли одна на Ош, другая — на Узген, третья — на Суфи-Курган, разветвляясь потом в двух направлениях — на Терек-Даван и Чон-Алай. «Таким образом, — писал на основании донесения М. Д. Скобелева туркестанский генерал-губернатор Кауфман военному министру, — помимо своего важного экономического значения, Гульча есть пункт, фактическое обладание коим, запирая выходы из гор, ставит кочующих в горах кара-кыргызов в прямую от нас зависимость»².

Представители кыргызских родов стали приходить к М. Д. Скобелеву «с аманом» — предложениями мира. Тот принимал их тепло, хорошо встретил и Курбанджан-датху, в горы к кыргызским отрядам были направлены посланцы с письмами, в частности, с письмом Курбанджан к Абдуллабеку. И в дальнейшем продвижении по Памиро-Алаю, как писал М. Д. Скобелев, «жители окрестных айлов встречали всюду наши войска с редким радушием»³. Сказывалась усталость от ханского гнета и непрерывных усобиц в Алае.

Отдельные феодалы, так и не пожелавшие подчиниться российским властям, в том числе и Абдуллабек, бежали сначала на Памир, где некоторые и остались во владениях каратегинского шаха, а другие ушли в Афганистан, и среди них Абдуллабек.

¹ ЦГВИА. Ф. ВУА. 1396. Оп. 2. Д. 6884. Л. 23.

² Там же. Л. 52–72.

³ Там же. Л. 135–196.

Надо сказать, что экспедиция Скобелева на Алай кроме военных задач выполняла и ряд политических и научных. Вот как подвел итоги месячному походу в 1876 г. сам М. Д. Скобелев:

- алайские кыргызы, прежде «не признавшие ничьей власти», стали российскими подданными;
- определилась российско-кашгарская граница (кстати сказать, по линии теперешней советско-китайской границы);
- «открыты совершенно неведомые европейцам страны», нанесены на карту около 25 тыс. квадратных верст, определено 11 астрономических пунктов;
- проведена барометрическая нивелировка отдельных участков, определено магнитное склонение на пяти пунктах;
- «произведены естественно-исторические исследования и собраны коллекции из царства животного и растительного».

Одновременно с решением политических задач и научными исследованиями решались задачи экономические — временное ослабление налогового гнета, расширение торговли, велось строительство колесной дороги Ош — Гульча.

Город Ош, ставший уездным центром Ферганской области, вступал в новый колониальный этап своего исторического развития. Он характеризовался установлением длительной стабильно-мирной обстановки после прекращения противостояния кочевой и оседло-земледельческой знати в бывшем ханстве, что благоприятствовало хозяйственно-культурным сдвигам в жизни горожан и сельчан обширного Ошского уезда.

ОШ – УЕЗДНЫЙ ЦЕНТР

Общее описание

После ликвидации Кокандского ханства на его территории была образована Ферганская область Туркестанского генерал-губернаторства. Размеры новых административных единиц — уездов — на первых порах определялись границами бывших вилайетов с их бекствами и саркерствами. В Ошском уезде вначале оставались Булак-Башинское бекство и Ошское саркерство, позже взамен них были созданы волости. Город Ош стал уездным центром Ферганской области, начальником которой назначается сподвижник Скобелева майор Ионов. Здесь, как и в областном и краевом центрах, царские власти решили основать новый, «русский город», южнее существовавшего старого Оша, верх по р. Ак-Бура. Первыми его строителями и жителями были простые русские солдаты. С 10 марта 1876 г., когда в Оше расположился 4-й Туркестанский линейный батальон, всю весну и лето весь его личный состав строил казармы, склады и новые дома. Комендантом города стал полковник П. Г. Родзянко¹.

В отличие от древнего Узгена и известного «святыми» достопримечательностями Джалал-Абада к 1917 г. Ош пережил значительные перемены: расширился территориально, значительно возросла численность его населения, изменился

¹ *Зайцев В. Н.* История 4-го Туркестанского линейного батальона. — Ташкент, 1882. — С. 201.

состав жителей. Но, как и прежде, более обжитыми оставались кварталы старого города у торговых и культовых мест и менее — городские окраины, кое-где (особенно у дорог, ведущих в город) переходившие в сплошные сады, поля и выгонные пастбища для скота.

Ош нач. XX в.

Краткие, но любопытные описания Оша, его старой и новой городской территории, оставили русские и иностранные путешественники. Так, Гийом Капю — участник французско-кыргызской экспедиции на Памир 80-х годов XIX в. писал: «С высоты террасы дома уездного начальника... перед нами открывается вид на город Ош, похожий на беспорядочное скопление желтых глинобитных домиков, скученных среди высоких тополей, подобно булыжнику на большой стройке. На его краю возвышается необычной

формы одиночная гора с белеющим на ней пятном мечети Тахт-и Сулейман, или трон Соломона»¹. А стоящие на фоне горы, у подножья и на вершине, мусульманских культовых построек XV—нач. XX вв. остальют трудноизгладимое впечатление (См. монографию А. Е. Захаровой, С. 67).

Небезынтересны заметки англичанина Дунмора, посетившего Ош 29 декабря 1892 г., о новой части города и его главной улице: «Мы въехали на длинную улицу, засаженную с двух сторон тополями, с довольно хорошим покрытием. Проехали мимо большого числа одноэтажных домов, похожих на индусские хижины, но выстроенных на значительном отдалении друг от друга. На этой улице в основном располагались дома офицеров, казармы русских солдат, тюрьма, а также другие общественные заведения — почта, телеграф, различные гражданские и военные учреждения. Здесь также было несколько лавок, расположившихся в стороне, под тополями»².

А вот еще одно описание, оставленное русским путешественником И. П. Ювачевым, посетившим Ош 16 марта 1907 г. по предложению редакции журнала «Исторический вестник»: «В Ош прибыл среди ночи и остановился в единственной гостинице на главной улице города. Номера сравнительно чистые.

Рано утром я уже гулял по городу. За собором расстилается большая площадь. Кругом казенные здания. Далее — военные. Вдоль горной реки Ак-Буры тянется большой сад, такой же немой и безжизненный в это время года, как и андижанские сады.

На быстрой Ак-Буре стоит деревянный мост с искусственными насыпями на берегах. Плотина и дамбы показывают, какая борьба здесь идет с рекою в большие

¹ *Capus G.* Le toit du monde (Pamir). — Paris, 1890. — P. 117.

² *Dunmore.* The Pamirs. — Vol. 2. — London, 1893. — P. 277.

разливы. Редкий год, чтобы «селевая» (от таяния снегов на горах) вода не снесла Акбуринского моста. Теперь надумали строить мост кесонный.

Меня направили на ту сторону каменистой реки, в обширный парк уездного начальника. Его поместительный дом расположен на горе среди красивой рощи деревьев. Место это, очень живописное и здоровое, принадлежало когда-то кокандским ханам. Отсюда открывается прелестный вид на всю долину верховьев реки Сыр-Дарья¹.

Мы привели пространные выдержки о внешнем облике города Оша, который запечатлели в своих публикациях иностранные и русские путешественники, потому что они позволяют составить самое яркое впечатление о городе. Действительно, надо сказать, особо резкого контраста между центральной частью Оша и его окраинами, столь характерного для крупных промышленных городов европейской России, в нем все же при общей низкой плотности застройки не наблюдалось. Но намечался и все более проявлялся другой контраст, единодушно отмечавшийся современниками: между старым — «туземным» — городом и его новой, создаваемой царской администрацией — «русской» — частью. Характеризуя старую часть города, мусульманская газета, выходящая в Оренбурге, писала: «Как и во многих городах Туркестана, в городе Ош дома построены в беспорядке, улицы узкие, неровные и многоповоротные»². Новая часть города застраивалась уже по плану.

Сама организация городской территории создает одну из особенностей, свойственных каждому отдельному городу. Для городских земель Оша характерно абсолютное преобладание обширной усадебной территории над сравнительно небольшим пространством, занятым базарными

¹ Ювачев И. Курбанджан-датха... — С. 960.

² Ахиллулла Хайрилулла Оглы. Город Ош и Тахт Сулайман // Прилож. к газ. «Вақт» («Время»). — 1913. — № 1264.

площадями, улицами, казенными и административными зданиями. А сельскохозяйственные угодья придавали Ошу, как и многим другим древним среднеазиатским городам, еще более полусельский облик.

Первые обобщенные статистические данные о землевладении г. Ош относятся к началу сентября 1882 г., когда межевиком Ошской организационной комиссии старшим землемером Ивановым подписан и первый план города. Всего в городском наделе состояло 2873 дес. 680 кв. саж., включая территорию только начавшей застраиваться верхней, или новой («русской»), части города, в том числе удобной земли 2222 дес. 720 кв. саж., неудобной — 422 дес. 720 кв. саж., казенной — 52 дес. 1500 кв. саж. и лишь немного меньше вакфной — 51 дес. 1340 кв. саж., (в том числе неудобной 10 дес. 730 кв. саж.)¹. Последнее свидетельствует об остатках еще довольно значительного землевладения мусульманской церкви в пределах городских границ.

Более подробные сведения о городской наделной земле и различных ее категориях приводятся уже на картушах двух последующих планов города — 1888 и 1912 гг. В основе плана 1888 г., составленного межевиком Ферганского областного правления Рычковым, лежал план 1882 г., проверенный при повторной съемке и уточненный ошским землемером Поповым. Цифровые данные на картушах этих планов почти полностью совпадают, причем из плана 1888 г. видно, что под рекой и арыками в пределах города было 41 дес. 100 кв. саж.² При съемке «внутренней ситуации» городского надела Оша в 1888 г. в нем оказалось: под городскими кварталами, постройками и садами — 1015 дес. 605 кв. саж., под улицами, переулками

¹ Налогами не облагалась вся неудобная земля и 9 дес. 1200 кв. саж. удобной, не подлежащей обложению земли, а всего 451 дес. 1930 кв. саж. (ГАОО. Ф. 598. Оп. 1. Д. 35. Л. 7).

² ГАОО. Ф. 598. Оп. 1. Д. 35. Л. 6.

и общественными площадями города — 140 дес. 350 кв. саж., под кладбищами — 16 дес. 1085 кв. саж., под мечетями и садами («рощами») при них — 11 дес. 1085 кв. саж., под пашней — 380 дес. 2230 кв. саж., под степью — 1200 кв. саж.; под «крутостями р. Ак-Бура и каменистой горой Сулейман» — 76 дес. 1950 кв. саж. Всего к городу причислялось 1742 дес. 1420 кв. саж. столь неоднородной территории.

Эта площадь городского надела (всей удобной и неудобной земли) значилась и в 1912 г. Хотя границы собственно городской застройки не изменились за прошедшие три десятилетия, но общее количество городской наделной земли за 1886–1912 гг. уменьшилось на 1000 с лишним десятин пахотной земли, которая отошла к Ошской волости, в которую и были записаны все земледельцы-горожане. Площадь Оша к 1910 г. составляла 17 кв. верст¹.

Мало расширившись в предвоенные годы за счет окрестностей, Ош не поднимался и в высоту, исключая умножавшиеся к 1917 г. минареты у мечетей. Пространственный рост города, точнее, его жилой части, связан с возведением новой одноэтажной застройки в верхней части города. Представление о росте селитебной застройки дают следующие данные: в конце 70-х годов XIX в. в Оше насчитывалось около 1000 дворов, а в начале 80-х — 2834, по данным 1900 г. — 4468, к 1904 г. — 6166. Преобладающая масса ошских горожан жила в домах из сырцового кирпича с каркасными надстройками. Домов из жженого кирпича было всего 3 и столько же домов каркасного типа, деревянные жилые постройки вообще отсутствовали. Кроме 25 домов, крытых железом, все остальные были под камышовыми и плоскими глиняными крышами. Тип жилья оставался таким же и позднее, но его количество продолжало увеличиваться, правда, медленнее в последующем десятилетии.

¹ Пален К. К. Отчет по ревизии Туркестанского края... Городское управление. — СПб, 1910. — С. 380.

К 1910 г. в Оше имелось 6316 домов, к 1914 г. — 6449. Таким образом, жилищная застройка за три с половиной десятилетия выросла почти в 6,5 раз¹.

В связи с возрастанием числа жителей отчасти уплотнялась его заселенная часть и несколько усложнялась организация городских земель. В начале XX в. помимо четырех неблагоустроенных площадей (общим размером 15 дес. 1800 кв. саж.) в Оше насчитывалось 117 улиц и 75 переулков общим протяжением 126 верст, а к 1910 г. — уже 137 верст². Однако протяженность мощеных улиц была ничтожно мала — всего 4 версты, а тротуаров (из щебня и гальки, отчасти из жженого кирпича) и того менее — всего 1 верста. Понятно, что все сравнительно благоустроенные улицы, обсаженные деревьями вдоль арыков (таких было всего 3 версты), и «правильно устроенные» тротуары появились лишь в «новом» городе, о котором проявляло некоторую заботу уездное начальство. В 1917 г. общая территория города, отличавшаяся, как уже отмечалось, своей обширностью из-за общей значительности усадебных мест (также более просторных в новой части города) с садами, составляла 1742 дес. 1420 кв. саж. (помимо 25 дес. 1200 кв. саж. собственно казенной земли).

Место для строительства «нового» города, занимавшего территорию в 95 дес., царские власти избрали несколько к югу от «старого» Оша, вверх по течению р. Ак-Бура. По своей планировке его новгородская часть, где улицы прокладывались как бы в шахматном порядке и пересекались под прямым углом, выгодно отличалась от «туземного» Оша и других древних среднеазиатских городов и селений с множеством узких кривых улиц и тупиков, со скученной жилой застройкой. Вокруг православной церкви был разбит

¹ Пален К. К. Отчет по ревизии Туркестанского края... Городское управление. — СПб, 1910. — С. 34.

² ГАОО. Ф. И. 121. Оп. 1. Д. 4. Л. 96

сквер, а прямо против него — через улицу — парк, простиравшийся почти до самой реки, берега которой были соединены мостом. Через него дорога шла прямо к большому каменному дому уездного начальника. В 1898 г. дом этот стоял на возвышенности в полуверсте от основной застройки в новой части Оша¹.

В этой части города размещались почтовая станция, где останавливались приезжие (гостиницы в городе долго не было), почтово-телеграфная контора, казначейство, офицерское собрание, больница, приходское училище, русско-туземная школа и, конечно, казармы.

В ответ на постоянные жалобы горожан и в ожидании изредка наведывавшегося с объездом по области или краю нового начальства в начале XX в. уездной администрацией поспешно проводилось некоторое внешнее благоустройство, в первую очередь, чтобы проезд и проход по ошским улицам «был удобен во всякое время года». Так, в 1907—1908 гг. были возведены бетонный мост через р. Ак-Буру, а в городском саду — единственная беседка, были засыпаны гравием две улицы в центре и кое-где проложены тротуары. В 1906 г. длина мощеных улиц составила 1/30 часть общего протяжения улиц². В этом году была построена и первая, столь долгожданная скотобойня с помещением для промывки кишок.

Полицейский участок и тюрьма в Оше размещались в казенных домах, которые, однако, даже судя по официальным документам, оставляли «желать много лучшего»³. Тюрьма —

¹ *Новицкий В. Ф.* Из Индии в Фергану. Описание путешествия, совершенного в 1898 г. из Пенджаба через Кашмир, Ладак, Кара-корамское нагорье, Раскем и Кашгарию в Русский Туркестан. — СПб., 1903. — С. 283—284.

² По краю // Туркестанские ведомости. — 1906. — № 20.

³ Статистический обзор Ферганской области за 1908 г. — Скобелев, 1909. — С. 157.

старое ветхое здание, как и арестантская, в 1908—1914 гг. была постоянно переполнена, а содержащиеся под стражей узники находились в самых ужасных условиях¹.

В конце прошлого века во всем Оше был всего один фонарь. Через десяток лет — уже (какой прогресс!) 63 фонаря, в том числе 8 керосино-калильных. В среднем на 1 фонарь приходилось 1,5—2 версты улиц². Нельзя, однако, не заметить, что с организацией уличного освещения, а также появившегося городского транспорта общего пользования в коммунальном хозяйстве в дореволюционном Оше сравнительно с ханскими временами замечался лишь незначительный сдвиг. В 1903 г. в городе было 11 извозчиков и существовала утвержденная властями такса за проезд: 15 копеек — в конец «нового» города, 40 копеек — в конец «старого» (и столько же за 1 час езды). Столь значительная разница в оплате проезда объяснялась не только различной длиной «концов», но, видимо, и сложными условиями передвижения в старом городе с множеством в нем узких кривых переулков и тупиков, заполненных массой народа в прилегающих к торговым точкам местам, особенно по пятницам и в базарные дни.

Мусульманская газета «Вакт» в 1913 г. писала: «В Оше есть почтовый и телеграфный пункт. Почту возят из Андижана конем. Пассажиры из Андижана ездят на бричке..., конем и в почтовых дилижансах. Три—четыре года тому назад начался автомобильный путь»³.

¹ Статистический обзор Ферганской области за 1911 г. — Скобелев, 1914. — С. 104—105; Статистический обзор Ферганской области за 1914 г. — Скобелев, 1917. — С. 120.

² ЦГИА СССР. Ф. 933. Оп. 1. Д. 38. Л. 101; *Пален К. К.* Отчет по ревизии Туркестанского края: Городское управление. — С. 229.

³ *Ахиллулла Хайрилулла Оглы.* Город Ош и Тахт Сулайман // Прилож. к газ. «Вакт» («Время»). — 1913. — № 1264.

В целом развитие города, как видим, не сопровождалось соответствующим прогрессом отсталого, карликового коммунального хозяйства, почти не финансируемого из городского бюджета. Не удивительно, что в анкете Центрального статистического комитета, собиравшего сведения о городах Ферганской области, ошский уездный начальник на многие пункты отвечал отрицательно: «водопровода в городе нет», «канализации нет», «пожарных команд нет» и т. д. и т. п.

Водоснабжение всегда играет важную роль в жизни города, а в условиях Средней Азии тем более. Даже в начале XX в. водообеспечение Оша для бытовых нужд, сельскохозяйственной и промысловой деятельности горожан основывалось еще на древней арычной системе водопользования из р. Ак-Бура. Отсюда и все вытекающие отрицательные последствия, в частности, острая нехватка воды в летнее время (особенно в засушливые годы) в местах, удаленных от реки и арыков, большая загрязненность воды по мере удаления от реки и т. д.

С ростом населения и городской застройки в Оше все острее становилась проблема содержания города в должном санитарном состоянии: удаление загрязненных вод, всяких отходов. Ошская администрация при этом полагалась «на вековой опыт и здравый смысл горожан...». Как сообщал начальник уезда, нечистоты вывозились частью на поля, частью дезинфицировались (в некоторых местах общего пользования и дворах «интеллигентных» домохозяев в новой части города) и закапывались в ямах «без вреда для дворов (!), ввиду глубокого залегания подпочвенных вод» и т. п. Понятно, что в результате такой «заботы» власть предрержащих общее санитарное состояние города не только оставалось крайне неудовлетворительным, но и заметно ухудшалось с ростом Оша и его населения.

Таковы были уездный Ош и те перемены по сравнению со временем господства Кокандского ханства, которые произошли в нем к 1917 г. и в определенной степени углубили

национальные и социальные противоречия в жизни и быте его трудового населения и городской верхушки.

Управление городом

Управление городом особенно ярко отражает дискриминационную и эксплуататорскую направленность политики царского правительства в Туркестане в отношении местного, нерусского населения. В отличие от других уездных центров Ферганской области, где управление городом и его хозяйством, включая составление бюджета, возлагалось на уездных начальников с символическим участием городских депутатов, в Оше, где большинство горожан составляли коренные жители края, фактически вся власть в городе и уезде находилась целиком в руках военно-полицейской администрации. Предоставлять даже зажиточной местной городской верхушке какое-либо «самоуправление» царские власти тогда отказывались. Это, в частности, наглядно проявилось при введении в 1892 г. в империи нового Городового положения, которым для имущих слоев горожан вводилось урезанное «самоуправление». Так, очень характерен отрицательный ответ ферганского военного губернатора на запрос начальника края о возможности применения этого положения к Ошу и другим городам Ферганской области: ввиду того, что в них «русского населения, за исключением немногих лиц, состоящих на государственной службе, почти не существует, а предоставлять туземцам дарованные этим положением права городского самоуправления [он] находит вредным не только для дела по ведению городского хозяйства, но для русских интересов вообще»¹. Губернатор

¹ О применении Городового положения 1892 г. к Туркестанскому краю и Закаспийской области. — 1892—1905 гг // ЦГВИА. Ф. 400. Аз. Ч., 1892. Д. 75. Л. 13.

считал лишь необходимым учредить в помощь уездному начальнику для ведения городских дел секретаря, что впоследствии и было сделано для ошской администрации.

В конце XIX в. уездные власти состояли из начальника уезда, располагавшего широкими правами в отношении городского и сельского населения, его помощника-секретаря, письмоводителя и так называемого «письменного переводчика». Но судя по документам начала XX в., бездейственным придатком при уездном начальнике все же значился городской хозяйственный комитет из богатых горожан (совещательный безвластный орган), служивший ширмой для военно-народного (читай: полицейского!) управления в городе.

Особенно же пеклись тогда ошские власти об учреждении должностей двух участковых приставов в уезде и «для порядка» — городского полицейского пристава и письмоводителя. Не довольствуясь пятью рассыльными джигитами, уездный начальник, поощряемый к тому областными властями, требовал выделить еще содержание для шести тайных осведомителей в среде коренного населения и пяти джигитов для преследования «разбойников»¹.

В распоряжении полицейского пристава Оша, находившегося в подчинении уездного начальника, было 30 городских, из них 21 конный. В помощь им горожане содержали еще за свой счет 99 наемных пеших и конных ночных караульчиков. В ведении городского пристава находились помимо города с Ошской волостью участки кочевого и оседлого населения в уезде. Впоследствии (к 1910 г.) были учреждены еще и должности полицейских приставов этих участков. Только расходы на полицию составляли свыше трети городского бюджета (в 1908 г. — 37,5%). Ошские уездные власти заигрывали с кыргызской родо-племенной

¹ Пален К. К. Отчет по ревизии Туркестанского края... Полиция безопасности. — СПб., 1910. — С. 195—196.

знатью, жестко проводили политику кнута (для трудового населения) и пряника (для представителей феодалов). Иллюстрация к этому — подавление так называемого Андижанского восстания 1898 г., когда сотни повстанцев, в том числе выступавших против гнета царизма кыргызов (среди них и акын-демократ Токтогул Сатылганов), были арестованы и отправлены в ссылку (Токтогул — в Сибирь). Пример тому — почести и награды «алайской царице» — Курбанджан-датхе, один из сыновей которой заблаговременно предупредил ошского уездного начальника о готовящемся выступлении народа.

Население

«Хотя колониальный путь развития, на который встала Средняя Азия после присоединения к России, и превращение ее в сырьевой придаток метрополии задерживали развитие промышленности, в этот период все же создались более благоприятные, чем до сих пор, условия для углубления общественного разделения труда, увеличения товарности хозяйства, развития хозяйственной специализации отдельных районов и на этой почве значительного роста городов», — отмечает знаток дореволюционной истории среднеазиатского города О. А. Сухарева¹.

История г. Ош и сложение его населения в конце XIX— начале XX в. — тому один из примеров. Динамика городского населения с 1876 г. характеризуется непрерывным ростом его численности, преимущественно за счет т. н. механического движения. Ош, являясь наиболее крупным населенным пунктом бывшего Ошского вилайета Кокандского ханства, хотя и насчитывал тогда всего

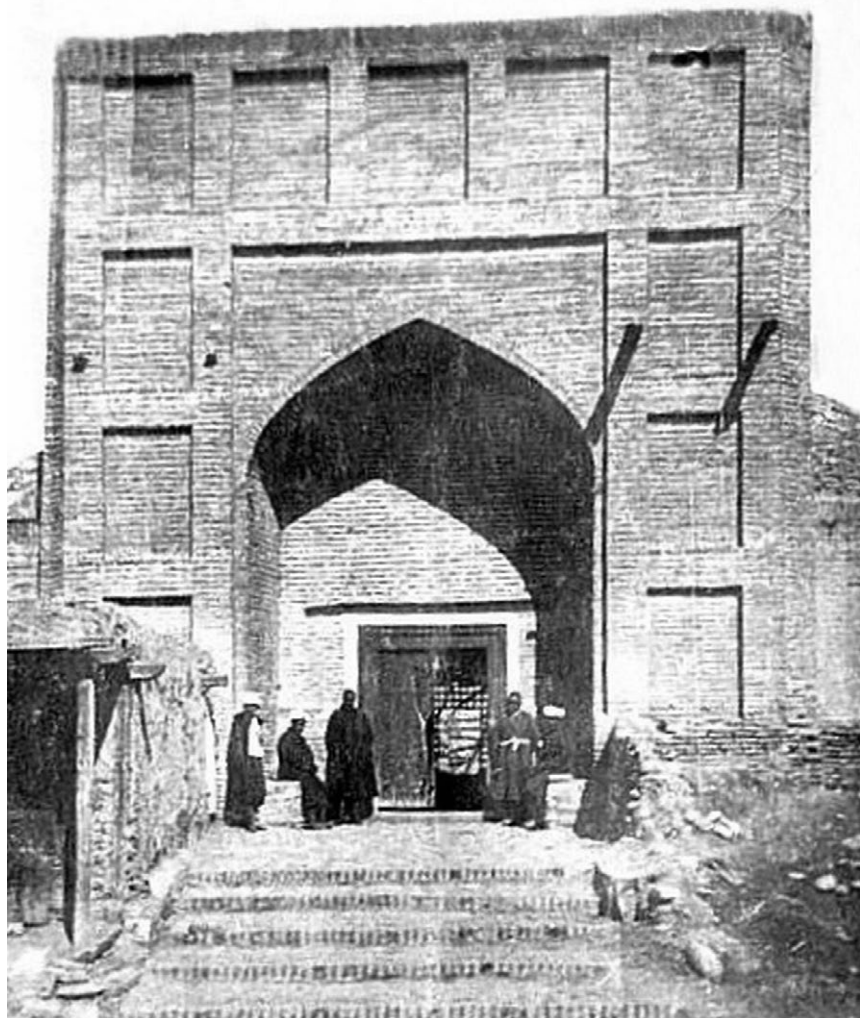
¹ Сухарева О. А. К истории городов Бухарского ханства: Историко-этнографические очерки. — Ташкент, 1958. — С. 143.

несколько тысяч жителей, был избран и туркестанскими властями в качестве уездного центра одноименного уезда Ферганской области. Это обстоятельство, наряду с другими социально-экономическими факторами (прекращение феодальных усобиц, раздиравших ханство и пагубно отражавшихся на хозяйстве городского и сельского населения, установление общего «спокойствия» в крае, столь необходимого для развития торговли и ремесла, улучшение дорог и т. п.), способствовало увеличению численности жителей Оша, что и проявилось уже с 80-х годов XIX в. Там, по официальным источникам, в 1880 г. значилось уже 3307 человек (без войск), в 1882 г. — 7766, в 1883 и 1884 гг. — 12976 и 13538, к 1885 г. — около 15 тыс. человек¹. Понятно, что столь быстрый рост городского населения объяснялся не только естественным внутренним приростом, для чего, как уже было отмечено, по сравнению со временем господства Кокандского ханства имелись более благоприятные условия, а притоком пришлого населения, и в первую очередь из сельской местности. Этот источник пополнения числа горожан оставался основным на весь дореволюционный период. Чем более интенсивно действовали законы социальной дифференциации в кишлаке в конце XIX—начале XX в., тем большим был приток сельчан в Ош.

Значительный рост численности жителей Оша к 1914 г. (51701 человек²) по сравнению с концом ханского правления на юге Кыргызстана объясняется, конечно, не только ликвидацией феодальных войн и межплеменных усобиц

¹ По данным обзоров Ферганской области за соответствующие годы.

² См.: Сведения о территории и плотности населения на 1 января 1914 г. в районе обследования фабрично-заводских и промышленных предприятий Туркестанского края за 1914 г. / ЦГИА СССР. Ф. 432. Оп. 1. Д. 247. Л. 1.

Старое медресе г. Ош. Фото Малюшицкого Ю. Н. 1926 г.

в крае, но и определенным ростом в нем производительных сил под влиянием стимулировавших это развитие торговых связей с другими среднеазиатскими городами и районами

¹¹ Том VI. В. М. Плоских

Центральной России, растущей товарностью хозяйства и связанным с ним усилением общественного разделения труда. Причем увеличение торгово-промышленного контингента, пополнявшего состав горожан, содействовало зарождению в недрах феодального производства ростков капиталистических элементов.

Природно-географическое положение и развитые торгово-транспортные связи уездного города Оша (подразумевается сравнительная близость к Ошу густонаселенных кишлаков и городов Ферганской долины, множество окрестных кыргызских айлов, располагавшихся в предгорной зоне Восточного Приферганья, а также интенсивность караванного сообщения с Восточным Туркестаном, (откуда наблюдался ежегодный приток рабочих-сезонников), и все возрастающее в конце XIX—начале XX в. значение города как хозяйственно-культурного центра на юге Кыргызстана явственно сказались на разнообразии этнического состава его жителей. Одной из характерных особенностей формирования населения Оша (как, впрочем, и других городов бывшей Ферганской области) являлась пестрота национального состава, но при явном преобладании узбеков. Важнейшим каналом пополнения численности горожан обычно служит сельская округа, однако ее этнический состав был более однородным, чем в городе. Об этом свидетельствуют уже краткие сведения о национальном составе населения города за 1884 г. Помимо обычно упоминаемой постоянной компактной массы коренного населения «старого города» — «туземцев» среди ошан назывались также татары, русские, евреи, селившиеся в новой части Оша.

Бесспорное преобладание в среде горожан в конце XIX в. представителей коренного ферганского населения — узбеков, а также кыргызов и других среднеазиатцев (32552 человека в 1897 г.) над переселенческим европейским населением (1080 человек) и значительное усложнение полиэтнического состава жителей Оша устанавливаются

материалами первой всеобщей переписи населения страны 1897 г., несмотря на все ее несовершенство (отсутствие сведений о национальном составе, который приходится устанавливать косвенно, — по данным о родном языке и вероисповедании ошан).

«По родному языку» население Оша (34 157 человек) распределялось так (человек):

- тюрко-татарский (?) 32 432;
- узбекский и сартский(?) 13;
- таджикский 107;
- русский, а также украинский и белорусский 989;
- немецкий 45;
- еврейский 46;
- остальные 337.

По вероисповеданию:

- мусульмане 32 886;
- православные 995;
- старообрядцы 5;
- римско-католики 189;
- иудеи 46;
- протестанты 47;
- остальные некрещеные 9¹.

С каждым десятилетием население Оша постоянно возрастало за счет выходцев из окрестных кишлаков и айлов, жителей других уездов Ферганы и Туркестанского края и в немалой степени переселенцев из России и сопредельных стран, находивших здесь более благоприятные возможности для жизни и хозяйственных занятий.

Более точные данные об этническом составе ошского населения приводятся в «Обзорах Ферганской области» начала XX в. Так, в 1908 г. из 43 433 человек горожан

¹ Первая Всеобщая перепись населения Российской империи. — 1897 г. — Т. XXXIX. — Ферганская область. — СПб., 1904. — С. 2.

наибольшее число составили узбеки — «сарты» (39 789) и родственные им каракалпаки (1 606 человек). Значительная группа была представлена выходцами из Восточного Туркестана, поселившимися здесь с конца 70-х — начала 80-х годов XIX в.: дунгане (409 чел.) и уйгуры — «кашгарлыки» (340 чел.). Это были члены семей торговцев, а в основном — сезонные чернорабочие, ежегодно прибывавшие в поисках применения своего труда в так называемый Русский Туркестан. Осевших кыргызов («кара-кыргызов»), по данным переписи, проживало здесь всего 7 (?), а казахов («кыргызов») — 274 (!). Но в число последних, скорее всего, попали в большинстве и окрестные кыргызы, так как эти две национальности царские чиновники часто не различали. Таджиков в Оше проживало 179 человек, среди которых, надо полагать, были и выходцы из Каратегина. Отмечены и представители других национальностей: татары — 37 человек, цыгане (среднеазиатские) — 15, индусы (очевидно, ростовщики-менялы) — 12, армяне и другие выходцы с Кавказа, «туземные» евреи (бухарские) — 9. Русских значилось 709 человек, да еще 16 других европейцев. К 1912 г. русское население составляло 1 457 чел.¹

В 1913 г. в составе жителей старого Оша отмечено уже 1 000 кыргызов, что может служить одним из свидетельств усиления процесса разложения патриархально-феодальных отношений в кыргызском аиле. Несколько увеличилось и «русское» (европейское) население «нового города».

Статистических данных о классовом составе горожан в официальных документах, понятно, нет, но косвенными источниками могут условно служить сведения о сословно-классовом составе населения. По данным переписи 1897 г., в Оше проживало: дворян (потомственных и личных) —

¹ Статистический обзор Ферганской области за 1908 г. — Скобелев, 1909. — Приложение № 5; Статистический обзор Ферганской области за 1911 г. — Скобелев, 1914. — С. 7.

159 человек, православного духовенства — 3, мещан — 167, купцов — 2, крестьян — 985, «иностранцев» — 32815, иностранцев — 3, лиц остальных сословий — 21 человек. По сведениям областной администрации, в 1908 г. в Оше проживало: дворян (потомственных и личных) — 234 человека, лиц городских сословий (почетных граждан, купцов и мещан) — 342, православного духовенства — 4, нижних чинов с семьями и льготных казаков — 149, иностранцев — 10 человек. Основную массу горожан Оша составляли представители коренного населения — 42694 человека¹.

Сравнение этих данных показывает, что наряду с ростом числа горожан из привилегированных сословий, в первую очередь дворян, наблюдался заметный рост основной массы трудового люда — городских мещан.

Хозяйственные занятия

Сельское хозяйство и земледельческие промыслы всегда занимали важное место в экономике Оша дореволюционного периода. Этим он схож с другими позднефеодальными городами Средней Азии, население которых было столь же тесно связано с землей.

Большинство ошских земледельцев составляли жители старой («туземной») части города, выделенные в налогово-податном отношении даже в отдельную в уезде Ошскую волость. Ее земли располагались вокруг города. В 1903—1905 гг. посевы Ошской волости составляли 8927 дес., в том числе 3916 дес. пшеницы и 2693 дес. кукурузы. Ошане выращивали преимущественно зерновые культуры, набор которых был тот же, что и у оседлых земледельцев

¹ Статистический обзор Ферганской области за 1908 г. — Ведомость 6.

уезда. В 1915 г. хлопчатником ошане засевали 3934 танапа земли¹.

Некоторые из ошских земледельцев занимались огородничеством и бахчеводством. Многие домохозяева имели небольшие садики. В ассортименте плодовых деревьев преобладали местные виды — урюк и тутовник, традиционные для южнотуркестанского садоводства. С началом XX в. в Оше стало развиваться пчеловодство, зачинателем которого выступил ошский лесничий, выписавший пчел с Кавказа. В 1905 г. в его пасеке было более 50 ульев. А к 1911 г. у трех ошских пчеловодов насчитывался 161 улей². Немало семей занималось пчеловодством.

Животноводство у горожан играло преимущественно подсобную роль. В начале XX в. жители города имели 9–11 тыс. голов скота — почти наполовину меньше, чем в середине 90-х годов XIX в. Его состав и соотношение видов животных показывают, что горожане держали в основном рабочий скот — волов и лошадей (последние были также у ошан, промышлявших извозом). Овец разводили для себя, а более зажиточные — на продажу. Козы и ослы были в хозяйстве малообеспеченных горожан, достаток которых не позволял прокормить корову или лошадь. Породы скота и лошадей — в основном местные. В 1914 г. была открыта случная конюшня на 8 жеребцов шведской крови, это дало некоторый толчок дальнейшему развитию породного коневодства.

Любопытно, что традиционные хозяйственные занятия жителей Оша (земледелие и в меньшей мере — скотоводство), как и примечательная особенность его территории (Сулейман-гора) и связанные с ней легендарные мусульманские

¹ ГАОО. Ф. 598. Оп. 1. Д. 65. Л. 28.

² Приложение к отчетам по ревизии Туркестанского края, произведенной К. К. Паленом: Материалы к характеристике народного хозяйства в Туркестане. — Ч. 1, отд. II. — СПб., 1911. — С. 99.

предания местного населения, нашли известное отражение в материалах по проектированию городского герба и на самом его изображении¹. Так, Ошским городским хозяйственным управлением предлагался следующий проект герба для города: «Щит пересеченный. В верхней части щита *гора* [Сулеймана] с брошенным на нее лучом света, в нижней, серебряной части *пара волов, запряженных в омач*. В вольной части щит увенчан золотою императорскою короною и окружен *двумя золотистыми колосьями* (выделено нами. — *авт.*), соединенными александровской лентой»². Небезынтересна дополнительная подробность в описании этого первого проекта городского герба, где отмечалось, что, по мнению местных жителей, Сулейман-гора напоминает верблюда с вытянутой шеей, и предлагалось при необходимости выслать фото ее. Хотя первоначальный проект городского герба (соответствующий протокол подписан одним из депутатов городского хозяйственного управления неким Салимбаевым 14 июня 1904 г.) был изменен впоследствии при рассмотрении его в гербовом отделении при департаменте геральдии Сената, изображение горы продолжало в нем фигурировать из уважения к местному преданию, «что на горе Тахт-и Сулейман, у подножия коей расположен означенный город, царь Соломон воздвиг мечеть, а по другому варианту — свой трон».

По геральдической традиции гербовый щит у городов, в хозяйстве которых земледелие и хлебная торговля занимали значительное место, украшался александровской лентой с двумя золотыми колосьями. Новые детали появились в измененном гербе Оша, предложенном управляющим гербовым отделением при департаменте геральдии Сената:

¹ Дело об утверждении Департаментом геральдии Сената проекта гербов Ферганской области // ЦГИА СССР. Ф. 1343. Оп. 15. Д. 323.

² Дело об утверждении Департаментом геральдии Сената проекта гербов Ферганской области // ЦГИА СССР. Ф. 1343. Оп. 15. Д. 323.

«В червленном щите серебряная верхушка горы, сопровождаемая сверху золотым полумесяцем, рогами вверх. В зеленой оконечности щита *две воловьих головы* с червленными глазами. В вольной части щита герб Ферганской области. Щит украшен серебряною башенной короной о трех зубцах и окружен *двумя виноградными лозами*, соединенными александровскою лентою» (выделено нами. — авт.)¹. Традиционно разные виды корон — главное украшение гербового щита — обозначали различный статус города. К примеру, для уездных городов служили изображения серебряных корон с тремя зубцами². Как явствует из изображения и описания гербовой эмблемы города (гербы десяти среднеазиатских городов, включая Ош, царь утвердил 22 октября 1908 г., о чем опубликовано сообщение в «Собрании узаконений и распоряжений правительства при правительствующем Сенате» за 12 мая 1909 г.), на ней так и остались эти своеобразные символы Оша: гора с полумесяцем над ней, напоминающая о почитаемой местными горожанами «священной» горе Тахт-и Сулейман, и воловьих головы, указывая на разведение скота ошскими жителями.

Во внутренней торговле края важную роль играли городские и сельские рынки. Ош издавна славился своими обширными и богатыми базарами, поражая приезжих обилием местных и привозных продуктов и товаров. Как и в других среднеазиатских городах, базары представляли собой наиболее многолюдные и оживленные места в городе. В базарные дни и мусульманские праздники торговые площади буквально кишели народом. Хотя в праздничные дни большинство лавок бывало закрыто, но зато всюю торговали в многочисленных ашканах и чайханах (местных

¹ Дело об утверждении Департаментом геральдии Сената проекта гербов Ферганской области // ЦГИА СССР. Ф. 1343. Оп. 15. Д. 323. Л. 27.

² *Соболева Н. А.* Старинные гербы российских городов. — М., 1983. — С. 116.

харчевнях и чайных), а также бродячие торговцы халвы и других восточных сладостей; водоносы в летнее время предлагали желающим воду.

Мусульманская газета «Вакт» писала в 1913 г. об Оше: «Базар этого города большой, торговля быстрая. В горах живут в большинстве кыргызы, которые занимаются скотоводством, разводятся бараны, коровы, лошади и др., которые продаются на ошском базаре. Торговые товары Туркестана в Китай перевозятся через Ош, а также кашгарские товары — ковры, кошмы, ткани — перевозятся в Фергану [через Ош], где они продаются и обмениваются»¹.

По сведениям, собранным уездным начальником, главные предметы торга на ошских базарах составляли: пшеница, фрукты (свежие и сушеные) и клевер, а также бараны, лошади, шкуры и другое животноводческое сырье, из местных кустарных изделий — готовая обувь и халаты, в числе привозных из России фабричных товаров — ситцы, железо-скобяные изделия, чай и сахар; из восточнотуркестанских — кошмы, ковры и мата (бязь). Путешественников и приезжих привлекали выделанные белые шкуры кашгарских коз и синий кашгарский фарфор. Здесь нетрудно было приобрести кустарные изделия из других стран Востока, включая индийские и афганские товары.

Ошский городской крытый рынок (тим) с традиционно специализированными торговыми рядами — один из старейших в Средней Азии. Он располагался поблизости от берега Ак-Буры с ее широкой и глубокой поймой в черте города. Издавна это место было средоточием торгово-хозяйственной жизни горожан. Подробнейшее описание тима конца прошлого и начала нынешнего века приводится в книге О. И. Смирновой со слов ошского уроженца и старожила Тура-Нияза ходжи — Ниязоглы Ниязова

¹ Ахиллулла Хайрилулла Оглы. Город Ош и Тахт Сулайман // Прилож. к газ. «Вакт» («Время»). — 1913. — № 1264.

(откуда мы и заимствуем с сохранением транскрипции местных терминов). Тогда там было два перекинутых через речку висячих моста (осма-купрюк) на расстоянии до 900 м друг от друга. Тим находился между ними на оживленной городской улице по правобережью, в полусотне метров от русла реки и параллельно ее течению. Как и другие крытые восточные рынки, он представлял собой деревянное каркасное сооружение, напоминая своеобразный надземный туннель до 800 м длины, перекрывавший улицу, но открытый с двух сторон. Внутри тима по обеим сторонам уличного полотна стояло множество лавок. Камышовая крыша (бурье) тима защищала продавцов и покупателей от жары и непогоды. Лавки в тиме располагались в определенной последовательности. Сначала шли лавки продавцов духов и лекарств (аттор) и сладостей (канд-фуруш), глубже — продавцов тканей, одежды и тюбетеек (баззоз), а за ними уже — лавки елесарей (тамурчи), ювелиров (зоргар) и ножевщиков (пукокчи), в которых сидели ремесленники. Лавки последних состояли из двух помещений — переднего, где ремесленник работал, выставлял и продавал свой товар, и заднего — пристройки для товарных запасов. Вокруг тима сосредоточивалась почти вся городская торговля, особенно в базарные дни. Между тимом и речкой (от моста до моста) шла бойкая торговля чаем (чой-бозор), тюбетейками (дуппи-бозор), одеждой (тон- или джомма-бозор). По другую сторону тима торговали зеленью — арбузами и дынями (кавун-бозор), изюмом (узум-бозор), овощами и фруктами. Ниже мостов и тима по обеим сторонам речки в базарные дни собиралось несколько базаров. На левом берегу, между тимом и дорогой, торговали фуражом (утуп- или алаф-бозор); по другую сторону дороги, между этим базаром и тимом, шла торговля лошадьми и овцами (кой-бозор) и крупным скотом (мол-бозор). На правом берегу речки, ниже моста, шла торговля камышом и камышовыми поделками (бурье-бозор). Около

висячих мостов у воды были чайханы и ашканы, по две с каждой стороны моста, в базарные дни переполненные. Чайханы играли большую роль в базарной жизни, здесь люди встречались, заключали разные торговые сделки. Тут же на базарных площадях стояли мечети и медресе¹. Таков был торговый центр старого Оша.

Ош поддерживал оживленную торговлю с городами Ферганской долины и окружающей кыргызской кочевой и полукочевой периферией. Наиболее интенсивными были торговые связи купцов Оша и Андижана, причем гораздо значительней, чем между ошским и наманганским купечеством. Так, в 1913 г. из Андижана в Ош было отправлено 635700 пудов товаров, преимущественно мануфактуры, чая, сахара, соли и керосина, предназначенных для нужд кочевого района, а также железо-скобяные изделия и строительные материалы, сельскохозяйственные орудия, предметы роскоши для городской и сельской верхушки.

В том же году в Андижан из Оша было отправлено еще больше товаров — 735248 пудов, не считая грузов из Кашгара. На вызов в Андижан шли преимущественно животноводческое сырье и изделия кыргызского ремесла и промыслов: кишки, кожи, шерсть, ковры, паласы, кошмы, арканы (веревки), конская сбруя и другие мелкие изделия, значительное количество хлеба в зерне и муке, хлопок и древесный уголь. Таким образом, товарообмен между городами Ош и Андижан достигал 370948 пудов.

Ош играл важную роль и в торговле России с Восточным Туркестаном. В обмен на российскую фабрично-заводскую продукцию из Кашгара поступали изделия местного ремесла и кустарной промышленности, преимущественно мата, а также сельскохозяйственное сырье. В Оше проживала группа торговцев, занимавшихся торговлей кашгарскими

¹ Смирнова О. И. Очерки из истории Согда. — М., 1970. — С. 135–136.

товарами, часть из которых продавалась в городских лавках и на рынках, на базарах окрестных селений, раскупалась горожанами, дехканами и кыргызскими скотоводами, а остальная масса привезенных товаров переправлялась далее в Фергану.

В 80–90-х годах XIX в. в Оше торговые заведения были в основном небольшие. Многие торговцы жили в Маргелане, Намангане, Ташкенте и других городах Ферганы, но держали (или арендовали) лавки в Оше, а многие — и в Кашгаре. Русских торговцев было мало и главным образом это были крупные купцы — Филатов, Гузин и др.

К 1914 г. картина несколько меняется. Торговля фабрично-заводскими изделиями и другой промышленной продукцией сосредоточилась в руках купеческих воротил — Пугасова и Филатова, кожевенным и другим сырьем — преимущественно у крупных узбекских торговцев, а «кашгарский товар» — у пришлых из Восточного Туркестана уйгур.

В 1898 г. в Оше торговало 26 купцов I и II гильдии, в руках которых находилась оптовая торговля. Из них большинство — 20 купцов — имели постоянное место жительства в Оше, трое — в Кашгаре, по одному — в Намангане, Маргелане и Ташкенте. Все они, за исключением двух русских (из Оша и Ташкента) были представителями среднеазиатского купечества. 12 ошских купцов вели торговлю овцами, остальные восемь — смешанную. Последние торговали преимущественно мануфактурой, так называемыми колониальными товарами, чаем и сахаром, коврами, традиционным «кашгарским товаром» и особенно матой, а также мехами, мерлушками, кошмами и даже железом. Такой же примерно ассортимент товаров был и у купцов из других названных туркестанских городов: те же колониальные товары и мануфактура, отчасти чай и сахар, вино и пиво, а также и упомянутый «кашгарский товар». Кашгарское купечество вело смешанную торговлю,

специализируясь на мануфактуре, чае, сахаре, в меньшей мере — на коврах и железе, несколько кашгарских купцов торговали преимущественно колониальными товарами. Причем привозной «кашгарский товар» — хлопчатобумажные ткани (мата) и одежда (халаты) — встречал сильную конкуренцию со стороны среднеазиатских и российских товаров.

Таким образом, в руках крупного купечества оказалась фактически монополизированная торговля привозными товарами из России и из-за границы, а также овцами и мерлушками, коврами и кошмами, скупленными у кыргызского населения из оседлого и кочевого районов Ошского уезда.

Наряду с базарной торговлей, столь характерной для Оша и уезда 80-х годов XIX в., в конце XIX—начале XX в. широкое развитие в городе получает стационарная торговля. О ее росте позволяет судить увеличение числа небольших городских лавок: в 1882 г. их было 852, в 1908 г. — 1035, а в 1911 г. — уже 1300.

К 1914 г. стационарную торговлю Ошского уезда прибрали к рукам 45 купцов-толстосумов, имевших крупные торговые предприятия 2-го разряда в городе, лавки и торговых агентов в селениях. От них зависели многие мелкие и даже разъездно-меновые торговцы. Крупное городское, так называемое «гильдейское» купечество Оша пыталось прибрать к рукам всю торговую жизнь в городе и уезде. Среди купеческой верхушки города, преимущественно узбекской, выделялось 10 купцов, торговавших оптом и в розницу мануфактурой, 7 крупных скотопромышленников и торговцев шерстью и животным сырьем, 5 купцов, торговавших восточными коврами, 3 русских виноторговца. Помимо барышей от продажи спиртных напитков и пива, торговые дома Пугасова, Епифанова, Филатова, обладая крупными капиталами, наживались также на торговле бакалейными продуктами, железо-скобяными изделиями и другими товарами. Ташкентские купцы Пугасовы развернули

в Оше торговлю еще и продовольственными припасами, а также парфюмерией, ювелирными изделиями, обувью, готовой одеждой и даже канцелярскими товарами. А в магазинах, лавках и на складах Епифанова можно было приобрести также посуду и хозяйственные предметы, москательные товары, строительные и лесоматериалы, мебель и даже лекарства¹.

В архивных источниках почти нет прямых сведений о ремесле и ремесленниках Оша в конце XVIII—70-х годах XIX в., хотя это не говорит об их отсутствии во времена ханской зависимости. Вскоре после ее ликвидации, с прекращением феодальных усобиц, с развитием товарно-денежных отношений и торговых связей с соседними городами Ферганы и Россией, Ош стал выделяться среди других населенных пунктов уезда, отличаясь средоточием ремесленных и кустарных производств, изделия которых находили обеспеченный сбыт среди горожан, оседлых и кочевых жителей уезда. В конце XIX—начале XX в. в производственном контингенте населения Оша все более значительное место занимали ремесленники. И естественно, что множество ремесленных мастерских не могло возникнуть на пустом месте без наличия определенных навыков и традиций у мастеров, без преемственности с прошлой ремесленной жизнью горожан. Конечно, после присоединения Ферганы к Российской империи в Оше, особенно в новой части строившегося города, возникли новые ремесленные производства, не известные ранее населению старого Оша и жителям кишлаков, а включение хозяйства края в орбиту капиталистического рынка России оказало свое влияние на изменения в отраслевом составе и характере ремесленного и мелкокустарного производства Оша. Городское ремесло стало заметней отличаться от сельского, в частности, своим

¹ Демидов А. П. Экономический очерк хлопководства, хлопко-торговли и хлопковой промышленности Туркестана. — М., 1922. — С. 75.

профессиональным направлением и более крупными размерами мастерских, ориентацией мастеров на вкусы и запросы городских заказчиков и покупателей.

Уже в 1884 г. 75 ремесленных мастерских Оша обслуживали 42 рабочих. Общая сумма выработанной ими продукции у всех хозяев (8 медников, 3 лудильщика, 6 золотых дел мастеров, 4 портных, 20 сапожников и 36 представителей других профессий) составляла 7065 руб. У хозяев лудильных мастерских работало по 1 рабочему, что касается владельцев других мастерских, то наемные рабочие были не у каждого. Сумма годовой выработки на одну мастерскую в среднем составляла от 200 руб. (у сапожников, и несколько больше — у других ремесленников) до 33,8 тыс. руб. (у владельцев ювелирных мастерских). В 1897 г. свыше четверти горожан, имевших самостоятельные занятия, занимались различными ремеслами.

В связи с ростом населения города, особенно в начале XX в., наблюдается увеличение численности ремесленников, обслуживающих горожан. Во многих семьях, например, занимались ручным пошивом вышитых головных уборов (тюбетеек), халатов и т. п. В 1914 г. 114 сапожных мастерских в Оше обслуживали 135 рабочих, ими было изготовлено продукции на 47600 руб. Стоимость годовой продукции каждой из них против 1884 г. более чем удвоилась (417 руб.), заметно увеличилась и выработка на одного рабочего. Как и в других среднеазиатских городах, в Оше было немало непревзойденных мастеров-ремесленников по приготовлению блюд национальной восточной кухни — одинок и владельцев ашкан и т. п. Имелась также большая группа ремесленников-строителей — плотников, столяров, печников, штукатуров, каменщиков и мостовщиков, изготовителей сырцового кирпича, оклейщиков обоев и т. п., занятых на строительстве жилья и благоустроительных работах в старой и особенно в новой частях города.

Ко времени первой мировой войны Ош являлся не только старейшим центром ремесленного производства среди городов Кыргызстана, но и значительным в Туркестанском крае. Число ремесленных заведений достигало в нем нескольких сотен (даже власти не всегда знали об их точном количестве, удивляясь исчезновению мелких промышленных заведений и появлению новых, изредка крупных), а численность лиц, занятых в ремесленном производстве, исчислялась тысячами.

Непрекращавшееся производство домотканной материи, а также завоз из сопредельных областей и стран тканей кустарной и фабричной выделки, расцветка которых не соответствовала вкусам местного населения, в связи с чем требовалась перекраска, — все это привело к выделению первоначально немногочисленных красильных мастерских в отдельную отрасль производства. Так, в 1884 г. в Оше имелось 12 мелких красильных мастерских. Сумма выработки каждой из них составляла в среднем 142 руб., а валовая продукция всех оценивалась в 1700 руб. В 1900 г. их было уже 20, причем производство продукции на каждую возросло в среднем лишь на 14 руб. (общая стоимость всех по валу составляла 3120 руб.)¹

Важную отрасль мелкокустарной промышленности Оша составляла переработка сельскохозяйственной продукции как горожан, так и сельских жителей уезда. В 1903 г. среди ошских предприятий, перерабатывавших продукты земледелия, действовали 52 мельницы, которые обслуживались 112 рабочими (в среднем 1,8 рабочего на одну мукомольню) и 45 маслобоек, на которых было занято по 1 рабочему. Ко времени первой мировой войны количество подобных заведений значительно увеличилось. Причем среди них появляются относительно крупные, продукция которых шла

¹ Возникновение капиталистических отношений в Киргизии в конце XIX—начале XX в. — Фрунзе, 1970. — С. 57.

непосредственно на рынок. Так, к 1914 г. в количественном отношении выделялись маслобойни «туземного типа» (джувазы), которых насчитывалось 490, далее по числу шли ригоры — 369, а затем — водяные мельницы «сартовского типа» — 87 (с 205 поставами). Годовая производительность последних составляла 450 тыс. пудов муки.

Среди владельцев мелких мукомолен, так называемых крестьянских или сельскохозяйственных мельниц, действовавших лишь по заказу, в предвоенные годы стали появляться крупные мукомолы, владевшие так называемыми смешанными мельницами, которые работали и на заказ, и на рынок. Появляются также немногие крупные товарные мельницы, поставлявшие продукцию исключительно для продажи. Некоторые из таких мельниц были расположены прямо на базаре в «старом городе». Видимо, смешанными являлись четыре мельницы, принадлежавшие зажиточным горожанам-узбекам — владельцам промысловых свидетельств 4-го и 6–8-го разрядов (соответственно их мощности). Паровая мельница также находилась в старом городе (по нынешней Большой Андижанской улице)¹.

Товарными мельницами, работавшими исключительно для рынка и не принимавшими мелких заказов на помол, были две первые крупные мукомольни в городе. Одна из них, работавшая на нефтяном двигателе, с одним поставом, принадлежала ошскому богачу Т. Г. Дряхлову. Ее обслуживал 21 рабочий. Годовая производительность ее составляла 200 тыс. пудов муки (видимо, немногим менее половины валовой продукции всех городских мельниц), а годовой оборот — 150 тыс. руб. Мельницы смешанного типа и товарные вытесняли в мукомольном производстве города небольшие крестьянские мельницы, хозяевам которых становилась не под силу конкуренция с крупными мукомолами.

¹ Сведения о числе кожевенных заводов... // ЦГИА СССР. Ф. 432. Оп. 1. Д. 245. Л. 6.

¹² Том VI. В. М. Плоских

Среди множества мелких заведений пищевой промышленности по своему годовому обороту выделялись также две кондитерские — А. В. Григорьева и С. В. Сусликова. В 1916 г. в одной из кондитерских в «русской» части города служило 2 рабочих, оборот ее составлял 500 руб. в месяц¹. Был завод фруктовых и ягодных вод Колотаева, колбасное производство Ф. Бауэра (с одним рабочим, валовая продукция оценивалась в 800 руб.).

Еще в 1880 г. неким Романенко было получено разрешение на постройку пивоваренного завода в Оше. К 1894 г. он был построен, но в этот год не работал. Это было первое промышленное предприятие в городе, которое по уставу о промышленности могло быть названо заводом². Крупными предприятиями в городе являлись также два других пивзавода. Один из них, построенный в 1911 г., обслуживали 10—12 рабочих. На нем вываривали 60 000 ведер пива, а общая сумма производства составляла 12 000 руб. Второй, видимо, был еще значительнее, но в 1914 г. он бездействовал. По некоторым данным, годовая производительность обоих пивзаводов составляла 30 000 рублей, а обслуживало их 92 рабочих³.

Данные о литейном и кузнечном производстве в Оше в конце XIX—начале XX в. свидетельствуют о тенденции вызревания в местном промышленном производстве зачатков капиталистических отношений. Так, потребность в сельскохозяйственных и прочих орудиях, железе и других металлических изделиях, а также трудности с их доставкой и как следствие этого — нехватка и дороговизна чугуна

¹ Рапорт ошского уездного начальника в Ферганское областное правление 16 апреля 1916 г. // ЦГА УзССР. Ф. И. 276. Оп. 1. Д. 903а. Л. 194.

² См.: Обзор Ферганской области за 1890 г., а также за 1894 и 1895 гг. — Н-Маргелан, 1893; 1896.

³ Анкетные сведения о пивоваренных заводах г. Ош // ЦГИА СССР. Ф. 23. Оп. 27. Д. 483. Л. 36; Статистический обзор Ферганской области за 1913 г. — Скобелев, 1916. — Прилож. 10.

и металла на рынке, вызвали появление с 80-х годов XIX в. первых чугунолитейных мастерских в городе. В 1895 г. их имелось уже четыре с 12 рабочими, а общая стоимость годовой продукции исчислялась в 2000 руб. В 1910 г. таких мастерских оставалось три при том же количестве наемных рабочих, но зато функционировал литейный цех с годовым оборотом 1500 руб.¹, выдававший продукцию на рынок.

Продукция ошских чугунолитейных мастерских использовалась и городскими кузнецами. По размерам производства они были несколько крупнее кузнечных мастерских, возникавших в конце XIX в. в сельской местности. В эти же годы в Оше наряду с мелкими кузницами имелась и крупная кузнечная мастерская Ахмеджанова с 6 рабочими; продукция всех кузниц составляла за год 2970 руб.

В ведомостях о фабрично-заводской промышленности в Ферганской области среди значительных городских предприятий упоминается также кишечноочистный завод (построен в первом десятилетии XX в.). В 1913 г. на нем работало 12 рабочих, а годовая производительность составляла до 21,5 тыс. руб.² В предвоенные годы он был приобретен фирмой Дюршмидт.

Довольно крупным предприятием кустарного типа являлся ошский кожевенный завод с годовой производительностью до 10 000 выделанных шкур. Предмет его производства — грубая кожа («черт») для употребления простонародьем («рабочим классом»), выделывались также бараньи и козьи шкуры³.

¹ Возникновение капиталистических отношений... — С. 159; *Вяткин М. П.* Социально-экономическое развитие Киргизии. — Фрунзе, 1974. — С. 240—241.

² Статистический обзор Ферганской области за 1913 г. — Прилож. 10.

³ Сведения о числе кожевенных заводов... // ЦГИА СССР. Ф. 432. Оп. 1. Д. 245. Л. 6.

Наряду с паровой мельницей Дряхлова крупнейшим городским предприятием был Ошский хлопкоочистительный завод (хотя он и меньше Найманского). За сезон 1913/14 г. там очищалось 35 тыс. пудов хлопка-сырца. Общая сумма его производства в год составляла 150 000 руб., завод обслуживал 41 рабочий¹. С 11 октября 1915 г. в Оше начал действовать другой хлопкоочистительный завод, получавший электроэнергию с городской электростанции².

В 1908 г. в Оше насчитывалось 446 мелких промышленных предприятий кустарного типа с 616 рабочими и годовой производительностью в 41 360 руб., в среднем на каждое из них приходилось 1,5 рабочих.

Немногие появившиеся в 10-х годах XX в. крупные фабрично-заводского типа предприятия не вытеснили ко времени первой мировой войны массу небольших заведений мелкотоварного уклада. Наоборот, если только данные за 1908 г. не преуменьшены, то к 1914 г. наблюдается явный рост последних. Их насчитывалось, по данным авторов экономического обоснования проекта сооружения Ошского подъездного пути, 869. Это число составляли маслобойни, рисорушки, кирпичные, пивные и кишечномоечные производства, но не учтены мельницы, сапожные мастерские, кузницы и т. п. А так как, видимо, учитывались главным образом те предприятия, полуфабрикаты и продукция которых могли служить предполагаемыми железнодорожными грузами, то следует полагать, что в городе имелось около 1 000 небольших кустарных и ремесленных заведений.

Техническую отсталость слаборазвитой ошской промышленности характеризует то, что в 1913 г. только на трех крупных предприятиях со 140 рабочими — вальцовой мельнице, пивоваренном заводе и электроустановке имелось

¹ Статистический обзор Ферганской области за 1913 г. — Приложение 10.

² Туркестанские ведомости. — 1915. — № 263.

всего по одному двигателю общей мощностью 95 л. с.¹ Такая малая энерговооруженность городской промышленности говорит о ее низком технико-экономическом уровне. Первая энергетическая установка в Оше была построена лишь накануне первой мировой войны, вторая — уже после ее начала. Общая мощность обеих не превышала 400 л. с., а обслуживали их несколько десятков рабочих (на одной из электростанций работало 35 человек). Обе установки принадлежали Т. Г. Дряхлову, впоследствии вступившему в компанию с А. А. Ивановым. Одна из электростанций несла осветительную нагрузку, другая подавала ток главным образом на хлопкоочистительный завод.

По данным анкетного обследования туркестанской промышленности, начатого в предвоенные годы В. В. Заорской и В. К. Александер, в Оше насчитывалось 4 сравнительно крупных промышленных предприятия с 25 рабочими. Общая стоимость вырабатываемой ими продукции в год, реализовавшейся на рынке, составляла всего 29800 руб. Это дало повод исследователям несколько категорично характеризовать ошскую промышленность; «Ввиду ничтожного значения г. Оша, он как промышленный пункт может и не приниматься во внимание...»². Однако при этом не были «приняты во внимание» некоторые значительные городские предприятия, с учетом которых возрастает общее количество рабочих и стоимость их валовой продукции при сравнительной оценке промышленности городов не только Ферганской области, но даже Туркестанского края. Отставая в промышленном развитии от Пишпека и Пржевальска, Ош оставался наиболее заметным промышленным пунктом Южного Кыргызстана, стоимость валовой продукции его

¹ Чормонов Б., Сидоров А. Промышленный прогресс в Киргизской ССР. — Фрунзе, 1963. — С. 26. (Таблицы).

² Заорская В. В., Александер К. А. Промышленные заведения Туркестанского края. — Пг, 1915

промышленности нельзя сбрасывать со счета в общей доле промышленности дореволюционного Кыргызстана. Тем более, что Ош в этот период играл весьма существенную роль как центр ремесла и мелкотоварного производства на юге Кыргызстана.

Налоги и подати

После завоевания Кокандского ханства царизмом 17 февраля 1876 г. Туркестанской администрацией была создана «Комиссия для выяснения податной повинности и казенных имуществ Ферганы», которая уже 11 марта того же года представила доклад со своими предложениями «о способе взимания доходов и об отмене некоторых доходных статей, кои не согласны с нашими законоположениями». Генерал-лейтенант Колпаковский на докладе наложил резолюцию: «Все, что предлагается для Коканда, должно практиковаться и в прочих городах Ферганской области». Положение было распространено, естественно, и на город Ош.

К числу государственных доходных статей было отнесено все казенное имущество, принадлежавшее бывшим ханам (а такое было и в Оше) — дома, земли, сады, лавки, мастерские и т. п. К городским доходным статьям относились сборы: весовой, зякет с промышленных заведений и пр. Но отменялись наследственные и свадебные сборы (тарине и никагане), отдельные статьи базарных сборов, соляной налог, цеховые сборы, маклерский сбор, сборы лесные, с угля и др.

Были отменены поборы, которые вели, по мнению русской администрации, к особо бесконтрольной и безудержной эксплуатации и которые были несовместимы с российским законодательством или противоречили ему.

Через четыре года наступало время введения для населения Ферганской области общего положения о налоговом

управлении, существовавшем по всей России. Чтобы ознакомить городское и сельское население Ферганской области с новым для него положением о налогах, туркестанский генерал-губернатор Кауфман издает 6 апреля 1880 г. манифест — обращение к населению Ферганской области. «Жители Ферганы... ныне, после четырехлетнего пребывания вашего под скипетром русского царя, я нахожу возможным ввести во всей Ферганской области преобразования: общественное, податное и поземельное». Цель податного преобразования заключалась «в замене существующих под разными наименованиями поземельных платежей одною, точно определенною государственной податью». Вместе с постоянным окладом государственной подати определялся и размер земских повинностей, т. е. «сборов на удовлетворение местных потребностей края». «Я приступаю к упомянутым преобразованиям в уверенности, — патетически заявлял Кауфман, — что они будут способствовать развитию земледелия, главного источника вашего благосостояния, уничтожению вредных споров и многих злоупотреблений, неизбежных при ныне существующих порядках»¹. Слов нет — намерения благие, но на деле — одна форма эксплуатации, грубая и открыто грабительская, заменялась другой, но не менее эксплуататорской.

Даже у горожан основной сферой производства в до-революционном Оше было занятие сельским хозяйством. Отсюда и основной формой налоговой эксплуатации являлся поземельный налог с урожая зерновых или бахчевых культур, с содержащегося скота. Затем уже шли подати с изделий ремесленного производства, с торговли. Это — государственные налоги. Наемные работники и рабочие ремесленных предприятий эксплуатировались хозяевами, присваивавшими их прибавочный продукт.

¹ ЦГА УзССР. Ф. И. 1009. Оп. 1. Д. 145. Л. 63.

Кроме земских существовали общественные сборы, идущие на содержание местного управления, расходы на постройку школ, устройство дорог и т. д. В Ферганской области основная их сумма тратилась на содержание конных караульщиков и стражников, и только 30% средств шло по назначению.

Налоги и подати взимались как в натуральном выражении, так и деньгами. Широко практиковалась трудовая повинность — привлечение горожан на общественные работы. Была распространена и откупная система налогов, усугублявшая их тяжесть. Практически неограниченный рабочий день колебался от 12 до 15 часов в сутки.

Несмотря на то, что царские власти усиленно пытались представить дело таким образом, что новая налоговая система была благом для населения, конкретные данные той же туркестанской низовой администрации показывают, что налоговый гнет был обременительным и в целом непосильным. Об этом свидетельствует, в частности, таблица недоимок по городам и уездам Ферганской области.

Возьмем для примера только один 1887 г. По Ошу недоимки по всем статьям в этом году достигали 510 руб. А по Ошскому уезду: недоимки кибиточной подати составляли 1595 руб., оброчной — 6037, сбора взамен натуральной повинности и на расходы, имеющие характер земских, — 1534, сбор на содержание «туземной» администрации — 1889, сбор на возмещение расходов правительства по общественно-податной организации — 2247, по разным другим статьям — 1712 руб. Таким образом, в 1887 г. по городу Ош и Ошскому уезду недоимок накопилось 30491 руб.¹

Главным источником поступления доходов царской казны в Туркестанском крае являлся поземельный налог, который с 1886 г. составлял 10% всех сборов с оседлого

¹ Обзор Ферганской области за 1887 г. — Н.-Маргелан, 1888. — Прилож. к ведомости № 4

населения, обрабатывавшего орошаемые богарные земли. Он взимался как с сельского населения Ошского уезда, так и с горожан, занимавшихся земледельческим хозяйством, и выделенных администрацией (как отмечалось ранее) для удобства их налогообложения в отдельную Ошскую волость. Сравнительно с предшествующим десятилетием сумма поземельного налога в 1886 г. увеличилась фактически вдвое. Кроме того, все горожане были обязаны вносить государственный налог с недвижимого имущества. С 1885 г. были введены сборы за право торговли и занятия промыслами, а с 1899 г. — государственный промысловый налог¹.

Усиление тяжелого национального и социального гнета царизма и господствующих классов империи над трудящимися города и села в Туркестане в конце XIX—начале XX в. вызывало в ответ нарастание социального протеста многонациональных угнетенных масс края, сближало их на почве общей солидарности против царских и «своих» местных эксплуататоров. Не оставалась в стороне от этой борьбы и трудовая часть горожан Оша и его уезда, сопротивление которых двойному гнету принимало различные, подчас резкие формы, поднимаясь до открытых массовых выступлений в конце XIX—начале XX вв.

Памятники Оша и культуры горожан

Дореволюционный Ош и его окрестности были не очень богаты историко-архитектурными памятниками, тем не менее отдельные из них, даже не сохранившиеся до наших дней, заслуживают если не описания, то хотя бы упоминания. В основном — это культовые сооружения. Мы можем

¹ Лукин Б. В., Кравец Л. Н., Сулейменов Б. С. и др. Революция 1905–1907 гг. в Средней Азии и Казахстане. — Ташкент, 1985. — С. 36.

назвать гумбез Курбанджан-датхи, построенный в 1907 г.; мечеть Мухаммада Юсупа-Байходжи, возведенную в 1909—1910 гг., рядом с ней располагавшуюся купольную мечеть Сыдыкбая XIX в., мазар Мухаммеда Рахима начала XX в., гарнизонную церковь Михайло-Архангельскую, построенную для военных чинов и православных переселенцев в 80-х годах XIX в., перестроенную в советское время под Дом культуры. В отчете о состоянии Туркестанской епархии за 1885 г. читаем: «Церковь ошская — Михайло-Архангельская... построена из сырцового кирпича, покрыта железом и даже имеет деревянную главу. Церковные колокола висят под навесом, но утварью и ризницею и даже библиотекой церковь снабжена достаточно»¹. Отсюда, от церкви, по замыслам военной администрации Оша и должна была распространяться православная культура среди горожан и переселенцев.

Самым знаменитым, восходящим своими истоками в древность, был уже упоминавшийся мавзолеем Асаф ибн Бурхия, последняя перестройка которого относится к концу XIX — началу XX в. К северному склону Сулейман-горы примыкает старинный жилой массив, где и в настоящее время встречаются прекрасные образцы народной архитектуры XIX — начала XX в.

Внешним видом, традиционной планировкой и привлекательным интерьером выдавались в кварталах старгородской части (ныне ул. Алебастровая, Донская и Алишера Навои) жилые строения в стиле позднеферганской школы зодчества такие дома конца XIX—начала XX вв как: Сыдыкбая, и Разыкбая (ул. Алебастровая № 186 и 208), Роби (Алимовой Робохан) и Муххаммада Юсупа Байходжи (ул. А. Навои № 76 и 59). Все они выявлены и описаны в упоминаемой книге А. Е. Захаровой.

¹ ЦГИА СССР. Ф. 796. Оп. 442. Д. 1265. Л. 15.

Примечательным культовым памятником Сулейман-горы является гузарная (квартильная) мечеть Мухаммада Юсупа Байходжи-оглы (на пересечении современных улиц Алебастровая и Тельмана). В плане это — прямоугольник, разделенный на два почти квадратных помещения — зимнее и летнее молельные помещения. Летнее представляет собой айван с михрабной нишей и резными деревянными колоннами, стены которого богато декорированы резным гипсом, а потолки расписаны живописным растительным орнаментом темперой и покрыты лаком. Зимнее оформлено несколько более скромно. Это типичный для Ферганской долины памятник архитектуры нового времени, которые обычно строили с двумя айванами и центральным зимним помещением. Помимо того, что у мечети Мухаммада Юсупа Байходжи-оглы только один айван, она, по квалифицированному заключению Б. Помаскина, примечательна тем, что выполнена не как купольное сооружение, а имеет железную кровлю, что, несомненно, следует расценивать как проявление русского влияния в архитектуре города Оша начала XX в.

К мавзолею Асаф ибн Бурхия у восточного подножья Сулейман-горы в начале XX в. была пристроена мечеть Джами. В это же время был произведен ремонт и самого мавзолея — кирпичом «русского образца» с клеймами ошских кирпичных мастерских. Декор XVII—XVIII вв. был заменен так, чтобы мечеть Джами (снесена в 1978 г.) и мавзолей Асаф ибн Бурхия смотрелись единым ансамблем в стиле подобных архитектурных сооружений начала XX столетия. Невдалеке располагалось здание мечети XVI—XVII вв. Рават Абдуллахана, многократно перестроенное к началу XX в. (ныне здесь Ошский краеведческий музей).

В конце XIX—начале XX в. в Оше продолжали функционировать медресе Алымбека-датхи (по ул. Карасуйской, где позже одно время был цирк), медресе Халмурзабая (на пересечении современных улиц Свердлова и Тельмана,

на месте нынешнего кинотеатра «Космос»), Тюрк-медресе (где позже помещался узбекский музыкально-драматический театр) и другие. В мектебах при мечетях обучались начальной грамоте и чтению Корана, в медресе овладевали азами знаний дети состоятельных мусульманских горожан.

Имеющиеся в различных источниках и публикациях сведения о числе учителей и учащихся ошских конфессиональных школ (мектебах при мечетях, корихонах, медресе) отрывочны, а нередко и противоречивы. Видимо, их число не было постоянным, так как учителя в них содержались на добровольные пожертвования родителей учащихся, постоянно и заметно колебалась и численность обучавшихся. Хотя архивные и дореволюционные источники противоречивы в определении количества мечетей, мектебов, медресе и корихоне в Оше и уезде, но во всех случаях наблюдаем общую тенденцию их роста. Так, по сведениям ошского уездного начальника подполковника Ионова, в 1883 г. в Ошской волости было 5 медресе, в уезде — 6; мечетей — соответственно 102 и 193; мектебов — 10 и 48, учеников в них — соответственно 110 и 377¹. Судя по рапорту военного губернатора Ферганской области, на 1 июля 1899 г. в Оше было 96 мечетей, в уезде (без города) — 114, всего в уезде с городом — 210 мечетей². А по обзору Ферганской области за 1900 г., в Оше насчитывалось 154 мечети (в уезде — 342) и 7 мазаров (в уезде 8)³. По данным на 1903 г., в городе было 5 медресе, 8 корихоне, 26 мужских мектебов и 17 женских⁴.

Низкий общеобразовательный уровень учащихся подобных школ определялся уже тем, что зачастую и для самих

¹ ЦГВИА. Ф. 400. Аз. Ч. Оп. 260 / 916-а, Д. 325. Л. 8.

² ЦГА УзССР. Ф. И. 1. Оп. И. Д. 1725. Л. 144–149.

³ Обзор Ферганской области за 1900 г. — Н-Маргелан, 1901. — С. 122.

⁴ Путеводитель по Туркестанской ж. д. — СПб., 1904. — С. 395.

малограмотных учителей — мулл арабское схоластическое образование являлось поистине «грамотой за семью печатями». И все же грамотность среди горожан была выше, чем окрестных сельчан-кочевников.

Одним из каналов приобщения коренного населения горного края к современной культуре, к мировой цивилизации послужили немногие первые светские школы с библиотечками при них, медицинские и ветеринарные пункты, открывавшиеся в первую очередь в уездных центрах. Стараниями передовой русской интеллигенции через них в жизнь кыргызов проникали первые лучи научных знаний. Так, первые светские школы в Оше появились лишь после включения Южного Кыргызстана в состав России (1876 г.) Это были приходское училище для совместного обучения детей обоего пола, открытое 1 июля 1878 г., и открытая почти через десять лет (15 января 1887 г.) русско-туземная школа.

Первое было предназначено для начального образования детей русских горожан, вторая — детей коренного населения.

Преподавание в Ошском приходском училище велось по особой программе, выработанной для этого типа школ в Туркестанском крае, чтобы окончившие ее дети чиновников, офицеров и богатых горожан получили подготовку к поступлению в среднее учебное заведение. В 1897 г. в училище было всего 19 учащихся (7 мальчиков и 12 девочек), а в 1905 г. — 35. Но и тогда преподавали в ней всего 2 учителя: один — выпускник Туркестанской учительской семинарии в Ташкенте и законоучитель; не имело училище и специально построенного здания. С увеличением числа русских жителей в городе и детей школьного возраста (в 1913 г. в училище обучалось 64 ученика, в том числе 31 ученица) горожане все острее чувствовали необходимость открытия вместо приходского училища городского (о гимназии не смели и мечтать). Это признавали желательным

даже ошские власти, в общем-то крайне мало заботившиеся о развитии народного образования.

После открытия русско-туземной школы в ней обучалось всего 11 мальчиков, в 1897 г. — 20, в 1902—1914 гг. число учеников колебалось от 18 до 42, преимущественно это были дети из состоятельных семей. Примечательно, что с 1887 г. при русско-туземной школе были также открыты вечерние курсы для взрослых. Их обучение ограничивалось основами русской и «мусульманской» грамоты, да еще законами четырех арифметических действий. Посещали эти курсы первоначально лишь 5 человек, в 1895 г. — 13, в 1914 г. — 25 человек. Благодаря русско-туземным школам и курсам для взрослых, русским языком, хотя и в незначительном числе, овладевали представители узбекского, кыргызского и дунганского народов. Это, конечно, положительно сказывалось на их общении с русскими трудовыми переселенцами.

Однако, несмотря даже на такую постановку образовательного дела, в Оше горожане читали книги, по рукам ходили рукописные сочинения, печатная и литографическая продукция, имелись даже книжные торговые точки. По материалам ревизии Туркестанского края К. К. Палена, в начале XX в. в Оше значилось три книжные мусульманские лавки¹. Англичанка Мэри Голсворт, автор книги по истории дореволюционного Туркестана, приводит данные о количестве книжных магазинов в Оше, в которых до революции можно было приобрести литературу на местных языках: 1904 г. — 1 магазин, 1912 г. — 4; 1913 г. — 3 магазина². Конечно, это не книжные магазины

¹ Пален К. К. Отчет по ревизии Туркестанского края... Учебное дело. — СПб., 1910. — С. 139.

² Holdsworth M. Turkestan in the Nineteenth Century. — London, 1959 — P. 37; A Brief History of the Khanates of Bukhara, Kokand and Khiva. — Oxford, 1959.

в нашем представлении, а, скорее, скудные торговые лавочки. Но все же для дореволюционного Оша, да и Кыргызстана в целом, это немало значило. В них-то и продавались рукописные среднеазиатские книги и первые литографические издания, собиравшиеся нашими экспедициями началось с 1976 г. В основном это — сочинения по мусульманскому праву — фикху, или так называемые «шариатские книги». Одна из них — известное и широко распространенное по всей Средней Азии сокращенное изложение комментария к знаменитой «Ал-Хидайя» Бурхан ад-дина ал-Маргина-ни (ум. в 593 г. х., т. е. в 1197 г.). Комментарий составил Шамсад-дин Махмуд ал-Бухари в начале XVII в., автор сочинения под названием «Мухтасар ал-Викайя» Убайдаллах ибн Масуд (первая половина XIV в.). Известны разные издания, а также рукописи этого сочинения. Но приобретенный литографический экземпляр интересен своим двуязычием: в нем оригинальный арабский текст «Мухтасара» сопровождается тюркским подстрочным переводом и обширным комментарием в стихах («назм») тоже по-тюркски. Принадлежало сочинение, судя по пометкам, ташкентскому ишану Рахим-ходже, сыну ишана Али-ходжи. Книга издана в Ташкенте, отпечатана в типолитографии В. М. Ильина в 1900 г., как и когда попала в Ош — не выяснено.

Несмотря на то, что сочинений по фикху, подобных «Мухтасару», известно множество, и встречаются они в больших количествах повсеместно в Средней Азии и Казахстане, данный экземпляр особенно интересен языковедам — иранистам и тюркологам как образец практического книжного перевода XIX в., небезынтересен он и для занимающихся вопросами истории культуры Кыргызстана как прямое свидетельство хождения среди жителей Оша до революции подобной книжной продукции.

В Оше были приобретены «Собрание трактатов ибн Абидина» — сборник правоведческих сочинений известного

сирийского факиха ханифийского толка Сайида Мухаммада Амина афанди (1784–1836 гг.). Книга издана попечением Мухаммада Хашима ал-Кутуби Каирским издательством «Дар-и саадат» и отпечатана в типографии османской газетной компании в 1325 г. х., т. е. в 1907/8 г.

В сборнике представлено 25 различных трактатов Ибн Абидина по вопросам теоретической и практической мусульманской юриспруденции, шариатской судебно-правовой системы, являющейся по сути всеобъемлющим кодексом и регулятором всех без исключения сторон жизни и деятельности мусульман. На основании подобных трактатов создавались многотомные практические руководства для казиев и муфтиев.

Ош и непосредственно Сулейман-гора были известными центрами поклонения мусульман и здесь, естественно, распространялась в первую очередь исламская религиозная литература. Всевозможные «святые», дервиши, муфтии, казии были хранителями и распространителями мусульманских канонів веры и быта, которые заменяли просвещение и науку, медицину и здравоохранение для коренного населения Кыргызстана.

Первые медицинские пункты в Оше, как и светские школы, появились лишь после организации Ферганской области в 1876 г. В Ошском, как и других уездах, не было врачебных участков для сельского коренного населения, а должность уездного врача (он же и городской) замещалась военным медиком.

В конце XIX в. в Оше уже имелась помимо фельдшерского пункта 1 больница на 15 коек. Амбулаторный прием вели врач и фельдшер (за 1899 г. они обслужили 3070 больных), а прививки против оспы делали обученные ими оспопрививатели. По некоторым данным, в начале XX в. была открыта еще лечебница для женщин коренной национальности.

В 1907—1913 гг. весь медперсонал города, насчитывавшего несколько десятков тысяч жителей, состоял из 6—8 человек, включая фармацевта, акушерку и нескольких оспопрививателей (2—4 оспопрививателя делали за год примерно 2000 прививок).

В целом медико-санитарное обслуживание трудящихся горожан, особенно жителей «старого» города, и накануне Октября 1917 г. оставалось крайне неудовлетворительным. Врачебно-медицинское обслуживание распространялось в первую очередь на представителей уездно-городской верхушки, лиц привилегированных сословий, а также немногих крупных местных торговцев.

Блестящее начало разностроннему изучению южной части Кыргызстана еще в «ханское» время положил Алексей Павлович Федченко (1844—1873) — талантливый натуралист и ученый-путешественник. Его исследования вновь присоединных к России среднеазиатских земель в 1868 г. — весной 1871 г. велись по поручению Московского общества любителей естествознания. А летом 1871 г. А. П. Федченко с женой Ольгой Александровной, препаратором, переводчиком и сопровождавшими их ханскими джигитами совершил с немалыми трудностями путешествие на Алай, куда еще не ступала нога ученого-европейца. С перевала Тенгиз-бан (Исфайрам) они увидели Заалайский хребет, через который лежал путь к «заоблачной Памирской выси». Но из-за противодействия кокандских чиновников проникнуть далее на юг — к неведомому Памиру — не удалось. Пришлось возвращаться назад в Ташкент, с посещением при этом Оша, Гульчи и Узгена. О. А. Федченко сделала в пути ряд зарисовок, в том числе видов Алая и Заалайского хребта, а также узгенских древностей, краткое описание которых составил А. П. Федченко. Только в этом заключительном своем путешествии А. П. Федченко открыл Заалайский хребет и его наивысшую точку, собрал обширные ботанические и зоологические коллекции, выяснил орографическое

¹³ Том VI. В. М. Плоских

строение посещаемых областей. Широкий диапазон его научных интересов — от вопросов физической географии до этнографии среднеазиатского населения — отражает его описание путешествия в Кокандское ханство¹. Его научные труды, столь интересные для современников, не утратили познавательного-исторического значения и в наши дни.

С ликвидацией Кокандского ханства и включением южно-кыргызских земель в состав Российской державы создались благоприятные условия для продолжения исследований Восточного Приферганья и Памиро-Алайской горной системы. В числе тех, кто приумножил начинания А. П. Федченко в этом регионе, были участники военно-научной экспедиции М. Д. Скобелева на Алай (натуралист В. Ф. Опшанин, статистик Л. Ф. Костенко и др.), зоолог Н. А. Северцов, академик А. Ф. Миддендорф, геолог Д. Л. Иванов, ботаник В. И. Липский, климатолог А. И. Воейков, географ Г. Е. Грум-Гризмайло, путешественники Б. Л. Тагеев (Рустам-бек), Б. Л. Громбчевский и многие-многие другие ученые, исследователи и путешественники, пути которых пролегали также в соседние страны зарубежного Востока. При этом базой, начальным, транзитным и конечным пунктом их маршрутов большей частью служил г. Ош. В 1891 г. при содействии РГО совершил путешествие из Оша в Северную Индию Н. С. Голицин, а в 1898 г. — в обратном направлении — В. Ф. Новицкий, награжденный РГО Малой золотой медалью за сообщение о своем путешествии. Вполне понятно, что все путешественники посвятили Ошу и его жителям, оказывавшим исследователям посильное дружественное содействие, ряд описаний в своих отчетах, записках, публикациях и сочинениях.

При отсутствии общедоступных клубов, библиотек и других культпросветучреждений некоторую роль в бедной событиями общественно-культурной жизни города

¹ Федченко А. П. Путешествие в Туркестан. — СПб., 1875.

играло так называемое «военное собрание» (дворянские собрания в среднеазиатских городах отсутствовали, имелись же либо общественные, либо военные собрания при наличии в привилегированной части горожан значительной офицерской прослойки). Так, изредка в Ошском военном собрании, а то и в солдатских казармах или городском саду давались концерты приезжих артистов и ставились (с 1877 г.) спектакли местными любителями драматического искусства, в том числе пьесы Н. А. Островского «Бедность не порок», «Доходное место», «Лес» и др. Пользовались популярностью у передовой части горожан также встречи с видными путешественниками — исследователями Памиро-Алая, а лекции Н. А. Северцова, Г. Е. Грум-Гржимайло, И. В. Мушкетова, Г. Д. Романовского, Н. Л. Корженевского, В. В. Бартольда и других участников российских и зарубежных экспедиций привлекали внимание интеллигентной общественности города.

Ош был отправной точкой для научных экспедиций на Алай и Памир не только русских ученых, но и иностранных путешественников. Здесь снаряжались в поход на Памир в 80-х годах XIX в. французские экспедиции супругов Уйфальви и под руководством Г. Бонвало, памиро-алайская экспедиция немецко-австрийского клуба Р. Рикмерса и многие другие. Отсюда отправлялась в опасное путешествие на Памир датская научная экспедиция поручика О. Олуфсена. Ош являлся отправным пунктом путешествия Фельетона и других зарубежных ученых и путешественников. О. Олуфсен, например, в своем описании путешествия на Памир в 1898—1899 гг. отмечал, что Ош был местом, откуда начинали свой путь на Памир и Алай многие экспедиции. Особо указывал, что именно в Оше закупалось необходимое снаряжение для экспедиции — лошади, продовольствие, различные грузы, а также именно здесь нанимали

проводников¹. Правда, в своей предвзятости относительно «русской угрозы Индии» отдельные, особенно английские, авторы усматривали именно в Оше и опорный пункт мнимой угрозы против Британской Индии².

Но большинство иностранных экспедиций, не преследуя политических, а иногда и разведывательных целей, целей, ставили перед собою научные задачи. Некоторые же путешественники были восторженными романтиками, непомерно идеализировавшими простоту кочевого быта и жизни, даже призывавшими «испорченный» цивилизацией мир назад, к природе, к естеству. «Мне понятна жизнь цыган, туркменов, арабов и кыргызов — всех этих кочевников подобно божьим тварям вольно живущим на свободе под открытым небом, этих детей больших просторов, где ни взгляд, ни движение, ни мысль не встречают преграды, — писал француз Гийом Капю — ...Таковы и кыргызы, едущие рысью по степи под аккомпанимент мелодичных напевов своих певцов; некогда их неукротимые отряды сражались здесь с солдатами Ак-Паши («белого царя» — *авт.*). Таковыми же были и гунны, и воины Чингиз-хана, которые подобно урагану обрушивались на народы Запада»³.

Надо ли говорить, что такой взгляд на историю едва ли можно назвать научным. Но естественно-исторические исследования зарубежных ученых раскрывали перед наукой Запада новые горизонты, открывали новый, почти

¹ *Olufsen O.* Through the unknown Pamir: The second Danish expedition 1898–1899. — London, 1904. — P. XIII.

² *Curzon G. N.* Russian Central Asia in 1889 and Anglo-Russian question. — London, 1899. — P. 129; *Fruser-Tyfeer K.* Afghanistan: A study of political development in Central Asia. — London; N.-Y.; Toronto, 1953; *Skrine F. H. and Ross E. D.* The heart of Asia: A history of Russian Turkestan and Central Asia Khanates from the earliest times. — London, 1899.

³ *Capus G.* Le toit du monde (Pamir). — Paris, 1890. — P. 129.

неведомый мир, малоизвестные и неизвестные восточные племена и народы.

А ностальгию по первобытному прошлому, пожалуй, можно рассматривать как один из литературных приемов: «Чтобы впоследствии, когда я вновь испытаю влияние другой среды, — писал, будучи в центре Алая, Г. Капю, — лучше вспомнить о том благодном довольстве, которое я испытываю теперь посреди дикой жизни, я записал себе в дневник крик своей души: «Люди, путешествующие по Европе, и вы, рабы цивилизации, вы не знаете очарованья юрты и симфонии до-мажор в исполнении кипящего чайника, котла с пловом, булькающего кальяна и завываний бури, всей поэзии кочевой жизни, острые воспоминания о которой и неизбежная тяга к ней навсегда оставят у меня сожаление о прошлом, которое уже никогда не повторится!»¹. Вскоре автор благополучно вернулся в Париж, выпустил в издательстве «Ашет» в 1890 г. небезынтересную книгу под названием «Крыша мира (Памир)».

Наиболее ценные практические результаты в исследовании ранее неизведанного края, воссоздании забытых страниц истории кыргызского народа были получены российскими учеными и путешественниками, внесшими свой вклад и в создание первых научно-практических ячеек в Оше и на юге Кыргызстана.

Первой весьма скромной из них явилась учрежденная с 1 июля 1878 г. в Оше известным ученым-путешественником Н. А. Северцовым метеостанция. Впоследствии академик Чернышев, посетивший Среднюю Азию после разрушительного Андижанского землетрясения 1902 г., рекомендовал открыть в Оше сейсмическую станцию 2-го разряда².

¹ Capus G. Le toit du monde (Pamir). — Paris, 1890. — P. 129.

² ЦГИА СССР. Ф. 563. Оп. 8. Д. 30178; Д. 30332. Л. 15.

Неотложные нужды сельского хозяйства и торговли в крае подтолкнули власти к созданию в 1900 г. в Оше пункта ветеринарного надзора для осмотра проходящих из Семиречья в Фергану гуртов скота. Затем уже в предвоенное время и годы первой мировой войны город стал местом пребывания инструкторов по хлопководству и пчеловодству; были открыты также пункт проката сельскохозяйственных машин и ошское опытное поле по богарному («сухому») земледелию в уезде¹.

Уже этот краткий обзор состояния культуры в Оше свидетельствует о значении города как общественно-культурного центра обширного Ошского уезда, наличии острых социальных и национальных контрастов в сфере культуры и быта горожан, между новой и старой частями города и повсеместном проявлении реакционной «просветительной» политики царизма, который вместе с господствующими классами стремился держать трудящиеся массы в темноте и невежестве.

Народные выступления в конце XIX в.

Выступления горожан Оша и сельских жителей уезда в 80—90-х годах XIX в. являлись частью народных волнений в Ферганской области. Повсеместно они вызывались одинаковыми социально-экономическими причинами, будучи направлены против усиления национального и колониального гнета и притеснений местной эксплуататорской верхушки. Религиозная окраска или участие в руководстве некоторыми из них феодальных элементов не меняли в целом их общей антиколониальной и антифеодальной направленности.

¹ ЦГИА СССР. Ф. 1149. Оп. 13. Д. 178. Л. 7—8; Ф. 398. Оп. 74. Д. 27938. Л. 17. 57; Оп. 75. Д. 174. Л. 104—105, 123, 130—131.

Вслед за подавлением в начале 1882 г. царскими войсками выступлений жителей г. Намангана против усиления налогового гнета в сентябре того же года две сотни бедняков Оша пытались напасть на дом уездного начальника, но были разогнаны подоспевшей из Маргелана казачьей сотней¹. Эти выступления выражали активный протест трудящихся горожан и дехканства против введения нового поземельно-податного обложения в Фергане.

Власти Ошского уезда были чрезвычайно обеспокоены и брожением среди кыргызского населения в верховьях р. Ак-Бура в 1884 г., а также последующими народными волнениями, нападениями на «туземную» администрацию в других горных местностях уезда в 1885 г.

То был прямой отклик сельской бедноты на крупное восстание в восточной части Ферганы, известное в литературе как восстание Дервиш-хана². Народная молва, дошедшая и до уездных властей, говорила о присылке ошским кыргызам писем с призывами «к возмущению». Ходили слухи и об организации летом 1885 г. в Ошском и соседнем Андижанском уездах вооруженных отрядов, возглавленных состоятельным местным землевладельцем Дервиш-ханом. При неблагоприятном исходе в столкновениях с царскими карательными отрядами временные попутчики повстанцев — феодально-клерикальные элементы, стремившиеся к «ниспровержению русской власти и восстановлению мусульманского владычества в Фергане», предавали рядовых участников народных восстаний, боровшихся против двойного гнета.

Неспокойно было в Ошском и соседних с ним уездах Ферганской области также в 1887 и 1891 гг., когда среди населения Оша и уезда распространялись тревожившие

¹ ЦГИА СССР. Ф. 396. Оп. 2. Д. 240. Л. 50.

² ЦГИА СССР. Ф. 1405. Оп. 521. Д. 434. Л. 14–15.

администрацию слухи об организации на местах повстанческих отрядов для борьбы против ненавистных народу царских властей и местных богачей. В 1887 г. уездные власти напали на след бухарца Сеид Мир Ходжина, который выдавал себя за Нусрат-хана, якобы потомка Тамерлана и помощника самого пророка. Он пытался поднять население, чтобы «освободить» край от «неверных», а самому стать ханом. Этот один из новоявленных лжеханов бывал в Оше и был знаком с Нурматом-пансатом — участником восстания Джетим-хана.

Но самым крупным выступлением в Средней Азии в конце XIX в. по числу активных участников, размаху охваченных недовольством районов было так называемое Андижанское восстание 1898 г. Хотя оно возглавлялось реакционно-клерикальными элементами, в восстании участвовали и трудовые низы. Властями по делу о восстании было привлечено 257 кыргызов.

По данным русского военного историка М. А. Терентьева, знакомого с материалами следствия, по замыслу руководителя восстания ишана из кишлака Мин-Тюбе Магомед-Али Халифа Мухамед-Сабир Оглы (сокращенно Мадали, по прозвищу Дукчи-ишан, или «веретенщик», что говорит о его профессии) повстанцы должны были одновременно и внезапно напасть на русские военные лагеря под Маргеланом, у Оша и Андижана. После овладения этими городами, а затем и Наманганом ишан и его окружение намерены были восстановить прежнее Кокандское ханство, сделав ханом племянника Мадали, а если удастся поднять весь народ, то взять еще Ташкент и Самарканд и «выгнать русских из края»¹. Конечно, эти далеко идущие цели ишана были чужды рядовым участникам движения, которые, возможно, в них и не посвящались. Восстание началось нападением восставших на русский лагерь под

¹ История Узбекской ССР. — Т. 1, кн. 2. — Ташкент, 1956. — С. 99.

Андижаном ночью. Овладение городом, являвшимся форпостом русского царизма в крае, составляло одну из первоочередных задач повстанцев, но она не была осуществлена из-за предательства примкнувших поначалу к восстанию представителей феодально-родовой знати. Сборным пунктом повстанцев для нападения на ошский гарнизон был назначен Тамчи-Булак в 20 верстах от города, вблизи границы между Ошским и Маргеланским уездами. Вечером 17 мая 1898 г. сюда собралось около 300 человек восставших из Наукатской волости, вооруженных палками, ножами и т. п. Предводителем нападающих ишан назначил Оморбека Алимова, которому должны были подчиняться мюриды Мадали. Собравшиеся еще поджидали своих сообщников, но прискакавший пятидесятник сообщил о выезде из Оша уездного начальника с охраной, и все поспешно скрылись, поняв, что намерения их стали известны властям.

Действительно, о волнении среди наукатцев, готовивших нападение на Ош, уездный начальник подполковник Зайцев узнал через волостного Карабека Хасанова — одного из сыновей Курбанджан-датхи. Тотчас же была послана тревожная телеграмма военному губернатору в Маргелан, а стоявшему в Оше 4-му туркестанскому батальону было приказано принять все меры к защите «русской» части города. Для охраны города была выставлена дежурная рота, а две другие стояли в полной боевой готовности, была поднята на ноги городская полиция и караульщики, вооружена даже офицерская прислуга. Примечательно, что для наблюдения за жителями старого города и их намерениями на Сулейман-гору была послана охотничья команда¹.

Вскоре были опознаны и захвачены предводители повстанцев Оморбек Алимов и его сподвижник Сатыбай Раимбеков, а также последовала широкая волна арестов

¹ Федоров Е. Очерки национально-освободительного движения в Средней Азии. — Ташкент, 1925. — С. 12—13.

участников готовившегося восстания в городе и уезде. В этих условиях общее выступление городской бедноты в поддержку восставших «андижанцев» не имело смысла, да и цели восстания были ей не совсем понятны, а его руководители не всем внушали доверие. Все же за время с 30 мая по 1 июля повстанцы совершили три безуспешные попытки напасть на усиленно охранявшийся пороховой склад гарнизона за городом.

Подавляя восстание, царские власти расправлялись не только с непосредственными активными участниками его, но и вообще со всеми выражавшими недовольство двойным гнетом. Решением военного суда в Оше 106 человек были осуждены к смертной казни через повешение. Боясь возбудить новое недовольство народа, царь «милостиво» заменил ее осужденным многолетней ссылкой на каторжные работы в Сибирь.

Среди репрессированных участников Андижанского восстания, после подавления его, оказался ряд горожан Оша из городских низов и полуоседлых жителей Ошского уезда.

Большинство повстанцев, как из числа кыргызов, так и узбеков, были простыми дехканами подобно шорнику Мулле Абду Джалил Ганиеву из Оша¹. Он был сослан на 10 лет в Иркутскую губернию, где, как известно, отбывал каторгу и привлеченный по делу о восстании выдающийся кыргызский акын-демократ Токтогул Сатылганов. После ссылки Ганиев вернулся в родные края и дожил до победы Октября 1917 г., как и прославивший новую власть Токтогул Сатылганов. Но к движению, возглавленному Мадали, примкнуло немало и феодально-клерикальных элементов, ущемленных в своих правах царизмом.

¹ См.: *Кунип А.* Интересный документ // *Ленинский путь.* — 1973. — 18 сентября.

Революционные события 1905–1907 гг.

Революционные выступления рабочих, горожан и дехкан на юге Киргизии в 1905–1907 гг. были составной частью первой народной революции в России периода империализма. После событий Кровавого воскресенья — 9 января 1905 г. в Петербурге под влиянием охватывавшего всю страну революционного подъема в общий поток демократических сил вливалось растущее национально-освободительное движение. Вместе со своими русскими братьями на борьбу против царизма поднялись рабочие и крестьяне Средней Азии и других национальных районов.

Уже начало забастовочного движения туркестанских рабочих, в том числе весенние забастовки шахтеров в Кызыл-Кия и Сулюкте, сопровождалось волнениями киргизского и узбекского дехканства в Восточном Приферганье зимою (в связи с голодом) и весной 1905 г. Они вспыхивали во время перевыборов аильно-волостной администрации, при попытках кулаков-колонизаторов и переселенческих чиновников отбирать общинные киргизские земли. Так, протестующие против гнета и насилия бай-манапов и царских властей дехкане сорвали выборы низовой кыргызской администрации в Булак-Башинской волости Ошского уезда, в Багышской и ряде других волостей Наманганского уезда. А в Базар-Курганской волости Андижанского уезда дехкане открыто заявили царским властям, что они хотят видеть в управлении волостями своих людей, а не лиц, «вылезших на глаза благодаря случайности и зажиточности». Когда под давлением рядовых общинников 21 марта выборщики-пятидесятники избрали в Турукской волости Ошского уезда не ставленника кыргызской феодально-родовой верхушки и уездных властей, а своего представителя, то ферганский военный губернатор не утвердил результаты выборов. В других случаях, как, например, в с. Кырчин Кугартской волости Андижанского уезда, волнения дехкан

подавлялись силой. То была своеобразная форма борьбы кыргызских трудящихся за демократизацию низового управления на местах.

Революционный вихрь первой народной революции в России находил живой отклик как среди переселенческого, так и среди коренного населения Туркестанского края: оседлых жителей, кочевников и полукочевников, сочувственно относившихся к освободительному движению народов России и поддерживавших его своими выступлениями. Это подтверждается сведениями из документальных материалов, даже исходящих от уездно-городских властей, стремившихся зачастую представить в донесениях вышестоящему начальству положение на местах как благополучное и спокойное. Правда, однако, и то, что вследствие постоянно предпринимаемых царской администрацией «охранительных» мер в 1905 г. в Оше, в отличие от Пишпека и других более развитых в промышленном отношении уездных городов Ферганской области и областного центра — Нового Маргелана не происходило открытых политических митингов, равно как и демонстраций или шествий по улицам города «с противоправительственными речами». Причина вполне ясна: отсутствие в Оше компактной массы промышленных рабочих и социал-демократической организации в этот период. Последнее, однако, не означает, что Ош оставался без внимания революционной социал-демократии Ферганы и Ташкента: 10 июня 1905 г. унтер-офицером 10-го туркестанского стрелкового батальона, стоявшего в Оше, была получена по почте изданная в Ташкенте прокламация, составленная от имени ташкентской группы Российской социал-демократической рабочей партии. Ташкентские большевики призывали солдат Оша «присоединить свой голос к товарищам саперам».

Если в 1905 г. в Оше не происходило массовых выступлений трудящихся, то от «недремлющего ока» властей, зорко следивших за общественным мнением, не укрылись

случаи свободных разговоров по известиям «крайних» (левых) газет среди жителей города, чего не наблюдалось прежде. Следовательно, антиправительственные революционные издания, в том числе и социал-демократическая печать, доходили до демократически настроенной части горожан, которая обсуждала злободневные события политической жизни страны, выражая свое сочувствие революционной борьбе российского пролетариата.

В противоположность прогрессивной общественности города торгово-промышленная и чиновничья верхушка Оша поддерживала программу кадетского «Союза 17 октября». Среди жителей «старого города», по мнению властей, ранее якобы пассивно относившихся к политической жизни, теперь велись разговоры о предстоящих выборах депутата в Государственную думу. В кругах национальной буржуазии и мусульманского духовенства находила отклик «петиционная кампания» — попытка выторговать у царизма мелкие уступки.

Весною и летом 1905 г. в ряде мест Ошского уезда, как и в других районах Ферганской области, участились волнения среди кыргызского населения в связи с выборами низовой администрации¹. В «беспорядках» при выборах в с. Кашгар-Кишлак Андижанского уезда, устраненных с помощью военной силы, принимали участие кыргызы-кочевники из предгорного аила Массы (ныне центр Ленинского района Ошской области). Беднота отвергла байского ставленника и выдвинула популярного в народе кандидата Х. Авазова, судимого ранее за сопротивление властям. Однако уездная администрация не утвердила его избрание, назначив волостным угодного им Х. Халимбаева, что вызвало резкое возмущение рядовых общинников.

¹ Чукубаев А. Классовая борьба и общественная мысль в Киргизии (1900–1917 гг.) — Фрунзе, 1967. — С. 45–46.

По указанию военного губернатора уездные начальники предприняли ряд охранительных мер, опасаясь массовых выступлений кыргызского, узбекского и таджикского трудового населения в области. В ответ на замеченное среди кыргызов брожение, вызванное, по мнению низовых властей, доходящими до них слухами «противоправительственного характера», 27 апреля 1905 г. ошскому и другим уездным начальникам был направлен секретный циркуляр об усилении надзора за коренным населением, а в случае появления агитаторов — о немедленном принятии мер к их аресту и высылке.

Помимо борьбы за демократизацию низовой администрации, кыргызские дехкане проявляли недовольство налоговым гнетом. Не удивительно, что в мае 1905 г. среди ошских кыргызов даже распространился слух о якобы имевшем место «бунте» против налогов среди их соотечественников в Семиречье.

Дехкане Ошского и других уездов Ферганской области также выступали против изъятия общинных земель в колонизационный фонд. Настойчивые слухи о том, что земли кыргызов-кочевников будут отобраны под переселенческие села, уездные власти сочли необходимым пресечь специальным разъяснением «прав» кыргызов в вопросах землепользования. Эти факты свидетельствуют о том, что администрация вынуждена была прислушиваться к общественному мнению трудового дехканства и реагировать на это репрессивными мерами.

Борьба трудового дехканства за землю была одним из проявлений обостряющихся социальных противоречий в аиле. Кыргызское население Андижанского уезда прогнало чиновников-землемеров, не позволяя вести работы по изъятию его земель под видом «излишков» в колонизационный фонд. Так было, например, 20 июня 1905 г. вблизи с. Массы Избаскентской волости этого уезда (ныне с. Ленин-Джол Ленинского района Ошской области). Негодующая

дехканская беднота Ошского и других уездов Ферганской области неоднократно подавала жалобы царским властям, протестуя против изъятия общинных земель и требуя их возвращения.

Летом и осенью 1905 г. революционное движение в южных районах Кыргызстана, как и в целом по Туркестанскому краю, продолжало нарастать. Оно проявлялось в различных формах борьбы трудящихся против двойного гнета и серьезно тревожило царскую администрацию. Ноябрьская (1905 г.) забастовка туркестанских связистов заставила власти Ошского и других уездов нанимать специальных джигитов для перевозки служебной и военной почты.

Под влиянием агитации туркестанских социал-демократов в ноябре — декабре 1905 г. происходили забастовки горнорабочих и волнения среди солдат в ферганских городах, в том числе и среди солдат 9-й роты в Оше. Предпринимались попытки создания военно-революционных организаций в туркестанских гарнизонах. Как вынуждено признавали царские власти в крае, будоражили кыргызских кочевников слухи о революционных событиях «пятого года» в России, и дух свободы долетел до самых глухих, отдаленных аилов. Об этом, в частности, рапортовал начальству 14 декабря 1905 г. начальник Гульчинского гарнизона.

С подавлением Декабрьского вооруженного восстания московских рабочих — вершины буржуазно-демократической революции — царизм повсеместно ужесточил свою карательную политику. Но и в условиях спада революционного движения в 1906—1907 гг. в Туркестане, включая южнокыргызские районы, продолжались разрозненные аграрные выступления трудового дехканства. Встревоженная этим бай-манапская верхушка из Наманганского и других уездов Кыргызстана собралась на свой съезд летом 1906 г. в Кетмень-Тюбе, чтобы выработать меры против волновавшейся безземельной букары. И царские власти Ферганской и Самаркандской областей неоднократно

и с тревогой отмечали даже рост нападений дехканской бедноты на своих угнетателей. В их числе — покушение на бия (судью) в Майли-Сайской волости Андижанского уезда в ноябре 1906 г., совершенное, по мнению администрации, «по политическим мотивам». Население по-прежнему отказывалось платить царские налоги, в связи с чем возрастала сумма так называемых недоимок (особенно по Ходжентскому уезду Самаркандской области), саботировало исполнение многочисленных казенных повинностей.

В 1906 г. нарастала активная агитационно-пропагандистская деятельность социал-демократов среди ошской городской бедноты, демократически настроенной интеллигенции. Это связано, в частности, с высылкой сюда поднадзорных революционеров — Д. Е. Чуракова, В. В. Особо и других участников раскрытого подпольного кружка среди солдат Маргеланского гарнизона, а также с поездкой по ферганским городам видного большевистского агитатора и пропагандиста В. В. Быховского. В начале 1906 г. буровой мастер Дмитрий Егорович Чураков, член РСДРП с 1902 г., был выслан из Баку в Ош на поселение под надзор за участие в революционном движении бакинского пролетариата. Но и на новом месте он не прекращал революционную деятельность, выезжал из Оша на нефтепромыслы в Чимион и другие пункты Ферганы для налаживания связей с передовыми рабочими и местными социал-демократами. В конце года, когда начались репрессии против членов социал-демократической группы и среди солдат Ошской ссыльной роты, он попадает за решетку как активный член этой группы, деятельность которого не могла быть не замеченной властями.

Революционное брожение среди горожан и сельских жителей из среды коренного населения в Ошском и других уездах Ферганы не давало покоя царским властям. Это обстоятельство вызвало появление 11 января 1906 г. нового секретного циркуляра ферганского военного губернатора

ошскому и другим уездным начальникам, а также полицмейстерам городов, подтверждающего вновь «необходимость зорко следить за настроением в нынешнее тревожное время» и в случае появления среди него агитаторов с целью возбуждения населения против правительства, доносить немедленно о том губернатору, принимая все возможные меры к устранению их влияния на население. Напуганный крупными выступлениями рабочих и волнениями среди распропагандированных социал-демократами солдат местных гарнизонов, Оша в том числе, военный губернатор области, не довольствуясь длительно действующим положением об усиленной охране, добился введения с 17 сентября положения о чрезвычайной охране в области с предоставлением ему прав главнокомандующего¹. Ферганская администрация использовала войска, в том числе и ошского гарнизона, для предупреждения и подавления народных волнений. Так, когда в Туркестан прибыл по специальному поручению царя генерал Максимович, для демонстрации сил царских властей на смотр в Фергану были вызваны и войска из Оша. А когда в Оше были получены панические известия о нападении кыргызов на почтовую станцию Ак-Босого (по дороге в Кашгар), туда, не дожидаясь подтверждения, из города была направлена военно-охотничья команда.

Несмотря на поражение первой российской революции, ее политические уроки и опыт не прошли даром.

* * *

Хотя народные выступления в 1905–1907 гг. в Туркестане и на юге Кыргызстана властям и удалось подавить, но причины, вызвавшие их, не были устранены. Выступления трудящихся против угнетателей не прекратились в годы реакции и нового революционного подъема. Жестокие

¹ ЦГА УзССР. Ф. И. 300. Оп. 1. Д. 311. Л. 1.

¹⁴ Том VI. В. М. Плоских

репрессии против социал-демократов Оша в начале 1907 г. нанесли заметный урон развитию революционного движения в городе, хотя они и не могли заглушить острого недовольства трудящихся социальным и национальным гнетом и пресечь появления новых революционеров. Немногие сохранившиеся документы свидетельствуют о проявлениях протеста со стороны представителей коренного населения против царских властей и местной эксплуататорской верхушки. Так, уже в 1908 г. распоряжением туркестанского генерал-губернатора были высланы за пределы края сроком на 5 лет трое жителей г. Ош «как люди вредные и неблагонадежные в политическом отношении».

Осенью 1909 г. большое возбуждение царило в городе в связи с бунтом 9 сентября арестантов Ошской городской тюрьмы, протестовавших против нечеловеческих условий заключения (в камерах-душегубках, рассчитанных на 60 человек, власти держали 115 осужденных), жестокого обращения начальника тюрьмы и надзирателей. В результате схватки с тюремной охраной пострадало 10 человек из числа надзирателей и охранников и было убито 10 арестантов и 9 ранено. Это стихийное выступление без поддержки извне было жейсточайше подавлено властями, а состоявшийся затем в Оше военно-полевой суд приговорил 11 человек заключенных к смертной казни и 19 — к каторжным работам в Сибири на срок от 6 до 20 лет. В числе осужденных были и жители окрестных кыргызских и узбекских селений¹.

В 1910 г. среди горожан Оша произошли волнения в связи с выборами мудариса — преподавателя в одном из духовных училищ; а в конце года — за «дерзкое» оскорбительное выражение в адрес царя был осужден житель Оша Рахматулла Абдул Вагапов. Свою ненависть к царю-палачу

¹ *Усенбаев К.* Приобщение трудящихся Киргизии к революционной борьбе в России. — Фрунзе, 1971. — С. 39—40.

трудящиеся Кыргызстана проявили и в 1913 г., отказываясь вывешивать портреты Николая II «кровавого» в честь 300-летия династии Романовых.

Таковы факты о проявлениях революционного движения среди трудящихся г. Оша и уезда в годы реакции и нового революционного подъема, ко времени первой мировой войны 1914 г.

Восстание 1916 г.

Глубокое недовольство царским правительством, его антинародной внешней и внутренней политикой проявилось, в частности, в стихийных антивоенных выступлениях в Центральной России и на среднеазиатских окраинах страны сразу же после первых мобилизаций запасных солдат.

В их длинном ряду — и выступление 21–22 июля 1914 г. на Андижанском сборном пункте призванных в армию крестьян и горожан, у которых дома оставались необеспеченные семьи и несжатый урожай. Среди активных участников антивоенных выступлений в Андижане власти особо отмечали мобилизованных из поселков южной части Кыргызстана, призванных в Джалал-Абадском и Кугартском участках.

В августе 1914 и осенью 1915 г. бастовали сулюктинские горняки, хотя это грозило им отправкой на фронт, недовольство зрело и среди рабочих Ошского хлопкоочистительного завода, где работали преимущественно узбеки и кыргызы.

Положение трудящихся сельчан и горожан значительно ухудшалось с каждым месяцем войны в связи с нараставшей хозяйственной разрухой, денежной инфляцией, острой нехваткой и дороговизной продуктов и товаров первой необходимости. На их спекуляции баснословно наживались торговцы, кулаки и баи, грели руки и чиновники из уездно-городских органов власти, ведавшие продовольственным

делом. Трудовое коренное население Оша и уезда, как и всего Туркестанского края, особенно страдало от непомерно тяжелого налогового гнета. Царизм, всегда опасавшийся введения воинской повинности для «инородцев» (так презрительно именовали чиновники коренное население Средней Азии и Казахстана), ввел взамен нее дополнительный военный налог. Это резко ухудшило состояние хозяйства дехкан и городских ремесленников из трудовой части местного кыргызского, узбекского и таджикского населения в Ошском и соседних уездах на юге Кыргызстана. Военный налог, введенный с 1 января 1915 г. на последующее трехлетие, взимался в размере 21% дополнительно с государственных налогов, с городских недвижимых имуществ и промыслового, поземельной государственной подати, государственной оброчной подати и кибиточного сбора. Опутанные долгами у ростовщиков и комиссионеров текстильных фирм, хлопкоробы из Джалал-Абадской волости Андижанского уезда и соседних волостей Ошского и других уездов, выражали недовольство установленными властями низкими ценами на хлопок, которые, как писали джалалабадцы в жалобе туркестанскому генерал-губернатору, не оправдывают даже расходы на обработку хлопковых полей¹. И это в то время, когда на железные и медные изделия, мануфактуру, чай и другие фабрично-заводские товары и продукты цены баснословно возрастали. Общинники-скотоводы Гульчинско-Алайского района также возмущались низкими ценами на скот и лошадей, которые закупались у них представителями военного ведомства.

Чашу народного терпения переполнил царский указ от 25 июня 1916 г. о наборе «туземцев» на военно-тыловые работы и последовавшие затем инструкции о предоставлении льгот от него представителям низовой администрации,

¹ *Турсунов Х.* Восстание 1916 года в Средней Азии и Казахстане. — Ташкент, 1963. — С. 184.

почетным гражданам, духовенству, учащимся медресе и другим эксплуататорским элементам, которые либо освобождались от мобилизации, либо могли выставить себе замену.

Как вспоминал старожил Оша Розахун Ахмедалы, местных трудящихся — жителей его старгородской части, кыргызских кишлаков и айлов особенно возмущало, что «богачи и баи, муллы своих сыновей в списки (мобилизуемых. — *авт.*) не включали, а если попадали в список сыновья богатых, то они или откупались, или покупали бедняка, или заставляли батрака посылать своего сына вместо хозяина»¹. Широкое недовольство народов Средней Азии и Казахстана усилением национально-колониального и социального гнета вылилось в широкомасштабное восстание 1916 г. Началось оно 4 июля в г. Ходженге Самаркандской области, а 8 июля уже перекинулось в Ферганскую область, все уезды которой к 12 июля были охвачены пламенем народного восстания. Причем в Ошском уезде властями отмечались два крупных очага волнений.

В начале июля народные волнения всколыхнули и уездный центр — г. Ош. Здесь у подножья Сулейман-горы собралась десятитысячная масса жителей старого («туземного») города, соседних кишлаков и айлов. Городская и сельская беднота — ремесленники, мардикеры, чайрикеры гневно протестовали против царского указа о принудительной мобилизации коренного мужского населения с 19 до 43 лет на военно-тыловые работы. В ответ на «отеческое» обращение уездного начальника, прибывшего сюда в окружении полицейских приставов и других чиновников, раздавались протестующие выкрики: «Сыновей не дадим!», «Воевать не будем!». А когда аксакалы, муллы и баи заодно с уездно-городскими чиновниками стали увещевать собравшихся и призывать добровольно подчиниться указу ак-падыша

¹ Цит. по: Чукубаев А. Классовая борьба и общественная мысль в Киргизии. — С. 153.

(«белому царю»), в сторону уездного начальника со свитой и прислужниками полетели камни, кирпичи и палки, что и заставило их поспешно скрыться под защиту солдатских штыков. Зато правдивые слова выступавших затем безымянных народных агитаторов находили, как вспоминали участники этого стихийного собрания Т. Раимходжаев и К. Мирзаев, живой отклик среди узбекской и кыргызской бедноты. А говорили они, что царские чиновники и поддерживавшие их волостные, сельские и айльные старшины, городские аксакалы, баи и муллы сообща угнетают местный трудовой люд, друзьями которого являются русские трудовые переселенцы. Только срочно вызванная властями карательная часть силой разогнала «бунтовщиков», арестовав наиболее активных из них¹.

Вскоре массовые волнения вспыхнули в ряде кишлаков и айлов в уезде. Особенно острый характер носили волнения, начавшиеся 10–14 июля в Булак-Башинской волости. Восставшие дехкане сел Ходжеват и Чокар на бывшем почтовом тракте из Оша в Андижан группами в 50–200 человек нападали на волостного управителя, сельских старшин и пятидесятников, требуя выдачи списков. Повстанцы громили канцелярии, дома и имущество сельской администрации. Найденные списки мобилизуемых, а также поземельные и долговые документы уничтожали. Расправляясь с ненавистными народу царскими прислужниками из феодально-байской среды, они, однако, как признавали даже царские власти, не причиняли вреда их семьям. В равной мере нигде не пострадали трудовые русские горожане или крестьяне-переселенцы. Все это свидетельствует о том, что национально-освободительное по характеру восстание 1916 г. на юге Кыргызстана принимало в ряде районов классовую антифеодальную направленность.

¹ Усенбаев К. У. Восстание 1916 года в Киргизии. — Фрунзе, 1967. — С. 169.

Убоясь справедливого возмездия трудящихся, представители низового звена местной («туземной») администрации в страхе бежали в Ош под защиту своих покровителей — царских властей.¹

Вслед за первыми волнениями в Оше и Булак-Башинской волости, жестоко подавленными властями, последовали выступления дехкан в Яссинской, Гульчинской, Алайской, Наукатской и Куршабской волостях Ошского уезда, острие их также было направлено не только против царских колонизаторов, но и эксплуататорской феодально-байской верхушки. Бай и манапы, опасаясь народного гнева, посылали доверенных к уездному начальнику в Ош с просьбами прислать солдат и казаков. Так поступили, в частности, и имущие верхи населения Узгена и Узгенской волости². Часть повстанцев, обычно вооруженных холодным оружием, не выдержав схватки с превосходящими силами карателей, вынуждена была скрываться в труднодоступных горных местностях Алая. По слухам, сильно беспокоившим уездные власти, где-то в окрестностях Гульчинского укрепления у повстанцев был склад огнестрельного оружия³.

К осени разрозненные очаги восстания были повсеместно подавлены на юге Кыргызстана, многие из восставших подверглись жестоким репрессиям, были арестованы и судимы или, ожидая несправедного суда, томились в Ошской тюрьме. Тяжелая участь ожидала и повстанцев, взятых на военно-тыловые работы или вынужденных бежать за рубеж.

Как уже отмечалось, в целом восстание 1916 г. на юге Кыргызстана носило характер национально-освободительного, антиколониального и антивоенного движения, в ряде

¹ Восстание 1916 года в Средней Азии и Казахстане // Сб. док. — М., 1960. — С. 206, 214, 237.

² Усенбаев К. Восстание 1916 года в Киргизии. — С. 161–171.

³ Восстание 1916 года в Средней Азии и Казахстане // Сб. док. — С. 215.

моментов — антифеодального. Попытки некоторой реакционной части феодально-байских кругов и мусульманского духовенства придать ему антирусский характер явно не имели успеха.

События на юге Кыргызстана в феврале 1917 г.

Свержение 27 февраля (12 марта) 1917 г. власти царского самодержавия в Петрограде, а вскоре и в Москве восставшими рабочими и солдатами — в большинстве своем одетыми в солдатские шинели крестьянами привело уже в марте к повсеместной в стране победе второй российской буржуазно-демократической революции. Наиболее характерной ее особенностью, как в центре страны, так и на национальных окраинах, включая Туркестанский край с Кыргызстаном, было установление двоевластия. Наряду с самочинными представительными органами власти — Советами рабочих и солдатских, а позднее и возникшими крестьянскими Советами шла организация Временного буржуазного правительства в Петрограде и его многочисленных городских и сельских органов на местах (буржуазных исполкомов и т. п. комитетов). Столь замечательно своеобразное, сложное и противоречивое политическое положение создалось повсеместно в результате победоносной Февральской революции 1917 г., которая, по выражению В. И. Ленина, «пошла дальше», чем обычная буржуазно-демократическая революция¹.

Попытки туркестанского генерал-губернатора Куропаткина и всей подчиненной ему администрации скрыть от народа победу революционного восстания над царизмом, не допустить дальнейшего революционирования масс и коренных перемен в управлении краем, оказались

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. — Т. 32. — С. 384—385.

тщетными. Наиболее яркими проявлениями революционной борьбы трудящихся масс были их безудержный гнев против прогнивших старорежимных порядков и ставленников царизма, организация в горном крае, как и по всей стране, Советов, идея которых возникла еще в огне первой народной революции 1905–1907 гг. Когда будоражащие вести о революции в Центральной России достигали среднеазиатских городов и селений, железнодорожных станций и шахтерских поселков, трудовое население их захватывала широкая волна политических митингов и собраний, массовых манифестаций и демонстраций, начиная от Ташкента, где уже в первых числах марта возникли Советы рабочих и солдатских депутатов, и кончая горными аилами на юге Кыргызстана. Их участники требовали немедленного смещения царских ставленников, разгона ненавистной полиции и жандармерии, освобождения политзаключенных, выступали в поддержку первых Советов, требуя справедливого демократического решения рабочего, аграрного и национального вопросов.

Когда 4 марта 1917 г. шахтеры Кызыл-Кийского рудника узнали о революционных событиях в стране и краевом центре, они послали своих представителей в областной город Скобелев (ныне г. Фергана), чтобы удостовериться в подлинности этих известий, а по возвращении своих посланцев 6 марта на общем собрании избрали первый в Кыргызстане рабочий Совет. В его состав вошла возглавляемая И. Е. Едренкиным группа революционно настроенных рабочих. Накануне этого кызылкийцы сорвали попытку администрации создать псевдо-Совет («Комитет») хозяйских ставленников, во главе с инженером, где был всего лишь один рабочий. Все же в Совет прошло несколько соглашателей-эсеров, тормозивших его работу в дальнейшем.

Позднее, чем кызылкийцы, о революционном перевороте в столице и создании Советов в Петрограде, Ташкенте

и Ходженте (ныне г. Ленинабад Таджикской ССР) узнали от солдат Ходжентского гарнизона горняки Сулюкты. Когда горнопромышленники, прибегнув к помощи полиции, воспрепятствовали рабочим собрать митинг для избрания своего Совета, сулюктинские шахтеры, возглавляемые революционером-большевиком Д. Т. Декановым, обратились за помощью в Ходжентский Совет солдатских депутатов и при содействии его представителей 16 марта избрали рабочий Совет рудника.

Не остались в стороне от бурных политических февральско-мартовских событий 1917 г. трудящиеся Оша и его уезда. Как ни пытались напуганные победой Февральской буржуазно-демократической революции в центре страны краевые и областные власти Туркестана, как и уездные власти в Оше и других городах Ферганской области, скрыть от населения ошеломляющие известия о свержении самодержавия, вести доходили до трудящихся городов, селений, глухих кишлаков и горных айлов, вызывая ликование и торжество трудящихся. Как только известия о революционных переменах в Центральной России и Ташкенте достигли Оша, здесь, как и в других городах Кыргызстана, состоялись многоярусные митинги и демонстрации. Как вспоминает очевидец революционных событий февраля — марта 1917 г. в Оше и участник гражданской войны на юге Кыргызстана Д. В. Кордуб, об отречении Николая II от престола солдатам гарнизона сообщил демократически настроенный полковник, бывший фронтовик Бабицкий, который объявил, что офицеров следует теперь называть без дворянских титулов, а просто господин капитан, полковник. Умеющим читать солдатам были розданы листовки с текстом «Марсельезы», а вместо молитвы на пасху у гарнизонной церкви они пели «Отречемся от старого мира». Солдаты были предупреждены о необходимости быть начеку, и о том, что, если полиция

и жандармы не сдадут добровольно оружия, разоружить их надо будет силой¹.

По сообщению газеты «Туркестанское слово», 10 марта трудящиеся «русской» и «туземной» частей города — русские, узбеки и киргизы совместно с солдатами Ошского гарнизона в едином порыве двинулись к городской тюрьме освобождать томившихся там узников — повстанцев 1916 г. и других политзаключенных. Из рук революционного народа получили свободу свыше 300 противников царизма. Это было одно из волнующих проявлений массовой интернациональной солидарности трудящихся в ходе Февральской революции на юге Кыргызстана. Наряду с рабочими как активная революционная сила в крае проявили себя отпускные солдаты-фронтовики, ратники из тыловых ополченческих дружин, местных воинских команд и гарнизонов в Оше, Гульче и других крупных населенных пунктах края. «Полиция, стражники и жандармы обезоружены, — рассказывалось в корреспонденции из Оша в большевистской «Правде» 23 марта 1917 г. о бурных событиях тех дней на местах. Происходили демонстрации войск с красными знаменами и лозунгами «Да здравствует свободная Россия!».

Энергия пробудившихся повсеместно к политической деятельности масс проявилась в их стремлении установить свои, народные органы власти и скорее ликвидировать царские порядки и их блюстителей.

В первое время после Февральской революции при отсутствии в Оше оформленной социал-демократической организации, немногочисленности и разобщенности по мелким производствам и мастерским рабочих и ремесленников, неорганизованности окрестного трудового крестьянского населения — переселенческого и коренного, особенно

¹ Рукоп. фонды Ошского областного краеведческого музея, инв. № 860/101. — С. 3–4.

нуждавшегося в политическом просвещении, как наиболее действенная революционная сила проявили себя демократически настроенные солдаты. Уже 14 марта 1917 г. на общем собрании в городе был создан Союз солдат Ошского гарнизона, впоследствии (с 24 марта) называемый Советом, были избраны также свои ротные комитеты. Союз состоял из 17 депутатов, избранных путем прямых выборов и тайным голосованием: 1 делегат от 50 солдат. Однако в него попали и два офицера — половина командного состава гарнизона, а первым председателем Союза стал прапорщик эсер Ветовецкий. Это уже само по себе может служить показателем все же слабой политической сознательности солдат и их доверчивости к новоявленным «защитникам» свободы в лице эсеров и меньшевиков.

По решению Ошского Совета солдатских депутатов от 27 апреля 1917 г. в городе впервые в знак солидарности с Советами Петрограда и Москвы отмечался праздник всех трудящихся — 1 Мая. Он проходил под лозунгом «Братство всех народов и требование декрета о восьмичасовом рабочем дне!». В этот день по центру города к церковной площади, где в 10 часов утра состоялся общегородской митинг, прошли во главе со знаменосцами колонны солдат местного гарнизона, городская и кишлачная (из окрестных селений) беднота. Собравшиеся граждане услышали о борьбе трудящихся за свое освобождение и об истории возникновения Первомайского праздника. От коренного населения на митинге выступали революционеры-большевики Б. Султанов и К. Кабулджанов¹.

Наиболее стойко линию на защиту интересов трудящихся в крае проводили в своей практической деятельности рабочие Советы Сулюкты и Кызык-Кия. Весной и в начале лета 1917 г. Ошский, Ходжентский и другие

¹ Зима А. Г. Победа Октябрьской революции в Киргизии. — Фрунзе, 1966. — С. 101.

уездно-городские Советы, охватывавшие своим влиянием и население южнокыргызских районов, также первоначально действовали как революционно-демократические органы власти: смещали наиболее ненавистных народу царских чиновников, заменяли полицию народной милицией из революционно настроенных солдат, поддерживали введение явочным порядком 8-часового рабочего дня на предприятиях, пытались контролировать управление городским хозяйством и снабжение продовольствием населения и т. п. Однако эсеро-меньшевистское руководство местных Советов, пользуясь еще бессознательно-доверчивым отношением трудящихся к соглашателям-оборонцам, тормозило развертывание революционно-демократических преобразований и добровольно уступало свою реальную власть возникавшим и укреплявшимся при помощи всех антинародных элементов органам власти Временного буржуазного правительства.

Радостные, хотя на первых порах и смутные, слухи о падении ненавистного кыргызскому и всем другим угнетенным народам Средней Азии самодержавного строя, «белого царя» неудержимо распространялись и в узбекских, таджикских кишлаках Восточного Приферганья, достигая и кыргызских айлов Памиро-Алая. Трудовое дехканство восторжено приняло приход долгожданных «дней свободы» и организовывало по этому поводу торжества и праздники (саиль), куда приглашались русские горожане и рабочие.

А тем временем городская буржуазия и чиновная интеллигенция, старорежимное офицерство, кулаки-колонизаторы в уездах при поддержке организующихся (в противовес возникавшим Советам и союзам демократических слоев населения) буржуазно-националистических элементов спешно формировали свои уездно-городские, а затем и сельские органы власти. В северной части Кыргызстана последние назывались исполкомами общественных организаций, в южной — комитетами общественной безопасности. Они

безоговорочно поддерживали антина-родную по своей сути, но прикрывавшуюся поначалу якобы левой, лжереволу-ционной фразеологией, политику Временного буржуазного правительства и послушных его воле краевых и областных органов власти и назначаемых ими в уезды и на места комиссаров. В марте 1917 г. и в Оше был создан первый на юге Кыргызстана Комитет общественной безопасности, а в мае такие Комитеты функционировали в Ак-Буринской, Алайской, Гульчинской, Узгенской, Джалал-Абадской и других волостях Южного Кыргызстана, руководство в них захватили представители бай-манапской верхушки. Действуя заодно с Временным правительством, которое не хотело дать народам многонациональной России ни мира, ни хлеба, ни настоящей свободы, они противодействовали нарастанию революционного движения в крае, в частнос-ти, демократическому решению национального вопроса. Причем Временное правительство совсем не намеревалось удовлетворять первоочередные требования кыргызского на-рода, которые содержались в телеграммах из кыргызских волостей в Петроград: разрешить возвратиться в родные края кыргызским беженцам — повстанцам 1916 г., «поста-вить крест» на намеченном еще царским правительством выселении кыргызов с их исконных плодородных земель в бесплодные «Занарынские горы», распустить по домам рабочих-тыловииков, мобилизованных в 1916—1917 гг. по царскому указу на прифронтовые работы. Начинавшего-ся уже самовольного бегства последних с тыловых работ, а также дорожных, ирригационных и других работ в крае, где кыргызы-тыловиики общались с революционно настро-енными русскими рабочими, а некоторые даже принимали участие в Февральской революции в ряде городов России, Украины и Белоруссии, вполне обоснованно опасалась фе-одально-байская и мусульманская верхушка в аиле. Воз-вращавшиеся в Ош, Узген, Джалал-Абад, Сузак и другие селения и кишлаки тыловые рабочие принимали сторону

туркестанских большевиков в их борьбе за перерастание буржуазно-демократической революции в социалистическую.

Таким образом, в Оше и уезде, соседних районах, как и повсюду в крае и в стране в целом, в результате победы Февральской революции, хотя и позднее, чем в центре, установилось двоевластие, переплетение двух диктатур — революционно-демократических и буржуазных органов власти. Причем и здесь последующее возрождение Советов, эсеро-меньшевистское руководство которых пошло на предательство интересов рабочих и крестьян, уступая позиции рвавшейся к установлению единоличной власти контрреволюции, происходило по мере большевизации Советов, на путях борьбы за победу идей Великого Октября в горном крае.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Ош — древнейший город Советского Кыргызстана. Находки подъемной керамики и каменных изделий эпохи бронзы на территории города, последовавшие за ними раскопочные работы на террасах Сулейман-горы, показали их принадлежность к чустской археологической культуре, определяемой в 3000 лет. Археологически точно документируемый возраст древнейшего поселения в Оше — свидетельство первого прочного хозяйственного освоения первобытным человеком территории современного города. Тем самым намного удревняются и бытовавшие прежде представления о времени появления оседло-земледельческой культуры на землях Южного Кыргызстана — современной Ошской области с ее центром.

Все же названное древнейшее поселение (террасное) на Сулейман-горе — «лишь прародитель города», его колыбель, но отнюдь не город, подобно древнему Ташкенту (Чач), Самарканду (Афрасиаб) или Ленинабаду (Ходжент) с присущими им городской планировкой, административно-политическими функциями и развитой для своего времени (2500 лет тому назад) торговлей и ремеслами. Не обнаружено и свидетельства прямой преемственности жизни на этой территории от эпохи бронзы до раннесредневекового Оша.

Как помнит читатель, впервые об Оше, именно о городе, повествуют арабские и персидские рукописные источники: в частности, сочинение Ибн-Хардабеха (232 г. х. (846/47 г.); «Книга путей государств» ал-Истахри, написанная в 930–933 гг., в основе которой лежит труд Балхи, составленный в 920 г.; анонимное сочинение X в. «Худуд ал-Алам» («Книга о пределах мира»), в которой использованы сведения авторов IX–начала X в. Все это позволяет вести точку отсчета существования города Оша с IX в. н. э.,

то есть, собственно, город насчитывает уже свыше тысячи лет. Следовательно, если первое оседлое поселение на месте Оша можно считать возникло 3000 лет тому назад, то как город Ош может гордиться 11-вековым историческим прошлым. Знал он периоды подъема и упадка, разрухи и возрождения, был свидетелем угнетения его трудового люда и национально-освободительного и революционного движения горожан и окрестного населения.

За годы Советской власти неузнаваемо изменился социально-экономический и культурный облик Оша. Сегодня это — второй по величине и значимости город республики после ее столицы. Он своеобразен и привлекателен. Ош — крупный индустриальный центр. Ему присуща и специфическая красота среднеазиатского города: яркая зелень, своеобразная архитектура. Как и века назад, стремительны, всегда мутно-белые воды горной Ак-Буры, некогда делившей Ош на две части — так называемый старый и новый город. Теперь об этом мало кто помнит из ошан.

С февраля 1918 г. — времени проведения I съезда Советов Ошского уезда, руководство которым возглавили большевики, для Оша — этого старинного города и его жителей начался отсчет нового времени. Грозные годы борьбы с басмачеством и контрреволюцией, трудный период индустриализации, приобщения трудящихся к грамоте и новой культуре, раскрепощения женщин — были временем возмужания нового поколения горожан — строителей социалистического общества, патриотов-интернационалистов.

Стремительно росла численность жителей города, превысившая ныне 200-тысячный рубеж. В Оше в дружной семье живут и работают представители свыше 80 национальностей, а по рождаемости город занимает одно из первых мест в республике.

Сейчас Ош производит треть всей промышленной продукции республики. Уникальные глубинные электрические насосы с маркой Ошского завода знают во многих странах

мира. Здесь находится один из крупнейших в Средней Азии шелкокомбинат им. ВЛКСМ, хлопчато-бумажное объединение им. 50-летия Октября, швейно-обувная фабрика, завод крупнопанельного домостроения, развита пищевая промышленность — есть мясокомбинат, молочный завод. В период первой пятилетки была построена железнодорожная линия, связавшая Ош с другими городами Средней Азии, в том числе со столицей республики. Ош — крупный узел автомобильных дорог. Гордостью ошан и всех южных жителей республики является построенная в годы второй пятилетки автодорога Ош — Хорог. В 30-х годах здесь был один из первых зарубежных гостей Кыргызстана — Юлиус Фучик, оставивший яркие воспоминания о тружениках города, о строителях этой автострады, влюбленных в свой обновленный край, безгранично преданных своей народной власти.

Продолжаются работы по благоустройству и озеленению Сулейман-горы, здесь создается историко-краеведческий музей под открытым небом, будет осуществлен большой объем строительных и других работ по благоустройству набережной Ак-Буры.

Растет и расцветает город Ош. Древний и молодой: древний — своими памятниками, многовековым историко-культурным прошлым, молодой — современной жизнью, обновленным обликом. Город по-южному тепло и радушно встречает гостей. Его труженики вписывают новые славные страницы в историю Кыргызстана.

СПИСОК ПРИНЯТЫХ СОКРАЩЕНИЙ

- АВПР — Архив внешней политики России МИД СССР
ГАОО — Государственный архив Ошской области
ГАФО — Государственный архив Ферганской области
ЛОИА — Ленинградское отделение Института археологии
АН СССР
ЛОИБ — Ленинградское отделение Института востоковедения
АН СССР
МИА — Материалы и исследования по археологии
МИКК — Материалы по истории кыргызов и Кыргызстан
ООН — Отделение общественных наук АН КиргССР
РГО — Русское географическое общество
САГУ — Среднеазиатский государственный университет
ЦГА — Центральный государственный архив
ЦГИА — Центральный государственный исторический
архив СССР

Публикуется по изданию:

В. Я. Галицкий, В. М. Плоских. Старинный Ош. Очерк истории. — Бишкек: Илим, 1987.

Часть вторая

Конурбаев А., Мокрынин В.,
Плоских В.

**ГОРОД ВЕЛИКОГО
ПУТЕШЕСТВЕННИКА**

МАХМУД БАРСХАНИ

*Да возрадуется сердце читающего,
и да помянет он доброй молитвой
сочинителя, если будет на то воля
господня.*

Юсуф Баласагуни

В этих горах случилось доселе неслыханное дело: юноша-бедняк, сирота осмелился поднять взор на младшую жену предводителя рода: властного бека-тархана Огул-барса, еще более неслыханным было то, что взгляд этот встретил у семнадцатилетней Бурул полное сочувствие. Возмущенные святотатством сородичи хотели было поступить, как велит старый обычай — закидать преступников камнями. Но случилось третье неслыханное дело: Огул-барс запретил.

— Я сам придумаю им наказание, — сказал он.

Бек-тархан думал целую неделю. А потом взял и продал обоих заезжему купцу из далекого города Барсхан. Вернее, обменял на целый тюк товаров. Обрадованный купец, ставший владельцем двух молодых и красивых рабов, отбыл в тот же день, потирая руки. Бек-тархан тоже потирал руки. Если бы он поступил по совету сородичей, что бы имел? Груды камней над телами казненных. А сейчас его юрта наполнилась добром...

Эту историю рассказал Махмуду-страннику его проводник Тэмир, когда они преодолевали перевал.

Махмуд взволнованно слушал, но не перипетии чужой и заурядной любви волновали его, а родные места. Он начал узнавать горы, камни, траву, воздух...

Перевал был не крут. На вершине его было сооружено два каменных кургана: один громадный, другой — едва заметный. Караван шел из страны кыргызов на великой реке Кем (Енисей).

В тюках были тщательно спрессованы шкурки соболей, куниц, белок, лисиц и пушистых собак севера — песцов. В корзинах, плетенных из ивы, лежали «рога птицы Хуту» (ископаемые бивни мамонта), которые очень ценились в Самарканде, Исфагане, Багдаде и Дамаске. Некоторые выюки верблюдов приятно благоухали — в них был упакован лучший в мире кыргызский мускус, в других выюках лежали острые мечи, прекрасные серебряные чаши, медные гарнитуры для украшения узды и покров, сделанные искусными кыргызскими мастерами.

Под конец Тэмир сказал:

— Джигита звали Сатук, он был моим лучшим другом. Возьми меня с собой, господин! Я найду в Барсхане того купца и выкуплю друга-брата!

— Для этого придется очень много работать, — сказал Махмуд.

Проводник вытащил из-за пазухи маленький кожаный мешочек:

Здесь деньги. Их собрали друзья.

Агуш, слуга Махмуда и неизменный спутник во всех его скитаниях, ответил проводнику:

— Мой господин — участник всех благородных дел, и он, конечно, возьмет тебя с собой. К тому же легче отбиться на случай нападения разбойника Озара и его людей.

— Эй, Агуш! Поднимись-ка на эту гору и скажи, что увидишь на западе, — приказал Махмуд.

Агуш ударил плетью мерина и взлетел на холм справа от дороги. «Вижу синее-синее море, а за ним цепь белоголовых гор,» — закричал он.

— Велик Аллах! — Махмуд провел руками по лицу и бороде. — «Вот и родной Верхний Барсхан...»

Была уже ночь, когда путники постучали в ворота маленького укрепленного караван-сарая, состоящего из постоялого двора, загона для скота и двух-трех юрт.

Усталые, вошли они в помещение, поприветствовали находившихся там и заняли скромное место в углу. Слуга подал им мясо, нарезанное кусочками и сваренное с уксусом и приправами.

Проводник Темир уже без опаски уселся на низенький столик рядом с Махмудом. Еще в пути он поражался тому, что такой большой человек ест со своим слугой за одним достарханом. Высокие беки так никогда не поступали. Тэмиру и в голову не приходило, что принцу из царствующего дома Караханидов Махмуду-тегину в своих бесконечных скитаниях приходилось есть из одного казана даже с «кара баш» — рабами, выполнявшими самую грязную работу. В той подвижнической жизни, которую вел ученый, чванству не было места. Громкие титулы и знатное происхождение устраивали его лишь в том случае, если помогали достижению главной цели жизни — изучению многочисленных тюркских наречий...

Так великий ученый средневековья, уроженец города Верхний Барсхан на Иссык-Куле, Махмуд Барсхани, более известный под именем Кашгари (в Кашгаре он возмужал, закончил медресе. Это был его второй родной город) вернулся на родину из путешествия к кыргызам на Енисей, где собрал много материала по языку, песням, загадкам, обычаям этого северного тюркского народа. Он тогда и думать не мог, что через каких-то 400 лет и Иссык-Куль, и Чу, и Талас, и Кашгар будут названы именем «кыргыз».

На Великом Шелковом Пути
Иссык-Куль — жемчужина Тянь-Шаня
Когда б из Хытая не быть караванам,
Привезли бы кто-нибудь ткани, шелка нам?

И если б торговцам в походах не быть,
Кто смог бы увидеть жемчужную нить?

Юсуф Баласагуни

Купцы и путешественники вот уже свыше двух тысячелетий не только проходили по его берегам в поисках барышей и знаний, но, что очень важно, оставили восторженные и деловые записи о своих маршрутах.

Одним из самых любопытных и интригующих в исторической литературе является сюжет о романтике странствий – Великом шелковом пути, одной из своих ветвей пролежавшем по Иссык-Кулю. Караваны, флегматичные верблюды с вьюками шелка на спинах, с колокольчиками на шеях, пески, пустыни, оазисы с холодной родниковой водой, высокогорные перевалы, разбойники за каждым поворотом...

Здесь разворачивались трагедии и фарсы, а иногда и настоящие детективные сюжеты, когда смельчаки дерзко обходили закон, каравший смертью всех, кто попытается вывезти коконы шелкопряда за пределы Китая. Помните хитрого монаха, который, – презрев жестокие законы, под страхом смерти похитил коконы шелкопряда, спрятал их в выдолбленный посох и, обманув бдительную стражу, доставил главный ремесленный секрет Китая в Византию?

Известен и иной вариант, согласно которому иноземный принц, сыграв на легкомыслии своей юной невесты – дочери китайского императора – лишил Китай монополии на шелк. Прием, который применил жених, был банальный, но безотказный и в наши дни. Между будущими мужем и женой якобы состоялся диалог примерно следующего содержания:

– Как вы прекрасны в этом шелковом наряде!

– Ах!... (На нежном личике счастливая улыбка).

– Какая досада, что в моей стране нет шелковичных червей и вам придется довольствоваться платьем из грубых тканей.

– Ох!... (На нежном личике искреннее огорчение).

— А не спрятать ли вам всего несколько коконов в вашу чудную прическу, тогда только для вас мы будем шить платья из шелка. Все дамы при моем дворе просто умрут от зависти.

— Ух!... — сказала дочь императора с мужской решимостью на нежном личике, спрятала коконы шелкопряда в свою пышную прическу и укатила в другую страну.

Эту легенду (или был?) французский экономист, специалист по научной разведке Жан Бержье считает классическим примером промышленного шпионажа в глубокой древности, но, увы, далеко не первым. (Первым, вероятно, был шпионаж с целью раскрытия секрета добывания огня).

Позже на трассах Шелкового пути охотились за секретами «греческого огня» — этакое напалма средневековья, за тайнами пороха, фарфора... На неискушенный взгляд, древняя торговая трасса представляла собой сплошную романтику купеческих походов с детективным уклоном. На самом деле повседневная реальность на Великом шелковом пути была не романтичной и не детективной. Была гигантская торговая артерия, функционировавшая полтора тысячелетия, которая тесно связывала исторические судьбы многих стран и народов, был бесперебойно действовавший ретранслятор не только товаров и технологий, но и идей, религиозных и философских систем. Главной фигурой на Шелковом пути был не обаятельный принц или простушка-принцесса, а купец, воин и монах, за которыми стоял труд многих и многих поколений простых людей.

Возникновение Великого шелкового пути во II в. до н. э. связывают с путешествием Чжан Цяня, о котором мы уже знаем. Но это не совсем верно. В Китае, Средней Азии и на Переднем Востоке с древнейших времен складывались локальные системы торговых путей, например, «базальтовый путь» в Передней Азии. В неолитическое время системы торговых путей Передней и Средней Азии связал мостик так называемого «лазуритового пути»,

по которому знаменитый бадахшанский самоцвет попадал в Египет, Шумер, Аккад и другие месопотамские государства. На Китайской равнине в Центральной Азии и Южной Сибири тысячелетиями формировались свои традиционные пути. Великий шелковый путь стал самим собой лишь тогда, когда между двумя уже сложившимися системами торговых взаимосвязей, территориально разделенных горами Памира и Тянь-Шаня, был перекинут соединительный мост. Это знаменательное событие в истории культуры человечества произошло во II в. до н. э.

Шелковый путь, названный по основному товару транспортировки и торговли, начинался в центральных районах Китая и вел на запад к Дуньхуану. Здесь он раздваивался на северный и южный. Северная ветвь пролегла через Турфан, Кашгар, Фергану, Самарканд, Мерв, южная — через Хотан, Яркенд, Балх, Мерв. В Мерве обе ветви Шелкового пути соединялись и далее на запад караваны шли через Нису, Исфаган, Багдад и далее к портам Средиземного моря. Протяженность этой первой мировой трансконтинентальной торговой трассы превышала 7000 км. Основное направление Шелкового пути не менялось никогда, но локальные изменения на равнинах происходили довольно часто. Практически неизменными были горные дороги, пролежавшие по ущельям, перевалам и высокогорным сыртам. Как известно, горы далеко не везде проходимы, что лишало караванщиков возможности выбирать дорогу по своему усмотрению.

Однако в связи с великими географическими открытиями и началом прокладки морских трасс роль Шелкового пути стала стремительно падать и к XVI в. он уже практически утратил свое прошлое экономическое и культурное значение.

Города на трассе былого процветания, в том числе и в окрестностях Иссык-Куля, пришли в упадок, многие из них были покинуты жителями и стали обиталищем сов и ли-

хих людей. Другие значительно сократили свою площадь и численность населения. Застой в экономике неизбежно повлек за собой консервацию общественных отношений и культурной жизни. Восток стал отставать от быстро развивающегося Запада. То, чего не могли сделать многочисленные войны за господство на Шелковом пути, то, что не могли уничтожить даже кровожадные орды Чингисхана, с легкостью совершил нарождающийся европейский капитализм. Стремительно развивающееся морское судоходство сделало караванную торговлю по суше экономически невыгодной. Парусные многомачтовые суда даже против ветра шли быстрее верблюдов.

Где же конкретно трасса Шелкового пути пересекала территорию Кыргызстана? Да и как можно определить конкретный отрезок Шелкового пути? Не мостили же камнем древние дороги для караванов, состоящих из верблюдов и мулов? На этот вопрос ответили ученые XIX в., изучавшие средневековые сочинения, и археологи XX в., исследовавшие древние города и погребения.

Мощных дорог в древности действительно не было, поэтому ученые не могут указать совершенно точно и безапелляционно: «Вот на это место ступила нога верблюда средневекового торгового каравана». Да такая точность и не нужна. Общее направление торговых трасс определяют несколькими методами в зависимости от географического положения исследуемого региона. Легче всего в густо населенных местах, которые были только в зонах земледелия. Сохранились средневековые сочинения, так называемые «дорожники», которые поочередно называли цепочку городов на Шелковом пути и даже расстояние между ними. Остается взять эти сочинения, изучить китайский, арабский, персидский языки, отождествить упоминаемые в дорожниках пункты с современными, соединить их на карте одной Линией, и трасса того или иного участка мировой торговой трассы восстановлена.

А как же в пустыне, где даже древних курганов либо нет, либо очень мало? В пустыне, как и в горах, торговый путь менялся очень редко — он должен был вести только от колодца к колодцу. Вторым индикатором торгового пути в пустыне являются кости павших животных, а нередко и людей. Они скапливались за многие сотни лет, и теперь места их нахождения, как пунктиром, обозначают былой трудный путь торговых людей в далекие страны.

Башня Бурана до и после реставрации

Поразительные возможности для установления истинных торговых путей с точностью до сантиметра предоставляет современная техника, о чем свидетельствует опыт американских ученых, о котором рассказывала, например, канадская газета «Глоб энд мейл». С помощью телеметрического оборудования, установленного на спутнике «Лэндстат IV»

и самолетах, летающих на больших высотах, удалось обнаружить тропинки у доисторических индейских поселений на северо-западе Коста-Рики. Эти тропинки были скрыты не только джунглями, но и мощным слоем вулканического пепла толщиной в несколько метров. Тропинки соединяли отдельные селения древних индейцев и густой сетью покрывали пространство вокруг каждого из них. Оказывается, что отдельные дорожки были протоптаны к родникам, каменоломням, кладбищам, ритуальным местам.

Выявление трассы Шелкового пути в средневековом Кыргызстане определялось первым из указанных нами методов. И она вырисовывается довольно отчетливо. Установлено, что северная дорога на территории Кыргызстана делилась на две ветви: Фергано-Алайскую и Чуйско-Иссыккульскую. Перед караванщиками, вышедшими из Самарканда, возникала дилемма: каким же путем следовать дальше? Механизм выбора не совсем ясен для нас. Известно, что караваны следовали по обеим ветвям. В Ферганской долине путь вел по предгорьям, где было много цветущих селений, пока путники не прибывали в город Ош. Из Оша недалеко было до городка Медва (современное с. Мады), а оттуда караванам предстоял нелегкий путь через перевал Талдык, Алайскую долину, Иркештам в Восточный Туркестан.

Другая ветвь пересекала Ташкентский оазис и вдоль северных отрогов Киргизского хребта вела в Чуйскую долину в богатые города Невакет (близ современного с. Красная Речка) и Суяб (развалины у современного г. Токмак). Отсюда было уже рукой подать до озера Иссык-Куль, где располагались тоже значительные торговые центры на Великом шелковом пути.

Однако на Иссык-Куле исследователей ждет неприятный сюрприз: средневековые города и поселения, через которые проходила торговая трасса, со временем по ряду причин оказались на дне озера. Это обстоятельство делает

непригодными названные выше методы определения направления торговых путей (кроме, вероятно, космического). Нужен был подводный поиск, и он был начат. Кыргызские археологи, взяв на вооружение современные акваланги, а в помощники московских энтузиастов подводного плавания, пришли на Иссык-Куль. Прежде чем приступить к подводным работам, нужно было хотя бы примерно знать, где же их начинать? Неоценимую помощь при ответе на этот вопрос оказали свидетельства средневековых письменных источников.

Решающим условием в отыскании затонувших поселений может стать космонавтика. Мы с завистью (разумеется, белой) 8 октября 1991 г. прочли в газетах, что наши коллеги из Казахстана догнали в этой области Америку. По программе изучения трассы Великого шелкового пути, разработанной археологами, будет заснята со спутника громадная территория (3000 км) от Каспийского моря до Джунгарских ворот. Вот это уровень! Вот это методика! Поздравляем вас, дорогие друзья, с высочайшим классом исследований. Надеемся, что умный спутник «Союз ТМ-13» с вашей программой, сбитый с толку прелестями Иссык-Куля, заснимет и акваторию нашего озера, что даст пищу и археологам Кыргызстана.

ГОРОДА ПРИИССЫККУЛЯ в повествованиях средневековых авторов

*Еще род людей есть, кто знаньем богат,
Их знанья звездой путеводной горят.
Любезен, учтив, будь с такими людьми,
Хоть малое знанье от них перейми.*

Юсуф Баласагуни

Сюань Цзан на Иссык-Куле

Восьмого месяца 629 г., смешавшись с толпой слуг сопровождавшей большой торговый караван, из западных ворот древней столицы Китая Чанъань вышел молодой человек в скромном платье буддийского монаха. С ним было два верных друга — крепкий бамбуковый посох, помогавший не отставать от ходко шагающих верблюдов, и медная чаша для сбора подаяний — единственная его кормилица. Бросая в чашу горсточку проса или кусок лепешки, караванщики и не подозревали, что их нищенствующий спутник является одним из самых светлых умов танского Китая. Весть о нем будет лететь быстрее самых быстрых драматеров. Монаха с почетом будут принимать владетельные князья и правители городов. Даже гордый и всесильный каган тюрков с уважением выслушает горячие проповеди монаха и с почтением проводит из своей роскошной столицы Суяб на р. Чу. Через пустыни и оазисы, через горы и реки путник преодолет многие тысячи километров, дойдет до Индии, впитает всю буддийскую премудрость и через семнадцать лет вернется на родину в зените славы и всенародного обожания. После его смерти даже надменный «сын

неба» император Гао Цзун (правил в 650—683 гг.) выделит на его похороны государственные средства и скажет: «Наша страна лишилась сокровища» Но это будет потом...

Один из величайших землепроходцев Сюань Цзан, имя которого современные ученые, ставят в один ряд со знаменитыми Марко Поло, Гильомом Рубруком и Плано Карпини, родился в 602 г. близ Лояна (ныне провинции Хэнань). Любознательный, не по годам серьезный и замкнутый мальчик рано пристрастился к наукам, особенно к буддийской философии. В тринадцатилетнем возрасте он уходит в монастырь, где своей ученостью вскоре превзошел всех местных мудрецов. Обладая феноменальной памятью, юноша без труда выучил наизусть и без запинки пересказывал все важнейшие буддийские сутры, чем поразил и изумил не только монастырских братьев, но и всю округу. Шутя завоеванная популярность претила Сюань Цзану. Он ее просто не замечал. Искренне верующего монаха почти физически мучили многие противоречия и спорные вопросы буддизма, которые быстро заметил его острый ум, но разрешить которые еще не позволяли знания. Сюань Цзан решил продолжить образование на родине буддизма — в Индии и обратился за разрешением на выезд к императору. Тот не разрешил. Тогда монах положился на судьбу и отправился без разрешения. Путь его в желанную Индию лежал через пустыню Такла Макан, через высочайшие перевалы Тянь-Шаня, южный берег Иссык-Куля, Чуйскую и Таласскую долины, через Ташкент, Самарканд, Кабул.

Как показали исследования, Сюань Цзан большую часть своего пребывания в Индии провел в монастыре Ниланда (княжество Магадха), где шлифовал свое образование под руководством девяти столетнего главы мира буддийской учености Шилабхадры. После пяти лет обучения с громадным количеством книг и кумиров, которые с трудом поднял сильный слон, Сюань Цзан отправился в обратный путь. Его возвращение было триумфальным. Учитывая это,

император Тай Цзун (правил в 627–649 гг.) не только обласкал ослушника, но даже задним числом выдал разрешение на путешествие, из которого он уже вернулся. До конца своих дней (умер в 664 г.) Сюань Цзан проделал титаническую работу: он перевел на китайский язык семьдесят четыре буддийских сочинения, восстановил на санскрите по старым китайским переводам в то время уже утерянную в Индии одну из основополагающих сутр, перевел на санскрит главное сочинение даосов и т. д. Но главным его трудом стали не многочисленные религиозные книги, а единственное светское сочинение, продиктованное одному из собратьев по вере, в котором он поведал о западных странах. Его путешествие произвело столь сильное впечатление на современников и потомков, что яркую личность религиозного деятеля Сюань Цзана затмил образ героя-землепроходца Сюань Цзана.

Следует особо отметить, что путешествия Сюань Цзана и его последователен значительно обогатили культуру средневекового Китая. До сих пор китайские археологи не устают удивлять научный мир сенсационными открытиями вещественных свидетельств таких путешествий. Недавно при расчистке фундамента рухнувшей древней пагоды в подземном склепе было обнаружено богатейшее собрание уникальных художественных ценностей. Среди находок выделяются позолоченный сосуд в виде спящей черепахи, лакированная посуда, шелковые одеяния с богатым орнаментом. Как утверждают эксперты, среди сокровищ были обнаружены кости пальцев, будто бы принадлежавших основателю буддизма принцу Шакьямуни. Каждая косточка хранилась в футляре, отделанном золотом, серебром, нефритом, хрусталем и благовонным сандаловым деревом. Они были привезены из Индии и переданы храму в танскую эпоху, то есть в ту же эпоху, когда жил Сюань Цзан.

Путешественник Сюань Цзан оставил свой след и в истории Кыргызстана. Ему принадлежит заслуга первого

описания северной ветви Великого шелкового пути, городов, обычаев, населения, нравов при дворе западнотюркского кагана Тон-Джабгу (правил в 618–630 гг.), оленьего заповедника Мин-Булак в Таласской долине и много другого. Сюань Цзану принадлежит и приоритет описания озера Иссык-Куль.

Пройдя через города Восточного Туркестана, которые путешественник подробно описал, он через перевал Бедель достиг высокогорных долин Центрального Тянь-Шаня, где, казалось, не ступала нога человека. Суровый край. Здесь зимой и летом сохраняются первозданной чистоты льды и снега. Тропы труднопроходимы. Свирепый ветер бросал в лицо путникам хлопья снега вперемешку с песком и камнями. На глазах паломника несколько верблюдов вместе с поклажей сорвались в пропасть. Гибли и путники. «Трудно сохранить жизнь», — констатировал Сюань Цзан. Наконец, пройдя 400 ли (около 200 км), путник вышел к южному берегу озера Иссык-Куль.

Сюань Цзан приводит сразу три названия озера и все три точно, как удачные эпитеты, характеризуют его сущность: Прозрачное море, Горячее море, Соленое море. Далее следует довольно верное описание его размеров и очертаний. «В окружности его (Иссык-Куля. — *авт.*) 1000 с небольшим ли (около 500 км. — *авт.*), с запада на восток длинно, с севера на юг узко. Со всех сторон «окружено горами, множество потоков (стекает в него). Цвет воды зеленый, а вкус горько-соленый, воды его бушуют и вздымаются в виде огромных валов. Драконы и рыбы живут в нем, и время от времени всплывают необыкновенные чудовища. Поэтому путешественники, проезжающие здесь, молятся о благополучном окончании путешествия. Хотя водная фауна богата, рыболовством никто не занимается».

Описание озера Сюань Цзаном, точное и конкретное в своей основе, несколько смущает современного читателя упоминанием о драконах и других чудовищах, якобы

обитавших в пучине озера. Скорее всего, и сравнительно точные размеры озера, и правильные его очертания сообщили путешественнику местные жители, обильно разбавив свои рассказы легендами. Стоит ли удивляться склонному к чудесам и экзальтации буддийскому монаху VII в., поверившему в иссык-кульских чудовищ, если в наши дни серьезные ученые устанавливают новейшую аппаратуру на дне озера Лох-Несс в Шотландии, чтобы сфотографировать динозавра Несси, якобы дожившего до эры компьютеров?

Покинув берега Иссык-Куля, Сюань Цзан пришел в Чуйскую долину, описание которой он начал с повествований о городе «генерала» Пэйло, подробного рассказа о Суябе (городище Ак-Бешим близ Токмака) и десятке других городов.

А что же города Прииссыккуля? Почему великий землепроходец, описав города Восточного Туркестана и Чуйской долины, ни разу не обмолвился о лежащих между ними иссык-кульских городах и поселениях? Можно ли допустить, что Сюань Цзан, помнивший слово в слово большинство длинейших сутр, забыл о них? Маловероятно. Может быть, он, зорко подметивший даже цвет воды озера и качество тканей, из которых были сшиты одеяния кагана Тон-Джабгу, просто не заметил городов Прииссыккуля? Абсолютно исключено. Отсюда вывод: в первой трети VII в. на северной трассе Великого шелкового пути между Восточным Туркестаном и Чуйской долиной на территории Тянь-Шаня и Прииссыккуля никаких городов не было. Одни исчезли раньше, другие появились позже. А когда же? На этот вопрос мы можем ответить довольно точно — вскоре после того, как здесь побывал Сюань Цзан. Уже в описании дорог VII в. упоминаются город Дуньдо, где-то в Центральном Тянь-Шане, и города Дун, Хэле, и Ечжи, которые располагались вдоль южного побережья Иссык-Куля.

Очевидно, китайский дорожник составлялся по данным второй половины VII в. Именно это время можно считать началом средневековой урбанизации (развитие городской

культуры) Прииссыккулья. У читателей могут возникнуть вполне закономерные сомнения: в первой трети VII в. городов не было, а через каких-то 20—30 лет их стало четыре? Города и поселения в древности и средневековье строились поразительно быстро. Историки походов Александра Македонского упоминают строительство бесчисленных городов, названных Александриями в честь завоевателя, которые росли, как грибы. Вот что писал Квинт Курций Руф о постройке Александрии-Эсхаты (Дальней) на р. Сыр-Дарье: «Постройка города была выполнена с такой быстротой, что на семнадцатый день после возведения укреплений были отстроены городские дома. Воины упорно соревновались друг с другом, кто первый окончит работу.» А площадь города по тем временам была довольно большой. Тот же Квинт Курций отметил, что стены города имели длину в 60 стадиев, т. е. 10—11 км. В раннем средневековье строители были не менее расторопны, чем в древности. В начале VIII в. арабы захватили славный и богатый город Бухару и, как повествовал историк Мухаммед Наршахи, стали заставлять жителей города принимать мусульманскую веру. Те не захотели. Тогда завоеватели приказали всем, кто не желал сменить веру отцов на ислам, покинуть город. Богатые дихканы (в VII—VIII в. так именовали не крестьян, как позже, а согдийскую родовитую знать) и купцы тотчас же выехали за пределы стен Бухары и неподалеку от нее стали строить замки для своих семей. К удивлению арабов, постройки росли прямо на глазах и вскоре здесь вырос новый хорошо укрепленный город, каждый дом которого был небольшой крепостью.

Едва ли иссык-кульские строители городов были менее квалифицированы. Нужно помнить и то, что часть из них были переселенцами из Согда, и даже, не исключено, из самой Бухары. В китайских письменных источниках, кроме названий, об иссык-кульских городах больше нет сведений. Да и не могло быть. В 751 г. на реке Талас

китайские войска были разбиты объединёнными силами арабов и тюрок-карлуков. Вскоре после этого в Китае началась кровопролитная затяжная гражданская война. Китайцам стало не до Средней Азии, в том числе и не до городов Прииссыккуля.

Среди арабских путешественников первым упомянул города Прииссыккуля Темим ибн Бахр, который лично посетил их во второй половине VIII в. Он отметил, что здесь было четыре больших и четыре малых города. В одном из них было до двадцати тысяч воинов. Это первое, на наш взгляд, упоминание области Верхний Барсхан как вполне сложившейся территориальной единицы. Что представляла собой эта средневековая область?

Верхний Барсхан

Все проезжающие по автотрассе по южному побережью озера Иссык-Куль восточнее курорта «Тамга» могут прочитать дорожный указатель «река Барскоун». К югу от автотрассы поближе к горам вольготно раскинулось большое село Барскоун. Мало кто знает, что эти названия являются одними из самых древних на территории Киргизии. Для сравнения можно отметить, что топоним «Барсхан» был зафиксирован в письменных источниках несколько раньше, чем топоним «Киев». Впервые его упомянул в своем труде арабский аристократ персидского происхождения начальник почты багдадских халифов ал-Мутамида или ал-Мутадида Абу-л-Касим Убайдаллах ибн Абдаллах ибн Хордадбех (годы жизни примерно 820–890 гг.) Его книга «Китаб ал-масалик ва-л-мамалик» («Книга путей и стран») в свое время стала этапной. Она открыла блестящую серию средневековых арабских географических сочинений. В труде Хордадбеха предельно сухо и официально описаны все известные в мире того времени торговые пути, города

и селения, лежащие на густой сети этих путей, с указанием расстояний между ними. Вот как, например, описана ветвь Великого шелкового пути, пересекавшая с запада на восток Северный Кыргызстан: «До Асбары 4 фарсаха, до большого села Нузката 8 ф., до большого села Харанджавана 4 ф., до Джула 4 ф., до большого села Сарига 7 ф., далее до столицы (города) хакана тюргешей (ат-туркаши) 4 ф., до Навакета 4 ф., до Кубала 3 ф., затем до Верхнего Барсхана, где проходит граница ас-Сина, 15 дней караванного пути по пастбищам, а почта тюрок (ат-турк) преодолевает это расстояние за три дня».

Ученые давно и неоднократно пытались отождествить данные Хордадбеха с известными развалинами средневековых городов. В большинстве своем они спорны. В настоящее время можно согласиться только с четырьмя идентификациями: Асбара — городище на левом берегу р. Аспары близ с. Каинда; Навакет — комплекс развалин на восточной окраине с. Красная речка, Кубал (он же средневековый Суяб) — развалины Ак-Бешим близ г. Токмак, Верхний Барсхан — юго-восточное побережье озера Иссык-Куль.

Согласно Хордадбеку, в Верхний Барсхан вела еще одна дорога. Она начиналась в Узгене, пересекала Центральный Тянь-Шань и выводила к Верхнему Барсхану. Позже эти же сведения с небольшими вариациями повторяли многие средневековые географы.

Текст Хордадбеха не позволял с достаточной определенностью представить, что скрывалось под топонимом Верхний Барсхан — город или целая область с многими городами и селениями? Судя по тому, что в округе средневекового Тараза (современный город Джамбул) багдадский начальник почты называет городок Нижний Барсхан, можно полагать, что и Верхний Барсхан — тоже какой-то конкретный населенный пункт. Арабский географ X в. Кудама ибн Джафар, повторив сведения Хордадбеха о пути в Верхний Барсхан, отметил, что он состоял из целой

группы поселений — четырех больших и пяти маленьких. Это сообщение, перекликаясь с данными Тамима ибн Бахра, позволяет полагать, что здесь речь идет не столько о городе, сколько об области с девятью населенными пунктами. В 982—983 гг. неизвестным автором было написано замечательное географическое сочинение «Китаб Худудал-Алам мин ал-Машрик ила-Магриб» («Книга о пределах мира от востока к западу»). В нем упомянуты и города южного побережья озера Иссык-Куль. «Тонг и Талхиза — два селения, расположенные между горами, на самой границе между чигилями и халлухами (карлуками. — *авт.*), поблизости от озера Иссык-Куль. Жители воинственные, смелые и доблестные.

Барсхан — город на берегу озера, благоустроенный, богатый. Правитель его из халлухов, однако население держит сторону тогуз-гузов». Тот же неизвестный автор впервые упоминает город на северном побережье озера: «Город назывался Сикуль» (Иссык-Куль). Это был «большой город», «населенный» и «богатый торговый пункт». Наиболее полные сведения относительно городов Прииссыккулья сообщил персидский историк XI в. Абу Сайд ал-Хай ибн аз-заххак ибн Махмуд Гардизи. В своем сочинении «Зайн ал-ах-бар» («Краса повествований») он не только перечисляет, но и приводит краткое описание городов южного побережья озера. Сразу после выхода из Боомского ущелья в котловину озера находилось селение Яр. Оно могло выставить воинский контингент в 3000 человек. В окрестностях Яра (или даже в нем самом?) располагались шатры предводителя-тюрков-джикилёй. Предводитель этот имел титул «тексин». Далее Гардизи описывает само озеро Иссык-Куль, правда, не столь эмоционально, как Сюань Цзан, но довольно точно: «По левую сторону от дороги находится озеро, которое называется Иссык-Куль; оно простирается на 7 дней пути; в это озеро Иссык-Куль впадает до 70 речек; вода в нем соленая». От Яра до селения

Тон было расстояние 5 фарсахов (30 км), а между Тоном и Барсханом — 3 дня пути. Между этими городами, видимо, больше не было населенных пунктов. «По дороге встречаются только шатры джикилей», — констатирует Гардизи. Дальше историк приводит очень краткие, но столь же важные сведения: «Барсханский дихкан носит титул манак. Барсхан выставляет 6000 вооруженных. Все окрестности Иссык-Куля заняты джикилями. По правую сторону от Барсхана находятся два горных перевала; название одного — Пейгу, название другого — Озар. / Там же / есть река, которую называют Тефсхан; она течет по направлению к востоку, в китайские пределы. Перевал очень высок, так что птицы, прилетающие со стороны Китая, не могут перелетать через него».

Уникальные сведения Гардизи позволяют выйти на новый уровень научных представлений об иссык-кульских городах.

Прежде всего, мы можем определить сравнительно точное количество населения в таких городах, как Яр и Барсхан. Историки давно установили строгую количественно-пропорциональную зависимость между числом народонаселения и числом боеспособных мужчин. Оно равняется 5 : 1, т. е. каждые пять человек жителей города или аила (с учетом женщин, стариков, малолетних и калек) могут выставить лишь одного воина. Отсюда следует, что в самом западном селении Прииссыккуля — Яре — насчитывалось до 15 тысяч жителей, а в Барсхане — вдвое больше.

Много это или мало? Иными словами, какое место занимали города Прииссыккуля в системе средневековых городов Средней Азии, расположенных на Великом шелковом пути? Если отбросить такие города-монстры, как Самарканд или Мерв, которые в X—XII вв. насчитывали от 100 до 150 тысяч человек населения и занимали площадь до 150 га, то придется признать, что Яр, а тем более Барсхан были очень крупными поселениями для своего

времени. Яр по численности своего населения приближался к таким известным торгово-ремесленным городам, как Отрар, население которого, по подсчетам казахских археологов, колебалось между 15 и 17 тысячами человек, они занимали площадь в несколько десятков гектаров.

Главный город Прииссыккулья Барсхан по численности населения не уступал некоторым столицам периферийных областей. Уж насколько известным был богатый центр Ташкентского оазиса славный город Бинкет, а в нем проживало, по подсчетам одного из самых скрупулезных исследователей О. Г. Большакова, около 23–25 тысяч человек, т. е. столько же, сколько и в Барсхане. Бинкет вместе с садами и виноградниками занимал площадь в 1350 гектаров. Очевидно, и площадь города Барсхана была в пределах этой величины.

Если для сравнения взять ближайшие к Иссык-Кулю крупные города Чуйской долины, то Яр по количеству жителей был близок к древним поселениям, известным ныне под названиями Шиш-Тюбе, Степнинское, Ак-Бешим, Сокулукское, а Барсхан — к средневековому Навакету (Краснореченское городище).

Большой интерес вызывает титулатура правителей иссык-кульских селений. Если в селении Яр находились шатры тексина (скорее всего, тегина, т. е. царского сына, принца) скотоводов-джикилей, то наверняка и все селение находилось в его власти. Тегины были правителями и в других городах Семиречья. Так, в городе Беклилиг, который находился к северу от перевала Ксатек, правил некий Йинал-тегин. Гораздо сложнее обстоит дело с загадочным титулом правителя Барсхана — манак (или манаф — согласно чтению одного из крупнейших русских востоковедов В. Ф. Минорского).

Здесь есть над чем подумать. Дело в том, что титул манак (манаф) очень напоминает кыргызский феодальный титул манап, который распространился у кыргызов

в конце XVIII—начале XIX в. и который не был известен у других тюркских народов. Информацию к размышлению могут дать и следующие факты. Еще в середине VI в., в период становления Тюркского каганата, видную роль в проведении его внешней политики играл согдиец Маннах. Имеются обоснованные суждения, что он же был правителем согдийской колонии в Семиречье, а Маннах — не имя, а титул этого правителя. Таким образом, в VI, XI и XVIII—XIX вв. греческие, персидские и, наконец, русские письменные источники фиксируют титул, не известный у других тюркских народов: маннах — манаф — манап. Как объяснить столь загадочное явление? Глубокая преемственность? Исторический курьез? Случайность? Дальнейшие научные изыскания (главным образом тюркологов-лингвистов) должны пролить свет на происхождение загадочного титула.

Текст Гардизи позволяет поставить вопрос не только о количественном, но и о национальном составе населения иссык-кульских селений. В Яре, как уже упоминалось, стояли шатры тегина джикилей. Вместе с ним, надо полагать, жили и его домочадцы, слуги, дружина, чиновники со своими семьями, то есть можно говорить о том, что в селении Яр была какая-то прослойка тюркского населения. Видимо, такая прослойка была и в других иссык-кульских селениях, о чем убедительно свидетельствует древнетюркская руническая надпись, найденная на городище Койсары.

Анализ легенды, приведенной Гардизи для объяснения этимологии топонима «Барсхан», позволяет предполагать там ираноязычное, возможно, согдоязычное население. Иранский историк прямо указывает: «Жители Барсхана происходят от персов, именно жителей Фарса». Далее повествуется пространное предание о том, как Александр Македонский, покорив Иран, взял в знатных персидских семьях заложников, дабы предотвратить вполне возможные мятежи.

Отправляясь в поход на Китай, Александр увел и заложников, однако, оказавшись в стесненных обстоятельствах, вынужден был бросить ставших обузой знатных персов на берегах Иссык-Куля. Сыновья персидских вельмож, потеряв надежду вернуться, домой, отстроили здесь города на манер городов Фарса, а «местности дали название Барсхан, то есть повелитель Фарса».

Едва ли историческая действительность была столь древней и романтической. Тем не менее следует заметить, что легенда базируется на вполне реальной исторической основе. Приток иранского и согдийского населения во второй половине VII–VIII вв. в Туркестан – факт известный. Эмиграция части населения, в основном знати, из Ирана и Согда была вызвана арабскими завоеваниями. Весьма показательно, что иссык-кульские города возникли, как отмечено выше, никак не раньше второй половины VII–VIII вв. Именно на VII–VIII вв. как время возникновения города Барсхан указывает еще одна красноречивая деталь легенды, приведенной Гардизи: для постройки города кроме мастеров по изготовлению кирпича и плотников вельможные заложники наняли и живописцев, которые должны были украсить их жилища. Археологические работы в Согде, Уструшане и Тохаристане показали, что в доарабской Средней Азии не только интерьеры храмов и дворцов, но и стены домов горожан были сплошь расписаны полихромными многоярусными панно.

Легенда об основании Барсхана, как представляется, возникла на Иссык-Куле в среде ираноязычных поселенцев, которые ко времени Гардизи, по истечении более чем 300 лет, еще помнили свои этнические корни, но напрочь утратили память о реальных исторических событиях, вызвавших переселение.

Сведения о Барсхане дошли и до выдающегося среднеазиатского мыслителя Абу-р-Райхана Мухаммеда ибн-Ахмеда ал-Бируни. В своем «Минералогическом трактате»,

анализируя таинственный сплав «харсини», секрет которого тщательно хранили китайские мастера, ал-Бируни писал: «...харсини — это тот металл, из которого отливаются колокола в Кашгаре и котлы в Барсхане, расположенном на берегу Иссык-Куля, то есть горячего озера, а также и другие сосуды, очень грубые, но это зависит от мастеров и их искусства, так как то, что из него вырабатывается в Китае, крайне изящно и тонко».

Эпизод, приведенный великим хорезмийцем, несколько приоткрывает завесу времени над жизнью барсханских ремесленников-металлургов. Они вместе с кашгарцами раскрыли тайну сплава, начали выпускать продукцию, которая стала известной на мировом рынке. Беда только, что она не могла конкурировать с изделиями китайских мастеровых. Качество барсханских изделий явно оставляло желать лучшего из-за более низкой квалификации ремесленников.

Письменные источники донесли до наших дней сведения только о двух выдающихся выходцах из Барсхана. Люди они разноплановые, но как один, так и другой были известны не только в мусульманском мире, но и далеко за его пределами. Один из них Себук-тегин Насир ад-дин ва-дауля. Это был обыкновенный юноша из тюркского племени барсхан, которое кочевало в Прииссыккулье. Он был взят в плен и продан на невольничьем рынке в Хорасане. Купил его видный полководец (спехисалар) Али-тегин, который тоже был тюркского корня. Молодой барсханец стал гулямом (рабом-воином). На этом поприще он проявил выдающиеся способности и вскоре обошел по службе многих своих сотоварищей. После смерти Али-тегина коварный и дальновидный барсханец всеми правдами и неправдами устранил конкурентов и 20 апреля 977 г. был провозглашен эмиром Газны. Он только номинально подчинился правителю Бухары. Однако этому солдату было мало маршальского жезла в ранце. Оказалось, что в нем нашлось место и для короны. После того, как Себук-тегин одержал

ряд блестящих побед в Афганистане и Индии, он совсем перестал считаться со своим ослабевшим сюзереном — эмиром из династии Саманидов. Вскоре караханидские ханы нанесли ряд тяжелых ударов по державе Саманидов и взяли их столицу Бухару. Себук-тегин воспользовался этим и объявил Хорасан, Афганистан и часть Индии отдельным государством.

Простой неверный тюрк, пленный, гулям стал царем. Столицей его была прекрасная Газна. Отсюда и династия, основанная Себук-тегином, стала называться Газневидской. Воцарившийся барсханец никогда не скрывал своего происхождения и даже гордился им. Он часто рассказывал приближенным о своем пленении, о частых и нещадных порках, которым подвергал его работоровец, о тяжком пути на невольничий рынок в город Нишапур. Тем не менее и тогда нашлись историки, которые доказывали, что генеалогия этого сына иссык-кульского пастуха безупречна. Он был объявлен благородным потомком и законным наследником древнеперсидских царей. Как знать? Может быть, немалую роль в системе этих лжедоказательств сыграла иссык-кульская легенда о знатном происхождении барсханцев, которую рассказал Гардизи? Умер Себук-тегин в 997 г. Похоронен в Газне.

Другим знаменитым барсханцем был один из величайших ученых средневековья — Махмуд Кашгари. Махмуд настолько привержен был «земле предков», что на своей известной круглой карте мира озеро Иссык-Куль и прилегающие к нему регионы обозначил как центр обитаемой земли. К сожалению, мы почти ничего не знаем о жизни ученого. Главный труд всей жизни Махмуда — энциклопедический «Диван лугат ат-тюрк» («Словарь тюркских наречий»), написанный в Багдаде в 1072—1074 гг. Он явился плодом его долгих путешествий по всем землям тюркских народов. Книга Махмуда и сейчас является первоклассным источником для изучения философии, географии, истории,

этнографии средневековых тюрков.

После многолетних странствий, пройдя Иссык-Куль, Махмуд Кашгари оказался в Чуйской долине, в бывшей столице Караханидского каганата — Баласагуне. Караван-сарай приятно удивил путника. Хозяин его, человек благообразный, оказался грамотным. Он держал в руках хорошо переплетенную книгу и громко читал прекрасные стихи на тюрки. Постояльцы внимательно слушали. Сам Махмуд упивался совершенством стихов.

— Кто автор их? — спросил Махмуд, — Как названа книга?

— Великий хаджиб мавлана Юсуф Баласагунский, что на реке Чу, — ответил хозяин, — а книга называется «Кутадгу билик» («Благодатное знание»).

Свидание Махмуда с «Кутадгу билиг»

В караван-сарае, где остановился караван от кыргызов, была харчевня. За низкими столиками, скрестив ноги калачиком, сидели постояльцы, чинно макали куски лепешек в подкисленную уксусом воду с кусочками редьки — для возбуждения аппетита — и вели степенные беседы...

Наконец, все разошлись, задержался лишь Махмуд.

Он заметил, что хозяин брал весьма умеренную плату за пищу со стариков и убогих, а с некоторых не брал и фельса. Махмуд подумал, что местная община мусульман платит хозяину за пропитание бедняков. Так поступали часто. Это было богоугодным делом. Но все же, желая сделать приятное, сказал:

— Аллах вознаградит тебя за доброе сердце.

— Он уже вознаграждает меня. Я сыт, и дети мои почитают отца. Как пишет мавляна Юсуф из Баласагуна, Еще бедняков встретишь ты меж людьми, Одаривай их, напои, накорми.

Молитвой тебя они вознаградят,
А это — прекрасное дело, о брат!

Махмуд сказал:

— О почтенный! Не одолжишь ли на ночь эту замечательную книгу, дабы я мог насладиться божественной мыслью великого поэта в тишине и уединении? За хорошую плату, разумеется.

Хозяин осторожно вытер рукой переплет и бережно подал книгу, словно драгоценность:

— Возьми, а денег не надо: моя душа вознаграждена уже тем, что в твоём лице я встретил понимающего и сочувствующего.

В своей комнатке Махмуд-странник при свете двух чирагов с волнением вчитывался в строки. Вот она, первая великая поэма на чистом тюркском языке «хаканийя»! Ах, как он был прав, когда спорил с учеными сочинителями касыд в Багдаде и Нишапуре, Мерве и Самарканде, Кашгаре и Узгенде, доказывая, что тюркский язык не менее богат и выразителен, чем арабский и фарси. Просто никто еще не взял на себя смелость писать на этом «языке невежественных кочевников», как презрительно называли тюркскую речь придворные поэты, многие из которых по своему происхождению сами были тюрками!

Многие божественные строки земляка просились в труд самого Махмуда. Но нет. Вставок не будет. Его труд завершен и совершенен. «Ради отличного нельзя портить хорошее», — вспомнил он наставления покойного отца, эмира Хуссейна, правителя Барсхана.

К утру он забылся в коротком и глубоком сне. Сон был приятным. Ему снились тюркские дети в мектебе, усердно читающие книгу Юсуфа Баласагуни «Кутадгу билик» и его собственный труд «Диван лугат ат-тюрк».

Надеемся, что сон Махмуда Барсхана сбудется.

Барсханцы были неробкого десятка и могли постоять за свою независимость. Державу караханидских ханов

раздирали постоянные распри. Дело дошло до того, что в борьбу за ханскую корону вмешались женщины. Одна из них, жена Богра-хана, недовольная тем, что наследником престола был объявлен не ее любимый сын, отравила самого Богра-хана и его ближайших родственников. По ее приказу брат Богра-хана, Арслан, был задушен, а главные приближенные и военачальники зарезаны. После этого, как рассказал историк Ибн-ал-Асир, она возвела на престол своего малолетнего сына Ибрахима. Эти события произошли в 1047–1048 гг. Однако «тянь-шаньской леди Макбет» было мало крови. В конце концов ханша уничтожила и своего любимца: она отправила сына «с войском к городу, называемому Барсхан, владельцем которого был Иинал-тегин. Иинал-тегин победил и убил его, а войско Ибрахима бежало к его матери».

Сказанным выше почти полностью исчерпываются известия письменных источников о раннесредневековых городах Прииссыккулья. Их нет сейчас, но они были. В них жили турки и иранцы, которые совместными усилиями разгадывали секреты иноземных мастеров, растили хлеба и сады, торговали, писали книги, защищали свой край. Даже те крохи сведений о Барсхане и барсханцах, которые история донесла до сегодняшнего дня, вызывают у нас вполне законное чувство гордости и уважения к их деяниям, закладывавшим основы современной цивилизации в центре Небесных гор.

К концу XVI в. оседлоземледельческая культура в Прииссыккулье, а следовательно, города и селения, приходят в упадок и исчезают. По крайней мере, историки походов Железного хромца-Тимура, скрупулезно перечисляя даже сколько-либо известные урочища или речушки, где проходили войска этого «гения коварства и жестокости», ни разу не упомянули даже небольшое селение. Исключение составляют г. Иссык-Куль и дворец турка на острове. Оригинальным источником является так называемая Каталонская

карта, составленная в 1375 г. На ней на северном побережье озера обозначен город Иссык-Куль с припиской, что там расположен монастырь «армянских братьев» — монахов.

Больше о городах Прииссыккуля средневековые авторы не писали. Города поглотило озеро.

В них, несомненно, жили не только ремесленники и купцы, но и ученые, поэты, богословы, философы. Возможно, некоторые из них были уровня Юсуфа Баласагуни или Махмуда Барсхани (Кашгари).

Кто знает?

ЗАТОНУВШИЕ ГОРОДА

*Рожденному — смертный приходит черед:
Поднятое ввысь непременно падет!
Где взлет — там паденье, где высь —
там закат.
Где радость — там горе, где сладость —
там яд.*

Юсуф Баласагуни

Лихолетье лихолетью рознь. В начале XIII в. цветущие города и селения Прииссыккулья пришли в упадок. Владетель кочевников-найманов Кучлук, не выдержав борьбы с Чингисханом в монгольских степях, бежал на запад. В Семиречье беглец явился как бедный проситель убежища для себя и своего народа. Он получил его. Отдышавшись и осмотревшись, коварный Кучлук воспользовался слабостью местного правителя и захватил верховную власть. Положение узурпатора было незавидным. Страшный Чингисхан лишь на время оставил его в покое, так как был занят завоеванием Китая. С запада найманам угрожала мощная держава Хорезмшахов. Кучлук понимал, что в таких тисках он — «калиф на час», и вел себя соответственно своему положению. Произвол и грабежи не прекращались, резня и насилие тоже. Но и этого было мало. Кучлук, желая опустошить не только мошну, но и душу горожан, запретил мусульманское богослужение. Стон и плач стояли над Семиречьем и Кашгаром.

Монгольский отряд под командованием отважного Чжебе, как всегда, нагрянул неожиданно-негаданно. Кучлук

бежал, но был настигнут в Сарыколе и обезглавлен. Голова найманского владыки стала ключом к воротам любого ранее подвластного ему города. Стоило монголам лишь показать защитникам голову узурпатора, как ворота твердыни распахивались перед ними. К тому же Чжебе оказался умным политиком и восстановил мусульманское богослужение. О грабежах и бесчинствах победителей не было и речи, так как армия монголов в то время отличалась строжайшей дисциплиной. Вполне естественно, что семиреченские и кашгарские горожане считали антинайманскую акцию Чингисхана «милостью божьей».

Но радоваться было рано. Монгольские нойоны, как и большинство кочевых феодалов, считали земледелие блажью, а ремесло и торговлю — занятием недостойным. Желая расширить свои земельные угодья, особенно в таких благодатных для животноводства местах, как Семиречье, кочевники часто превращали пашни, сады и виноградники в пастбища для овец. Только весной 1269 г. на всемонгольском курултае в Таласе трезвый и расчетливый политик Хайду навязал потомкам Чингисхана решение жить в горах и степях, не брать с жителей ничего, кроме законных податей». Однако было уже поздно. Процесс деградации городов Семиречья, в том числе и Прииссыккуля, зашел настолько далеко, что стал необратимым. Многие из них были покинуты жителями, в других жизнь едва теплилась. Перефразируя известную английскую пословицу, можно сказать, что «овцы съели семиреченские города».

Если в Таласской и Чуйской долине до наших дней сохранились величественные средневековые развалины, свидетельствующие о былой мощи и высокой городской культуре, то от большинства крупных иссыккульских городов не осталось и этого. Лихолетье, вызванное стихией, по своим последствиям оказалось еще более страшным, чем лихолетье нашествий. Очередная трансгрессия озера поглотила многие руины и населенные пункты, расположенные

на берегах озера Иссык-Куль. В настоящее время от них остались лишь едва заметные следы.

Койсары

Русские крестьяне старых переселенческих сел Липенка и Богатыровка были довольны обжитыми местами в урочище Койсары, расположенном на восточном побережье озера. Тут тебе и обильные пашни, и богатая рыбалка. А фазаны, как куры, только ночуют не на насесте, а в зарослях джерганака (облепихи). Была у них и своя диковинка — «кирпичный завод», который не требовал ни разработки глиняных карьеров, ни сооружения печей, ни заботы о топливе. Нужно было только взять лодку, отплыть от берега с полверсты и нагрузить ее кирпичом прямо со дна залива. И всего трудов! Обширные русские печи с лежанками и полатами в Богатыровке и Липенке были выложены из этого кирпича. Качество его было отменным, намного лучше, чем выпускал маломощный кирпичный заводик в городе Каракол. Поэтому даже каракольские мещане иногда покупали у богатыровцев и липенцев воз-другой «морского кирпича». От русских крестьян не отставали и местные кыргызы-скотоводы, которые добывали кирпич для постройки надмогильных склепов (гумбезов) знатных и богатых сородичей. Один из таких гумбезов осмотрел В. В. Бартольд по дороге из Пржевальска в деревню Сливкино (ныне районный центр с. Покровка). Вот так стихия и человек объединили свои усилия и разрушили славный средневековый город, важный перевалочный и ремесленный центр на северной ветви Шелкового пути.

Развалины на дне озера близ Койсары стали известны не только в научных кругах, но и широкой общественности России и всего мира. Сведения о них были включены в такие авторитетные издания, как энциклопедический

словарь Брокгауза и Эфрона, а также в словарь Гранат. А колониальная администрация области и уезда и пальцем не пошевелила для предотвращения варварского разрушения ценнейшего памятника.

Уникальное средневековое подводное городище оз. Иссык-Куля

В настоящее время озеро полностью освободило город из плена.. Там, где были улицы, квартал и архитектурные ансамбли, — ныне песчаная равнина, местами густо поросшая джержанакон, местами заболоченная, кое-где в камышовой оправе блестят зеркала крохотных озер, возвышенные места покрыты щетками чия. Не так уж часто, но можно различить бугорки и валы, бывшие крупные строения и оборонительные стены. Значительная площадь восточной части городища распахана. На полях, особенно после полива или дождя, можно собрать солидную

коллекцию керамики. Попадают в основном фрагменты толстостенных сосудов (хумы, котлы). Изредка на пашне блеснет мелкий фрагмент парадной глазурованной посуды белого, зеленого или коричневого цветов, характерных для семиреченских городов X–XII вв. Фрагментов керамики голубого цвета, посуды так называемого монголо-тимуридского времени (XIV–XV вв.), которые отмечены нашими предшественниками, в сезоны 1986–1987 гг. нам не повезло найти.

Представление о былых размерах и топографии средневекового города, расположенного в урочище Койсары, в настоящее время могут дать только публикации П. П. Иванова и Д. Ф. Винника. Оба исследователя отмечают, что город по своему типу принадлежал к тем средневековым городам, площадь которых была окружена «длинными стенами». Остатки этих стен и сейчас видны, но только в тех местах, куда не смогла дойти всеокрушающая сила волн озера. Одна из них протяженностью в 6 км ограждает территорию от озера Кара-Куль до юго-западного угла урочища. Высота сохранившейся части от 1 до 2,5 м, ширина основания — 15–18 м. Другая стена, ломаной линией пересекая первую в районе с. Богатыровка, тянулась от края террасы до поймы реки Джеты-Огуз. Такого вида длинные стены известны вокруг крупных городов Таласской и Чуйской долин. Они ограждали сады, огороды, пастбища для скота горожан. В пределах территории, защищенной длинными стенами, строили усадьбы, храмы, отводили площадь под городские кладбища! Одно из них находилось в северной части урочища и, судя по находкам двух каменных изваяний, принадлежало древним тюркам.

Особенностью развалин близ Койсары является включение в систему «длинных стен» отдельных довольно крупных поселений. В северной части городища П. П. Иванов описал вполне автономное поселение с цитаделью высотой до 9 м и окружностью до 150 м. У цитадели тогда были

видны следы развалин различных построек. В настоящее время цитадель частично разрушена выборкой грунта для хозяйственных нужд. Это поселение с цитаделью по своей топографии напоминает согдийские поселения Чуйской долины. Не из таких ли отдельных поселений формировался Верхний Барсхан, о чем еще в X в. писал Кудаман ибн Джафар?

Центральные развалины, т. е. собственно город, судя по остаткам густой застройки, располагался юго-западнее устья Черной Речки, соединявшей озеро Кара-Куль с Иссык-Кулем. Они занимали значительную территорию площадью примерно в 3×2 км. Здесь же располагался и ремесленный центр города, где трудились камнетесы и металлурги. На территории бывших ремесленных кварталов (как мы их условно назвали) найдено большое количество каменных зернотерок, молотильных камней, больших слитков кричного железа, металлической и глиняной посуды и других материалов. Не исключено, что именно здесь, в северной части городища, трудились мастера, разгадавшие секрет сплава харсини, о чем было известно еще ал-Бируни.

О высокой санитарной культуре жителей города свидетельствуют частые находки кобуров — керамических труб, из которых составляли подземные трассы водопровода и канализации. В черте густой застройки П. П. Иванов отметил ниточку водопровода, состоявшую примерно из пятидесяти кобуров. Несколько фотографий целых экземпляров водопроводных труб опубликовал Д. Ф. Винник. Ему же удалось раскопать нитку водопровода, состоящую из тридцати составных частей. Глубина ее залегания достигала 1,5 м, исследованная длина — 10 м.

Развалины у Койсары — единственное из городищ, освобожденных озером, на котором были проведены научные археологические раскопки. Здесь в 1960 г. Д. Ф. Винник исследовал монументальное архитектурное сооружение

из обожженного кирпича. Здание было квадратным в плане (14,2×14,2), по углам его украшали трехчетвертные колонны, в восточной стене был вход, толщина стен составляла 2,4 м. Функциональное назначение сооружения не вызывало сомнения — это была погребальная родовая усыпальница, гумбез. Внутри его было раскопано тридцать скелетов. Усыпальница была ровесница гумбезу Манаса в Таласской долине, построенному в XIV в.

Дархан

В настоящее время местность севернее современного села Дархан, где располагалось средневековое поселение очень напоминает окрестности Койсары. Толстый слой песка, поросшего непроходимой стеной джерганака и барбариса. Кое-где бьют родники, места ниже них заболочены. Только на приозерной террасе, как и у Кой-Сары, сохранились остатки пригородных сооружений — торткули. В 60-х годах их было восемь. Сейчас сохранился только один. Группа торткулей, расположенная на левой надпойменной террасе р. Джуука, севернее с. Дархан, в 1983 г. была скрыта бульдозером. На их месте раскинулись поля пшеницы, среди которой можно найти большое количество фрагментов средневековой керамики и обожженных кирпичей.

Изделия из металла представлены только двумя экземплярами. Один из жителей Дархана нашел здесь целое бронзовое зеркало. К сожалению, он разломал его на части, так как полагал, что находка отлита из чистого золота. Убедившись, что это не так, он отдал обломки археологам. Зеркало восьмилопастное с круглой шишечкой-петлей в центре. Орнаментальное поле занято двумя парами противостоящих птиц (фазаны?). Птицы разделены цветочными побегам. Во внешнем поле, отделенном бортиком, в каждой из лопастей помещены стилизованные цветы

(пальметы?). Внешний бортик ровный, высокий, узкий. Диаметр зеркала 12,5 см. Отливка некачественная. Орнамент расплывчатый, детали плохо различимы. Не исключено, что зеркало было отлито по китайскому оригиналу местными мастерами. Такие зеркала бытовали в VIII–IX вв.

Другая находка из металла представляла собой заготовку для медно-свинцового дирхема караханидского времени. По данным нумизмата М. Н. Федорова, такие заготовки в XII–начале XIII в. имели обращение по принудительному курсу наряду с чеканной монетой. Обнаружена она была на дне озера в 30–35 м от современной береговой полосы.

В прибрежной зоне и на дне озера найдены три каменных диска от ручных мельниц и фрагмент жернова, диаметр которого достигал 1,5 м. В 150 м от современной кромки озера в зарослях джержанака лежит цилиндрический молотильный камень. Наиболее частые находки на территории бывшего города — изделия средневековых гончаров.

Керамика собрана на поселении, расположенном к северу от с. Дархан, представлена подъемными сборами со дна озера Иссык-Куль и прибрежной зоны. Она очень фрагментарна, включает обломки лепных и станковых сосудов.

Судя по соотношению лепной и станковой керамики, использованию гончарного круга медленного вращения, некоторым видам орнамента (концентрические круги и др.), данный керамический комплекс можно предварительно датировать VIII–X вв.

Городище Дархан занимало исключительно важное географическое положение — оно контролировало джуужинский (Заужинский) перевал — наиболее удобный проход через хребет Терской Ала-Тоо в Центральный Тянь-Шань и дальше оттуда — в Фергану и Восточный Туркестан.

Тюп

Еще П. П. Семенов-Тянь-Шанский, опираясь на сведения, полученные от местного кыргызского населения, отметил подводные развалины на дне залива в устье реки Тюп. Проверить эти сведения не удалось, так как путешественник не смог лично осмотреть место расположения развалин. Тем не менее П. П. Семенов счел возможным включить эти сомнительные данные (правда, с оговорками) в свой «Географическо-статистический словарь». Примерно через сорок лет после П. П. Семенова следы поселения здесь пытался осмотреть В. В. Бартольд. Опять неудача, так как «о подводных развалинах около устья Тюпа крестьяне села Преображенского (ныне с. Тюп. — *авт.*) ничего не знали». Ученого в очередной раз «угостили» полудо-стоверными рассказами о находках на озере множества кирпичей и изделий из меди: ножей, пик, стрел, топоров, серпов. В доказательство абсолютной истинности этих рассказов жители с. Преображенского показали В. В. Бартольду большой медный котел, вырытый верстах в пяти вверх по течению от устья Тюпа. Владелец котла запросил за него 30 руб. Ограниченный в средствах ученый не смог уплатить столь крупную сумму. По сходной цене он приобрел лишь медный нож, найденный там же.

Подводные развалины близ Тюпа пытался разыскать и П. П. Иванов. Опять неудача: «Расспросы среди крестьян и рыбаков с. Тюп показали, что значительных развалин здесь в окрестностях нет так же, как и на дне залива». Ученому рассказали о каких-то «дорогах», которые проложены по дну озера, а местами выходят на сушу. Однако показали вполне реальные «морские горшки» (очевидно, хумы), которые очень ценились местными крестьянками за прочность и непроницаемость для жидкостей.

В 1986 г. мы обследовали территорию от с. Тюп до берега залива, подплывали на корабле «Юнга» к устью

реки со стороны озера. Следов крупного поселения нам обнаружить здесь не удалось. Остается предположить, что поселение на дне залива близ устья р. Тюп либо плод мистификации, либо оно полностью заилено речными наносами.

Долинка

Случай свел нас с интересным человеком Ю. Чаловым, рабочим-строителем из города Чолпон-Ата. Он и его маленькая дружная семья влюблены в озеро Иссык-Куль. Сам Юрий увлекается подводным плаванием, охотой и фотографированием. Обзавелся аквалангом, специальным гидрокостюмом, ружьями для подводной охоты. Сам смастерил водонепроницаемый бокс для фотоаппарата. Дно озера в окрестностях города и далеко за его пределами он знает не хуже, чем свою строительную площадку. В домашней коллекции Чаловых хранятся два древних керамических сосуда, добытых на дне озера.

Естественно, что наш первый вопрос был: «Откуда сосуды?» На следующий день Ю. Чалов показал место «добычи». Оно располагалось примерно в 2,5 км к югу от восточной окраины с. Долинка. Керамику можно было собирать прямо на превосходном песчаном пляже и у кромки воды. В прибрежной акватории в течение трех дней вели разведочные погружения аквалангисты. Трофеями их были зернотерки, половина жернова от ручной мельницы и, конечно, фрагменты керамики.

По технике изготовления керамика представлена фрагментами станковой и лепной посуды. Станковая преобладает. По форме и функциональному назначению делится на несколько типов: котлы, горшки, хумы.

В целом обнаруженный керамический комплекс по ряду признаков (преобладание станковой посуды, качество

изделий, их форма и др.) можно предварительно датировать X—XII вв.

На подводных развалинах южнее с. Долинка мы в первый раз, (но не в последний) столкнулись с варварским отношением к древностям, на которые ранее было как бы наложено негласное табу. Здесь оскверняли останки людей, умерших и похороненных около тысячи лет тому назад. Отдыхающие из ближайших пансионатов ныряли и поднимали на поверхность черепа покойных. Из них изготавливали иссык-кульские «сувениры» — пепельницы, светильники и даже, уподобляясь гуннским и печенежским князьям, чаши, оправленные металлом. Преступному аморальному промыслу должен быть положен конец.

Койсуу

Если в научном мире наиболее известными стали подводные развалины средневекового города в урочище Койсары, то в мире туристов — развалины к югу от с. Курское. Популярность их объясняется просто: В свое время В. В. Бартольд связал остатки поселения у с. Курское с мрачной славой хромого «потрясателя вселенной» — эмира Тимура. Средневековый историк Ибн Арабшах писал, что на острове озера Иссык-Куль Тимур построил небольшое «жилище», где содержались пленники, захваченные им во время походов. Позже моголистанский историк и полководец Мухаммед Мирза Хайдар отметил, что эмир Хакк-Берды Бекичек построил тьянь-шаньский вариант замка Ифф (Монте-Кристо) — неприступную крепость на иссык-кульском острове в местности Койсуу, где и поселил свою семью. Зачем же понадобилась степному феодалу водная твердыня? Дело в том, что сам эмир совершал постоянные набеги на среднеазиатские города Сайрам и Туркестан. Набеги отвлекали большие воинские силы. Поэтому эмир

опасался удара в слабо защищенную «спину» со стороны калмыков. Крепость среди озера должна была обезопасить близких эмира и избавить их от судьбы, подобной той, которую сам Хакк-Берды уготовил жителям Сайрама и Туркестана.

К сообщению Ибн Арабшаха, которое не подтверждается другими авторами, нужно относиться если не скептически, то весьма и весьма критически. Действительно, эмир Тимур, начиная с 1371 г. много раз ходил походами на Тянь-Шань. Не один раз после жестоких победных сеч с кочевыми аборигенами он смывал кровь с рук своих в святых водах озера Иссык-Куль. Однако реальной власти над могульскими племенами Тянь-Шаня Тимур не имел никогда. Как только полководец поворачивал свои войска на запад, север или юг, могулы опять занимали свои тянь-шаньские пастбища и готовили коней для похода к сердцу владений обидчика — прекрасному и богатому Самарканду. Такая политическая ситуация едва ли способствовала строительству. К тому же, пленников Тимур, как правило, не содержал близ кочевий их соплеменников, которые внезапным ударом могли их освободить, а гнал в свою столицу. Вот характерная реляция после очередного разгрома тянь-шаньских могулов, написанная биографом эмира Шараф ад-дином Али Йезди: «избиением и грабежом стирали их (могулов. — *авт.*) с лица земли, захватив многочисленный полон и несчетную добычу... послав ту толпу, привели в Самарканд, вместе с имуществом и добычей».

Однако в словах Ибн Арабшаха есть и правдоподобная нота: напрасно пишут, что Тимур-де, как смерч, нес только разрушения в чужие земли. На развалинах городов он охотно строил... Но строил-то исключительно крепости и тюрьмы! Поэтому сообщение средневекового историка о строительстве «жилища» для содержания пленных на каком-то иссык-кульском острове не выглядит совсем уж невероятным. Только был ли остров?

Более определенными кажутся сведения Мухаммеда Мирзы Хайдара, который указывает местность, где находился остров. К тому же, могульские эмиры не раз строили и перестраивали тянь-шаньские крепости, примером чего могут служить известные Кошой-Коргон и Ширдадбек, развалины которых опоэтизированы кыргызскими сказаниями.

Дворец Тамерлана

Первым на подводные развалины у устья реки Чон-Койсуу обратил внимание Г. А. Колпаковский. Всего в одной сажени от берега (уровень озера 1869 г.) и на глубине около аршина ему показали следы построек, назначение которых, по словам исследователя, «было трудно понять». И немудрено. Семиреченский губернатор увидел параллельные стены на расстоянии всего в аршин друг от друга! Стены не замыкали какого-либо пространства, а, располагаясь перпендикулярно к берегу, уходили далеко в глубину

озера. По мнению Г. А. Колпаковского, стены были сложены из обожженного кирпича. Большое количество кирпича было разбросано и у основания стен. Действительно, и нам, как и первооткрывателю, «трудно понять» функциональное значение и целесообразность подобной постройки.

18 августа 1927 г. часа в 4 пополудни от берега у с. Курское отплыла большая лодка и взяла курс на восток. Вода «без морщинки», солнце яркое, видимость отменная! На веслах сидели сельские рыбаки — большие знатоки секретов озера, которыми они охотно делились с общительным и простым в обращении человеком — приезжим ученым П. П. Ивановым. А секреты? Вот они — в каких-то трехстах метрах от берега и на глубине всего в 4–6 м. рыбаки показали ученому на дне озера зыбкие очертания груды кирпичей, деревянного «моста», площади, выложенной квадратными кирпичами, осколков сосудов. Кто помоложе, по просьбе Павла Петровича ныряли на дно озера за кирпичами, измеряли длину и толщину бревен «моста», поднимали фрагменты керамики. В одном месте удалось заметить совершенно целый конической формы кувшин. «Мой “водолаз” пытался его достать, — писал П. П. Иванов, — но оказалось, сосуд своим нижним краем “врос” в дно и оторвать его можно только с риском расколоть самый кувшин». «Ловцы древностей» вернулись домой только после захода солнца.

П. П. Иванов обратил особое внимание на вымостки из бревен, которые располагались не на одной прямой и под углом друг к другу. Однако его объяснение функционального назначения бревенчатого настила (крыши подземных сооружений) едва ли выдерживает критику. Какие могут быть подземные сооружения на острове, если траншея глубиной всего в 0,5 м, вырытая неподалеку от настила в 1986 г., в 3–4 часа заполнилась грунтовыми водами? Примерно такие же результаты были получены и иными исследователями, пытавшимися вести раскопки близ берега озера.

¹⁸ Том VI. В. М. Плоских

В целом ученый с помощью рыбаков хорошо разобрался в ситуации: «Неподалеку от берега (метрах в 200) под водой почти перпендикулярно береговой линии тянется возвышенность, на которой и расположена главная масса кирпича... По обеим сторонам засыпанного кирпичами пространства видны обрывы... Вполне возможно, что исчезнувший остров “в местности Кой-Су” был именно здесь... Значительная площадь, густо засыпанная кирпичом и отчасти грудями камней и плит в районе осмотренных деревянных «мостов», как нельзя более указывает на существование здесь в былое время сооружения, каковым могла быть, например, построенная в XV в. на острове эмиром Хакк-Берды Бекичком крепость».

Загадочных стен, изумивших Г. А. Колпаковского своим нелепым взаиморасположением, П. П. Иванов не видел.

Более чем через тридцать лет выводы П. П. Иванова подтвердил Д. Ф. Винник, который сосредоточил работы сезона 1959 г. в основном на подводных развалинах близ с. Курское. Положение за это время значительно изменилось: озеро еще более отступило от прежней береговой линии. Если в 1927 г. кирпичи лежали на глубине 4–6 м, то в 1959 г. — на метр ближе к поверхности, самая высокая часть отмели в 1953–1954 гг. полностью освободилась от воды и стала островом. Пионеры близлежащего лагеря «Чайка» назвали его в честь пионера-героя «Островом Вали Котика». Они сами соорудили здесь незатейливый обелиск, на котором увековечили имя своего сверстника-героя.

Аквалангистам в тот сезон удалось сделать и ряд существенных дополнений к описанию подводных развалин, сделанному П. П. Ивановым. Если последний сделал лишь визуальные наброски плана взаиморасположения «моста» и «кирпичных полов» то — в 1959 г. был сделан подробный план подводных развалин, где были учтены не только бревенчатые настилы, но и вновь открытые постройки из кирпича, колья деревянной изгороди, фундаменты и остатки

стен, каменные вымостки. Кроме того, аквалангисты сумели собрать приметную коллекцию материальной культуры, включающую строительные материалы, водопроводные трубы и немного осколков керамической посуды. Исследуя бревенчатый настил, аквалангисты открыли стену, сложенную из крупных камней. Стена была расположена как раз на краю крутого откоса отмели, за которым глубина сразу достигает 30 м. На верхние камни стены были уложены торцы бревен настила, основная часть которого лежала на песке отмели. На такие же каменные опоры у края обрыва был уложен и второй бревенчатый настил. Вновь открытые факты, по мнению Д. Ф. Винника, подтверждают мысль П. П. Иванова о подземных сооружениях на острове.

Еще через четверть века развалины у с. Курское были обследованы авторами этих строк. Уровень зеркала озера за это время понизился настолько, что к обелиску, сооруженному в честь Вали Котика, мы добирались не на лодке, а свободно подъехали на экспедиционном «рафике». Отмель почти полностью обнажилась. Водой покрыта только ее западная часть, но и здесь глубина такая, что свободно расхаживают кулики. Остров стал полуостровом. На бревенчатом настиле можно было сидеть, свесив ноги, и не замочить их озерной водой. Трудно себе представить, что, даже: подпрыгнув, мы не сумели бы дотянуться до киля лодки, в которой, казалось бы так недавно проплывали над отмелью аквалангисты.

На полуострове у нас окончательно оформилась давно зревшая, казалось бы, парадоксальная мысль: разведку подводных городов гораздо эффективнее производить именно тогда, когда они находятся под водой. Сейчас полуостров занесен толстым слоем песка, который скрыл бывшие остатки строений. Его уже не смывают крутые волны. Большая часть территории заросла буйным джержанаком. Где площади, вымощенные кирпичом и булыжником? Где колья ограды и стены строений? О наличии их сейчас

никто бы не догадался. Теперь эта местность ничем не отличается от других привычных исык-кульских пляжей. Только по планам подводных развалин, составленным некогда П. П. Ивановым, а потом Д. Ф. Винником, будущий исследователь, заложив обширный раскоп и затратив массу труда, сумеет найти те объекты, которые его предшественники визуально фиксировали сидя в лодке.

Здесь же на полуострове мы столкнулись с геологическим новообразованием конгломератного типа. Оно тянется вдоль западного мелководного нынешнего берега залива и вполне напоминает разрушенную стену, плотно сцементированную из песка и озерной гальки. Достоверность имитации постройки усиливается тем, что кое-где в конгломерат включены плотно сидящие в нем средневековые кирпичи. В одном месте новообразования всего на расстоянии 0,5–0,7 тянутся параллельно друг другу. Не исключено, что подобный природный феномен в свое время ввел в заблуждение Г. А. Колпаковского, который, как уже упоминалось, видел три ряда стен близ Койсуу.

Серьезные опасения в наши дни вызывает судьба бревенчатого настила. Его разрушают отдыхающие. Бревна, срубленные на северных склонах Кунгей Ала-Тоо свыше полутысячи лет тому назад и с большим трудом доставленные к берегу, сейчас бездумно и бесцельно, прилагая при этом значительные усилия, вырывают из настила и за ненужностью бросают в воду. Они тонут, наши аквалангисты на глубине около 10 м обнаружили четыре затонувших бревна. Обследование каменной стены, на верх которой опирается торцовая часть бревенчатого настила, убедило нас в том, что эта стена была сложена не для постройки какого-то подземного сооружения, как предполагали наши предшественники, а для укрепления берега острова с целью предотвращения от размыва волнами озера.

В настоящее время факт постройки дворцового типа на острове (или полуострове) близ с. Курское не вызывает

сомнения. Постройка была парадной, о чем убедительно свидетельствуют изразцы с голубой глазурью и фигурные плитки с рельефным узором. Стены построек были разрушены очередной трансгрессией озера и хищнической деятельностью местных жителей.

Остатки бревенчатого настила

Зафиксированные учеными сохранившиеся до наших дней следы строительных работ относятся, на наш взгляд, не столько к истории архитектуры, сколько к истории инженерной мысли средневекового Кыргызстана. Неведомому зодчему, получившему задание от какого-то феодала, будь то Тимур, Хакк-Берды Бекичек или кто иной, до начала возведения стен нужно было решить нелегкую задачу: а на что же будет опираться его творение? Он хорошо знал древнюю истину: дворец можно было строить только

после стабилизации зыбкой почвы, нельзя, да и невозможно, строить на песке. Технические приемы стабилизации почвы острова подсказывала сама природа. Восточный берег, круто уходящий в воду на глубину до 30 м, откуда можно было ожидать наиболее сильных ударов волн, укрепили каменной стенкой и бревенчатым настилом. Пески центральной части острова закрепляли вымосткой из специально изготовленных более чем полуметровых керамических плит. Плиты были, конечно, дорогим материалом, поэтому для закрепления песка использовались и вымостки булыжником. Кое-где стабильность почвы достигалась забивкой свай. Так, Д. Ф. Винник только на небольшом участке насчитал 58 таких свай, которые отделялись друг от друга расстоянием от 0,5 до 0,8 м. Трактовать сваи как остатки изгороди едва ли возможно, так как среднеазиатская средневековая архитектура всегда применяла изгородь только типа дувала. Система инженерных мер по укреплению почвы острова, как видим, была довольно эффективной и сохранилась до наших дней.

Тору-Айгыр

Подводные развалины юго-западнее с. Тору-Айгыр были открыты случайно. Летом 1985 г. по северному берегу Иссык-Куля распространился слух о «находке века» на дне озера близ туристической базы «Улан». Сообщалось как вполне достоверный факт, что повар турбазы, увлекающийся подводным плаванием, нашел глубоко под водой кирпичный дом с деревянной дверью. Когда повар потянул за ручку на себя, то дверь распахнулась и он свободно вплыл в комнату. Здесь подводного пловца ожидало неслыханное везение: посередине комнаты (по другому варианту — в углу) лежала груда золотой и серебряной посуды. Три ночи повар доставал сокровища и прятал их в укромном месте,

а затем внезапно уехал домой в Ташкент, прихватив с собой всю посуду и дверную ручку в придачу. При ближайшем рассмотрении она оказалась из чистого золота. Сказка? Конечно, но и в ней, несмотря на весь наш скепсис, как и во всякой сказке, оказалась доля истины.

В августе того же года мы завернули в «Улан». Старший инструктор Э. Кауль подтвердил только часть слухов, притом ту, которая меньше всего интересовала археологов: повар-ташкенец был, он увлекался подводным плаванием, уволился по семейным обстоятельствам, но уехал, как приехал, со сменными рубашками и бритвенным прибором в портфеле. «А не интересуется ли вас глиняная посуда?» — спросил старший инструктор, когда тема, казалось, была уже исчерпана. И он показал нам солидную коллекцию средневековой керамики, которая хранилась в одной из кладовых. Оказалось, что вся она была собрана на дне озера близ «Улана» и предназначалась для будущего музея турбазы. Что ж, нет худа без добра. Открыто новое, самое западное местонахождение подводных развалин на северном берегу озера Иссык-Куль.

Сведения Э. Кауля были полностью подтверждены в сезон 1986 г. сотрудником нашего отряда В. М. Блиновым, получившим специальность легкого водолаза во время прохождения срочной службы на Дальнем Востоке. Он обследовал обширную акваторию (800×400 м) озера к югу от восточной части территории турбазы «Улан».

На расстоянии 250 м от береговой линии на глубине 3,5 м аквалангист обнаружил вымостку из обожженного кирпича (28×14×5,5 см). Это был участок неправильной формы, площадью 17,5 кв. м. Кирпич был уложен в «елочку» и скреплен очень плотным раствором, не поддающимся даже воздействию металла. Толщина промазки между кирпичами 0,5 см. На значительном расстоянии вокруг выкладки валяются куски и целые экземпляры кирпича. По всей вероятности, здесь было помещение, пол которого

и составляла фигурная кирпичная кладка. Даже оснований стен этого помещения, несмотря на все усилия, В. М. Блинову обнаружить не удалось. Если стены были сложены из сырцового кирпича, то их, конечно, размыли воды озера, а если из обожженного, — они вполне могли пойти на вымостку пола, как отметил еще В. В. Бартольд, «на старой торуайгырской станции».

В 300 м от берега на глубине до 3,5 м прямо на илистом грунте был обнаружен «ящик», сложенный из обожженного почти квадратного кирпича (13×12×5 см). Боковые стенки и дно — в один кирпич. Размеры «ящика» 40×20×12 см. Рядом с этим сооружением неизвестного назначения было большое скопление керамики. Несколько мористее на глубине 4 м сохранились остатки стен помещения (2×2 м), стороны которого ориентированы по странам света. Стены в высоту сохранились всего на четыре кирпича. Пол покрыт очень прочным цементирующим раствором.

Остатки монументального строительства из обожженного кирпича на дне озера близ с. Тору-Айгыр в наши дни, как и следовало ожидать, сохранились не лучше, чем в урочище Койсары и на острове Тимура. Тем самым слухи о «сокровищнице с деревянной дверью и золотой ручкой» получили документальное опровержение.

Изделия из камня на городище Тору-Айгыр представлены четырьмя жерновами метрового диаметра и толщиной от 8 до 12,5 см. Привести в движение такую махину могла только сила животных или, скорее всего, сила падающей воды.

По территории подводного городища без какой-либо системы были разбросаны скелеты людей, древних его жителей. Положение скелетов разное: вытянут на спине головой на запад, север или юг; на боку. Иногда попадался череп без скелета, в другой раз — наоборот. Сейчас трудно объяснить это обстоятельство. То ли здесь жили люди с самыми различными религиозными воззрениями,

а следовательно, и с различным погребальным обрядом, то ли произошла неведомая нам катастрофа, при которой погибшие остались непогребенными. Дальнейшие археологические и антропологические работы прольют свет и на этот вопрос.

В сезон 1986 г. мы обратились за гидрографической консультацией к известному исследователю ихтиофауны Иссык-Куля А. Конурбаеву, который в то время возглавлял Биологическую станцию АН Кыргызстана в г. Чолпон-Ате. В заключение беседы, узнав о наших интересах, ученый показал нам великолепной сохранности керамический круглодонный котел с двумя горизонтальными ручками подтреугольной формы. По его словам, котел подарили ему рыбаки, которые извлекли находку со дна озера близ с. Улахол. На дне котла, доверху забитого илом и песком, сохранились даже кости барана. Кости были направлены в одну из лабораторий Московского университета, где они были датированы XIV в. На вопрос, были ли близ места находки котла еще какие-либо фрагменты керамики, кирпичей и других индикаторов подводных поселений, ученый ответить не мог, так как получил котел через третьи руки. Фамилии и адреса рыбаков, обнаруживших котел, тоже остались неизвестными. Котел А. Конурбаев оставил в своей домашней коллекции как будущий экспонат музея Иссык-Куля, проект которого давно вынашивает этот истинный знаток и патриот нашего озера. Мы произвели замеры, зарисовку и фотофиксацию интересной находки, решив при случае обследовать дно озера близ с. Улахол с помощью аквалангистов.

В конце сезона 1987 г. сотрудница нашего отряда – молодой кемеровский археолог Е. А. Миклашевич встретила жителя г. Рыбачье С. П. Багина, который поведал ей историю о котле, найденном на дне озера близ с. Улахол. Он подтвердил, что котел был передан на Биологическую станцию. Концы сошлись. С. П. Багин рассказал,

что большая площадь на озере в районе находки буквально усеяна фрагментами керамики. Здесь же с лодки он видел каменный жернов. Перечисленные признаки достаточны для вывода: на дне озера близ с. Улахол находятся развалины средневекового поселения, которое просуществовало минимум до XIV в. Однако и на сей раз проверить и документировать полученные сведения не удалось. Аквалангисты уже отбыли в Москву. Точное выяснение местонахождения этого поселения и его исследование отложим до будущих времен.

КУЛЬТУРА средневековых поселений прииссыккулья

*Я к знаниям стремился с желаньем упорным,
Низал слово к слову я слогом узорным.
Паслось слово тюрков оленем нагорным,
А я приручил его, сделал покорным.*

Юсуф Баласагуни

Процесс средневековой урбанизации (от латинского urbanus — городской), начавшийся в Средней Азии в VI в., уже в VII—VIII вв. затронул Прииссыккулье. Ученые пока не располагают необходимыми источниками, которые позволили бы с достаточной полнотой осветить жизнь городов Прииссыккулья в VIII—XIV вв. Поэтому наше повествование, как и наши источники, будет отрывочным, разрозненным и далеко не полным.

Письменные источники упоминают названия только пяти иссык-кульских городов. Кроме них археологи открыли около сотни мелких поселений. Этот факт свидетельствует в пользу того, что плотность населения иссык-кульской котловины к XI—XII вв. едва ли была намного меньше, чем в наши дни. У читателя может возникнуть вполне закономерный вопрос: «А где же эти города? Где Барсхан, который был якобы не меньше столицы Ташкентского оазиса? Где Яр, равный Отрару? А где таинственный город Иссык-Куль и монастырь “армянских братьев”? Ответы ученых на эти вопросы неоднозначны.

Видный советский археолог А. Н. Бернштам, например, не сомневался, что развалины близ Койсары и есть исторический город Верхний Барсхан — центр одноименной области. В то время эта идентификация не вызывала

сомнений, так как другие развалины крупных средневековых поселений в Восточном Прииссыккулье ученому не были известны. Д. Ф. Виннику близ устья р. Барскаун, недалеко от кромки озера удалось обнаружить впечатляющие средневековые развалины площадью 4×4 км. Это обстоятельство позволило ему отождествить город Верхний Барсхан с открытым городищем, с тем большим основанием, что рядом протекала одноименная река.

Однако не все так просто. Историческая топография городища Барскаун — четырехугольник стен (торткуль) — не соответствует топографии согдийских городов, где неизменными элементами являются наличие высокого холма (цитадели) и примыкающего к нему города (шахристана). Четырехугольная планировка была характерна, начиная с X в., для поселений тюрок. Мы же помним, что, согласно Гардизи, город Верхний Барсхан был основан не тюрками, а выходцами из Ирана или Средней Азии. Вопрос об идентификации знаменитого города остается открытым.

На современном уровне наших знаний мы не можем с достаточной определенностью сказать, где находились города южного побережья озера Хол (современный Улахол?) и Яр (близ Рыбачьего?). Идентификация их — дело будущего. Но зато с достаточной определенностью можно сказать, где был город Тон. Еще В. В. Бартольд, посетив развалины Хан-Дюбе, которые располагались на левом берегу р. Тон, высказал предположение, что здесь и располагался исторический город Тон. В настоящее время нет оснований оспаривать это отождествление.

Еще меньше данных для определения местонахождения единственного города северного побережья озера, упомянутого в письменных источниках под названием Иссык-Куль. На северном побережье известны только два пункта, где отмечены крупные средневековые развалины: Каменское городище, которое расположено севернее восточной окраины с. Джаркинбаево, и подводные развалины близ

с. Тору-Айгыр. С городом Иссык-Куль был связан христианский монастырь «армянских братьев». На северном берегу озера христианские надгробные надписи найдены только близ с. Тору-Айгыр. Но они выполнены не армянскими графемами, а сирийскими. Поиск города должен быть продолжен.

Как выглядели иссык-кульские горожане?

Портреты средневекового населения городов Прииссыккуля до нас не дошли. Тем не менее антропологи хорошо представляют себе внешний облик горожан того времени. Они определяют его по черепам, которые добывают археологи при раскопках средневековых городских кладбищ. На Иссык-Куле в 1971 г. частично раскопан только один некрополь, располагавшийся к северу от городища Хан-Дюбе. Здесь получено 59 черепов из погребений жителей X—XII вв. исторического города Тон. Эту довольно представительную серию черепов тщательно изучил тогда еще молодой специалист, а ныне ведущий антрополог Средней Азии Т. К. Ходжайов.

В целом горожане по своему расовому типу были европеоидами с примесью монголоидности. Они были очень похожи на жителей Навакета (городище у с. Красная Речка) и тех христиан, которые были похоронены на кладбище XIII—XIV вв. близ г. Бишкек. Иссыккульцы были близкородственны и жителям городища X—XII вв. Бейшеке (Таласская долина), хотя и отличались от них несколько ярче выраженной монголоидностью. По мнению Т. К. Ходжайова, европеоидный тип горожан Кыргызстана того времени восходит своими корнями к древним сакским и усуньским племенам.

Средняя продолжительность жизни горожан Тона исчисляется 26,7 годами. Она была несколько выше, чем в целом

на территории нашей страны в средневековье, где средняя продолжительность жизни, по определению В. П. Алексеева, едва превышала 20 лет. Иссык-Кульские мужчины тогда были «долговечнее» женщин: они жили в среднем 34,9 года, а женщины — только 31,5 года. На кладбище средневекового г. Тон не было похоронено ни одного человека старше 55 лет. Довольно высокой была детская смертность.

Иными антропологическими фактами, позволяющими пролить свет на демографические процессы в средневековых городах Прииссыккуля, наука не располагает.

РЕЛИГИЯ

Письменные источники с равной степенью достоверности сообщают, что население средневекового Кыргызстана исповедовало несколько различных религиозных систем: христианство несторианского толка, буддизм, маздеизм, манихейство, ислам. Ныне известные эпиграфические памятники и, в меньшей степени, археологические материалы Прииссыкулья подтверждают функционирование здесь только христианства, буддизма и ислама.

Христианство

В середине 80-х годов XIX в. научный мир Санкт-Петербурга, Москвы и других европейских столиц был взбудоражен далеко неординарным событием: в Пишкекском уезде Семиреченской области землемер Т. Андреев, отводивший земельные угодья для крестьян с. Лебединовки, обнаружил на камнях (кайраках) изображения странных крестов, окруженных непонятными письменами. Вскоре такие же памятники на городище Бурана (близ Токмака) обнаружил врач Ф. В. Поярков. Крупнейшие специалисты (некоторые из них с мировой известностью) буквально набросились на первые фотографии и эстампажи, поступавшие из Пишпека и Токмака. Материалы поражали своим обилием. Только близ Пишпека чиновник для особых поручений при семиреченском губернаторе Н. Н. Пантусов насчитал 611 камней с надписями. Ученые вскоре выяснили, что на семиреченских камнях были выбиты эпитафии (надгробные надписи) христиан несторианского толка. Позже

такие же эпитафии были найдены в Ташкенте, Илийской долине и близ Кульджи.

Следов пребывания христиан в Прииссыккулье сравнительно немного. Еще в 1907 г. у р. Жууку (Зауке) было найдено два кайрака с несторианскими письменами. В 1963 г. житель Джеты-Огузского района Бапаев у с. Саруу нашел еще одну эпитафию. На стене высокогорной пещеры Ак-Чункур (бассейн р. Сары-Джаз военный топограф и альпинист В. И. Рацек обнаружил и скопировал изображение несторианского креста. Он был нарисован черной краской, рядом — непонятные письмена.

Некоторые археологические свидетельства о христианстве на Иссик-Куле требуют дополнительного изучения и тщательной проверки полевыми исследованиями. Еще в прошлом веке в Ташкентском историческом музее В. В. Бартольд видел покрытую синей глазурью керамическую вазу, которую доставили туда с Иссик-Куля.

На ней были изображены двенадцать человеческих фигур нетюркского облика. Количество фигур необычного для Семиречья облика вызвало предположение, что на вазе были изображены 12 апостолов — сподвижников Иисуса Христа. В. В. Бартольд усомнился в такой трактовке, так как заметил среди изображений женскую фигурку с ребенком. Иссык-Кульская ваза, на наш взгляд, требует дополнительного изучения в связи с тем, что христианская символика несториан Семиречья (кроме характерных крестов и сцены жертвоприношения огню с двумя человеческими фигурами) практически неизвестна.

Среди материалов ныне покойного краеведа Н. Д. Черкасова хранилась фотография валуна с изображением типичного несторианского креста. По словам Н. Д. Черкасова, снимок был сделан на Иссык-Куле в окрестностях с. Торун-Айгыр. Наши попытки найти этот валун пока не увенчались успехом.

Кто такие христиане-несториане и как они попали на Иссык-Куль? Несторианство как религиозное течение возникло в Византии в первой половине V в. Основателем его был константинопольский патриарх Несторий (умер около 451 г.). В противовес мистицизму ортодоксальной церкви, утверждавшей, что Иисус есть сын божий и бого-человек, несториане проповедовали, что Иисус — человек и сын человеческий, который по наитию святого духа стал мессией (Христом). Были и другие разногласия, которые не выходили за рамки схоластических споров, пока не обозначились социальные корни и политическая направленность несторианства. Патриарха Нестория решительно поддержали горожане, особенно ремесленники и купцы, среди которых еще держались традиции античного рационализма. Особо сильны были несториане в Византийской провинции Сирии. Горожане-несториане выступали за сильную власть императора, которая способствовала развитию ремесла и торговых связей, а следовательно, и процветанию городов.

¹⁹ Том VI. В. М. Плоских

Ортодоксальная церковь, наоборот, делала все возможное для ограничения власти императора и даже пыталась сконцентрировать светскую и духовную власть в руках папы римского. Противоречие стало непримиримым. На Эфесском церковном соборе в 431 г. победили сторонники папы во главе с фанатичным епископом Кириллом Александрийским, опиравшимся на земледельцев глубинных районов Египта, Палестины и Малой Азии. Учение Нестория было объявлено ересью, сам патриарх отправлен в ссылку, а его сторонники подверглись гонениям. Сначала они бежали в Иран и Среднюю Азию. К VIII в., как свидетельствуют археологические данные, они добрались до Таласской и Чуйской долин. На городище Ак-Бешим (средневековый город Суяб) были раскопаны христианская церковь и кладбище христиан вокруг нее. В г. Навакете (Краснореченское городище) тоже проживала христианская община, о чем свидетельствуют находки надгробных кайраков с эпитафиями и погребений, где на скелетах лежали бронзовые и нефритовые типично несторианские кресты. Есть сведения, что тюркское племя джикиль (или часть его), которое, как нам известно, проживало в окрестностях озера Иссык-Куль, в частности, близ города Яра, уже в VIII в. приняло христианство.

В конце XII в. Кашгар и Семиречье, а значит, и территория Прииссыккуля входили в одну несторианскую митрополию. Наибольшего влияния на территории Кыргызстана христианство достигло во времена правления первых ханов-чингизидов. Хань Гуюк, Менгу и Хулагу покровительствовали несторианам. Если верить землепроходцу Марко Поло, то хан Джагатай сам принял христианство. Правда, как определил В. В. Бартольд, подобные сообщения мало чего стоят, так как европейские миссионеры, стремясь выдать желаемое за действительное, «часто называли христианами тех ханов, которые только покровительствовали христианам».

На Иссык-Куле, согласно Каталонской карте 1375 г., проживали христиане не только несторианского толка, но и последователи одной из ересей, распространенных среди армян (павликаны, тондракийцы?). На этой карте, на северном берегу озера было изображено здание, увенчанное крестом, с пояснительной надписью. «Место, называемое Иссык-Куль. В этом месте — монастырь братьев армянских, в котором, говорят, пребывает тело Св. Матфея, Апостола и Евангелиста». Сведения Каталонской карты косвенно, подтверждаются текстом одной эпитафии, найденной близ Пишпека Н. Н. Пантусовым при раскопках христианского кладбища. Надпись оказалась сиро-армянской. Она гласила, что здесь в 1323 г. был похоронен армянский епископ Иоан. Специальную статью этой надписи посвятил академик Н. Я. Марр. Он сделал вывод, что этот памятник указывает «на более или менее значительную колонию армянскую, а не на единичную личность, заброшенную судьбой в такую даль от Родины».

Немногочисленные иссыккульские памятники христиан относятся ко времени монгольского господства, то есть к XIII—XIV вв.

Буддизм

В 1956 г. мировая общественность отметила 2500-летие со дня смерти (погребения в нирвану) Будды Гаутамы, или принца Шакьямуни, — основателя одной из трех самых распространенных в наши дни религий — буддизма. На рубеже нашей эры буддизм проникает в южные районы Средней Азии и в Китай. В VIII в. в городах Чуйской долины жили многочисленные общины буддистов, о чем свидетельствуют раскопки храмов, монастырей, находки бронзовых позолоченных изображений божеств буддийского

пантеона, барельефы с буддийскими сценами на камне, буддийская символика в орнаментации керамики. Эти материалы свидетельствуют, что буддизм проник в чуйские города из Средней Азии, скорее всего, из Тохаристана. Носителями этой религии были переселенцы, не желавшие попрасть веру отцов и в угоду завоевателям-арабам обратиться в правоверных мусульман.

Ничего подобного в местах затонувших городов на Иссык-Куле пока не найдено. Буддийские памятники в окрестностях озера представлены пока только тибетскими текстами, содержащими известную формулу: «Ом мани падме хум» («Ом! Драгоценность на лотосе. Хум!>). Наиболее известными являются четыре выразительных текста в ущелье Тамга, высеченные в строгом монументальном стиле, когда вокруг букв вырублена поверхность камня, что делает их рельефно-объемными.

Местное население сложило легенду о ближайшем к озеру камне, именуемом Тамга-Таш («Камень с клеймом»), который, как определили исследователи, раскололся на две части еще до нанесения надписи. Согласно легенде, текст надписи на нем содержит реестр богатых трофеев, добытых любимым героем кыргызских эпических сказаний Манасом в одном из удачных походов. К тому же, камень является зримым свидетельством богатырской силы героя, который ударом сабли якобы развалил монолит надвое. Тамгаташ был настолько популярным, что его имя закрепилось за рекой, на берегу которой он лежит, ущельем, по которому бежит река, и за всей местностью, прилегающей к ним. Имя «Тамга» носит известный кыргызский курорт.

Тамгинские надписи, как полагают ученые, были нанесены самими тибетцами во время их господства в Восточном Туркестане, то есть в промежутке между серединой VII—серединой IX в.

Надписи молитвенной формулы «Ом мани падме хум» найдены в ущелье р. Жууку, в урочище Ак-Терек (близ

местечка Думана), у с. Ой-Гал Тюпского района, в урочище Ак-Улен, где еще в 1937 г. Б. М. Зима собрал 17 камней с тибетскими письменами, близ с. Чон-Сары-Ой. Эти надписи гораздо меньших размеров, выполнены небрежно, неумелой рукой и датируются XVII—первой половиной XVIII в. Надписи, скорее всего, сделали калмыки-буддисты. Они не имеют отношения к средневековым городам Иссык-Куля, которые к этому времени давно поглотили волны озера.

Ислам

Надежным индикатором ислама в свете археологических данных являются культовые сооружения, погребения и надмогильные эпитафии. При раскопках койсаринских развалин был обнаружен фундамент мавзолея (гумбеза) с погребениями без инвентаря. Подобные мавзолеи были широко распространены в мусульманском мире. Обычно они воздвигались на могилах знати, купечества или видных религиозных деятелей. Мавзолеи представляют собой монументальные архитектурные сооружения, которые вписывались в городские ансамбли, определяя лицо средневекового мусульманского города.

Под водой в месте расположения средневековых поселений у сел Дархан, Долинка, Тору-Айгыр были найдены скелеты людей, лежащие ровными рядами на расстоянии 1,5–3 м друг от друга. Скелеты в основном покоились на спине в вытянутом положении, головой на север. Руки вытянуты вдоль туловища или согнуты в локтях, а кисти сложены на груди. Есть все основания полагать, что эти скелеты указывают на места, где были расположены средневековые некрополи (кладбища) затонувших городов. Такие некрополи не раз встречались при раскопках городищ в Киргизии, в том числе и на Иссык-Куле. Здесь, при раскопках городища в Хан-Дюбе (исторический город

Тон) к северу от второго кольца мощных крепостных стен, был обнаружен обширный городской некрополь, где было вскрыто два типа погребальных сооружений: 1 — наземные склепы из сырцового кирпича (кладка без раствора), которые имели плоское или двускатное перекрытие; 2 — могильные ямы со стенками, обмазанными глиной, с деревянным перекрытием. Захоронения были расположены рядами, скелеты лежали в вытянутом положении, на спине, головой на север. Связь между некрополями, находящимися под водой, и некрополем городища Хан-Дюбе очевидна. Естественно, что под водой мы никогда не найдем склепов из сырцового кирпича, да еще и сложенных без скрепляющего раствора. Их давно размывли волны озера.

Погребения такого типа датируются X—XII вв. и вполне обоснованно считаются мусульманскими.

Самым убедительным доказательством исповедования ислама населением средневекового Прииссыккуля являются многочисленные намогильные эпитафии. Вот содержание одной из них: «Я прибегаю к богу от сатаны. Во имя бога, всемилостивого всемилосердного. Засвидетельствовал бог, что нет бога, кроме него; и ангелы и люди знающие, соблюдая справедливость / исповедуют / : нет бога, кроме него, всемогущего, мудрого; поистине / настоящая / вера перед богом — ислам. Да благословит бог Мухаммеда, пророка...» Снимок с этой надписи, найденной на Иссык-Куле, в 1913 г. прислал в Санкт-Петербург священник Д. П. Рождественский. Прочитал и перевел ее В. В. Бартольд. Он же определил, что содержание надписи передает один из стихов Корана.

Исламизация населения Прииссыккуля, как и всего Северного Кыргызстана, была осуществлена во время господства Караханидов, т. е. в X—XII вв. Однако наряду с исламом часть горожан продолжала исповедовать христианство. Позиции ислама как государственной религии при господстве кара-китаев и первых ханов-чингизидов были

тоже потеснены христианством и буддизмом. Такое положение продолжалось до конца XIV в., когда монгольские ханы приняли ислам и с фанатизмом неопитов стали силой насаждать учение Мухаммеда среди последователей Шакьямуни и Иисуса Христа.

ПИСЬМЕННОСТЬ

Вопрос о времени появления собственной письменности на территории Кыргызстана остается открытым. Самые древние письмена в Семиречье найдены на чаше в кургане Иссык (IV—начало III в. до н. э.). Надпись из Иссыка дала основание для двух гипотез: 1) еще у саков и усуней существовала собственная письменность; 2) иссыкское письмо является еще неизвестным и не decipherованным древнебактрийским. Как бы там ни было, до полной расшифровки всякое заключение о языке иссыкской надписи и ее национальной принадлежности будет преждевременным. Сейчас с полной уверенностью можно утверждать, что коренное население Кыргызстана овладело письменностью только в раннем средневековье.

Алфавит и караван

На территории Кыргызстана найдено большое количество средневековых памятников и каэпиграфики и нумизматики, по которым можно изучать еще не написанную историю письменности Кыргызстана. Здесь найдены тексты, нанесенные латынью, китайскими иероглифами, согдийскими письменами, санскритскими и тибетскими знаками, древнетюркскими (руническими) и уйгурскими графемами, сирийским и арабским алфавитами. Значит ли это, что средневековое население Кыргызстана изучило все девять зафиксированных археологами систем письма и пользовалось ими в повседневной жизни? Конечно, нет. В большинстве случаев это многообразие алфавитов и языков связано с торговыми караванами на Шелковом пути.

Они хорошо документируют национальность купцов, проходивших по трассе со своими караванами, но лишь немногие системы письма оставили глубокий след в жизни местного населения. Значение различных алфавитов для развития культуры средневекового Кыргызстана не было однозначным. Некоторые системы письма, например, латынь и китайские иероглифы, были известны средневековому населению Кыргызстана исключительно по легендам на монетах или по надписям на привозных вещах. Они совсем не оказали влияния на культурную жизнь региона.

Другие системы письменности — тибетская, санскрит — были связаны только с религией. Сведений об использовании этих алфавитов в мирской жизни нет.

Заметную роль сыграл сирийский (несторианский) алфавит, который, несмотря на ряд трудностей, пытались употребить для передачи тюркской звуковой речи. Изучению сложных процессов сиро-тюркских языковых связей посвятил ряд своих исследований видный кыргызский ориенталист Четин Джумагулов.

Важную роль в культурной жизни средневекового Кыргызстана сыграли согдийский и арабский алфавиты. Мало того, что согдийский алфавит в чистом виде использовался древнетюркскими каганами для точной фиксации важнейших государственных актов, модифицированное согдийское письмо стало основой для возникновения двух самостоятельных древнетюркских алфавитов — рунического и уйгурского. Об исключительном культурном значении арабского алфавита свидетельствует тот факт, что начиная с X в. он стал не только алфавитом исламского культа, но и алфавитом литературы, искусства, науки.

На территории Прииссыккуля известны средневековые памятники эпиграфики, нанесенные древнетюркскими, сирийскими, тибетскими и арабскими алфавитами.

Древнетюркские руническое письмо

Древние тюрки, образовав в середине VI в. обширное государство, остро нуждались в собственной системе письма. На первых порах для регулирования внешних и внутренних государственных функций использовалась согдийская письменность. Согдийское курсивное письмо мало подходило для передачи тюркской речи, поэтому на его основе была создана древнетюркская (руническая) письменность. Это произошло не раньше VII в., так как самый старый, хорошо датированный текст, выполненный руническими графемами, относится только ко второй половине VII в.

На территории Кыргызстана найдено немало древнетюркских текстов, главным образом в Таласской долине. На Иссык-Куле найдена лишь одна такая надпись и та стала недоступной для изучения, так как вскоре после открытия пропала. При обследовании городища Койсары П. П. Иванову посчастливилось найти билингву — надпись на камне, выполненную древнетюркскими руническими и арабскими буквами. Она привлекла внимание В. В. Бартольда, С. Е. Малова, М. Е. Массона, А. Н. Бернштама, т. е. всех крупнейших специалистов по эпиграфике того времени. Они хотели обратиться к оригиналу, но, к сожалению, надпись исчезла. В 60-х годах следы ее пытался отыскать Д. Ф. Винник. Ему удалось встретить местного жителя А. Е. Балыбина, который в свое время помогал П. П. Иванову исследовать урочище. Тот рассказал, что еще в 1929 г. на курорте Койсары появились двое неизвестных, которые представились научными сотрудниками из Ташкента, наняли подводу и увезли камень с письменами. А куда? Этого выяснить не удалось. Едва ли камень вывезли за пределы Иссык-Кульской котловины, так как в музеи Средней Азии он не поступал. Возможно, билингва лежит где-нибудь во дворе, скорее всего, в Караколе. Она не может привлечь внимание хозяина двора: обыкновенный камень,

да еще и расколот на две части. Письмена едва просматриваются из-за известкового слоя, который нанесла на камень вода озера. Авторы просят пржевальцев, живущих в старом городе, внимательно осмотреть свои приусадебные участки. Возможно, им удастся вернуть науке утраченную ценность. А научное значение койсаринского камня очень велико. К сожалению, по несовершенной копии, сделанной П. П. Ивановым, текст прочитать невозможно, другой же надписи, выполненной руническими письменами в Приисыккулье пока отыскать не удалось.

Древнетюркский рунический алфавит состоял из 37 (или 38) знаков. Они имели геометризированные очертания, что было удобным при начертании текста на дереве, камне, металле. Главным достоинством рунических букв была точная передача фонетических особенностей тюркской звуковой речи.

Сирийское письмо

После раскола христианской церкви сирийский язык и письмо разделились на две ветви: серто (западную) и несторианскую (восточную). Все христианские эпитафии, найденные в Кыргызстане, были сделаны несторианским письмом. Алфавит письма имел всего 22 буквы и поэтому был неудобен для передачи тюркской речи, где звуков было в полтора раза больше.

Сирийский алфавит стал применяться в Семиречье после проникновения сюда христианства, т. е. примерно в VI–VIII вв. Хотя самый ранний с твердо фиксированной датой памятник несторианского письма в Кыргызстане относится к концу VIII в. Он был найден на Краснореченском городище (Чуйская долина) К. М. Байпаковым. На небольшом черного цвета кайраке едва разборчиво сообщалось, как прочитали В. Н. Настич и А. В. Пайкова, что в 1100 г. эры

«хана Александра» почила некая девица Йаланч. Указанный год в переводе на наше летосчисление — это 789 г. Памятники сирийского письма, найденные на берегах озера Иссык-Куль, относятся к XIV в.

Почему же тюркское население Кыргызстана, имея свой (рунический) алфавит, идеально приспособленный для передачи особенностей тюркской речи, вдруг стало применять чужой, да еще и крайне неудобный сирийский алфавит? На этот вопрос ответила Н. В. Пигулевская — крупнейший знаток древней сирийской культуры: для тюрков, принявших христианство, сирийский алфавит служил только церковным письмом и сугубо для религиозных целей. В повседневной бытовой или литературной жизни он едва ли применялся. Так в наши дни, например, применяется давно ушедший из жизни церковно-славянский алфавит.

Арабское письмо

Памятники эпиграфики Прииссыккуля, выполненные арабскими графемами, в количественном отношении существенно превышают число памятников с текстами любой другой системы письменности. Только на кладбище у р. Чон-Аксу Н. Н. Пантусов насчитал 83 кайрака с арабскими текстами, близ Тона их было 19, немало их лежало севернее Чолпон-Аты, между Сазановкой и Корумду, близ р. Жууку и в других местах. Арабскими письменами были выбиты легенды на караханидских дирхемах Барсханского монетного двора. Ими же выполнена «еретическая» надпись, восхваляющая земную жизнь, на бронзовом сосуде. Арабские тексты богаты не только числом, но и жанром. Они представлены не только эпитафиями или религиозными заклинаниями. Среди них часты наиболее популярные тексты из Корана, встречаются стихи мирских поэтов. Количество и относительное разнообразие памятников арабского письма позволяют

высказать некоторые суждения о грамотности исыккульцев XII—XIV вв. Надписи выполнены разнообразными почерками: насх, сульс, цветущий куфи. Большинство из них выбито небрежно и неумело. Наряду с ними встречаются надписи, мастерски вырезанные талантливой рукой опытного каллиграфа.

Если арабский язык и не был принят средневековым населением Кыргызстана как язык живого общения в повседневной жизни, то судьба арабской письменности была совсем иной. Уже во времена караханидских ханов арабская графика была применена для передачи тюркской речи. Арабскими графемами, например, писал свою тюркскую поэму знаменитый Юсуф Баласагуни. В течение XII—XIV вв. арабское письмо выдерживает конкуренцию с уйгурским, древнетюркским руническим, согдийским и несторианским алфавитами, которые, оставив заметный след в культурной жизни Кыргызстана, уступили ему свое место. Арабскими письменами писали дипломатические послания, деловые документы и даже стихи некоторые кыргызские поэты XIX—начала XX в.; они же использовались для эпитафий на могилах знатных и богатых кыргызов. Первая газета на кыргызском языке «Эркин Тоо» тоже была набрана арабским шрифтом.

Тибетская письменность

Он возникла в VII в. и связана с проникновением в Тибет буддизма. Основой для нее послужил санскритский алфавит. Тибетскими письменами едва ли пользовалось население средневековых городов Прииссыккуля. Большинство памятников тибетской эпиграфики было оставлено скотоводами-калмаками в XVII—XVIII вв., когда средневековые города уже лежали в развалинах или были затоплены водами Иссык-Куля.

Календарь

Находка и прочтение средневековых эпитафий в Прииссыккулье позволяют определить календарные системы, которыми пользовалось население того времени. Наиболее древней из них является селевкидская эра, которая вела отсчет от 1 октября 312 г. до н. э. Этот календарь был учрежден полководцем Александра Македонского Селевком I Никатором, но семиреченскими христианами он упорно назывался летосчислением «хана Александра». Имя Селевка не упомянуто ни на одном памятнике. Для примера приведем начало несторианской эпитафии, найденной у с. Сару Джеты-Огузского района: «По счету лет от хана Александра в году 1674, 14 декабря...». Эта дата соответствует 1336 г. ныне принятого календаря.

Характерно, что в тексте этой же эпитафии иные события датируются еще и «годом мыши» и «годом свиньи». Это свидетельствует в пользу того, что тюркское население Прииссыккулья, исповедуя христианство и восприняв селевкидский календарь, не отказалось от своего старого календаря, основанного на двенадцатилетнем животном цикле, когда годы вместо порядковых цифр именовались годом того или иного животного. Таких животных было двенадцать, располагались они в строго определенном порядке.

Наконец, в X в. с утверждением ислама был введен и мусульманский календарь, годами которого были датированы эпитафии, выполненные арабским письмом, найденные близ современного с. Темировка, близ городища Хан-Дюбе (к югу от современного с. Торткуль) и в других местах. Отсчет лет по мусульманскому календарю начинается со времени переселения (хиджры) пророка Мухаммеда и его последователей из Мекки в Медину, которое произошло в 622 г. Исходной датой хиджры считается пятница 1-го мухаррама (16 июля) 622 г. В основе мусульманского календаря лежал лунный месяц. Лунный год на 10 суток

меньше, чем солнечный, что приводило к постоянному смещению начала года. Оно приходилось то на лето, то на зиму. Это создавало неудобства в ведении сезонных сельскохозяйственных работ. Поэтому параллельно с хиджрой турки Семиречья продолжали использовать двенадцатилетний животный цикл или даже заменяли лунную «эру пророка» солнечным календарем, ведя отсчет от 622 г. Такое летосчисление официально называли «эрой Джалали», а в народе — «календарем Омара Хайяма».

Благоустройство

Крепостные стены любой протяженности и высоты все равно ограждают ограниченную городскую площадь. Рано или поздно она становится дефицитом. Поэтому главным бичом средневекового города была теснота. Отсюда скученная застройка, часто в два этажа, узкие улочки; переулки, проблемы санитарного состояния. Среднеазиатские города отличались высоким уровнем благоустройства для своего времени. Оно гарантировалось общим экономическим состоянием, культурным уровнем и, что немаловажно, сухим климатом. В нашем распоряжении имеются лишь очень ограниченные археологические материалы, позволяющие судить о благоустройстве исыккульских средневековых городов.

Исследователи подводных развалин «дворца Тимура» близ с. Курское отметили здесь мостовую, выложенную из речной окатанной гальки. Здесь же значительные площади были вымощены крупными керамическими плитами. Этот факт свидетельствует о том, что средневековые поселения Прииссыкулья не отставали в своем культурном развитии от крупных городских центров Средней Азии. Ученые установили, что мостовые, например, были в Самарканде, Термезе, Бухаре, Хульбуке. При раскопках

усадебьы XI в. на городище Бурана (Чуйская долина) были обнаружены каменные вымостки пешеходных дорожек шириной от 1 до 2 м. Бордюры буранинских тротуаров были четко обозначены крупными камнями. На вымостку площади пешеходных дорожек шла плоская галька. Мосты и тротуары являлись крупным культурным достижением средневековых городов.

Все познается в сравнении. Достойная оценка значимости среднеазиатских мостовых X–XIV вв. может быть более зримой в сопоставлении, например, с состоянием городских улиц крупнейших городов Западной Европы. Осенью, зимой и весной, то есть в период наибольшей интенсивности осадков, узенькие улицы большинства западноевропейских городов превращались в грязевое месиво, в котором горожане часто теряли деревянные башмаки. Многие бюргеры освоили передвижение на ходулях. Богачи и знать ездили верхом. Но и это не всегда спасало. Император Фридрих III (XV в.), например, чуть не утонул вместе с конем в грязи на одной из улиц города Рейтлингена и принял «грязевые ванны», когда его конь по брюхо провалился в яму со зловонной жижей на центральной улице Тутлинга. Мостовые в Европе появились позже, чем в Средней Азии: в Праге — в 1331 г., в Нюрнберге — в 1368, во Франкфурте-на-Майне — в 1399 г. Горожане Киева, Чернигова, Новгорода и других русских городов, где всегда не хватало камня, делали тротуары и мостовые из дерева. В Новгороде существовал даже специальный Устав (свод правил), регламентировавший вымостку улиц.

Средневековые иссыккульцы заботились о санитарном состоянии своих городов, что выражается в дорогостоящей прокладке трасс водопроводов и канализационных систем. Почти все исследователи, которые писали о подводных развалинах на озере, отмечали находки водопроводных труб. Они очень похожи на глиняные цилиндры длиной до 50 см. Но это не совсем цилиндры, так как диаметры

торцов таких труб разные: один из них шире другого. При прокладке водопроводной трассы более узкая часть одной трубы вставлялась в более широкую другой. Зазора обычно не было, но во избежание возможной утечки воды стыки замазывались глиной.

Такие водопроводные системы не требовали строительства напорных башен. Средневековые инженеры хорошо использовали рельеф Кыргызстана с его значительным генеральным понижением. Голову системы, как правило, строили выше города и холодная, чистая горная вода самотеком направлялась в общественные водоемы (хаузы). Индивидуальные водопроводы в Средней Азии того времени не известны.

Не менее важным культурным достижением средневековых городов Семиречья следует считать сооружение канализационных систем. Они были двух типов. Простейшая из них была в каждом дворе и представляла собой глубокий поглощающий колодец, в устье которого вставлялся крупный керамический сосуд без дна. Отверстие обычно было прикрыто каменной плиткой или крупным черепком. Такая канализация надежно поглощала грязную воду после умывания или мытья посуды. Однако в некоторых случаях эта система была малоэффективна или вообще ненадежна. Тогда сточные воды отводились трубопроводами из керамических труб.

Обратимся опять к средневековым городам Европы. Ни о канализации, ни о водопроводе (кроме одного-двух монументальных акведуков, «сработанных еще рабами Рима») здесь не могло быть и речи. Все содержимое помойных лоханок, корыт и ведер выплескивалось прямо на улицу. Поток, скапливаясь в ямах и колдобинах, образовывал застоявшиеся смрадные лужи. Единственными санитарями городов были многочисленные собаки и свиньи, которые свободно разгуливали по улицам и пожирали отбросы.

²⁰ Том VI. В. М. Плоских

Горожане Средней Азии придавали большое значение личной гигиене, что выразилось в строительстве общественных бань. Первые из них появились не ранее VIII в. Много бань первой половины IX в. раскопано на городище Афрасиаб (древний и средневековый Самарканд), известны они по раскопкам в городах Таразе (Джамбул), Ахсикенте (Ферганская долина), Отраре (Южный Казахстан) и в других местах.

На территории Кыргызстана известны три средневековые бани: одна из них в г. Оше, другая — на городище Бурана, третья — близ с. Тору-Айгыр, что на северном берегу Иссык-Куля. Эта последняя оказалась наилучшей сохранности. Торуайгырская баня является грандиозным архитектурным сооружением XIV в. площадь ее до 648 кв. м. В плане она крестообразная, что является продолжением традиции строительства бань еще в XI—XII вв. Все сооружение было построено из обожженного кирпича и делилось на несколько частей, каждая из которых имела свое назначение. Главная из них — топка с двумя «печами, где в кирпичных резервуарах, покрытых изнутри толстой обмазкой алебаstra, грели воду. Долгое время археологам было не понятно, как можно было разогреть воду в толстостенном кирпичном резервуаре и сколько же топлива и времени на это понадобится? Ситуацию прояснили раскопки бани в Отраре. Оказывается, в дно таких резервуаров вмазывался громадный железный котел, устье которого было на уровне дна кирпичного резервуара, а дно и стенки были опущены в топку. По сути дела, огонь раскалял железный котел, что обеспечивало быстрое повышение температуры воды.

Помещение для топки сообщалось дверными проемами с помещением для мытья и с дугообразным хранилищем для топлива. Помещение для мытья площадью в 100 кв. м имело кирпичный пол, под которым от топок ровными рядами шли жаропроводящие каналы, выложенные из кирпича. По этим каналам проходил горячий воздух и обогревал всю

моечную. У северной стены моечной имелись два небольших резервуара, стенки и пол которых были выложены голубыми изразцовыми плитками. По-видимому, сюда наливали холодную воду, где могли освежаться купальщики.

К помещению для мытья примыкали, как мы полагаем, прачечная и комната для отдыха. Прачечная была восьмиугольной в плане.

Пол ее был выложен жженым кирпичом, поверх которого на алебастровом растворе были уложены глазурованные плиты. В центре прачечной было отверстие для стока грязной воды, которая отводилась при помощи системы керамических труб и желоба. Комната для отдыха (раздевалка?) площадью в 100 кв. м была очень нарядной. Стены и потолок ее были сплошь расписаны красной, черной и желтой красками. Пол выложен голубыми глазурованными плитами.

Характер перекрытия удалось установить только для дугообразного помещения, где хранились запасы топлива. Оно было купольным. Скорее всего, и остальные помещения были перекрыты куполами, опорами для которых служили капитальные внешние и внутренние стены. В целом торуайгырская баня представляла собой не только необходимое для города коммунальное предприятие, но и парадное архитектурное сооружение, украшавшее город.

В средневековых городах Средней Азии бани стали очень популярны. Они были самыми посещаемыми после мечетей общественными местами. Порядок и чистота в банях строго контролировались городскими чиновниками — мухтасибами. Они следили за регулярной очисткой пола и частой сменой воды в бассейнах. Средневековые горожане считали неприличным мытье без специальных набедренных повязок, поэтому мухтасибы строго требовали, чтобы у банщиков всегда было достаточное количество чистых платков (отсюда и прачечное помещение в торуайгырской бане). Особое внимание обращали мухтасибы на характер росписей бань. Неприличные для

того времени изображения в столь уважаемом общественном месте категорически запрещались (поэтому торуайгырская баня расписана орнаментальными мотивами).

Наши сведения о благоустройстве средневековых городов Прииссыккуля пока очень ограничены. Новые данные поступят с новыми масштабными археологическими изысканиями. Однако уже сейчас, как мы убедились, можно сказать, что уровень благоустройства их был не ниже, чем в прославленных городах Средней Азии и гораздо выше, чем в западноевропейских городах того времени. Сравнительно высокий уровень санитарного состояния городов обеспечивал не только опрятность их внешнего облика, но и снижение числа болезней и эпидемий среди горожан. Но гораздо опаснее любой эпидемии была очередная трансгрессия озера, которая уничтожила даже развалины средневековых городов Прииссыккуля.

КЫРГЫЗСКИЕ ПРЕДАНИЯ ОБ ОЗЕРЕ ИССЫК-КУЛЬ

I

Высоко-высоко в замкнутой цепи гор лежала цветущая долина. Правил ею могущественный царь, деспотичный и жестокий. Под его гнетом стонал народ. Год от года свирепел царь, уничтожая юношей, которых становилось все меньше и меньше. Станный был обычай у царя: он выбирал себе брадобрея только на один раз, после чего его немедленно казнили.

В этом городе жила бедная вдова с юным сыном. Но вот пришла и в ее дом беда: явились царские слуги и потребовали, чтобы юноша поутру явился побрить царя. Сбежались соседи, ужас объял души всех — такой хороший юноша, любимец народа и должен погибнуть во цвете лет. Но ничего не поделаешь, не пойдешь против царского указа, не нарушишь.

Долго думали мать и сын, как помочь беде, но пришло время ложиться спать. Мать уложила сына, пообещав ему что-нибудь придумать к утру. Проснулся сын, умылся и стал собираться в дорогу. Вышла мать проводить его и говорит:

— Вот тебе, сын мой, платок, в нем две лепешки. Когда ты придешь к царю, скажи ему: «Государь мой, я знаю, что ты предашь меня казни, как только я тебя побрею, исполни же мою предсмертную просьбу — съешь одну лепешку, испеченную моей матерью, а другую съем я.

Так и сделал юноша, когда пришел во дворец. Царь не смог отказать в просьбе молодому человеку и съел

лепешку. Затем юноша приступил к бритью головы царя. И, о ужас! У царя были... ослиные уши. Справившись со страхом, исполнил сын вдовы свой долг — побрил царя, а затем сказал ему, как научила мать:

— Царь, ты не можешь теперь казнить меня, так как мать моя лепешки замесила на своем молоке и мы с тобой теперь молочные братья.

Рассердился царь, но делать нечего — не может он казнить своего молочного брата. Отпустил юношу, взяв с него клятву, что тот никому не расскажет о его тайне.

Пришел юноша домой, мать и соседи радостно встретили его и давай расспрашивать, почему же царь казнит своих брادرеев? Молчит юноша, не может выдать тайну царя, так и разошлись все, не попытав тайны. Но мать упросила сына сказать, в чем же дело? Не смог он ей отказать — ведь это она спасла ему жизнь, и сказал, что у царя ослиные уши, заставив мать поклясться, что она никогда не выдаст его тайны, иначе им обоим грозит немедленная смерть.

Долго мать таила в себе это сообщение. Но женщина есть женщина: тайна казалась ей еще более тяжким бременем оттого, что не могла она ни с кем ею поделиться. И вот однажды утром пошла она за водой к колодцу, наполненному такой прозрачной водой, что отражалось в ней синее небо. И тут ей пришла мысль поделиться с водой своей тайной. Оглянувшись кругом, никого близко не было, она наклонилась к воде и шепнула: «У нашего царя ослиные уши». Загудел колодец, заклокотала в нем вода после такого клятвопреступления. Поднялась из колодца вода и стремительный поток понесся за женщиной, сметая все вокруг. Утонула, захлебнулась несчастная мать, а вода уже превратилась в реку и устремилась на город, затопила его, смыла дворец. Уже погиб весь народ, а вода все прибывала. Уже вся долина ушла под воду, а вода все прибывала. Вот с тех пор и плещет голубыми волнами Иссык-Куль.

II

В давние-предавние времена существовал древний город. Над городом на вершине крутой горы стоял замок. Принадлежал он старому и могущественному хану, который славился не только своим богатством, но еще больше своей жестокостью. Не проходило дня, чтобы кто-нибудь не сделался жертвой его каприза. Несмотря на старость, хан был сластолюбив, но не знал он ни любви, ни привязанности. Однажды до него дошел слух, что в одной бедной семье кочевников есть девушка сказочной красоты, и он решил овладеть ею. Девушка эта жила в маленьком аиле, уютившемся у подножья гор, на берегу ручья. Не один славный джигит на поединке сложил свою голову за красавицу, но на предложения о женитьбе она всем отвечала, что любит другого.

Кого любила девушка, никто не мог знать. Да и сама она не знала. Помнила только, что в одно раннее утро, когда солнце озарило вершины гор, явился перед нею на белом коне красавец-джигит, схватил ее и она вместе с ним взвилась высоко-высоко. Помнила она, как с быстротой вихря неслись они вдвоем в недостижимой вышине, как он обнимал ее, целовал, а расставаясь, снял с руки кольцо и, надев ей на палец, сказал: «Я скоро вернусь. Кольцо никогда не снимай, и пока оно у тебя, никакое несчастье тебя не коснется».

И теперь, когда посланники хана явились к ней с богатыми дарами и предложением выйти за него замуж, она с негодованием оттолкнула подарки и воскликнула:

— Я люблю другого и ничьей женой кроме своего возлюбленного не буду!

Сказав это, девушка тайком ушла в горы в надежде встретить дивного всадника, искать у него защиты.

И тут только девушка заметила, что перстень исчез с ее руки, она заплакала и решила возвратиться домой.

Не успела она дойти до дому, как ее окружили вооруженные всадники, схватили и быстро скрылись в мрачном ущелье. Когда ее освободили и сняли с глаз повязку, она увидела себя среди сказочного великолепия. Тогда она поняла, что находится в плену у хана, и решила: лучше умереть, чем стать его женой.

Хан окружил ее неслыханной роскошью, но никакие подарки не могли поколебать девушку.

Наконец хан решил силой взять то, чего так безуспешно добивался подарками. Он снова пришел к ней, обещая за любовь все, даже свободу.

— Я люблю другого, — был прежний ответ.

Хан бросился на девушку, но она быстро оказалась у раскрытого окна, над зияющей бездной.

— Нет, хан, я не буду твоей, — и с громким криком девушка бросилась вниз. В тот же миг дрогнули неприступные стены, рухнули гранитные своды, провалился мрачный замок старого хана и из всех ущелий хлынула вода. Уже скрылись под водой остатки ханского дворца, а вода все прибывала и прибывала до тех пор, пока не затопила большую долину.

III

Давно, так давно, что никто из людей не может сосчитать эти ушедшие в вечность годы, там, где шумит теперь Иссык-Куль, было богатое ханство. В плодородных долинах паслись бесчисленные отары овец, табуны быстрых коней...

В то время этой долиной правил хан, прославивший страшным деспотом. Чуть не каждый месяц менял он своих мулл. Только привыкнет мулла к делу, как уже слух в народе идет, что исчез он, и хан повелевает искать нового.

В том городе жил скромный юноша. Однажды хан увидел юношу, тот понравился хану и он предложил ему

занять место муллы. Испугался молодой человек такого предложения, да вспомнил, что у него есть старуха-мать, и согласился.

Тогда хан предупредил его:

— Что бы ты, юноша, не увидел у меня, ты никому не должен говорить. В тот час, когда расскажешь о виденном, умрешь.

Вскоре юноша пошел во дворец к хану. Вошел и обмер: у хана были ослиные уши. Понял он теперь, почему хан носит такую высокую пышную чалму. Но вспомнил и ханские слова и сделал вид, что ничего необычного не заметил.

Вышел однажды мулла из дворца навестить мать. День был теплый, ясный, степь кругом зеленела, деревья шептались, даже горы подняли свои белые шапки — видно и им жарко стало. И люди встречались все веселые. Только молодой мулла был задумчив и грустен. Замучило его желание поделиться тем, что знал он о хане — хане с ослиными ушами.

Зашел мулла к матери, посидел у нее, поговорил о хозяйстве и вышел, чтобы возвратиться во дворец. Только страшно ему было снова идти через город, где встречаются знакомые, — так и хочется поведать кому-нибудь о тайне хана. Вот и задумал он идти через степь. День был солнечный, жаркий. Захотелось пить. Прошел он немного и видит в стороне стоит колодец. Подошел мулла к колодцу, опустил кожаный мешок на длинной веревке, зачерпнул воды и стал тащить. Наклонился он над колодцем и увидел в воде свое отражение. Вспомнил в этот момент юноша тайну хана и захотелось ему шепнуть ее хоть своей тени. Оглянулся — видит степь без конца и края, даже криков пастухов не слышно, а над ним чистое, безоблачное небо. Снова глянул он на свое отражение в воде и шепнул: «А я знаю, что у хана ослиные уши.»

Услышала вода шепот муллы, заволновалась и глухо, сердито шумя, стала прибывать в колодце. Видит мулла,

набралось ее уже до краев, но ничего не смог он сделать, чтобы остановить воду. Вот вода потекла уже по степи, залила самого муллу, его мать, дворец хана, у которого были ослиные уши, но все прибывает, все шумит. И покрыла вода всю долину так, что образовалось целое море. Шумит она и до сих пор, скрывая под собой город и ханство хана с ослиными ушами.

ОЗЕРО ДЫШИТ (трансгрессии и регрессии Иссык-Куля)

*Месяца месяцами сменялись до нас,
Мудрецы мудрецами сменялись до нас.
Эти мертвые камни у нас под ногами
Прежде были зрачками пленительных глаз.*

Омар Хайям

Мы сознательно включили в свое повествование о подводных развалинах на озере Иссык-Куль кыргызские легенды. Они различны по сюжету, но единодушны в одном: под водами озера скрыт город или, по меньшей мере, дворец хана. А ведь сравнительно недавно мало кто верил в реальность подводных развалин на дне Иссык-Куля. Кыргызские легенды почему-то не внушали доверия. Все помнят знаменитый литерный поезд, который, если верить И. Ильфу и Е. Петрову, мчал Остапа Бендера на стройку Турксиба. Правда, не все обратили внимание на то, что бесшабашная интернациональная семья журналистов единодушно поклялась «не писать об Узун-Кулаке, что значит Длинное ухо. Не писать очерков под названием «Легенда озера Иссык-Куль» Довольно пошлостей в восточном вкусе!» Но легенды существуют, и в них есть зерно истины. В них опозитизированная память народа донесла до наших дней отзвуках далеких времен, когда на побережье озера действительно развивались города и поселения, которые поглотило озеро. Сейчас ученым известно свыше десятка подводных развалин, изучение которых имеет громадное научное и народнохозяйственное значение, так как позволяет прогнозировать пределы понижения уровня озера.

А как же они оказались на дне озера? Что случилось на берегах древнего Иссык-Куля? И когда случилось? На эти вопросы легенды не могут дать ответа. Едва ли кто в наши дни поверит, что катастрофа наступила из-за преступной халатности рассеянной женщины, забывшей закрыть крышку колодца, хлынувшие воды которого затопили город и образовали водоем площадью свыше 6000 квадратных километров и глубиной свыше 660 м с общим подъемом воды около 1700 кубических километров, средняя глубина которого в три раза превышает среднюю глубину Балтийского моря.

Древние прибрежные города и порты со временем оказываются на дне морей и озер не только на Иссык-Куле. Известны они в прибрежной полосе Черного и Средиземного морей. Многие из них оказались на дне водоемов в результате крупных геологических катастроф, значительно меняющих очертания побережий.

Иссык-Куль и землетрясения

Некоторые ученые были сторонниками того, что колебания уровня озера Иссык-Куль связаны с землетрясениями. Предстоит еще выяснить роль землетрясений в судьбе озера. Бесспорно одно, что на изменчивость русла реки Чу, наряду с другими явлениями, влияли и тектонические процессы, довольно частые в Прииссыккулье. Всего на территории Кыргызстана с 1929 по 1957 г. сейсмические станции зафиксировали 3957 землетрясений. Они, как правило, связаны с горообразовательными процессами. Большинство из них, к счастью, чувствуют лишь приборы. Ну а некоторые... Обратимся к свидетельствам очевидцев катастрофических последствий сильных подземных толчков на Иссык-Куле и в его ближайших окрестностях

во второй половине XIX—начале XX вв., отмеченные в периодической печати Туркестана.

Землетрясение в Семиреченской области — «Туркестанские ведомости», № 24, 1887.

«...Ночью 22 июня (1885 г.) в 2 ч. 25 мин. землетрясение в Чуйской долине разрушило три поселения Пишпекского уезда — Карабалта, Беловодское (где упал алтарь церкви), Сокулук. Убито много людей и скота. Оно отозвалось на широком пространстве... по крайней мере всего на 1000 верст. Землетрясение произвело повреждения в Пишпеке, Токмаке, по Боомскому ущелью и в области озера Иссык-Куль»¹.

«...До 1889 г. Сазановка (современное с. Ананьево Иссык-Кульской области) стояла значительно ближе к озеру, но землетрясение 30 июня разрушило большую часть глинобитных построек вместе с церковью... Загудела земля и от первого сравнительно легкого толчка посыпалась большими комками глина с потолков, разбились оконные рамы и население выбежало на улицу. Это и было спасением. Через незначительный промежуток времени произошел удар гораздо сильнее... рухнули потолки, треснувшие стены падали большей частью цельными массами из почвы выступила вода до колен и затем моментально скрылась. Озеро шумно волновалось, хотя была совершенно тихая погода. Глубокие до 1 аршина и более трещины легли от самых гор до озера на протяжении верст 5, сильно затруднив сообщение... Убитых в Сазановке было двое, но разрушено 160 домов»².

¹ Дьячков П. А. Озеро Иссык-Куль и его северный берег // «Известия Туркестанского отделения РГО». — Т. I. Вып. 1, 1898 г.

² Богданович К. И., Карк И. М., Корольков Б. Л., Мушкетов Д. И. Землетрясения в северных цепях Тянь-Шаня 22 декабря 1910 г. // «Труды геологического комитета». — 1914. Вып. 89.

«Берег Иссык-Куля около памятника Пржевальского. Образовались трещины, по которым происходило оседание части берега и дна залива озера...»

В районе Корумды на берегу озера отмечены были опускания «джерганак», т. е. зарослей облепихи, которыми покрыта краевая болотистая полоса...

Мы попадаем в прославившуюся этим землетрясением Сазановку, наполовину разрушенную. На восточном краю этого села начинаются уже трещины в поверхности, густой сетью покрывшие большую часть полей и лугов, сильные опускания берегов, смещения склонов оврагов, вздутия и т. п.; все эти явления усиливаются вплоть до Ойтала. Здесь произошли все те же громадные опускания берега озера в несколько квадратных верст, провалы, ступенчатые оседания, масса трещин... По краям Тюпской губы (станция Николаевская)... удары шли с запада: по берегам «джерганак», заросли облепихи, оседал».

Таким образом, даже сильнейшие катастрофические землетрясения, разрушившие целые селения и города, имели лишь локальное влияние на формирование береговой линии озера и едва ли могли существенно влиять на амплитуду периодического колебания уровня его зеркала.

Современные ученые тщательно собирая и анализируя мельчайшие данные из биографии озера, нарисовали ряд ярких картин его сокрушительных регрессий и трансгрессий и высказали ряд гипотез об их причинах.

Характерной чертой рельефа дна озера Иссык-Куль является ступенчатое строение. Морской картограф В. М. Букин выделяет 4 морфологических комплекса: глубоководную равнину и 3 террасы. Равнина расположена на глубинах свыше 60 м и занимает центральную, немного сдвинутую к югу часть дна озера. Ровное днище ее переходит в ступенчатую поверхность склона, причем более древние террасы занимают и более глубинное положение. Самый молодой верхний террасовый комплекс включает в себя поверхность

береговой отмели с глубинами 30–50 м и верхний кольцевой уступ, подошва которого расположена на глубинах около 110 м. Эта терраса прорезана подводными каньонами, являющимися продолжением речных долин на суше.

На побережье прослеживаются по крайней мере две террасы, а всего насчитывается четыре. Несомненно, что образование этих террас связано с изменением уровня озера, амплитуда колебаний которого в четвертичное время составила более 300 м.

Предполагается, что в течение всего плейстоцена (700 тыс. лет назад) уровень озера поднимался, достигнув максимума в верхнем плейстоцене — высоты 1640 м над уровнем моря, где его положение лимитировалось стоком через Боомское ущелье на западе. В голоцене Иссык-Куль регрессировал до глубины 110 м, при этом некоторыми исследователями предполагаются стабилизации уровня на глубинах 100, 150 и 300 м, хотя подводные террасы отмечены и на глубинах 6–8, 12–14, 18, 28, 38, 63, 83 и 90 м. Это опускание до 100 м, как считают ученые, было единственной крупной регрессией в истории Иссык-Куля в голоцене (около 7 тыс. лет назад). В более позднее время амплитуда колебаний составила около 20 м. В научной литературе высказано мнение, что если стоять на точке зрения о голоценовом возрасте 100-метровой регрессии, то в течение последних 3 тыс. лет амплитуда уровня составила 240 м. При падении уровня озера на 100–110 м его площадь не превышала 3,8–3,9 тыс. км. При этом средняя скорость изменения уровня составит 8 см/год. Для сравнения следует сказать, что в XX веке, когда появилась возможность проводить регулярные измерения уровня, скорость его падения с 1927 по 1990 гг. составила в среднем 4,7 см/год, а в отдельные периоды с 1954 по 1975 гг. достигла 10,5 см/год.

Некоторые исследователи предполагают, что в истории Иссык-Куля было по крайней мере два крупных падения уровня: первое — до глубин 110 м, второе — до 70 м.

Сравнительно более незначительные колебания уровня имели место и в более позднее время. Согласно археологическим находкам на дне озера, принято считать, что в VII—I вв. до н. э. уровень его был ниже современного на 8—10 м, в XIII в. н. э. — на 6 м; в XV в. — на 4—2 м; в середине XVI в. — на 1,5 м.

В последние годы были получены более точные датировки озерных отложений радиоуглеродным методом, помогающие установить хронологию уровня озера. Так, поверхность илистых отложений на глубине до 1 м датирована возрастами от 9950 ± 200 до 13540 ± 400 лет; на глубинах 2 и 5 м — 16500 ± 700 и 18600 ± 400 лет. С учетом датировки около 26000 лет отложений на высоте 1640 м можно заключить, что уровень Иссык-Куля был выше современного (1640—1610 м) 26000—10000 лет назад.

Серия из 10 радиоуглеродных датировок — в основном древесной органики, отобранной на голоценовой террасе и в озере на глубинах 5—6 м, указывает на интервал времени от 700—50 до 170—60 лет. Это говорит о том, что 500—700 лет назад уровень Иссык-Куля был ниже современного на 2—5 м, а в начале-середине прошлого века был близок к отметке на абсолютной высоте 1620 м. Следы последней кратковременной трансгрессии уровня на 1—1,5 м в виде береговых валов, имевшей место в 1900—1910 гг., наиболее хорошо прослеживаются на берегах восточной части озера (абс. высота 1613,5—1614 м).

Таким образом, 1000—1500 лет назад уровень Иссык-Куля был ниже современного. Глубина же его голоценовой регрессии опускается на 100 м.

Во время голоценовой регрессии были осушены многочисленные мелководья в восточной и западной частях озера, где оно отступило на 35—40 км, тогда как на севере — на 3—5 км, а на юге — всего на 0,5—2 км, что обусловлено уклонами дна.

Многие ученые связывают долговременные колебания уровня Иссык-Куля в глубокой древности с изменениями климата..

Отдельные исследователи связывают колебания уровня озера с климатом и в современную эпоху. Так, с 1956 по 1977 гг. отмечено линейное сокращение ледников от 150 до 810 м, а на леднике Кара-Баткак величины отступления колебались в пределах 2,1–6,8 м/год. Как раз к этому периоду относятся максимальная скорость падения уровня озера – 10,5 см/год. Увеличение осадков на 80 мм (20% нормы) при температурах, близких к норме, привело в начале века (1896–1910 гг.) к существенному обогащению озера влагой, в результате чего уровень его поднялся на 1 м.

Река играет озером

«Судьба играет человеком», – пелось в старом шлягере о Наполеоне, причем ей приписывалась хроническая изменчивость. В настоящее время ученые пришли к выводу, что река Чу стала судьбоносной в изменении современного уровня озера.

Ряд специалистов отрицают связь долговременных колебаний уровня озера в далеком прошлом с климатом и выдвигают версию, что колебания в глубокой древности имеют гидрократическую природу, т. е. связаны с миграцией русла р. Чу в пределах западно-иссыккульской равнины.

Предполагаемая ими схема такова. Сначала трансгрессия уровня озера до абсолютной высоты 1640 м, вследствие чего образуется связь с Кокмойнокской впадиной и сток через Боомское ущелье. В результате вовлеченная в стремительное течение р. Чу, ранее впадавшая в озеро, сносит левое крыло своего выноса и полностью уходит в Боомское ущелье. Отшнурованное озеро, потеряв столь мощный

²¹ Том VI. В. М. Плоских

источник питания, начинает уменьшаться в размерах. Эта регрессия происходила на фоне значительного увлажнения климата, т. к. в противном случае невозможно объяснить образование подводных долин, не имеющих постоянных водотоков на суше. Далее допускается предположение, что когда уровень озера опустился на 70 м, р. Чу в результате тектонических процессов вновь повернула свое русло в Иссык-Куль.

В. В. Романовский рассматривает несколько причин, которые могут влиять на ход уровня озера Иссык-Куль. Так, им подмечен факт, что несмотря на увеличение осадков в период с 1956 по 1982 гг. уровень озера продолжал понижаться. Эта неувязка может быть обусловлена двумя причинами: увеличением испарения и уменьшением речного стока в озеро. Увеличение испарения может быть вызвано потеплением климата. Анализ изменений температуры воздуха показал, что, начиная с конца 30-х годов, температура воздуха имеет тенденцию к повышению, т. е. климат в котловине теплеет. На фоне этого прослеживается и тенденция к увеличению дефицита влажности. Потепление климата, естественно, вызывает увеличение испарения с поверхности озера. Так, с 1940 т. среднегодовая величина испарения составила 814 мм, с 1960 по 1979 гг. она возросла до 860 мм. Повышение температуры воздуха на 0,5 вызывает увеличение испарения с поверхности на 46 мм.

Современная тенденция потепления климата вызывает увеличение речного стока за счет таяния ледников, но в приозерной долине происходят существенные потери речной воды, благодаря ее забору на сельскохозяйственные и бытовые нужды. Часть забираемой воды достигает озера подземным путем, часть испаряется и выпадает в виде осадков на востоке котловины или безвозвратно выносится за ее пределы. По расчетам доля безвозмездных «потерь парообразной влаги» с орошаемых площадей котловины составляет 36%. Орошаемые площади увеличились в 1960—

1979 гг. на 7,8% по сравнению с 1940–1959 гг., а водозабор на орошение — на 38%. В современных климатических условиях при отсутствии забора воды на орошение Иссык-Куль мог бы занимать положение лишь на 2–8 м ниже его минимального уровня.

Таким образом, одной из причин, вызывающих современную регрессию Иссык-Куля, по мнению В. В. Романовского, является забор воды на сельскохозяйственные нужды.

Что касается значительных и долговременных колебаний уровня Иссык-Куля в далеком прошлом, то В. В. Романовский присоединяется к мнению об их гидрократической природе. Он представляет историю связи р. Чу с озером в следующем виде.

1. В верхнем плейстоцене (около 26 тыс. лет назад) абсолютная высота уровня Иссык-Куля была около 1640 м. Река Чу впадала в озеро в районе урочища Ак Олен.
2. На границе плейстоцена и голоцена произошло опускание центрального блока озерной ванны. Река Чу отсоединилась от озера. Уровень Иссык-Куля был на 110 м ниже современного. Большая часть вод р. Чу уходила через Боомское ущелье, но один из рукавов, русло которого (протока Кутмалды) прослеживается и ныне, сообщался с озером.
3. Примерно 1200 лет назад уровень Иссык-Куля достиг абсолютной высоты 1622–23 м, т. е. высоты порога стока через Боомское ущелье.
4. В результате тектонической подвижки или глубинной эрозии этого порога произошло опускание уровня Иссык-Куля и близ современного села Кок-Мойнок сформировался отдельный водоем. Воды р. Чу, питающей этот водоем, частично уходили в Боомское ущелье, а частично, через систему проток, подпитывали озеро.

²² Том IV. В. М. Плоских

5. В результате дальнейшего понижения порога Кок-Мойнокский водоем исчез, а р. Чу напрямую направилась в Боомское ущелье.
6. Потеря значительной части стока р. Чу обусловила падение уровня озера.
7. Увлажненность климата в период с XIII по XIX вв. н. э. вызвала новый подъем уровня озера. В этот период оно трансгрессировало до абсолютной высоты 1618,5 м. На этой высоте сформировался барьер, блокировавший Кутмалдинскую протоку.
8. В прошлом веке Кутмалдинская протока пошла вслед за отступавшим озером по новому, отклонившемуся к югу, руслу. В 3 км от берегового вала она вновь примкнула к старому руслу. Новое русло имеет слабо выраженный врез, что дает возможность предположить лишь о периодичных паводковых поступлениях вод р. Чу в Иссык-Куль. По предположению автора, лишь около 1,2 тыс. лет назад р. Чу полностью отдавала свои воды Иссык-Кулю. В последующем ее связь с озером была скорее формальной.

Резюмируя вышесказанное, можно выделить три основных фактора, которые, по мнению исследователей, влияют на уровень оз. Иссык-Куль: 1) понижение увлажненности бассейна; 2) прекращение гидрографической связи р. Чу с озером; 3) забор воды на орошение из питающих озеро рек.

Что день грядущий нам готовит?

Сохраняющаяся тенденция понижения уровня Иссык-Куля негативно скажется не только на климате в котловине, но и на экосистеме самого озера. Так, при дальнейшем понижении уровня на 3 м значительно сократятся отмели

Тюпского залива близ мыса Сухой Хребет. Сам залив будет ограничен каньоном р. Тюп. Именно на этих отмелях происходит нерест наиболее массовых видов рыб чебака и сига. На западе, в Рыбачинском заливе, в связи с малыми уклонами дна и отсутствием песчаных отложений, берега будут осушаться. На северном побережье, где пески залегают на глубинах до 20–30 м, падение уровня будет сопровождаться их аккумуляцией у берегов. По расчетам при падении уровня на 1,5 м площадь осушки прибрежной территории увеличится еще на 50 км, а длина береговой линии из-за слабой изрезанности составит всего 680 км.

Дальнейшее падение уровня озера вызовет уменьшение образований карбоната кальция, а эти осадки являются субстратами для нереста литофильных рыб, что вместе с сокращением площадей мелководий – основных мест нагула молоди, приведет к резкому сокращению их численности.

Падение уровня сопряжено с понижением нижней границы распространения харовых водорослей, в основном сосредоточенных между изобарами 10–20 м, которые, отмирая, образуют иловые отложения. В результате понижения уровня илы литорали окажутся на поверхности. В настоящее время на сушу выходит та часть литоральной зоны, где в прошлом веке был отложен наиболее мощный слой илов, образовавшихся при отмирании харовых.

Понижение уровня усилит влияние антропогенных нагрузок на озеро. Косвенные признаки ухудшения качества воды уже имеются. Так, значительно изменился ее цвет. Гидробиологами Иссык-Кульского научного центра отмечено увеличение численности фитопланктона и микроорганизмов.

Падение уровня сопряжено с уменьшением объема биогенных элементов, поступающих из литоральных илов, и, тем самым, с уменьшением биологической продуктивности озера.

С понижением уровня несколько повысится соленость воды в озере. В 1932 г. соленость воды Иссык-Куля составила 5,82 г/л, к 1984 г. она увеличилась до 5,99 г/л. За этот период уровень воды понизился на 2,5 м, а объем водной массы — на 16 км.

Таким образом, дальнейшее понижение уровня Иссык-Куля вызовет изменение всей его экосистемы.

* * *

По заключению специалистов, с VIII в. началась очередная регрессия озера, а в XI—XIII вв. озеро было уже на 4—6 м ниже современного уровня. Постепенно вокруг него, прижимаясь к кромке воды, возникли богатые средневековые города, ремесленники и купцы которых были известны даже в Передней Азии, Западной Европе и Китае. К концу XIV в. эти города по ряду политических причин пришли в запустение. Очередная трансгрессия, начавшаяся в XVI в., поглотила развалины ранее цветущих поселений и безвозвратно уничтожила остатки кирпичных с цветными изразцами дворцов и глинобитных хижин, христианских монастырей и мусульманских мечетей, лавки купцов и медеплавильни ремесленников. От высокоразвитой средневековой цивилизации Прииссыккуля дошли до наших дней лишь многоязычные письма, остатки парадных сооружений из обожженного кирпича, составлявшие ранее архитектурные ансамбли городов, да труд великого путешественника и ученого иссыккульца Махмуда Кашгари «Диван лугат ат-тюрк». Озеро, как скупой рыцарь, ревниво хранит средневековые сокровища под толстым покровом ила и песка...Едва ли уберезет.

Поздний звонок в дверь. Входит юноша и вместо визитной карточки протягивает великолепный бронзовый топор XI—IX вв. до н. э. и горсть синхронной ему керамики.

Оказывается он, отдыхая на Иссык-Куле, нашел их в акватории озера. «Там еще очень много керамики и каменных зернотерок, — сообщает паренек, а одна девушка нашла бронзовый нож с широким лезвием. Сохранность изумительная: она резала им батон и помидоры...»

Что ж, картина знакомая. Явные следы разрушенного озером поселения эпохи бронзы, то есть времени освоения человеком металла. А ведь археологам столь древние поселения на Иссык-Куле не знакомы. Может быть, большинство из них затонуло?

Значит, найдены свидетельства новой, еще не известной науке регрессии озера, значит, нужно собираться в очередную экспедицию, значит, открытие тайн озера Иссык-Куль продолжается.

Публикуется по изданию:

А. Конурбаев, В. Мокрынин, В. Плоских. Город великого путешественника. — Бишкек: Илим, 1994.

Часть третья

**КЕТМЕНЬ-ТЮБЕ.
АРХЕОЛОГИЯ
И ИСТОРИЯ**

ПРЕДИСЛОВИЕ

*Светлой памяти Петра Никитича
Кожемяко посвящается*

Кетмень-Тюбинская котловина расположена к северо-востоку от Ферганской долины, непосредственно граничит с районами Центрального Тянь-Шаня и является частью обширного межгорного понижения (длина 50—55 км, ширина 0,5—20 км). Высокие горные хребты окружают ее, заключая в естественные границы в бассейне среднего течения р. Нарын и его правых и левых притоков: Узун-Ахмат, Чичкан, Торкен, Толук, Ничке и др. Площадь района 8170 кв. км. Кетмень-Тюбе представляет собой чрезвычайно живописную местность, где мертвые солончаки чередуются с цветущими нивами, а поросшие соснами ущелья — с полупустынными равнинами. Район огражден высокими хребтами, перевалы которых блокируются снежными завалами. До недавнего времени проникнуть сюда можно было лишь в течение 4—5 месяцев в году. Единственным путем, открытым круглый год, оставалась вьючная тропа по узкому и каменистому Нарынскому ущелью. Взаимодействие природных и хозяйственных особенностей таких двух различных географических районов Средней Азии, как Фергана и Центральный Тянь-Шань, создало то своеобразие в географии Кетмень-Тюбинской котловины, которое отличает ее от всех других регионов

Кыргызстана. Долина лежит на высоте 800–1000 м над уровнем моря.

Для климатических условий характерна резкая континентальность: низкие зимние температуры (-20° , -32°) и высокие летние ($+42^{\circ}$). Вегетационный период продолжается в равнинной части семь-восемь месяцев, в горной — три-четыре.

Продолжительность снежного покрова 80–100 дней в году, его мощность 20–30 см. Общее среднее количество осадков 300 мм, из них 80% приходится на зимне-осенний, а 8–10% — на летний период.

Растительность полупустынная, сухостепная. По почвенно-растительному покрову котловина делится на четыре высотных пояса: полу-пустынный, сухостепной, субальпийский и альпийский.

Полупустынный пояс занимает равнинную часть и предгорья до высоты 1500 м. Растительность полынно-солянковая и эфемеровая.

Сухостепной пояс располагается на абсолютных высотах от 1400 до 1900–2000 м. В левобережной части он представлен главным образом полынно-злаковыми и ковыльно-типчачковыми сухими степями. На абсолютных высотах от 1700–1900 до 2700–2900 м преобладают разнотравные¹ луговые степи и лишь местами — типчачковые. Субальпийские луга развиваются на горно-луговых почвах, преимущественно по северо-восточным склонам Атойнакского и Ферганского хребтов. Выше 3200–3400 м начинается альпийский пояс.

Благоприятные климатические условия, обилие водных источников, плодородные почвы, прекрасные субальпийские пастбища, открытые соляные месторождения не могли

¹ Дружба народов СССР — источник силы и могущества нашей великой Родины. К 100-летию добровольного вхождения Киргизии в состав России. — Фрунзе, 1963. — С. 46–47.

не привлечь внимания человека еще в древности. Неудивительно, что Кетмень-Тюбинская долина с незапамятных времен была заселена людьми каменного века, пастушескими племенами, кочевниками, а затем и оседлыми земледельцами. Однако не всегда мирным путем проникали сюда племена и народы. Орды Чингис-хана, с огнем и мечом пройдя по всей Средней Азии, принесли смерть и разрушение в Кетмень-Тюбе. Но простой народ не смирился с гнетом поработителей — непрерывные восстания сотрясали феодальный общественный строй. Пламя войны полыхало здесь и при наследниках Тимура. Джунгарские феодалы претендовали на господство в долине около двухсот лет назад, и борьба против них нашла отражение в эпосах свободолюбивого кыргызского народа. Кокандские ханы властвовали над долиной, пока кыргызский народ не обратился за помощью к России.

Добровольное вхождение Кыргызстана в состав России избавило этот край от посягательств захватчиков, дало толчок к прогрессивному развитию.

Коренные преобразования в хозяйстве и быту кыргызов произошли лишь после установления Советской власти в Кыргызстане. Вместе со всей страной, со всей республикой росло и крепло хозяйство Кетмень-Тюбинской долины, менялся облик ее. Беспорядочную россыпь юрт сменили благоустроенные поселки, место сохи заняли тракторы, бывшие кочевники стали колхозниками и рабочими.

Более десяти лет назад в жизни Кетмень-Тюбинской долины произошли кардинальные перемены. Связаны они со строительством Токтогульской ГЭС, одной из жемчужин советской энергетики. Воды Нарына устремились в новое русло, на месте старого — воздвигнут створ плотины, которая поднимается почти на 125 м. Стремительный поток уже вращает турбины электростанции. Почти даровую электроэнергию получит население Кыргызстана, Казахстана и Узбекистана.

Но Токтогульская плотина — это не только ГЭС. Образовавшееся озеро вместит в себя полтора годовых стока реки — 19 млрд. кубометров воды! «Токтогульское море» позволит оросить полмиллиона гектаров земли в Голодной степи, принесет столь желанную влагу благодатной Ферганской долине. А это значит, что земля Средней Азии даст дополнительно сотни тысяч тонн хлопка, пшеницы, овощей, фруктов.

Кетмень-Тюбинская долина хранит в себе многочисленные памятники древней истории. Курганы, городища или остатки крепостей, золото скифов или невзрачный черепок — бесценные свидетельства седой старины. Спасти их и заставить поведать нам историю давно минувших дней — важнейшая задача ученых.

В 1961 г. начал работу Токтогульский археолого-этнографический отряд, который возглавил И. Кожомбердиев. Полученный материал послужил фундаментом в изучении древней и средневековой истории Кетмень-Тюбе. Однако к началу затопления на дне водохранилища еще оставалась неисследованной значительная часть археологических памятников. Это обстоятельство заставило в сезон 1973 г. направить сюда все силы кыргызской археологической экспедиции.

Географические зоны исследований были весьма многообразны (от поймы Нарына до высокогорья Сусамыра). Особенность работ сезона выразилась в преобладании раскопок над разведкой. Назрела необходимость поднять многочисленный материал по различным периодам. В результате проведенных работ был получен первоклассный вещественный комплекс, позволяющий поставить вопрос о хронологической и этно-культурной периодизации истории долины. Были изучены археологические памятники, связанные с каменным веком, эпохой бронзы, сакской и катакомбной культурной; различного типа поселения IX—XVI вв., кыргызская крепость XIX в. Представилась

возможность более объективно судить об основных чертах исторического процесса в Кетмень-Тюбинской котловине.

Наука о прошлом неотделима от настоящего и предполагает прогноз будущего. В жизни Кетмень-Тюбе наступил принципиально новый период. В чем особенности его? Каким образом он связан с историей долины, где на протяжении нескольких тысячелетий преобладало животноводство? Как изменится хозяйственная направленность района с рождением «Токтогульского моря»? Как отразится это на жизненном укладе населения долины?

На эти и многие другие подобные вопросы должны были ответить археологи, этнографы и историки экспедиции 1973 г.

Настоящим сборником открывается серия публикаций и исследований по истории, археологии и этнографии Кетмень-Тюбе. Сборник состоит в основном из первичных материалов, полученных при раскопках памятников, прежде всего в сезон 1973 г. Представленные публикации освещают период древнекаменного века эпохи бронзы, времени ранних кочевников, характеризуют памятники древних тюрков и оседлого населения, фортификацию XVIII—XIX вв. Впервые предпринята попытка дать сводку истории долины периода XIX—начала XX вв. В приложении выделены подсобные материалы археологического, антропологического, палеопатологического характера, памятка о первичной консервации находок в полевых условиях.

Это была одна из крупнейших в стране экспедиций в сезоне года. В ней приняло участие более двухсот человек самых разных профессий. Вместе с археологами трудились лингвисты, этнографы, историки, антропологи, реставраторы, топографы и художники. Были приглашены специалисты из Москвы, Ленинграда, Душанбе, Самарканда. С увлечением выполняли нелегкий труд землекопов школьники г. Фрунзе.

Мы очень благодарны строителям Токтогульской ГЭС за постоянное содействие и помощь. Инициатором экспедиции был заведующий сектором археологии Института истории АН Киргизской ССР, лауреат Государственной премии Киргизской ССР в области науки и техники П. Н. Кожемяко, до последних дней своей жизни с интересом следивший за ходом ее работы. Памяти его и посвящается настоящий сборник.

В. Плоских

УКРЕПЛЕНИЕ УЛУГ-КОРГОН

Кыргызские крепости до недавнего времени не были объектом специального археологического изучения. Руины «Чолок-Коргон», расположенные по течению р. Алабука в Центральном Тянь-Шане, были описаны в свое время А. Н. Бернштамом. По его мнению, это остатки крепости, сооруженной в середине XIX в.¹ Краткая характеристика развалин, которые по преданию представляли собой когда-то укрепление батыра Чыныке, была дана П. Н. Кожемяко. Он полагал, что планировка этой крепости отлична от планировки раннесредневековых городищ и датировать ее следует XVIII–XIX вв.²

Впервые раскопочные работы на памятниках подобного рода были проведены летом 1973 г. в долине Кетмень-Тюбе. Здесь в юго-западной части, в местности вблизи слияния рек Чичкан и Узун-Ахмат с Нарыном, на террасе, выступающей к пойме р. Нарын, высятся развалины старой крепости, запустевшей с изгнанием кокандцев и окончательно разрушенной землетрясением 1946 г. В 1967 г. остатки крепости были сняты на план Е. З. Зауровой, в 1973 г. план был несколько уточнен.

¹ Бернштам А. Н. Историко-археологические очерки Центрального Тянь-Шаня и Памиро-Алая // МИА. — № 26. — М.; Л., 1952. — С. 122–124, рис. 64.

² Кожемяко П. Н. Оседлые поселения Таласской долины // В сб. : Археологические памятники Таласской долины. — Фрунзе, 1963. — С. 182–183, рис. 20.

²² Том VI. В. М. Плоских

Местному населению это укрепление известно под названием «Улуг-Коргон», под этим же названием оно зафиксировано П. Ф. Резником в 1899 г.¹ В источниках оно упоминается как «Узун-Ахмат» или просто — крепость Кетмень-Тюбе².

По географическому и стратегическому положению укрепление занимало удобную позицию. Высокие надпойменные террасы, прорезанные глубокими логами, делали его труднодоступным со стороны рек, поймы которых заболочены, и в то же время обеспечивали хороший обзор всей котловины.

Издали развалины кажутся мощным древним укреплением. Это впечатление усиливает высота надпойменных террас с гребнями стен и башен над сплошной пущей камышей и садов. Однако при посещении крепости становится очевидной ее «молодость». Строительство крепости на новом необжитом месте в долине, издревле обетованной оседло-земледельческими племенами, — факт, если не исключительный, то довольно редкий в фортификационной практике Средней Азии позднефеодального времени³.

¹ Резник П. Ф. Кетмень-Тюбе в 1899 году. Андижан, 1904 // Рукопись хранится в Центральной научной библиотеке АН Киргиз. ССР.

² Наливкин В. П. Краткая история Кокандского ханства. — Казань, 1886. — С. 118; Аристов Н. А. Западный Тянь-Шань. Усуни и киргизы или кара-киргизы. // Архив ГО СССР. — Ч. I—II. — СПб., 1893. — Инв. № р. 65. — С. 504—505.

³ Как правило, туркменские (хивинские), узбекские (бухарские, кокандские), таджикские укрепления строились или восстанавливались из руин средневековых крепостей, сохраняя в своей основе старинную планировку, иногда использовалась цитадель древнего города. Об этом см.: Пугаченкова Г. А. Пути развития архитектуры Южного Туркменистана поры рабовладения и феодализма // Тр. ЮТАКЭ. — Т. VI. — М., 1958. — С. 443; Росляков А. А. Основные черты туркменской фортификации XVIII—XIX вв. В сб. : Исследования по истории культуры народов Востока. — М.; Л., 1960. — С. 222—226; Толстов С. П. По древним дельтам Окса и Яксарта. — М., 1962. — С. 312; Массон М. Е.

На настоящем этапе микрорельеф крепости читается довольно хорошо. В плане она представляет собой неправильный четырехугольник, ориентированный углами по сторонам света. Юго-западная и юго-восточная стены образуют тупой угол, причем последняя дважды прерывается проходящими вовнутрь логами. Протяженность северо-западной стены 205 м, северо- и юго-восточной — по 130 м, юго-западной — 185 м. Стены глинобитные, выложены блоками пахсы различной величины. Толщина их незначительна — до 1,8 м в основании с постепенным утонением вверх. Судя по оплывам, высота едва ли превышала 4–5 м. Для замеса пахсы использовалась материковая глина из окружающего рва¹.

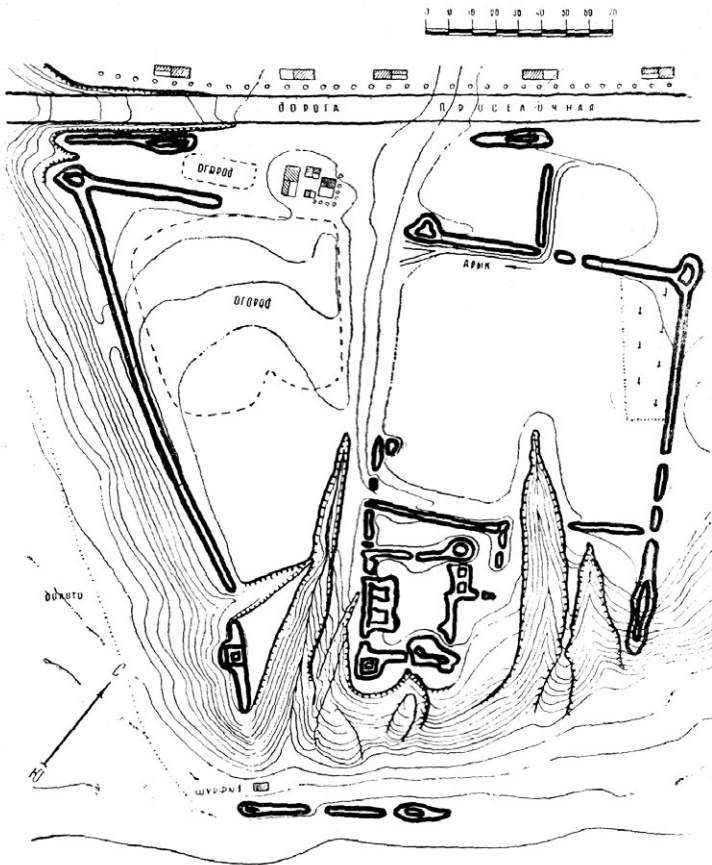
Менее мощные стены в качестве дополнительного укрепления проходили со стороны въездов в крепость — с северо-запада, через ворота с предвратными сооружениями типа башенок, и с юго-востока. Со стороны р. Чичкан попасть в крепость можно было по отлогой террасе, где до настоящего времени бьют ключи. Оплывы дополнительных стен с северо-запада сохранились в виде Г-образной пристройки, примыкающей к основному укреплению на участке в 15–20 м. С юго-востока дополнительная стена проходит у подножья террасы и также примыкает к углам крепости, ограждая тем самым и источники с питьевой водой.

Западный, северный и восточный углы крепости фланкированы далеко выступающими за линию стен башнями.

Средневековые торговые пути из Мерва в Хорезм и в Мавераннахр // Тр. ЮТАКЭ. — Т. XIII. — Ашхабад, 1966; *Марафиев С.* Крепостные сооружения равнинной части Северного Таджикистана // Автореф. канд. дисс. — Душанбе, 1967. — С. 4–8, и др.

¹ Нам кажется, А. А. Росляков справедливо отмечает, что для туркменских крепостей XVIII–XIX вв. вряд ли ров «специально сооружался в качестве препятствия, скорее, это углубление просто образовалось при выемке земли для постройки стены» (см.: *Росляков А. А.* Основные черты туркменской фортификации... — С. 222).

Южная башня встроена в толщу юго-западной стены на расстоянии 10 м от угла, выступает за ее линию всего на 2 м. Раскопки западной стены выявили овальный, близкий к кругу, план с внутренним диаметром 3,7–3,5 м, толщина стен 1,1 м. Стены сохранились на высоту 1,3 м от глинобитного пола, поэтому никаких элементов башенной фортификации (ниш, бойниц, парапетов и др.) зафиксировано не было.

План крепости Улуг-Коргон

Башня сложена из пахсовых блоков без скрепляющего раствора. Размеры блоков: 40—45×30×? см, 50×40×? см, 60×50×? см. Башня несколько сужалась вовнутрь и, видимо, имела плоское перекрытие, хотя следов его не отмечено. С внутренней частью крепости она соединялась коридором-проходом шириной 1 м. По конструкции башня идентична, например, с башнями крепости Чолок-Коргон на Тянь-Шане. При раскопках выявлено два уровня глинобитных полов с зольниками и немногочисленные находки фрагментов совершенно невыразительной глиняной посуды и костей животных.

Прежде чем перейти к характеристике внутренней крепостной планировки, проанализируем фортификационные особенности сооружения. Казалось бы, что столь малая толщина стен и башен делает крепость легко уязвимой, однако это не так. Сами по себе пахсовые блоки даже при толщине менее двух метров в эпоху позднего феодализма были малопробиваемыми для стенобитных механизмов. На прочность пахсы как «факт первостепенной важности» при взятии некоторых крепостей Средней Азии указывало в свое время командование царской армии¹. С другой стороны, основная оборонительная нагрузка приходилась на башни. Это было свойственно даже некоторым древним крепостям² и характерно для данного укрепления.

¹ *Марафиев С.* Крепостные сооружения... — С. 9. : *Кошеленко Г. А.* Парфянская фортификация. — СА, 1963. — № 2. — С. 63.

² Такие искусственные препятствия широко практиковались в средневековом оборонном зодчестве, в частности, в Хорезмских укреплениях XI—XII вв. Наличие стен-барьеров в качестве элемента фортификации Б. А. Литвинский отметил уже для рабовладельческого периода в крепостных сооружениях Таджикистана. Редко, но все-таки встречаются подобные устройства в крепостях Туркмении нового времени. См.: *Толстов С. П.* Древний Хорезм. — М., 1948. — С. 169; *Литвинский Б. А.* Предварительный отчет о работах Хутгальского отряда в 1954 г // Тр. АН Тадж. ССР. — Т. 37. — Душанбе, 1956. — С. 81; *Воронин В. Л.*

Не менее важным оборонительным устройством являлись дополнительные стены-барьеры на подступах к крепости со стороны въездов¹.

Но в рассматриваемом случае толщина стен, незначительная по сравнению с толщиной других подобных сооружений, не имела, вероятно, важного оборонительного значения. Горные перевалы сами по себе были труднопреодолимыми препятствиями для артиллерии, поэтому крепость возводилась, по-видимому, как оборонительное средство не столько от внешнего врага (к примеру, бухарской армии или царских войск), сколько от местного населения. Усиливающаяся феодальная кыргызская знать, все более проявляя свою эксплуататорскую сущность, нуждалась в надежных оградительных стенах на случай междоусобиц или волнений скотоводов-кочевников.

В Кетмень-Тюбинской крепости своеобразна система защиты ворот — этого наиболее уязвимого места. Так, если неприятель появлялся со стороны плато, то отразить его нападки можно было за пределами крепости. Если же он подступал со стороны рек, например, Узун-Ахмат, или Нарынского ущелья, то ему приходилось преодолевать пандус под обстрелом с башен. Такой прием обороны и само устройство пандусов вдоль стен широко практиковались еще парфянами, а также другими народами Средней Азии, в том числе осевшими тюрками в Фергане, которым принадлежит укрепленное поселение Узгенд с прекрасно развитой системой фортификации.

Из истории Среднеазиатской фортификации. — СА, 1964, — № 2. — С. 46—47; Росляков А. А. Основные черты туркменской фортификации... — С. 222.

¹ См.: Пугаченкова Г. А. Пути развития архитектуры... — С. 34; Воронин В. Л. Из истории Среднеазиатской фортификации. — С. 49—50; Горячева В. Д. Археолого-топографическое изучение древнего Узгена. В сб.: Археологические открытия 1971 года. — М., 1972. — С. 550—552.

Вероятно, при строительстве Кетмень-Тюбинской крепости широко использовались многовековые среднеазиатские традиции, прослеживается также преемственность местной позднесредневековой крепостной архитектуры.

Во внутренней планировке крепости не видно следов систематической застройки. Две трети территории совершенно не имеют культурного слоя, не считая оплывов невысоких стен-перегородок различных хозяйственных служб. Обжитой представляется внутренняя цитадель. Расположенная в юго-восточной части крепости, она образует с ней единый внешний контур и в свою очередь имеет собственное укрепление в виде стен с угловыми башнями и П-образным входом с северо-запада. В плане внутренняя цитадель почти квадратная — 50×45 м, но дополнительная стена-барьер делает ее прямоугольной.

Как и внешнее кольцо стен, внутренняя ограда сложена из пахсовых блоков без связующего раствора. Толщина стен в основании 1,2 м. Башенки цитадели даже в оплывах имеют сильно вытянутый по диагонали овал плана. Разрез южной башенки выявил двухъярусную конструкцию, в перекрытии нижнего яруса которой были употреблены арочные бревна и доски. Пролет башни не превышал 3,5—4 м. Он устанавливается приблизительно, так как с подветренных сторон — юго-западной и южной — стена не сохранилась. С восточной же стороны она зафиксирована лишь на высоту 20 см. Своеобразна конструкция стен: плотный глинобитный футляр с толщиной стенок 15 см забутован строительным мусором; общая толщина стен 0,85 м. Пол в башне вымощен камнем. Керамического материала не найдено. Судя по сохранившимся остаткам, башня сооружалась не одновременно со всей крепостью, а позже, поэтому был использован строительный мусор, в частности, глина, содержащая угольки.

Пространство цитадели вдоль юго-западной и юго-восточной стен было занято глинобитными постройками,

оплывы которых дают прямоугольные и квадратные в плане помещения, расположенные анфиладой. У юго-восточного фаса их насчитывается три, вдоль юго-западной стены — четыре. С внешней северо-восточной стороны к цитадели примыкали еще три помещения. Для выяснения назначения их и стратиграфии культурных напластований было зачищено два средних помещения у юго-западной стены, а также заложен шурф, размером 2,5×2 м в западном секторе двора. В результате были выявлены остатки хозяйственной ямы и завал стены. Материалов, датирующих комплекс, не получено.

При раскопках помещений были обнаружены следы ремонтов и переделок стен, что свидетельствует об относительно длительном их функционировании. Оба помещения имели два четко выраженных строительных горизонта. Однако мизерное количество найденных фрагментов посуды не позволяет говорить о времени их возведения и тем более переделки.

Помещение 1 было жилым. Размеры его: 5,6×3,5 м, при сохранившейся высоте стен 1,2 м от репера. Все стены глинобитные, толщина их 1,15 и 0,9 м, заметны следы саманно-глиняной обмазки. Вдоль юго-восточной стены от прохода, ведущего в расположенное южнее помещение, суфа длиной 3,9 м, шириной 1,2 м и высотой 0,3 м от нижнего уровня пола. Проход имеет ширину 0,75 м. В северном углу помещения зачищена хозяйственная яма площадью 1 кв. м, глубиной 0,6 м. В ее рыхлом заполнении обнаружено большое количество косточек птиц, животных, угольков, кусочков истлевшего дерева, а также свинцовая шаровидная пулька.

Помещение 2 квадратное в плане, со сторонами по 5,8 м. Толщина стен: внешней — 1,15 м в основании, трех других — 0,9–1 м. Сохранилась глиняная обмазка толщиной в 1 см. Первоначально оба помещения сообщались, но позднее проход, обозначенный в стене на расстоянии 0,95 м от южного угла, был заложен гуваляком-сырцом.

Во внешней юго-западной стене помещения ниша, высота которой превышала метровую отметку от пола. Ширина ниши 0,9 м, глубина 6 м, расположена не по центру помещения, а сдвинута на 1 м к югу. В западном углу к стенам примыкает трехступенчатое глинобитное возвышение длиной 1,1 м, шириной 0,6 м и высотой 0,55 м. Наличие в юго-западной (кибловой) стене ниши (михрабной) и возвышения (для муккабира или муллы) позволяет считать это помещение мечетью. Оно самое большое среди построек крепости. Перекрытие, как и у подавляющего большинства культовых сооружений того времени, видимо, было плоским.

Таково внутреннее устройство Кетмень-Тюбинской крепости, функционировавшей, по всей вероятности, не менее столетия. По историческим источникам известна точная дата начала колонизации котловины Кокандским ханством — 1819/20 г.¹ Кокандцы возвели здесь свое укрепление во времена правления Мадали-хана, т. е. где-то после 1822 г., но с присоединением Кетмень-Тюбе к России в 1865 г. крепость утратила свое назначение. Следовательно, как укрепление она функционировала менее полувека. Однако косвенные данные указывают на то, что крепость существовала еще до прихода кокандцев, которым приходилось ее осаждать, что не противоречит нашим предположениям.

Крепость служила, очевидно, резиденцией представителя знатного родоплеменного подразделения. Мирза Каландар называет имя одного из них — Сатыке². Кстати,

¹ См.: *ст. в наст. сб.: Галицкий В. Я, Плоских В. М., Антипина К. И.* Исторический очерк Кетмень-Тюбе XIX—начала XX вв.

² Перевод извлечений из «Шах-наме»: Тарих-и Омар-хани, Мирзы Каландара Мушриффа Исфараги // МИКК. — Вып. I. — М., 1973. — С. 228.

он отмечен и в генеалогической таблице саякского племени, составленной Я. Р. Винниковым¹.

О строительстве кыргызских крепостей еще до кокандской колонизации имеются сведения и для других районов Киргизии. Так, таласский манап Садыр, решивший в свое время сделаться главой таласских кыргызов, построил в XVIII в. крепость и провел ниже р. Баутерек арык². Он использовал его для орошения полей 40 хозяйств скотоводов-юртовладельцев (следовательно, земледельцев).

По местным преданиям, возникновение Пишпека (Пишкека) относится к концу XVIII в., т. е. ко времени еще до кокандской колонизации³. Однако после 1825 г. на этом же месте было воздвигнуто крупное кокандское укрепление. Подобные крепости известны и на территории Туркменистана.

По-видимому, кыргызская крепость Улуг-Коргон на р. Узун-Ахмат была единственным (не считая мазаров и мелких укреплений) значительным сооружением на территории Кетмень-Тюбинской котловины. Отсутствие оседлых поселений является несомненным доказательством регресса общественной жизни в позднефеодальное время по сравнению с развитым средневековьем. К XVIII—XIX вв. здесь от многочисленных селений и городов средневековья остались лишь развалины в виде городищ и отдельных тепе. Вместе с тем налицо живучесть строительных традиций. Так, в многочисленных кыргызских мазарах,

¹ *Винников Я. Р.* Родо-племенной состав и расселение киргизов на территории Южной Киргизии // Тр. КАЭЭ. — Т. I. — М., 1956. — С. 147, табл. 3.

² *Калаур В. В.* Рассказ о четырех братьях Тюрjaliбековых (Д. Бакбасарова со слов С. Атансарова) // ПТКЛА, год 8-й. — Ташкент, 1903. — С. 34.

³ *Земляницын И.* Исторический очерк Семипалатинска и его торговля. Материалы для статистики Туркестанского края. — Вып. IV. — 1876. — С. 85.

глинобитных мелких крепостных сооружениях, по мнению А. Н. Бернштама, «сказывается прямая преемственность от древних, доисламских, во всяком случае домонгольских архитектурных форм»¹.

Расположенная вблизи перевала и контролировавшая выходы из ущелий, она занимала довольно выгодное стратегическое и политическое положение в котловине, играя немалую экономическую роль в жизни кочевого и полукочевого населения Кетмень-Тюбе.

Кокандцы превратили крепость в оплот ханско-феодального гнета над местным кыргызским населением. Это было одно, но крепкое звено в цепи укреплений и крепостей, возведенных кокандцами на территории киргизских кочевий. Восстановив Кетмень-Тюбинскую крепость, кокандские ханы оставили в ней постоянный гарнизон — до 100 солдат-сипаев и сарбазов². Это позволяло им удерживать в подчинении кочевавших по долине кыргызов, собирать с них зякет и другие налоги, взимать пошлины с транзитных торговых караванов.

Таким образом, раскопки и изучение материалов Кетмень-Тюбинской крепости позволяют нам сделать следующие выводы.

1. Крепость была сооружена кыргызами в XVIII в. До кокандской колонизации она функционировала как родоплеменное укрепление, а также как зимняя ставка кетмень-тюбинского правителя-феодала.
2. Возведенная на новом месте, крепость не имеет под собой пластов раннесредневековых поселений, но содержит элементы преемственности в архитектурном и фортификационном плане от более ранних подобных сооружений Кыргызстана.

¹ Бернштам А. Н. Историко-археологические очерки... — С. 122.

² Резник П. Ф. Кетмень-Тюбе в 1899 г... — С. 64.

3. С завоеванием долины Кокандским ханством старая киргизская крепость расширяется и укрепляется, приобретая законченность форм, характерную для подобных пограничных крепостей Кокандского, Бухарского и Хивинского ханств.
4. Если до кокандского владычества крепость служила ставкой киргизского феодала-родоправителя господствующего племени саяков, то со времени кокандской колонизации она выполняла роль военного укрепления, гарнизон которого служил орудием эксплуатации и национального угнетения местного киргизского населения.
5. Крепость перестала функционировать с вхождением Кетмень-Тюбинской долины в состав России.

В. Д. Горячева, В. М. Плоских

ИСТОРИЧЕСКИЙ ОЧЕРК

Кетмень-Тюбе XIX – начала XX веков

История Кетмень-Тюбинской долины является неотъемлемой частью общей истории Кыргызстана, но, естественно, имеет и свои локальные особенности. Специально предметом исследования история Кетмень-Тюбе не выступала, однако в трудах известных кыргызских ученых – академиков Б. Джамгерчинова и С. И. Ильясова, чл.-корр. А. Х. Хасанова, докторов историч. наук К. У. Усенбаева и А. А. Чукубаева и других даны основные направления и периодизация истории Кыргызстана XIX–начала XX вв., содержатся также конкретные факты из истории долины.

Предлагаемый очерк написан на основе сводных данных литературных источников с привлечением архивных материалов и частично сведений информаторов – старожилов Кетмень-Тюбе. Авторы пытались показать последний дореволюционный этап исторического развития долины.

Очень интересна и богата событиями позднесредневековая история Кетмень-Тюбе. Однако в специальной литературе этот период освещен слабо, скудны источники, особенно для XVI–XVIII вв. Одно из первых исторически достоверных упоминаний о позднесредневековом Кетмень-Тюбе встречается на страницах «Удивительных событий» (XVI в.) Зайн ад-Дин Васифи при описании борьбы кыргызов и казахов с могольскими ханами¹. Сам автор, принимая

¹ Автор витиевато в духе восточных придворных хроник характеризует «бунтовщиков» казахов (по другим источникам они выступали в союзе с киргизами), которые, «уповая на избыточность (своей)

непосредственное участие в походе против кыргызов и казахов, дошел до берегов Иссык-Куля. Он, видимо, побывал и в долине Кетмень-Тюбе. Во всяком случае, им оставлено описание мазара чахарбаг Узун-Ахмада¹, его в числе других святых посетил перед походом против кыргызов Абдар-Рашид-хан. А. Н. Болдырев — исследователь творчества Зайн ад-Дина Васифи, не без основания локализирует мазар на реке Узун-Ахмат в долине Кетмень Тюбе². Таким образом, уже в источниках XVI в. встречаются сообщения о борьбе кыргызских племен с узбекскими и могольскими ханами. Упоминание о «райском саде» на берегу Узун-Ахмата следует, очевидно, отнести к прибрежным зарослям, хотя, не исключено, что при мазаре действительно был сад.

Последующие исторические известия о Кетмень-Тюбе и его населении относятся уже к XVIII в. Так, территория Кетмень-Тюбинской котловины обозначена на калмакской карте, составленной в Джунгарии пленным шведом Ренатом в 1733 г.³ На ней отмечены ставки кочевников и вдоль

численности и обилие мощи и могущества, и на неприступность высот гор и возвышенностей холмов, поставили ногу в круг мятежа и непокорности и высунули голову из ворота смуты и беспорядка, и почли пресечение дыхания мусульман безнаказанным и разграбление их имущества удобным». (Материалы по истории казахских ханств XV—XVIII веков (Извлечение из персидских и тюркских сочинений). — Алма-Ата, 1969. — С. 172—184, примеч. 20 на С. 518).

¹ Вот эти строки: «В том месте (по дороге из Таласа в горы. — *авт.*) группа из мулазимов счастливого знамени прибыла в тенистый чахарбаг Узун-Ахмада, и это — благословенный сад, от (зависти к) которому на сердце Ирама (мифический райский сад — *авт.*) — рана, и прохлада которого, подобно лику изящных красавиц, и воздух которого подобен кокетливым взглядам пленительных возлюбленных» (Материалы по истории казахских ханств... — С. 180).

² См.: Зайн ад-Дин Васифи. Бадай ал-вакай. Критич. текст, введение и указатели А. Н. Болдырева. — М., 1961. — С. 346, примеч. 349.

³ См.: Макшеев А. Карта Джунгарии, составленная шведом Ренатом во время его плена у калмыков с 1716 по 1733 год // «Записки РГО по общей географии». — Т. XI. — 1888. — С. 105—145.

северного склона гор, окружающих долину. Здесь кочевали кыргызы, против которых в 1732 г. совершил один из своих разорительных походов джунгарский правитель Галдан-Цэрэн¹.

Прекрасные пастбища и особенности ландшафта нижнего Нарына и Джаман-Давана, которые по своей «трудности могли служить лучшим убежищем для частей вытеснявшихся из Тянь-Шаня один за другим народов»², привлекали кочевников в Кетмень-Тюбе.

Сама местность — высокогорная котловина в обрамлении цепи хребтов с открытыми только в летние месяцы перевалами — служила как бы естественной крепостью, помогающей кыргызам отражать набеги и захватнические походы врагов.

Более того, фольклорные материалы сохранили сведения об активной политической деятельности одного из чоринских феодалов XVIII в. Жамболота, кочевавшего по правобережью Нарына, не минуя, таким образом, и Кетмень-Тюбе. Он совершал неоднократные набеги на территорию Ферганы, Таласской долины и бассейна р. Или, захватывал и увозил с собой пленников, которые впоследствии сложились в небольшие роды, сумевшие сохранить свое

¹ «Около 1732 г. они (джунгары. — *авт.*) попали на Китмян Дубя, в вершинах Сыр-Дарьи, где владельцем Мингли-Байби» (см.: Потанин Г. Н. О караванной торговле с Джунгарской Бухарией в XVIII столетии // «Чтения в Обществе истории и древностей российских при Московском университете». — 1868. — Кн. 2 (апрель—июнь), отд. «Смесь». — С. 5, 24—25).

² Аристов Н. А. Опыт выяснения этнического состава киргизкайсаков Большой Орды и кара-киргизов на основании родословных сказаний и сведений о существующих родовых делениях и о родовых тамгах, а также исторических данных и начинающихся антропологических исследований // «Живая старина». — Вып. III и IV. — СПб., 1894. — С. 442.

самоназвание или память об этническом происхождении в течение двух столетий¹.

В источниках имеются сведения о безуспешных попытках кокандских ханов покорить свободолюбивых горцев в XVIII—начале XIX вв. То было время феодальных усобиц и беспощадных войн, губительных раздоров, в результате которых страдали все народы Средней Азии. Однако во второй половине XVIII в. кыргызы сумели сохранить свою независимость.

В конце XVIII в. правитель Коканда Нарбута-бий (1770 — около 1798/99 гг.) организовал поход против кыргызов Кетмень-Тюбе. Но «хотя он прилагал все свои благородные усилия и всю мощь своего мужества, — сокрушался лживый придворный историк хана Омара Мирза Каландар Мушриф Исфараги, — победы над ними одержать не смог»². И после этого при ханском дворе безуспешно вынашивались планы покорения вольнолюбивых кетмень-тюбинских кыргызов³.

Не успокоился и его преемник — Алим-хан (1799—1810 гг.), он приказал своему военачальнику Идрис-Кул-бию подчинить непокорных кыргызов. Последний неоднократно обращался к своим приближенным и вездесущим

¹ *Абрамзон С. М.* Этнический состав киргизского населения Северной Киргизии // Тр. Киргиз. археол.-этногр. экспедиции. — Т. IV. — М., 1960. — С. 43; *Винников Я. Р.* Родоплеменной состав и расселение киргизов на территории Южной Киргизии // Тр. Киргиз. археол.-этногр. экспедиции. — Т. 1. — М., 1956. — С. 147. В бассейне одной из кетмень-тюбинских речек — Торкен — наряду с подразделениями киргизов кайдулат, качканык и шыкмамат кочевали группы могол (монгол), некогда возглавлявших политические объединения на Тянь-Шане и составлявших здесь более 60% населения. (Винников Я. Р. Родо-племенной состав и расселение киргизов... — С. 147).

² Материалы по истории киргизов и Киргизии. — Вып. 1. — М., 1973. — С. 227.

³ Там же.

купцам за советом, как захватить этот горный край и поработить независимых кетмень-тюбинцев¹. В 1819/20 г. Омар-хан (1810—1822) вновь обсуждает вопрос о захвате Кетмень-Тюбе.

Кокандское ханство в зените своего могущества. Его границы расширились далеко на север и восток. Самонадеянность хана усилилась в связи с только что успешно проведенной карательной экспедицией против казахов Туркестана и Сузака. Но и предводитель кетмень-тюбинских кыргызов Сатыке отнюдь не желал покоряться, а, наоборот, сам неоднократно совершал набеги на кокандцев.

Для похода Омар-хан на этот раз выбрал зимнее время, «когда кыргызы наименее подвижны и наименее способны как к защите, так и к нападению»². Его полководец Сейид-Кулибек отправился с конным отрядом в горы. Минуя перевал, они ночью напали на кыргызское укрепление. Застигнутые врасплох, кетмень-тюбинцы бежали. «Произведя страшные грабежи в долине Узун-Ахмата и захватив массу пленных, Сейид-Кулибек с триумфом вернулся в Коканд»³. Так прекратилось существование одного из немногих кыргызских укреплений, которое в значительной мере сдерживало натиск кокандских феодалов на Кетмень-Тюбинскую долину в течение почти трех десятилетий. С захватом Кетмень-Тюбе для кокандских феодалов открылся путь в Таласскую долину и далее — в Чуйскую долину и Прииссыкулье.

Установление господства Кокандского ханства над Кетмень-Тюбинской долиной и другими районами Кыргызстана было связано с экспансией этого феодально-деспотического

¹ Материалы по истории киргизов и Киргизии. — Вып. 1. — М., 1973. — С. 227.

² *Наливкин В.* Краткая история Кокандского ханства. — Казань, 1886. — С. 118.

³ Там же.

²³ Том VI. В. М. Плоских

среднеазиатского государства в сопредельных с ним районах, главным образом на северо-востоке, населенных преимущественно скотоводами-кочевниками и полукочевниками. Завоевание новых территорий представляло ханам большие выгоды как политического, так и экономического характера. Возрастала численность подневольного населения; за счет постоянных налогов и многочисленных поборов, массового ограбления трудового народа, особенно во время военных походов, пополнялись ханская казна и карманы кокандских феодалов. Немалую роль при этом сыграло стремление кокандцев захватить торговые пути в Кашгарию и далее на Восток и обеспечить их безопасность. К тому же сам Кыргызстан имела важное значение как рынок выгодной реализации товаров кокандских купцов и как источник дешевых продуктов скотоводства, в которых нуждалось городское население ханства¹.

При Мадали-хане (начало его правления относится к 1822 г.) — сыне Омар-хана, кокандцы возвели свою крепость Улуг-Коргон (Кетмень-Тюбе), стратегически господствующую над окрестностью (на месте кыргызской крепости или с частичным использованием ее фортификации, а выше по р. Узун-Ахмат и на р. Чичкан — более мелкие укрепления. Последние вместе с крепостью Улуг-Коргон составляли одно из звеньев в цепи кокандских крепостей и укреплений на территории Кыргызстана, возводимых ханами по мере колонизации новых районов. При Кетмень-Тюбинской крепости постоянно находился гарнизон — 100 солдат². Перекрывая перевалы и устанавливая контроль над пашнями в долине, кокандские

¹ Джамгерчинов Б. Добровольное вхождение Киргизии в состав России. — Фрунзе, 1963; Усенбаев К. Общественно-экономические отношения киргизов в период Кокандского ханства. — Фрунзе, 1961.

² Резник П. Ф. Кетмень-Тюбе в 1899 году. — Андижан, 1904. — С. 56, 64 (Рукопись в б-ке АН Киргиз. ССР).

поработители удерживали в своем подчинении кыргызских скотоводов. Они взимали с них всевозможные налоги, а с проходящих через долину караванов и разъездных торговцев — пошлины. Особенно тяжкими были призывы мужчин в ханское ополчение, связанные с обязанностью отстаивать чуждые кыргызам интересы хана.

Назначенный ханом наместник постоянно жил в крепости, но фактически власть над кыргызами Кетмень-Тюбе принадлежала не ему, а родоправителям-манапам. Однако, по преданиям, «кыргызы не особенно подчинялись хану, и среди них всегда были волнения»¹.

Заслуживает внимания сообщение муллы Нийаз Мухаммеда об участии кетмень-тюбинских кыргызов в политических событиях в ханстве 1860—1862 гг.² В то время царская Россия активно распространяла свою власть на юг Семиречья, заняв ряд кокандских укреплений. Правитель Ташкента Канаат-Шах сообщил хану о приближении русских войск и запросил помощи. Малля-хан направил к нему датху Алымбека, приказав одному отряду двигаться через крепость Куртку с тем, чтобы собрать кыргызское ополчение, а другому — идти кружным путем через Чимкент. Силою собрав 12 тыс. «людей Андижана и кыргызов Куртки, Кетмень-Тюбе», Алымбек соединился с войсками Канаат-Шаха в местности Бикет (между Кастеком и Алматами). Однако будучи в тайной оппозиции по отношению к Малля-хану, Алымбек под предлогом недовольства тем, что его не назначили главнокомандующим, не принял участия в боях против русских войск и увел с собой в горы кыргызскую конницу.

¹ Резник П. Ф. Кетмень-Тюбе в 1899 году. — С. 65.

² Бартольд В. В. Извлечение из «Тарих-и Шахрухи». // Соч. — Т. II, ч. 2. — М., 1964. — С. 350—358; Ромодин В. А. Перевод извлечений из «Тарих-и Шахрухи» : Муллы Нийаз-Мухаммеда Хоканди // В кн. : Материалы по истории киргизов и Киргизии. — С. 233—237.

Кокандский хронист сокрушался по поводу того, что Алымбек «забрал андижанское войско и киргизов, удалился с ними в сторону, а дело битвы и все, что влечет за собой честь или позор, оставил Канаат-Шаху¹. Впоследствии, обвиненный ханом в измене, Алымбек бежал на Алай и затем в верховья Нарына, чтобы поднять окрестных киргизов против Коканда. Кетмень-тюбинцы примкнули к восставшим². Намереваясь стать правителем киргизов Центрального Тянь-Шаня, он вступил в сношение с русскими (кстати, западно-сибирским властям было заранее дано распоряжение о положительном ответе на просьбы киргизов о покровительстве). Но вскоре Алымбек вновь оказался в водовороте при-дворных интриг в Коканде, приведших к свержению Малля-хана в 1862 г.

Надо полагать, немалую роль в пассивности Алымбека во время похода против русских войск в Семиречье и его нежелании вступить в сражение с ними сыграло и благожелательное отношение кетмень-тюбинских киргизов к России. К этому времени иссык-кульские киргизы уже приняли российское подданство, с просьбой о присоединении к России обращались к русским властям в Западной Сибири и чуйские киргизы³.

Вражда из-за пастбищ между кетмень-тюбинскими и чуйскими манапами, а также постепенное утверждение России в Зачуйском крае ускорили вхождение Кетмень-Тюбе в состав Российского государства. Так, уже во время рекогносцировочного похода отряда А. И. Бутакова весной 1864 г. в Чуйскую долину к нему прибыл наряду с другими манапами, выразившими свои добрососедские чувства,

¹ Материалы по истории киргизов и Киргизии. — С. 236.

² Джамгерчинов Б. Очерки политической истории Киргизии XIX века. — Фрунзе, 1966. — С. 182–183.

³ Там же. — С. 139–140.

также сын манапа Рыскулбека — Осмон¹. Кетмень-тюбинцы поняли, что принятие русского подданства избавит их от власти кокандского хана и притеснений со стороны соседей.

Силы и влияние в крае кокандцев, вынужденных под напором царских войск и из-за неоднократных антиханских восстаний кыргызов оставлять свои крепости и укрепления, ослабевали.

В декабре 1864 г. манап Рыскулбек обратился к генералу М. Г. Черняеву с просьбой о принятии в подданство его с 10 тысячами юрт подвластных ему кыргызов-саяков, которые кочевали между Андижаном и Кетмень-Тюбе: «Места на Кетмень-Тюбе, — писал Рыскулбеков, — с давнего времени принадлежат мне, и я оттуда никуда не уйду. Сарыбагыши и солто уже два года делают мне притеснения и, если Вы пришлете мне письмо Ваше, то они не посмеют больше притеснять меня»². Генерал М. Г. Черняев направил это обращение генерал-губернатору Западной Сибири Дюгамелю, последний — военному министру России Милютину³. 18 марта 1865 г. тот в свою очередь писал Дюгамелю о «соизволении» царя Александра II на принятие в подданство манапа Рыскулбека с кыргызами из Кетмень-Тюбе⁴. Рыскулбек отправил в крепость Токмак своего сына Диканбая, который и провел через горные перевалы русский отряд в Кетмень-Тюбе⁵.

¹ *Джамгерчинов Б.* Очерки политической истории Киргизии. — С. 28.

² *Серебренников А.* Туркестанский край. // Сб. материалов для истории его завоевания 1864. — Ч. II. — Ташкент, 1914. — С. 278.

³ *Джамгерчинов Б.* Добровольное вхождение Киргизии... — С. 258–259.

⁴ *Хасанов А.* Взаимоотношения киргизов с Кокандским ханством и Россией в 50–70-х годах XIX в. — Фрунзе, 1961. — С. 39.

⁵ *Резник П. Ф.* Кетмень-Тюбе в 1899 году. — С. 66.

Господству Кокандского ханства над Кетмень-Тюбинским краем приходил конец. Кетмень-тюбинцы первыми в Южном Кыргызстане приняли русское подданство¹. Правда, это не избавило простой народ от гнета. Однако в целом вхождение Кыргызстана в состав России явилось знаменательным событием в истории края, оно оказало положительное влияние на ряд сторон жизни и быта кыргызов, на развитие их хозяйства и культуры².

Добровольное вхождение Кыргызстана в состав России явилось выражением неодолимого стремления трудовых масс кыргызского народа к установлению прочных дружественных связей с русским и другими народами России. Оно было исторической необходимостью на пути развития в прошлом отсталого и бесправного кыргызского народа³.

С вхождением в состав России территория Кетмень-Тюбе была преобразована в одноименную волость. В 1867 г., с организацией Токмакского (впоследствии Пишпекского) уезда, она была включена в его состав. Волостным управителем стал манап Рыскулбек Нарбутин. В 1881 г. от жителей

¹ После поражения Кокандского восстания 1873 года несколько тысяч киргизов перекочевали в Кетмень-Тюбе и на Чаткал, «спасаясь от преследований кокандского хана, который немилосердно казнил» повстанцев и грабил их имущество. Здесь им были отведены земельные участки // Усенбаев К. Присоединение Южной Киргизии к России. — Фрунзе, 1960. — С. 78—81.

² В частности, после окончательного присоединения нарынских киргизов к России, к 1868 г. было освобождено из рабства более 2 тыс. кибиток (хозяйств, или примерно 10 тыс. человек), в разное время попавших в плен и превращенных в рабов. Было окончательно ликвидировано рабство во всей его неприглядной форме // Газ. «Туркестанские ведомости». — 1874. — № 45; Аристов Н. А. Опыт выяснения этнического состава... — С. 442).

³ Дружба народов СССР — источник силы и могущества нашей Родины. К 100-летию добровольного вхождения Киргизии в состав России. Материалы идеологического отдела ЦК Компартии Киргизии. — Фрунзе, 1963. — С. 44.

Кетмень-Тюбинской волости было подано прошение туркестанскому генерал-губернатору о передаче волости в ведение Аулие-Атинского или Наманганского уездов¹. Просьбу свою они мотивировали тем, что Кетмень-Тюбе ближе к уездным центрам Аулие-Ата и Намангану, чем к Пишпеку, а также имеет лучшее сообщение с Таласом и Ферганой. Распоряжением краевых властей с начала 1884 г. Кетмень-Тюбинская волость была отнесена к Наманганскому уезду Ферганской области, а 15 марта 1886 г. было получено и формальное «высочайшее» соизволение царя².

Позднее, «для удобства управления», а также вследствие непрекращающихся распрей кетмень-тюбинских байманаров, от которых страдал трудовой народ, колонизаторские власти решили разделить Кетмень-Тюбинскую волость на Сусамырскую, с границей по р. Нарын, и Кенкол-Карагырскую, причисленные к Андижанскому уезду (1888 г.)³.

После подавления Андижанского восстания 1898 г. «беспокойная» Сусамырская волость 1 января 1899 г. была передана из Андижанского уезда в Наманганский, а в апреле 1899 г. ферганский военный губернатор «признал полезным» разделить и Сусамырскую волость на две «для усиления и облегчения надзора» за ее населением, выделив из нее новую — Арымскую волость⁴, с границей по р. Чичкан.

Так накануне установления Советской власти в этом горном крае оказалось, что компактная территория Кетмень-Тюбинской котловины с этнически однородным кыргызским населением была искусственно раздроблена на три волости, входившие в два уезда — Наманганский (Арымская

¹ ЦГВИА СССР. Ф. 1291. Оп. 82. Д. 16. Л. 1.

² Там же. Л. 4.

³ ЦГА Узб. ССР. Ф. 1. Л. 11. Д. 1770. Л. 1–4.

⁴ Возникновение и развитие революционного движения в Киргизии в конце XIX–начале XX вв. — Фрунзе, 1973. — С. 54–58.

и Сусамырская волости) и Андижанский (Кенкол-Карагырская волость).

Удаленность Кетмень-Тюбинской котловины от городов Ферганы, Таласа и Чуйской долины, куда направлялись основные массы переселенцев из центральных губерний России, а также труднодоступность горных перевалов, явились одной из причин довольно позднего появления здесь русских и украинских крестьян-переселенцев.

Вплоть до XX столетия Кетмень-Тюбинскую котловину миновала волна переселенческого движения¹. Появление русских переселенцев в Кетмень-Тюбе связано не с официальной колонизацией Кыргызстана, а с самовольным переселением сюда бедноты из многих районов Туркестана.

Несколько первых трудовых крестьянских семей в поисках свободной земли через отроги Таласского хребта спустились в долину в 1901 г. Они обосновались в районе слияния трех рек — Нарын, Узун-Ахмат и Чичкан. Постепенно к ним присоединились и другие переселенцы, основная масса которых прибыла осенью 1908 и весной 1909 гг. То были в основном безземельные крестьяне из различных мест Европейской России, но главным образом из Воронежской и Харьковской губерний. Среди переселенцев были 4 мельника, 4 плотника, 4 охотника, 2 шорника, 2 пильщика, сапожник, кузнец, торговец и фельдшер².

¹ См.: «Туркестанские ведомости». — 1885 г. — № 20 и 21; *Резник П. Ф.* Кетмень-Тюбе в 1899 году. До 1901 г. в Кетмень-Тюбе из русских переселенцев проживали лишь лесник и учитель, да время от времени навещал долину полицейский пристав и другие чиновники.

² Так, из Воронежской губернии пришло 16 семейств, Харьковской — 13, Астраханской — 4, Полтавской — 3, Киевской — 2, Саратовской — 2, Самарской — 2, Екатеринославской — 2, Тульской, Симбирской, Курской, Петровской, Ставропольской, Семиреченской и Сыр-Дарьинской — по 1. *Л. И.* Несколько слов к вопросу об устройстве в местности Кетмень-Тюбе Наманганского уезда Ферганской области русского поселка. // Туркестанские ведомости. — 1910. — № 49.

Кыргызы, зимовки которых находились в долине, уступили русским крестьянам часть своих земель. Впоследствии переселенцам было отмежевано 6541 дес. Вскоре в Кетмень-Тюбе был уже свой базар, очень нужный населению¹.

Первопоселенцы поначалу произвольно занимали усадьбы, строили землянки и избы-временки, затем мало-помалу стали обживаться и, смотря по силам и достатку, возводить дома, возле которых росли хозяйственные постройки по мере обзаведения скотом и сельскохозяйственным инвентарем. Для орошения усадеб и пахотных земель поселенцы провели первые отводы из киргизских арыков².

В 1908 г. самовольческий поселок был зарегистрирован и назван Алексеевкой³. Постепенно росло число его жителей. Если в 1907 г. здесь насчитывалось лишь 15 семей (69 человек), то в следующем году — уже 53 семьи (319 человек), а в 1911 г. — 65 семей (460 человек)⁴, хозяйственное положение их было самым различным⁵. В 1910 г.

¹ *Гаврилов Н.* Переселенческое дело в Туркестанском крае. — СПб., 1911. — С. 159 и сл.

² ЦГИА СССР. Ф. 391. Оп. 3. Д. 1803. Л. 203.

³ В «Сведениях и ведомствах о состоянии русских поселков» год образования с. Алексеевки 1910 // ЦГА Узб. ССР. Ф. И. 25. Оп. 1. Д. 149. Л. 5; см.: Сельскохозяйственный обзор Туркестанского края за 1915 год. — Ташкент. — С. 77.

⁴ *Бартольд В. В.* История культурной жизни Туркестана. В кн.: Акад. Бартольд. // Соч. — Т. II, ч. 1. — М.: «Наука», 1963. — С. 331; В материалах ревизии Туркестанского края К. К. Палена отмечено «около 70 семейств» (см.: Пален К. К. Переселенческое дело в Туркестане. — СПб., 1910. — С. 231 и др.

⁵ К 1908 г. в этих семьях числилось 28 телег, 20 плугов, 16 борон, 70 лошадей, 2 вола, 30 коров, 30 телок, 11 свиней, 18 баранов и овец, 6 козлов, 5 гусей, 690 кур. На посевы имелось 230 пудов пшеницы, 20 пудов овса, 1,5 пуда льна и 1 пуд гороха. // Туркестанские ведомости. — 1910. — № 49.

намечалось устроить в Кетмень-Тюбе уже 200 переселенческих семей с 700 мужскими душами¹.

К 1911 г. это было уже довольно благоустроенное село с хорошо спланированными и обсаженными деревьями улицами, к которым примыкали усадьбы. Налаживались дружеские отношения пришлого населения с коренным, что благотворно сказывалось на развитии их хозяйства, культуры, быта. Добрососедские контакты вели не только к взаимной хозяйственной поддержке, но и к пониманию общности судеб простых людей труда, к пониманию единства интересов в грядущей классовой борьбе кыргызской и русской бедноты против социального и национального гнета.

* * *

Основным занятием коренного населения Кетмень-Тюбе в XIX в.² продолжало оставаться кочевое и полукочевое экстенсивное скотоводство. Земледелием занимались в небольших размерах полуоседлые хозяйства и немногие осевшие бедняки. Относительное развитие получили различные домашние промыслы и ремесла, базировавшиеся

¹ ЦГИА СССР. Ф. 391. Оп. 3. Д. 1903. Л. 199.

² После завоевания Кыргызстана монгольскими войсками и столь же разорительных походов тимуридов широко распространенное прежде в долине земледелие (свидетельство тому — остатки многих поселений и следы древней ирригации) пришло в упадок. В период господства на Тянь-Шане могольских ханов Кетмень-Тюбе предстает уже как скотоводческий район, хотя еще продолжали функционировать отдельные оседло-земледельческие очаги (Акчий XV—XVI вв.). К их исчезновению привели длительные феодальные усобицы и борьба с внешними завоевателями, особенно джунгарами в XVII — первой половине XVIII вв. Не возродила их и кокандская колонизация. Земледелие, к которому обращались в моменты кризисного состояния скотоводства после джутов и других стихийных бедствий, низвелось к роли простого придатка к скотоводческому хозяйству.

на животноводческом сырье. В целом же хозяйство кетмень-тюбинцев носило натуральный и полунатуральный характер (последнее — преимущественно у полуоседлых земледельцев и тех скотоводов, которые отчасти или эпизодически были связаны с рынком).

Как обособленный район юго-западного Кыргызстана Кетмень-Тюбе намного уступал в экономическом развитии соседним оседло-земледельческим регионам — Фергане и Таласу, оставаясь по сути их периферийно-скотоводческой базой, для чего здесь имелись довольно благоприятные условия¹. О направленности, типе и характере, а также средних размерах кыргызского животноводческого хозяйства в Кетмень-Тюбе досоветского периода свидетельствуют данные, собранные чиновниками переселенческих органов в годы, предшествовавшие первой мировой войне. Так, по роду хозяйственных занятий население Кенкол-Карагырской волости являлось преимущественно кочевниками-скотоводами, хозяйства которых составляли 80,5% всех хозяйств волости², а в Сусамырской и Арымской волостях удельный вес кочевого населения был даже выше — 84%³. Животноводство⁴ являлось основным источником существования населения долины. В Кенкол-Карагырской волости

¹ Кетмень-Тюбинская долина — один из наиболее благоприятных районов Нарынского края как по климату, так и по экономическим условиям. Большую роль здесь всегда играла р. Нарын, «связь долины этой реки с Таласом и Чу» — так оценивал ее природно-географические условия один из первых русских исследователей Туркестана А. В. Буняковский. (См.: Буняковский А. В. Растительность Чирчикской долины и сведения о географических исследованиях в Тянь-Шане летом 1869 г. // «Изв. РГО». — Т. VI. — СПб., 1870. — С. 113–115).

² Материалы по киргизскому землепользованию. Андижанский уезд. Ферганская область. — Ташкент, 1913. — С. 65.

³ ЦГИА СССР. Ф. 1276. Оп. 10. Д. 648. Л. 2.

⁴ Там же. Л. 2. В «среднем» хозяйстве насчитывалось 23 головы домашнего скота.

оно приносило 67,5 руб. дохода на каждые 100 руб., полученные в хозяйстве, тогда как земледелие давало лишь 32,5 руб. дохода¹. В двух других названных кыргызских волостях Наманганского уезда соотношение доходных частей бюджета в «среднем» хозяйстве от животноводства и земледелия было более равномерным, составляя соответственно 41 и 38%². А это лишний раз свидетельствует о том, что хозяйство даже большинства кетмень-тюбинских киргизов отнюдь не было «чисто» кочевым, скотоводческим, ибо оно в определенной мере, особенно у полукочевников, являлось комплексным — животноводческо-земледельческим. Совершенно не сеявшие хозяйства составляли всего несколько процентов³.

Первые статистические сведения о количестве поголовья скота и его структуре в Кетмень-Тюбе относятся к 1869 г. Тогда 1469 хозяйств Кетмень-Тюбинской волости владели 20687 баранами, 3287 лошадьми, 485 верблюдами и 302 головами рогатого скота⁴. По сравнению с XVIII— первой половиной XIX вв. здесь, как и в других районах края, наблюдалась тенденция к увеличению доли рогатого скота — мелкого и крупного — при относительном уменьшении удельного веса лошадей как по поголовью, так и по значению в хозяйстве.

К 1914 г. овцеводство стало уже одной из важнейших отраслей животноводства наряду с коневодством и разведением крупного рогатого скота. Характерно, что богатые скотоводы содержали в большом количестве главным

¹ Материалы по киргизскому землепользованию. Андижанский уезд. — С. 44.

² ЦГИА СССР. Ф. 1276. Оп. 10. Д. 648. Л. 2.

³ Материалы по киргизскому землепользованию. Наманганский уезд. — С. 45.

⁴ Материалы для статистики Туркестанского края. — Ежегодник. — Вып. III. — СПб., 1874. — С. 256—259.

образом промышленный скот — лошадей и овец, а бедные — преимущественно молочные породы: крупный рогатый скот, малопригодный для перекочевков, и неприхотливых дешевых коз¹.

Высокопродуктивный скот не разводили, хотя отдельные экземпляры его встречались в богатых хозяйствах. Овцы содержались в основном грубошерстные и малошерстные, лошади малорослые; крупный рогатый скот — с низкими удоями и незначительным убойным весом. Богатство юртовладельца определялось количеством скота, главным образом овец.

Скотоводство в Кетмень-Тюбе, как и в других районах края, характеризовалось вертикально-кочевой системой его ведения. Перекочевки велись по строго определенному циклу: с зимовок перемещались на весенние пастбища, затем поднимались в горы на джайлоо (до 3,5 км), а с наступлением холодов вновь спускались на осенние пастбища, зимовки были постоянны. Маршруты перекочевков не выходили за пределы волости, а их протяженность зависела, конечно, от состоятельности животновода, однако не превышала 100—150 верст². В этом, в частности, была одна из особенностей местного животноводства.

Лучшими пастбищами считались местности Арым, Чичкан, Ирису, Ортак-Тоо и Сусамыр. У каждого рода имелись свои скотопрогонные пути, свое место на джайлоо. Основным летним выпасом служила обширная Сусамырская долина. Скотоводы из Кетмень-Тюбе встречались там с киргизами из Таласа и Чуйской долины, а также с прикочевывавшими казахами. Мирное соседство скотоводов нередко нарушалось столкновениями из-за спорных границ.

¹ Материалы по киргизскому землепользованию. Наманганский уезд. — С. 36.

² ЦГИА СССР. Ф. 1276. Оп. 10. Д. 648. Л. 2; Материалы по киргизскому землепользованию. Наманганский уезд. — С. 41.

Скотоводческое хозяйство кетмень-тюбинцев имело и свои специфические особенности, обусловленные географическими и природно-климатическими условиями.

Пользование пастбищами носило коллективный, общинно-родовой характер. Оседание кыргызов, несмотря на традиционность земледельческих занятий, происходило чрезвычайно медленно. И хотя почти все кыргызские хозяйства в Кетмень-Тюбе имели посевы зерновых или кормовых культур (за исключением бедноты, не имевшей никакого скота и лошадей, или наиболее богатых кочевников, пренебрегших земледелием), жилые постройки на зимовьях имели только 1,3% их в Кенкол-Карагырской волости¹ и 3,6% — в Сусамырской и Арымской волостях².

В начале XX в. в Кетмень-Тюбинской долине намечаются кое-какие сдвиги в способах содержания скота. В частности, возросли заготовки сена на зиму. Заготовкой кормов для скота в Кенкол-Карагырской волости занимались 2,3% хозяйств³. Некоторые середняцкие и зажиточные хозяйства сено закупали в Сусамырской и Арымской волостях, таких хозяйств насчитывалось 4,1%⁴. 15,3% всех хозяйств Кенкол-Карагырской волости⁵ и 3,6% хозяйств Сусамырской и Арымской волостей⁶ сеяли люцерну.

¹ Материалы по киргизскому землепользованию. Андижанский уезд. — С. 44. Отметим попутно, что процент культурных угодий в общей площади призимовочных территорий составлял здесь всего 3,5%.

² Материалы по киргизскому землепользованию. Наманганский уезд. — С. 41.

³ Материалы по киргизскому землепользованию. Андижанский уезд. — С. 44.

⁴ Материалы по киргизскому землепользованию. Наманганский уезд. — С. 41.

⁵ Материалы по киргизскому землепользованию. Андижанский уезд. — С. 44.

⁶ Материалы по киргизскому землепользованию. Наманганский уезд. — С. 41.

Возводились ограды для мелкого рогатого скота и крытые навесы для лошадей.

Несмотря на традиционный характер скотоводства, в начале XX в. кыргызы стали применять и более прогрессивные методы ухода за скотом, заимствованные у переселенцев. В целом же животноводство в Кетмень-Тюбе все еще носило экстенсивный характер, базируясь в основном на круглогодичном содержании скота на пастбище.

Примерно с середины прошлого столетия в долине начинает возрождаться земледелие. Уже в 1869 г. А. В. Каульбарс зафиксировал в целом ряде мест Кетмень-Тюбинской котловины «кыргызские пашни». К этому же времени относятся и первые статистические данные о земледельческих занятиях кетмень-тюбинских кыргызов, собранные русской администрацией. Так, в 1869 г. 1469 хозяйств Кетмень-Тюбинской волости высевали 1258 капов (мешков) пшеницы и 1077 капов проса и собирали 4066 капов пшеницы и 3904 капа проса¹.

В последующие десятилетия — в конце XIX — начале XX вв. — земледелие получило дальнейшее развитие: увеличились площади распаханых под зерновые земель (за счет богарных), расширился набор выращиваемых культур. Уже в 1899 г., по распросным данным, в долине было засеяно около 3000 дес.

К 1913 г. на одно сеющее хозяйство в Кенкол-Карагырской волости приходилось в среднем 2,5 дес. пашни, в том числе 1,7 дес. поливной и 0,8 дес. богарной. В то же время площадь естественных сенокосов на одно хозяйство составляло 1,2 дес., а посевов люцерны — и того меньше².

¹ Каульбарс А. В. Материалы по географии Тянь-Шаня, собранные во время путешествия 1869 г. // «Записки РГО». — СПб., 1873. — С. 334–335.

² Материалы для статистики Туркестанского края. // Ежегодник. — Вып. III. — СПб., 1874. — С. 256–259.

Почти аналогичная картина наблюдалась в занимающихся земледелием хозяйствах Сусамырской и Арымской волостей. Здесь на одно хозяйство в среднем приходилось 2,6 дес. пахоты, в том числе поливной 2,5 дес. и только 0,1 дес. богарной, а покосов — естественных и люцерны — лишь 0,2 дес.¹ Сельскохозяйственные культуры возделывались преимущественно на орошаемых землях. Так, в Сусамырской и Арымской волостях поливные посевы составили 94,9% всего посевного клина². Более заметное развитие получило и богарное земледелие. Например, в Кенкол-Карагырской волости посевы на богаре занимали уже 31,8% общей площади пашни.

Улучшение транспортных связей Кетмень-Тюбе с Ферганской долиной, хотя и вызвало некоторое расширение кыргызских запашек, но последующие земельные изъятия по воле царских властей затормозили развитие земледелия в крае. Достаточно сказать, что в 1914 г. Переселенческое управление планировало изъятие до 91 160 дес. «излишков» только по Сусамырской и Арымской волостям³. Лишившись пашни, местное население вынуждено было осваивать предгорные земли.

Однако агротехника, по-прежнему, носила примитивный характер. На поливной пашне 3—4 года подряд сеяли «без отдыха» пшеницу, просо, кукурузу, на богарных — пшеницу, иногда чередуя ее с ячменем. Через 7—8 лет поливное поле оставляли под залежь, богарное — через 4—5 лет⁴.

¹ Материалы по киргизскому землепользованию. Андижанский уезд. — С. 44.

² Материалы по киргизскому землепользованию. Наманганский уезд. — С. 41.

³ ЦГИА СССР. Ф. 1276. Оп. 10. Д. 648. Л. 4.

⁴ Материалы по киргизскому землепользованию. Наманганский уезд. — С. 49. 50.

До трехполья, как отмечал в середине 20-х годов П. Кушнер¹, местные кыргызы так и не дошли.

Пахали исключительно сохами с железными наконечниками. В качестве бороны использовалась связка хвороста или бревно, которые волочило животное. Сеяли вручную. Во многих местах сначала производили посев, а потом взрыхляли почву. Тягловой силой служили быки, лошади и верблюды. Жали серпами, молотили традиционным способом — гоняли быка или лошадь по снопам, разложенным по кругу. С появлением переселенцев кыргызы для молотбы стали использовать каменные катки.

Если в скотоводстве общинные отношения выражались в коллективном выпасе скота, перемещении аилами, когда скот комплектовался в стада не по принципу собственности, а по видам — в табуны, гурты или отары, то в земледелии архаичные общинные порядки проявлялись в совместной обработке земли и последующем ее разделе на участки по хозяйствам. Бытовала и многовековая земледельческая практика совместного (всем аилом) хранения зерна в ямах.

Земледельческий цикл определялся по народному календарю, составленному с учетом климатических особенностей края. Выращивали кетмень-тюбинские кыргызы в основном пшеницу, кукурузу, просо, некоторые сеяли ячмень, лен, а также бахчевые (дыни)², — навыки возделывания последних были заимствованы у узбеков Ферганы. Впервые узбеки начали культивировать здесь и такую высокодоходную культуру, как хлопок. Незначительные площади его имелись в долине р. Узун-Ахмат. В 1899 г. делались попытки выращивать американский хлопок³. В долине Кара-Су

¹ Архив Киргизского филиала НМЛ. Ф. 56. Оп. 1311. Л. 187–188.

² Материалы по киргизскому землепользованию. Наманганский уезд. — С. 46.

³ См.: *Резник П.* Хлопководство в Наманганском уезде // *Ежегодник Ферганской области.* — Т. III. — Н.-Маргелан, 1903. — С. 124.

²⁴ Том VI. В. М. Плоских

сеяли рис. С приходом узбекских, русских и украинских переселенцев кыргызы стали выращивать некоторые огородные культуры — картофель, лук, морковь, правда, лишь на поливных землях и то в ничтожно малом количестве¹.

Нарративные источники и архивные документы донесли до нас скудные сведения о бытовавших в Кетмень-Тюбе формах землевладения и землепользования. Однако можно полагать, что они не отличались от таковых в других южных районах Киргизии, в частности, Фергане². Правом землевладения обладали манапы — родоправители, пользование пастбищем было коллективным — общинным, орошаемые пахотные земли находились в частном владении и подворно-наследственном пользовании, хотя роль общины и коллективного начала в земледелии проявлялась здесь более четко, чем в Фергане. Практика свободного захвата богарных земель приводила к столкновению интересов рядовых общинников и богатых скотоводов.

В XIX—начале XX в. в основе земледелия в Кетмень-Тюбе лежала издавна освоенная местным населением техника ирригации. Следы больших ирригационных сооружений в местности, например, Узун-Ахмат³, которая в древности и раннем средневековье представляла собой культурно-земледельческий оазис, были отмечены еще в дореволюционное время. Однако народная память безосновательно связывает время возникновения каналов с калмаками⁴.

¹ Материалы по киргизскому землепользованию. Наманганский уезд. — С. 46.

² Ср.: *Плоских В.* Очерк земельных отношений в Южной Киргизии накануне вхождения в состав России. — Фрунзе, 1965.

³ ЦГИА СССР. Ф. 391. Оп. 3. Д. 1803. Л. 200.

⁴ Нашествия джунгар не имели никакого отношения к возрождению ирригации и земледелия в долине, а так называемые «калмакские» арки гораздо древнее. Как показали специальные исследования, полив-

Из старых гидротехнических сооружений в долине наиболее значительным на территории Кетмень-Тюбе был так называемый Большой арык («Чон-арык») в Кенкол-Жарагырской волости. Длина его составляла 35 верст, время функционирования — конец XVIII—начало XIX вв. Известны также кыргызские арыки «Курган» и «Карасакал» в районе с. Алексеевка¹. В проведении крупных оросительных каналов была заинтересована та часть феодально-родовой верхушки, которая с помощью полударового труда зависимых от нее общинников, заводила собственные земельные распахки. Поддержание ирригационной сети в рабочем состоянии являлось результатом коллективного труда целых аилов и общин. Канал называли обычно именем манапа или бая — инициатора или организатора работ. Так, в Кетмень-Тюбе и в районе р. Джумгал известны арыки Дыйканбая.

В целом земледелие кыргызов в Кетмень-Тюбинской котловине оставалось экстенсивным, несмотря на то, что более двух третей обрабатываемых площадей были поливными, они засевались малоурожайными и низкодоходными культурами. Земледелие во многом носило потребительский натуральный характер, едва удовлетворяя минимальные потребности населения в зерне; только зажиточные и байские хозяйства имели возможность поставлять избыток продукции на рынок.

До вхождения в состав России в кетмень-тюбинских аилах безраздельно господствовала меновая торговля².

ное земледелие в долине зародилось в эпоху раннего средневековья. По рассказам стариков, при заселении киргизами Кетмень-Тюбинской долины здесь уже существовал большой горный арык, который якобы был проведен калмаками. По мере расширения земледелия киргизы не только использовали старые, но и проводили новые каналы.

¹ ЦГИА СССР. Ф. 391. Оп. 3. Д. 1803. Л. 203.

² Общее состояние торговли в крае в середине XIX в. См.: Джаманкараев А. Б. Развитие торговли в Киргизии в конце XIX — начале XX вв. — Фрунзе, 1965.

Скот обменивался на некоторые земледельческие продукты, добычу охотников, изделия кустарного промысла, а также на издавна добываемую кетмень-тюбинцами соль. Лишь изредка внутренний натуральный обмен дополнялся обменом товаров, привозимых транзитными купцами да ферганскими, специально прибывающими в Кетмень-Тюбе за скотом. Местные бай-манапы приобретали в обмен на скот предметы роскоши, рядовые общинники — необходимые в быту предметы, в основном металлические изделия.

В конце XIX—начале XX в. в натуральный обмен вторгается денежная торговля. Втягиванию кыргызских хозяйств во внутрирыночные отношения, а соответственно и развитию в крае товарно-денежных отношений во многом способствовала замена натуральной формы налогов денежной, расширение транзитной торговли скотом между Семиречьем и Ферганой через Кетмень-Тюбе (прогонялось несколько сотен тысяч баранов), некоторое улучшение путей сообщения котловины с соседними районами Кыргызстана и Туркестана, а также переселение в долину ферганских узбеков и русских крестьян.

Сильнейшим тормозом развития торговли в Кетмень-Тюбе являлась ее изоляция на время закрытия перевалов. Этим объяснялась относительная дешевизна местных товаров¹ (в основном скота и животноводческого сырья) и дороговизна товаров привозимых. Низкие цены обуславливались во многом трудностями сбыта на сторону сельскохозяйственной продукции. Торговля была сосредоточена главным образом в руках купцов-узбеков и татар, наезжавших в долину только летом, с открытием горных дорог.

¹ К примеру, чейрек риса стоил 16 руб., пшеницы — 3 руб., а ячменя — всего 1 руб., как и сотня снопов сухого клевера. «Порядочный» баран оценивался в 1 руб. 50 коп — 1 руб. 80 коп. (Резник П. Ф. Кетмень-Тюбе в 1899 году. — С. 55).

Из-за слабо развитой торговли местное кыргызское население почти обходилось продуктами собственного хозяйства, выменивая скот и животноводческое сырье на кустарно-ремесленные изделия у ферганских торговцев, связи с которыми оживились с середины 80-х годов XIX в.

В конце XIX—начале XX вв. кетмень-тюбинские скотоводы переправляли свой скот на рынки Ферганы и Семиречья, откуда им доставляли мануфактуру и другие фабрично-заводские товары. Так, зажиточные животноводы из Арымской и Сусамырской волостей отправляли своих лошадей на рынки Андижанского уезда и в Сыр-Дарьинскую область (в Талас)¹.

Развитию земледелия у кыргызов способствовало улучшение вьючной дороги в Фергану в 1904 г. Теперь ежегодно зерно вывозилось даже за пределы долины — на базары Наманганского и Андижанского уездов². Усиление внутренней торговли было вызвано открытием базара в основанном переселенцами с. Алексеевка. По существу и землю под это селение кыргызы уступили в надежде на открытие здесь базара. Это хотя и слабый, но все же один из показателей роста товарности кыргызского хозяйства, его тяготения к установлению связей с рынком.

Вместе с тем нет оснований переоценивать значение торговли и ее влияние на разложение натуральных и полунатуральных основ кыргызского хозяйства в Кетмень-Тюбе, которые оставались господствующими даже накануне Октябрьской революции 1917 г.

Изолированность горного края из-за неблагоприятных транспортных условий заметно тормозила его экономическое и культурное развитие. Правда, в начале XX в. дороги, связывавшие Кетмень-Тюбе с соседними районами

¹ ЦГА Узб. ССР. Ф. И. 276. Оп. 1. Д. 972. Л. 6–7.

² *Усенбаев К.* Присоединение Южной Киргизии к России. — Фрунзе, 1960. — С. 140–141.

Кыргызстана и Туркестана, были в несколько лучшем состоянии, чем в конце 60-х годов XIX в. Однако по многочисленным свидетельствам современников, и в предреволюционный период Кетмень-Тюбе, как и другие горные районы Кыргызстана, оставался краем почти сплошного бездорожья.

Как видно из архивных документов, литературных и других источников, в частности, записок упоминавшегося П. Ф. Резника, к 1914 г. сообщение населения Кетмень-Тюбинской долины с соседними местностями и уездными центрами осуществлялось через несколько труднопроходимых перевалов, закрывавшихся с конца лета до следующей весны. По ним издавна проходили караванные, вьючные и вьючно-колесные дороги в Фергану, Талас и Семиречье. Три пути вели в города Ферганской долины, из них два — в г. Наманган. В 1903 г. одна из этих дорог разрабатывалась в порядке трудовой повинности населением ближайших кетмень-тюбинских волостей под руководством русских саперов, но работы не были закончены из-за наступления сильных холодов. Вьючные дороги на Наманган и Андижан напоминали скорее тропы, по узкому карнизу которых во многих местах не могли разъехаться даже два встречных всадника¹.

Колесный (местами вьючный) путь вел лишь в Таласскую долину — в с. Дмитриевское (Талас) и далее в г. Аулие-Ата. Путь по р. Чичкан через перевал Джар-Гарт шел в с. Мерке. А дорогой по р. Тургень-Сай, через Сусамырскую долину, и далее перевалом Ала-Арча можно было за несколько суток добраться до Пишпека. Длинные и трудные дороги вели в Прииссыккулье (в г. Пржевальск).

Столь же неблагоустроенными были пути и внутри Кетмень-Тюбинской котловины. А перебраться с одного берега бурного Нарына на другой иногда совершенно

¹ ЦГИА СССР. Ф. 391. Оп. 3. Д. 1803. Л. 201.

не представлялось возможным. Разработка и поддержание в проезжем состоянии дорог и ремонт мостов ложились тяжелейшим бременем на плечи трудового кыргызского и переселенческого населения края¹. Некоторая «забота» царских властей об улучшении дорог и связи объяснялась военно-политическими и полицейскими соображениями, вытекала из интересов пополнения казны.

Оценивая в общем состояние экономики Кетмень-Тюбе в дореволюционный период, отметим, что ее территориальная замкнутость и натуральные основы кыргызского хозяйства не были серьезно нарушены и после вхождения края в состав России. Экстенсивное кочевое скотоводство, потребительский характер земледелия, низкий уровень товарно-денежных отношений и плохие пути сообщения явились серьезным тормозом для дальнейшего экономического развития долины. Преодолеть его могли лишь революционные преобразования.

* * *

Кетмень-Тюбинская долина издавна была ареной национально-освободительной борьбы кыргызского народа против монгольских и джунгарских завоевателей, а также межфеодалных усобиц бай-манапской верхушки коренного населения.

Туркестанская колониальная администрация считала Кетмень-Тюбе чрезвычайно беспокойным районом, где буквально не прекращалась антифеодалная и антиколониальная борьба трудящихся против господствующих классов и стоявших за их спиной царских колонизаторов. Нередко выступления недовольных рядовых общинников в силу господства

¹ Сапелкин А. А. К истории феодализма в Киргизии в конце XIX—начале XX вв. — Фрунзе, 1968. — С. 85.

в кыргызском обществе патриархально-феодалных отношений принимали характер родо-племенных столкновений.

В основе же многочисленных проявлений классовой борьбы угнетенного кетмень-тюбинского дыйканства лежали глубокие социально-экономические причины: процесс социальной дифференциации в кыргызском аиле и общине, зарождение непримиримо враждебных классовых сил. О социальной дифференциации кыргызов Кетмень-Тюбе к 1914 г. можно судить по материалам об экономике их хозяйств, собранным чиновниками переселенческих органов. Ко времени империалистической войны процесс социальной дифференциации аила здесь протекал особенно интенсивно. При этом выделялись крайние классово полярные группы, отношения между которыми были резко враждебны. Все увеличивавшемуся числу бедняцких хозяйств (бескотным и безлошадным и владельцам до трех лошадей, а также беспосевным и издольщикам до двух десятин) экономически противостояла численно небольшая (всего несколько процентов всех кетмень-тюбинских хозяев) группа байманапских семей¹.

Остановимся вкратце на вопросе о найме, который был тесно связан с арендой земли и скота, а также социальной дифференциацией и классовой борьбой в Кетмень-Тюбе.

Число кыргызских хозяйств, использовавших наемный труд, в Кенкол-Карагырской волости к 1913 г. составляло 13,1%, т. е. несколько больше, чем по Андижанскому уезду в целом, где их было 12,7%². Это незначительное превышение объясняется преобладанием в Кетмень-Тюбе кочевого скотоводства, требовавшего дополнительных рабочих рук, а также обращением баев к земледелию, которое было

¹ Материалы по киргизскому землепользованию. Андижанский уезд. — С. 60; Наманганский уезд. — С. 36–37 и др.

² Материалы по киргизскому землепользованию. Андижанский уезд. — С. 60.

связано с наемными работниками. Многие баи сдавали захваченную ими обширную землю на издольных началах (орток) беднякам, получая за это половину урожая. За счет наемного труда зажиточные кыргызы с целью наживы начали культивировать хлопок и некоторые другие технические культуры, находившие спрос на рынке.

Кроме того, среди кыргызов Кенкол-Карагырской волости получают распространение кое-какие промыслы. Обращаясь к статистическим данным по обследованию кыргызских хозяйств Наманганского и Андижанского уездов, следует иметь в виду, что в категорию «занятия промыслами» статистики включали и вынужденную продажу своей силы в наем кыргызской беднотой, а также службу и торговлю у богатых и зажиточных кыргызов. Некоторые бедняки жили тем, что собирали и продавали топливо, орехи, батрачили в байских хозяйствах, нанимались пастухами и табунщиками, занимались добычей и извозом соли, алебаstra и свинца. По данным обследований, число хозяйств, занимавшихся промыслами, в Кетмень-Тюбе составляло 30,6%, а по Андижанскому уезду в целом — 25,5%¹. Здесь следует оговориться, что собственно промыслы среди оседлого населения уезда были распространены гораздо больше, чем среди кочевников-животноводов Кетмень-Тюбе, но по приведенным статистическим выкладкам получается наоборот.

Это объясняется следующим: в число «промышленников» статистиками были зачислены батраки, черно- и разнорабочие, прибегавшие к вынужденной продаже своего труда богатым и зажиточным скотоводам, и, разумеется, байским хозяйствам, владеющим более чем 5–14 десятинами земли.

¹ Материалы по киргизскому землепользованию. Наманганский уезд. — С. 541; Там же. Андижанский уезд. — С. 60 (табл. VII). В киргизских хозяйствах Наманганского уезда, в том числе Арымской и Сусамырской волостей, число хозяйств, занятых промыслами, составляло по данным статистиков 34% // ЦГИА СССР. Ф. 1276. Оп. 10. Д. 648. Л. 3.

Мы не имеем возможности подсчитать точно, какой процент кыргызских хозяйств был втянут в процесс купли-продажи рабочей силы. Среди хозяйств, занятых промыслами, при обследовании не выделены те, которые отпускали наемных рабочих на сторону. Причем наемные рабочие в этом случае использовались в основном в зажиточных и байских хозяйствах в пределах своей волости¹. Нет сомнения, однако, в том, что число их было гораздо больше, чем число хозяйств, пользующихся наемным трудом в Кенкол-Карагырской волости. Это позволяет ориентировочно определить количество хозяйств, втянутых в отношения продажи и потребления наемной рабочей среды, не менее чем в 25%.

При полном отсутствии промышленных предприятий в крае, при слабо развитой торговле внутри Кетмень-Тюбинской котловины и плохих транспортно-экономических связях ее с сопредельными районами, в обстановке господства патриархально-феодальных отношений столь высокий процент хозяйств (минимум одна четверть их), прибегающих к отпуску и потреблению наемного труда, говорит за то, что большая часть наемных сельскохозяйственных рабочих эксплуатировалась еще докапиталистическими методами и была по сути батраками.

Жизнь рядового скотовода-кочевника и земледельца в Кетмень-Тюбе, как и во всем колониальном крае, была чрезвычайно тяжела. Натуральные, а затем и денежные налоги в пользу казны дополнялись многочисленными поборами со стороны бай-манапских родоправителей.. Сотни батраков из года в год гнули спины в их хозяйствах.

Одной из особенностей классовой борьбы в Кетмень-Тюбе являлись родо-племенные столкновения — выступления «вассальных» родов против «стоящих у власти». Сложные родо-племенные отношения, при которых одни роды считались главными, «коренными», другие — потомками

¹ ЦГИА СССР. Ф. 1276. Оп. 10. Д. 648. Л. 2.

некогда «пленных» и «зависимых» — все это определяло и специфику проявления протеста¹.

Переплетение докапиталистических и зарождавшихся элементов капиталистических форм и методов эксплуатации ставило нередко кетмень-тюбинское дехканство в невыносимые условия труда и существования, делало феодально-байский гнет особенно тягостным. Социальная эксплуатация усугублялась бременем национально-колониального угнетения. Все это и определяло ту классовую и антиколониальную борьбу, которая выделяла Кетмень-Тюбе в конце XIX—начале XX вв. среди соседних даже экономически более развитых районов края.

В ответ на усиление двойного гнета — бай-манапской феодально-родовой верхушки и царизма в лице колониальной администрации — кетмень-тюбинская букара неоднократно выступала с протестами. Выразителем ее интересов был известный кыргызский акын-демократ Токтогул Сатылганов. Классовая борьба дыйканства Кетмень-Тюбе, как и всему Кыргызстану, принимала самые различные формы: она проявлялась в прошениях и жалобах администрации, откочевках и бегстве от ненавистных манапов, отказе от уплаты налогов и внесения неcodифицированных сборов, уклонения от обременительных трудовых повинностей, провале угодных местным бай-манапам кандидатов на выборах в органы «туземной» власти, срыве самих выборов, неподчинении распоряжениям властей и нападении на их представителей, в вооруженных восстаниях².

Об усилении классовой и национально-освободительной борьбы в Кетмень-Тюбинской долине свидетельствуют массовые выступления и волнения местных трудящихся

¹ Материалы по кыргызскому землепользованию. Наманганский уезд. — С. 24—28.

² Подробнее см.: *Усенбаев К.* Восстание 1916 года в Киргизии. — Фрунзе, 1967.

в конце XIX—начале XX вв., направленные против «своих» эксплуататоров и царских колонизаторов.

Немалую роль в обострении классовых отношений среди кыргызов Кетмень-Тюбе играла семья известного манапа Рыскулбека Нарбутина. Он пользовался неограниченными, по существу ханскими, правами, позволяя себе «поступки, о которых прежде никакой манап в Чуйской долине и думать не смел»¹. Дыйкане знали, что «ослушаться Рыскулбека — все равно, что лишиться имущества, а пожалуй, и головы»². Он обладал огромным состоянием, нажитым за счет налогов с купцов, и, конечно, поборов с трудового населения. Жестокими эксплуататорами были и его сыновья, внуки, против притеснения которых неоднократно выступала кетмень-тюбинская беднота³.

В марте 1889 г. рядовые кыргызы Кенкол-Карагырской волости обратились с жалобой к военному губернатору Ферганской области на злоупотребления и вымогательства волостного управителя. В августе этого же года, зимой 1891⁴, в марте 1892 г. в ряде кыргызских айлов, общин и волостей Кетмень-Тюбе вспыхивали разрозненные выступления дыйкан⁵, которые, однако, быстро подавлялись властями. В октябре 1895 г. жители Кенкол-Карагырской волости, недовольные выборами волостной администрации, поддерживаемой участковым приставом, избili на глазах представителей уездной власти полицейского. Спрятавшихся в юрте пристава, волостного управителя, бия,

¹ Загряжский Г. Заметки о народном самоуправлении у каракиргиз // Туркестанские ведомости. — 1871. — № 2.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Хасанов А. О национально-освободительном движении в Средней Азии в конце XIX века // Изв. АН Киргиз. ССР. — 1971. — № 2. — С. 74–75.

⁵ Возникновение и развитие революционного движения в Киргизии в конце XIX — начале XX вв. — Фрунзе: «Илим», 1973. — С. 37–38.

переводчика и полицейского разгневанная толпа осыпала градом камней¹.

Во время выборов волостной администрации в Андижанском и Наманганском уездах в январе 1896 г. произошли народные волнения². В Кетмень-Тюбе в конце 90-х годов XIX в. в борьбе за власть выступили две соперничавшие феодально-родовые группировки — род Рыскулбековых и верхушка более мелких племен, возглавляемая Садык-бием. Трудящиеся открыто боролись против эксплуататоров, в первую очередь против деспотизма манапов Рыскулбековых³.

Токтогул Сатылганов встал на защиту народа, бичуя в своих песнях беззаконие жадных и алчных манапов — сыновей Рыскулбека. Его обличительная песня «Беш каман» («Пять кабанов») облетела все айлы.

С новой силой волнения дыйкан Кетмень-Тюбе вспыхнули в 1898 г., когда так называемое Андижанское восстание всколыхнуло всю Фергану⁴ и район Кетмень-Тюбе. Для подавления волнений сюда был направлен специальный карательный отряд под начальством подполковника Бушена. Его прислали после рапорта-доноса сусамырского волостного управителя Бахтияра Рыскулбекова о готовящемся в волости антиправительственном выступлении и его участниках. В числе арестованных сусамырских кыргызов с 10 на 11 июля был взят и Токтогул Сатылганов⁵.

¹ ЦГА Узб. ССР. Ф. И. 1. Оп. 4. Д. 241. Л. 7; Зима А. Г. Киргизия накануне Великой Октябрьской социалистической революции. — Фрунзе, 1959. — С. 67.

² ЦГА Узб. ССР. Ф. И. 1. Оп. 4. Д. 241. Л. 1—7.

³ Подробнее см.: Чукубаев А. Токтогул. Эпоха, жизнь и творчество. — Фрунзе, 1958. — С. 67.

⁴ ЦГИА СССР. Ф. 396. Оп. 2. Д. 420. Л. 6—7 и др.

⁵ См.: Чукубаев А. А. Об отношении Токтогула Сатылганова к Андижанскому восстанию // Уч. зап. истфака Киргосуниверситета. — Вып. 3. — Фрунзе, 1954. — С. 39—46.

3 августа 1898 г. временный военный суд в г. Намангане приговорил всю группу к смертной казни, которая затем была «милостиво» заменена ссылкой на каторжные работы в Сибирь¹.

Расправа царизма над участниками Андижанского восстания 1898 г. не запугала народные массы, в выступлениях которых социальный протест сливался с национальной борьбой против колониального режима и царских чиновников на местах.

Широкий резонанс получило и выступление кетмень-тюбинской букары в 1899 г. 12 марта возбужденная толпа в 200 человек напала на волостного управителя Керимбая Атаканова и его джигитов, айльных старшин и других «почетных» лиц. Дыйкане, «вооружившись» палками и камнями, освободили арестованных волостным управителем четырех общинников, ранили самого волостного и нескольких его приспешников, избили манапских прихвостней. Три дня не унималась толпа, чувствуя поддержку трех айлов Сусамырской волости².

Военный губернатор Ферганской области, напуганный Андижанским восстанием, тотчас же по получении сообщений о народном волнении в Кетмень-Тюбе, двинул туда команду казаков с помощником наманганского уездного начальника, а затем и сам отбыл на место событий. Губернатор не стал разбирать жалоб на притеснения и поборы Рыскулбековых — опору колониальных властей, а быстро и жестоко расправился с трудовыми дыйканами. По его распоряжению каратели арестовали 37 человек по обвинению в «сопротивлении властям». 12 из них под казачьим конвоем были отправлены в г. Наманган, где их ожидала судебная расправа, а остальных, чтобы «не будоражить»

¹ ЦГИА СССР. Ф. 1405. Оп. 521. Д. 468. Л. 141–144.

² ЦГА Узб. ССР. Ф. И. 19. Оп. 1. Д. 6009. Л. 21–26.

особенно население, отпустили на поруки. 900 рублей штрафа было наложено на население трех айлов Сусамырской волости — именно тех, где были арестованы и отправлены в сибирскую ссылку год тому назад десятки рядовых кыргызов за участие в Андижанском восстании¹.

Пристав П. Ф. Резник, хорошо знакомый с настроением кетмень-тюбинских дыйкан, считал, что для их «успокоения» надо прибегнуть к длительным чрезвычайным мерам. Он предлагал содержать при них казачью сотню, начальник которой, располагая всей полнотой власти на месте, непосредственно подчинялся бы военному губернатору Ферганской области².

Эти меры, как и передача кыргызских волостей Кетмень-Тюбе из одного уезда в другой, а равно и репрессии, предпринимаемые царскими властями, не могли успокоить население. Как зафиксировано в документах, в 1902 г. дыйкане Кенкол-Карагырской волости вновь поднялись на борьбу против волостного управителя и бай-манапской верхушки, пытавшихся лишить их земли.

События первой русской революции 1905—1907 гг. получили резонанс и в далеком Кетмень-Тюбе, вызвав волну новых «беспорядков», преимущественно на почве аграрных отношений. Опасаясь взрыва недовольства масс, администрация перенесла выборы волостных управителей и айльных старшин с февраля на май 1905 г. Однако в мае рядовые скотоводы Сусамырской волости «провалили» на выборах ставленника бай-манапов, избрав волостным бедняка-киргиза Джанкая. Это, понятно, вызвало недовольство бай-манапов из рода Дыйканбая, они постарались

¹ Подробнее о весенних событиях 1899 г. в Сусамырской волости см.: Возникновение и развитие революционного движения в Киргизии. — С. 56—57.

² *Резник П. Ф.* Кетмень-Тюбе в 1899 году. — С. 85—86.

очернить вожака букары, инспирируя движение против него¹.

Стремясь предотвратить недовольство трудового дыйканства, крупные бай-манапы Наманганского, Аулие-Атинского, Пишпекского и Пржевальского уездов срочно съехались в «урочище Кетмень-Тюбе» для решения вопросов о «неурядицах» в землепользовании и землевладении, из-за которых происходила «масса столкновений»².

В период столыпинского «землеустройства» в долине Кетмень-Тюбе лучшие пахотные земли, освоенные уже полуоседлым кыргызским населением, изымались в колониальный фонд, создаваемый, по выражению В. И. Ленина, путем вопиющего насилия над насущными нуждами коренного населения. А когда изгнанная земледельческая беднота начинала осваивать богарные земли в предгорьях, то против нее нередко выступали богатые кочевники-скотоводы, устраивая потравы посевов. Обострение классовых противоречий среди кетмень-тюбинских кыргызов вынуждены были отметить даже чиновники переселенческих органов.

Положение трудящихся колониального Кыргызстана еще более ухудшилось накануне и в период империалистической войны. Недовольство масс проявилось сильнее обычного даже в глухих горных районах края. В 1915 г. несколько бедняков, не выдержавших произвола бая, на которого батрачили, бежали из Кетмень-Тюбе в Таласскую долину. Подобная форма протеста существовала и в других местах Киргизии. Зачастую беглецы уводили с собой байский скот и лучших лошадей³.

¹ Возникновение и развитие революционного движения в Киргизии. — С. 94.

² Чукубаев А. Классовая борьба и общественная мысль в Киргизии (1900—1917 гг.). — Фрунзе, 1967. — С. 49.

³ История Кыргызской ССР. — Т. 1. — Фрунзе, 1968. — С. 475.

Возмущение рядовых общинников вызывалось усилением налогового гнета и насильственными поборами местных властей и манапов будто бы в фонд обороны, а также продолжавшимися земельными изъятиями. В феврале 1916 г. дыйкане Арымской и Сусамырской волостей Наманганского уезда выступили с протестом против постановления уездной земельной комиссии об отчуждении как «излишнего» большого земельного массива, издавна обрабатываемого и используемого кыргызами. Постановление чиновников переселенческих органов даже уездный начальник вынужден был квалифицировать как документ, попирающий насущные интересы дыйканства. Однако министр земледелия, к которому попала жалоба трудящихся, стал защищать не обездоленных дыйкан, а чиновников. Он назвал поведение кыргызов «недостойным» по отношению к властям, а их требования признал незаконными¹.

Летом 1916 г. недовольство трудящихся вылилось в массовое восстание, оно охватило Среднюю Азию, Казахстан. Рядовые общинники выступили против мобилизации и отправки на военно-тыловые работы. Вооружившись самодельными пиками и ружьями, они нападали на волостных управителей, уничтожали списки мобилизованных.

По утверждению Коргола Досуева — друга Токтогула, известный акын не остался в стороне от восстания: он призывал бедноту к активной борьбе против бай-манапов и царизма.

18 августа 1916 г. военный губернатор Ферганской области доносил в Ташкент, что кыргызы Наманганского и части Андижанского уездов, кочующие между перевалом Курумес (западнее Кугарта) и рекой Нарын, находятся в соприкосновении с повстанцами. «Сусамырская волость Наманганского уезда волнуется... Очевидно, волна бунта распространяется по правому берегу Нарына из Пишпекского

¹ История Киргизской ССР. — Т. 1. — Фрунзе, 1968. — С. 667.

²⁵ Том VI. В. М. Плоских

уезда, — телеграфировал краевым властям губернатор, взывая о помощи. — Прибывшая на Тогуз-Тороу сотня должна произвести воздействие. Для утверждения спокойствия в двух волостях (Сусамырской и Чаткальской. — *авт.*) Наманганского уезда необходимо выслать казаков с одним или двумя пулеметами в Кетмень-Тюбе»¹.

Отряды повстанцев нападали на чиновников и байманаров. Успешно действовал отряд в полторы сотни бедняков во главе с Жанышем Какиевым, которому помогали Борулдай Джакыпов и Молдоналы Шокуров. Скрываясь в лесах Джолубека в высокогорном ущелье Сары-Добо, они угоняли скот богачей, убивали волостных управителей и айильных старшин. Карателям не удалось уничтожить отряд повстанцев. Только лютая зимняя стужа в горах заставила их вернуться на свои зимовья. Местные власти жестоко расправились с активистами повстанческого отряда и кроме того взыскали в свою пользу штраф скотом и деньгами².

Восстание 1916 г. по своему характеру явилось социальной и национально-освободительной борьбой местных трудящихся. Разрозненные и неорганизованные, слабо вооруженные отряды повстанцев не могли долго противостоять карательным войскам царских властей. Отсутствие ясной программы, единого руководства и политической партии обрекали восстание на поражение. Тем не менее оно показало, что угнетенные колониальные народы не хотят мириться с социальным и национальным гнетом царизма и представляют немалую революционную силу. Объективно восстание подрывало устои колониализма как в целом в Средней Азии, так и в Кыргызстане, в частности в Кетмень-Тюбе. Позднее трудящиеся долины приняли

¹ *Цит. по кн.: Усенбаев К.* Восстание 1916 года в Киргизии. — Фрунзе, 1967. — С. 167–168.

² *Усенбаев К.* Восстание 1916 года в Киргизии. — С. 168.

активное участие в борьбе за победу Великого Октября и упрочение Советской власти в горном крае.

Первые шаги в изучении Кетмень-Тюбе были сделаны отечественными учеными, путешественниками-исследователями Тянь-Шаня второй половины XIX—начала XX в. Благодаря их научному подвигу стали известны многие географические объекты Кыргызстана, в том числе Кетмень-Тюбинская котловина и бассейн р. Нарын. В их трудах содержится характеристика природы Тянь-Шаня, местной флоры и фауны, отмечен родо-племенной состав и хозяйственные занятия населения края, описаны отдельные элементы культуры киргизов. Причем уже само проявление интереса к Кетмень-Тюбинской долине и ее населению, пусть не всегда с научной целью, зачастую в поисках ответа на запросы колониальной администрации Туркестана, является определенной вехой в развитии русско-кыргызских историко-культурных связей.

Так, в 1869 г. член-учредитель Среднеазиатского общества, капитан А. В. Каульбарс — участник военно-научной (топографической) экспедиции в Центральный и Западный Тянь-Шань, несколько дней провел в Кетмень-Тюбе, рекогносцируя дорогу через перевал Дувана из долины Карасу в Андижан. Затем экспедиционный караван прошел по бассейну р. Узун-Ахмат в Талас, участниками его — Петровым и Рейнгардтом — была определена топосъемка ряда местностей Кетмень-Тюбинской котловины. Характеристика долины, ее дорожно-транспортных и хозяйственных условий, а также краткие историко-этнографические заметки о кыргызах Кетмень-Тюбе были опубликованы позднее (1872, 1875 гг.) Русским Географическим обществом в материалах А. В. Каульбарса¹. Его труды о поездках

¹ *Каульбарс А. В.* Краткие сведения о двух поездках, совершенных капитаном Генерального штаба бароном А. В. Каульбарсом в западную часть Тянь-Шаня и в Мусартский проход // Изв. РГО. — Т. VII. —

в Тянь-Шань содержат ценные фактические сведения о крае, однако объяснения исторических событий и современной ему кыргызской действительности довольно-таки поверхностные¹. В 1871 г. А. П. Федченко намеревался посетить Кетмень-Тюбе на обратном пути во время путешествия по Кокандскому ханству².

Интереснейшие поездки по Тянь-Шаню выпали на долю Н. А. Северцова. Будучи начальником Ферганской ученой экспедиции 1878 г., он наметил маршрут из Наманганского уезда вдоль побережья р. Нарын через перевал Март в Кетмень-Тюбе и Сусамыр, чтобы осмотреть междуречье Нарына, бассейн р. Узун-Ахмат и высокогорную Сусамырскую долину, не снятые еще на геологические карты.

15 мая Н. А. Северцов и топограф Скасси отправились из Андижана на Уч-Курган, пересекли водораздельный хребет, отделяющий реки Чаткал и Карасу от Узун-Ахмата, и пошли вверх по Нарыну. При этом Скасси картировал Кетмень-Тюбинскую долину, а Северцов занимался сбором зоологических коллекций, а также сведений о природно-географических условиях котловины, имевших важное значение для изучения тектонического строения Тянь-Шаня. Путешественниками были осмотрены богатые залежи каменной

1871 — СПб., 1872. — С. 173—178; *его же*. Материалы для географии Тянь-Шаня, собранные во время путешествия 1869 года членом-учредителем Средне-Азиатского общества бароном А. В. Каульбарсом // Зап. РГО по общей географии. — Т. V. — СПб., 1875. — С. 253—539.

¹ В частности, он считал исконными жителями края калмаков, которых уже потом сменили кыргызы. Не понимая сущности патриархально-феодальных отношений, он усматривал причины баранты лишь в кровной мести. По справедливой оценке современников, отчет А. В. Каульбарса был беден выводами, но богат фактами. См.: Русские путешественники и исследователи о киргизах. — Фрунзе, 1973. — С. 47—48.

² Федченко А. П. Сборник документов. — Ташкент, 1956. — С. 128.

соли и других полезных ископаемых, определено множество высотных точек в районе исследований¹.

В 1884 г. сбором гербариев и изучением растительности котловины и сопредельных регионов занимался профессор ботаники Казанского университета Н. В. Сорокин². В 1908–1914 гг. его начинания были продолжены участниками почвенно-ботанических экспедиций, работавших по заданию Переселенческого управления. Территория Кетмень-Тюбинской долины и прилегающих районов была обследована в флористическом и геоботаническом отношении³.

Заслугой Н. В. Сорокина являются впервые отмеченные им остатки средневекового городища Кодул-Ничке и ряда других древностей долины, внешне сходных, по его словам, с археологическими памятниками Южного Прииссыккуля⁴. Довольно любопытны и его беглые бытовые зарисовки из жизни кетмень-тюбинских кочевников на страницах путевых описаний. Рядом сведений о позднесредневековом Кетмень-Тюбе и времени его зависимости от Кокандского ханства и царской России наука обязана трудам отечественных востоковедов — В. В. Бартольда и В. П. Наливкина, а также путешественника Г. Н. Потанина.

Статистические и другие важные фактические данные о сельскохозяйственных занятиях кетмень-тюбинцев за 1913 г. содержатся в опубликованных материалах по

¹ *Северцов Н. А.* Сборник документов. — Ташкент, 1958. — С. 133, 155–156.

² *Сорокин Н. В.* Путешествие по Русскому Тянь-Шаню в 1884 г. // Изв. РГО. — Т. XXI. — 1885. — Вып. II. — СПб., 1883. — С. 113, 127–128.

³ *Выходцев И. В.* Русские исследователи на территории Киргизии // Изв. КирФАН СССР. — Вып. 2–3. — Фрунзе, 1948. — С. 70.

⁴ *Сорокин Н. В.* В горах и долинах Русского Тянь-Шаня. «Исторический вестник». — СПб., 1886. — № V–VI. — С. 652 и др.

землепользованию кыргызов Наманганского и Андижанского уездов Ферганской области, которые использованы в данной статье и ряде работ киргизских историков. Собранные по заданию Переселенческого управления, они, конечно, требуют к себе сугубо критического отношения.

Вкратце охарактеризуем культурную жизнь кетмень-тюбинцев во второй половине прошлого—начале нынешнего столетия.

После вхождения Кыргызстана в состав России культурные изменения коснулись и Кетмень-Тюбе. К началу XX в., осенью 1899 г., здесь по желанию кыргызского населения Сусамырской и Арымской волостей было открыто первое и единственное учебное заведение — начальная русско-туземная школа. Сразу же в нее было зачислено 33 ученика в возрасте от 7 до 27 лет¹. Ученики, как отмечали современники, посещали уроки весьма охотно, делая «порядочные успехи». Школа была основана по инициативе рядового учителя-энтузиаста А. Ф. Степанова — воспитанника Петербургского университета, прекрасно владевшего кыргызским языком. Содержалась она на средства местных жителей без материальной поддержки властей. На учителя смотрели как на чудака, добровольно согласившегося на «изгнание» в кетмень-тюбинскую глушь, где он «совершенно один и полгода отрезан от всего мира». Некоторые пессимистически предрекали скорый провал этой просветительной «затеи». В 1903 г. в школе обучалось 25 учеников². Но даже к 1917 г. в Кетмень-Тюбе грамотных

¹ ЦГВИА СССР. Ф. 400. Аз. Ч. Оп. 1900 г. Д. 251. — С. 8; История Кыргызской ССР. — Т. 1. — С. 561.

² Ферганская область в 1903 году // Ежегодник Ферганской области. — Т. III. — Н. Маргелан, 1904. — С. XIV. Характерно, что в открывшейся в 1898 г. русско-туземной школе в Джумгальской долине изъявили желание учиться не только дети местных скотоводов, но и 18 учеников из Сусамырской и трех соседних кыргызских волостей Пишпекского уезда.

людей насчитывались буквально единицы. Таковы «плоды просвещения» российского царизма на колониальной окраине — в Кыргызстане.

Прикладное искусство, фольклор, музыка киргизского населения Кетмень-Тюбе в XIX—начале XX вв. развивались в русле лучших многовековых народных традиций. Как показали исследования этнографов, традиционные виды духовной и материальной культуры кетмень-тюбийских кыргызов в основном сходны с культурой киргизов из северных районов края, причем отмечается много общего и с культурой населения сопредельных районов Тянь-Шаня и Прииссыккуля.

С конца XIX в., т. е. со времени установления более интенсивной торговли с соседними областями и странами, с усилением миграции разнонационального населения в Кетмень-Тюбе в материальной культуре местных жителей происходят определенные изменения. В кочевой в своей основе быт кыргызов (в хозяйственные занятия, домашний обиход, одежду, пищу, интерьер жилища) проникают элементы узбекской, затем русской и украинской культуры, на их жизненном укладе сказывается также влияние таласских и южных кыргызов, чему способствуют давние этнические связи, соседство и взаимные браки. Такие контакты содействуют созданию определенной общности культуры в регионе Кетмень-Тюбинской котловины.

В этом сложном процессе взаимоотношения культур немаловажное значение имело народное искусство. Кетмень-Тюбинские умельцы, преемственно сохраняя многие традиционные художественные принципы в технологии тех или иных домашних промыслов и ремесел, выработали и свое локальное стилевое единство. Лучшие произведения народного прикладного искусства — орнаментированные войлоки и красочные ширдаки, тушкийизы и различные вышивки, изделия из кожи, дерева и металла (серебряные украшения, тиснение, чеканка и резьба) — роднили яркий

жизнерадостный колорит и безмерное богатство древнего орнаментального стиля. Эта особенность наиболее четко проявлялась в текстильных изделиях домашнего женского производства — в предметах узорного ткачества, войлочных коврах, вышивках, в народной одежде с ее территориальными отличиями.

Не менее развито было в Кетмень-Тюбе и искусство резьбы по дереву. В Историческом музее столицы экспонируются старинные сундучки, как образцы прекрасного искусства кетмень-тюбинских резчиков. Высоко ценились в народе и ювелирные изделия местных умельцев. Ими была освоена древнейшая восточная техника художественной обработки металла — зернь, чеканка, инкрустация. Особенно славились украшения, изготовленные в конце прошлого века Кулике¹.

Немаловажное значение в общественно-культурной жизни кыргызов в дореволюционный период имели развлечения и игры. У кетмень-тюбинцев они почти ничем не отличались от народных игр других мест края. Со времени вхождения Кетмень-Тюбе в состав России они оставались по существу такими же, как их описал А. В. Каульбарс еще в 1869 г. Это скачки, стрельба на скаку из лука в серебряную ямбу, привязанную к шесту, состязания всадников, стремящихся выбить друг друга из седла пиками — сайыш².

Наряду с истинно народными играми бытовали развлечения, затеваемые ради неприглядной потехи баями и ма-напами. Подобными «играми» зачастую сопровождалась поминки кыргызских феодалов — аши и тои. К участию в них обычно привлекались представители враждующих племен или родов.

¹ См.: *Айтмамбетов Д.* Культура киргизского народа. — С. 206—207.

² *Каульбарс А. В.* Краткие сведения о двух поездках... — С. 174—175.

Зато слава о победителях истинно народных игр жива в памяти многих поколений кыргызов. За пределами Кетмень-Тюбе были известны имена героической женщины Айчурек-богатыря — победительницы в поединках и виртуозной комузистки¹, Эрназара Бостонкулова, погибшего в состязаниях с сайышистом Мамбетовым. Токтогул Сатылганов посвятил любимцу своих земляков Э. Бостонкулову проникновенные строки, гневно осудил бай-манапов, организовавших сайыш, приведший к гибели батыра².

Популярностью у народа пользовались импровизированные выступления акынов и их песенные состязания — айтыши. Поистине всенародную известность приобрел акын-демократ из Кетмень-Тюбе (уроженец кыштака Сасык-Джийде) Токтогул Сатылганов (1864—1933 гг.). В своих песнях-импровизациях он обличал социальную несправедливость, бесчинство бай-манапских эксплуататоров и царских чиновников. Музыкально-поэтическое наследие Токтогула Сатылганова, как и его общественно-политическая деятельность, имели огромное значение в развитии устно-поэтического и музыкального творчества кыргызского народа.

Особой выразительностью и мастерством отличалась игра на национальных музыкальных инструментах и импровизированное исполнение эпоса «Манас».

Очень трогательны и женские плачи-кошоки. Их искусной исполнительницей была, например, мать Токтогула — урма³.

¹ *Айтмамбетов Д.* Культура кыргызского народа во второй половине XIX и начале XX века. — Фрунзе, 1967. — С. 158.

² *См.: Омурзаков Д., Мусин Ю.* Кыргызские народные игры. — Фрунзе, 1973. — С. 28—29.

³ *См.: Рукоп. фонды отд. Обществ. наук АН Киргиз. ССР.* — Инв. № 331 (фольклор). — С. 114—115.

Таковы, на наш взгляд, основные явления, характеризующие развитие материальной и духовной культуры коренного населения Кетмень-Тюбе в конце XIX—начале XX вв.

В истории Кетмень-Тюбинского края при всех его локальных особенностях отразились все аспекты экономической и политической жизни, социальной структуры, классовой и национально-освободительной борьбы трудящихся дореволюционного Кыргызстана.

В. Я. Галицкий, В. М. Плоских, К. И. Антипина

Публикуется по изданию:

Кетмень-Тюбе. Археология и история. — Фрунзе: Илим, 1977.

Часть четвертая

**ТАШ-РАБАТ
БИШКЕК
ПРИИССЫККУЛЬЕ**

К ИЗУЧЕНИЮ ТАШ-РАБАТА

В 1972 и 1976 гг. нам довелось осмотреть Таш-Рабат — один из уникальных памятников позднесредневековой архитектуры Кыргызстана. При виде его, особенно впервые, испытываешь сложное и как бы раздвоенное чувство: поражаешься сурово-монументальному облику этого грандиозного строения со строго ритмичной композицией внутренней планировки, воздавая должное искусству безымянных строителей — поистине чудесных «каменных дел» мастеров. И сетуешь, конечно, что памятник археологически слабо изучен, удивляешься, что, невзирая на неослабевающий интерес к нему ученых, специалистов различного профиля и общественности, а также многолетнюю опеку Республиканского общества охраны памятников истории и культуры, он до недавнего времени продолжал оставаться в запустении.

О необычайном, непонятого назначения одиноком каменном строении, стоящем у древнего караванного пути, в середине горного ущелья, окрестное население, пытаясь как-то воссоздать его забытую историю, сложило немало преданий и легенд, заслуживающих хотя бы краткого рассмотрения.

Одна из них, с эпизодом лирического характера, повествует о строительстве Таш-Рабата двумя батырами — отцом и сыном. Последний, не послушав отцовского совета решительно ничем не отвлекаться от предпринятого («богоугодного» для мусульман) дела, загляделся на внезапно появившуюся неземную красавицу и тотчас же исчез вместе с нею. Поэтому, дескать, осталось это впечатляющее

сооружение неоконченным¹. По другому варианту этой же легенды, старший из батыров-строителей был сам Манас — главный герой популярнейшего в кыргызском народе одноименного эпоса.

Известна и легенда о двух громадных сооружениях в горах Тянь-Шаня — Таш-Рабате и крепости Кошой-Коргон. Последняя-де воздвигнута сподвижником легендарного Манаса — Кошоем в противовес будто бы возведенному его врагами укреплению в Таш-Рабатском ущелье.

Записана и легенда о постройке памятника, как фортификационного пограничного объекта неким восточным царевичем.

В некоторых легендарных преданиях появление Таш-Рабата связывается с именами Тимура и других средневековых правителей (узбекского хана Абдуллы, эмира бухарского и т. п.).

Таким образом, народные легенды (отчасти с религиозным налетом) согласно отмечают древность сооружения. О назначении же его одни из преданий намекают и, видимо небезосновательно, на его благотворительный характер (рабат с функцией постоянного двора), а другие говорят как о крепости, возведенной якобы одновременно с раннесредневековой цитаделью Оша или Кошой-Коргоном; в некоторых — постройка Таш-Рабата приписывается легендарным народным богатырям, эпическому герою, а в иных (вероятно, обязанных своим возникновением останавливавшимся в нем караванным торговцам из сопредельных с Кыргызстаном регионов) — ханам разных государственных образований (соседних с Кыргызстаном) периода средневековья.

Перейдем к литературным известиям о памятнике. Как считалось в современной историографии, первое упоминание

¹ *Войцехович А. В.* Таш-Рабат. // Кыргызская степная газета. Особое прибавление к Акмолинским, Семипалатинским и Семиреченским областным ведомостям. — 1894, 9 января. — № 2., отд. неоф.

о памятнике «Рабат» содержится в известной востоковедам рукописи могульского автора XVI в. Мухаммеда Хайдера «Тарих-и-Рашиди» («Рашидова история»). В ней утверждается, что постройка возведена могульским феодалом XV в. Мухаммед-ханом (время правления 1408–1415 гг.) «на северной стороне теснины Чатыр-Куля». Далее автор вкратце характеризовал столь поразившее его строение из крупноблочных массивных камней, подобное которому он встречал впоследствии лишь в Кашмире («каменные имораты»). В описании Мухаммеда Хайдера лаконично схвачены характерные особенности внутренней планировки рабата и даже некоторые примерные размеры его частей, в том числе входного проема, центрального коридора и красивого купольного помещения в конце его, отмечены и многие проходы и «прелестные худжры» (небольшие помещения типа келий). Представляет интерес также сообщение автора о расположенной на западном краю рабата («с западной же стороны»), т. е. в противоположном конце от входа, выходящего порталом на восток, мечети высотой в 15 гязов (локтей), имевшей множество (более 12) дверей¹.

Таково первое исторически зафиксированное сообщение о «Рабате», которое, однако, не было известно русским путешественникам второй половины XIX в., в числе первых посетивших этот памятник (добавим, как и некоторым современным нам авторам!).

В последующем, уже после Мухаммеда Хайдера, нет каких-либо сведений о Таш-Рабате вплоть до конца 50-х годов прошлого столетия. Тогда в марте 1859 г. здесь побывал Ч. Ч. Валиханов, возвращавшийся инкогнито из своего

¹ См.: Наиболее подробные отрывки из «Тарих-и Рашиди» : Мухаммеда Хайдера о Таш-Рабате / ст. Г.А. Пугаченковой // Тр. Ин-та языка, литературы и истории (ИЯЛИ) Кирг. ФАН АН СССР. — Вып. III. — 1952. — С. 217; а также в «Истории Киргизской ССР». — Т. 1. — Фрунзе, 1968.

кашгарского путешествия, ставшего знаменитым в истории географических открытий в Азии.

Сколь ни кратко валихановское описание этого памятника («первое», по словам Н. А. Аристова), но оно более подробно, чем у Мухаммеда Хайдера. Так, путешественник описал и отметил общие размеры всего сооружения и отдельных частей, играющих важную роль в его композиционной схеме построения: входного коридора, заканчивающегося центральным залом с купольным перекрытием, а также нескольких десятков небольших помещений (по неточному подсчету местных жителей, который стал известен Ч. Ч. Валиханову, 41): продольных в два аршина длины и квадратных, равных половине длины первых. Квадратные, как передавали Ч. Ч. Валиханову, вероятно, служили для складывания товаров, а продольные — являлись помещениями для скота. Низкие дверные проемы, которыми сообщались эти помещения с коридорами и между собой, объяснялись образовавшимися там в течение длительного времени различными сторонними напластованиями (окрестные кыргызы пользовались Таш-Рабатом зимой как загоном для скота).

Ч. Ч. Валиханов не оставил без внимания и архитектурные достоинства памятника (аналоги ему не были известны ни в Семиречье, ни в Восточном Туркестане), искусно «сложенного из плит глинистого сланца», отметил его отделку («внутри и снаружи (?) выштукатурено») и еще сохранившиеся остатки бывшего декора «в нишах, украшенных арабесками»¹.

Он также записал, что таш-рабатская постройка приписывается Абдулле-хану (вероятно, представителями узбекского купечества, торговавшего со своими восточными соседями), а окрестные «суеверные» кыргызы считали его

¹ Валиханов Ч. Ч. Кашгарский дневник : Вершина Заукинского прохода. // Кн.: Валиханов Ч. Ч. Собр. соч. — Т. II. — Алма-Ата, 1962. — С. 192–193.

чем-то «сверхъестественным» и потому-де нельзя точно сосчитать количество внутренних помещений: число их при новом счете каждый раз получалось иное — то 40, то 39 и т. д.

Таш-Рабат

Таш-Рабат, по сообщению Валиханова, служил для кочевников «предметом поклонения и местом жертвоприношения», о чем свидетельствовали, в частности, украшения входного портала рогами диких баранов и коз, как это было принято ранее у кыргызов в таких почитаемых ими местах. Многочисленные посетительские надписи, которые отмечены путешественниками в местах, где сохранилась штукатурка, также «показывают все уважение к этому зданию и его строителю» окрестного кыргызского населения. Наконец, заслуживает внимания сделанный

²⁶ Том VI. В. М. Плоских

Ч. Ч. Валихановым набросок схематического плана Таш-Рабата — первое из графических изображений памятника. К сожалению, валихановские записи о Таш-Рабате, весьма ценные живыми наблюдениями этого пытливого ученого-путешественника, долгое время оставались достоянием лишь ведомственных архивов.

Уже после добровольного вхождения края в состав России, Таш-Рабат вслед за Ч. Ч. Валихановым осмотрели ряд отечественных путешественников и другие лица. В их числе и подполковник Волков (1871 г.). Он видел еще остатки росписи на внутренней штукатурке, где тогда можно было разобрать «грубые фигуры трехглавого коня и пятиглавого дракона».

В 1878 г. у Таш-Рабата побывал А. М. Фетисов — пишпекский ученый-садовод и энтузиаст краеведения, неоднократно экскурсировавший по Тянь-Шаню с геоботаническими целями. В его дорожных записках, опубликованных в краевой газете в 1879 г., приводятся также небезыңтересные сведения о памятнике. Как писал А. М. Фетисов, во времена оживленной прежде караванной торговли между Ферганой и Кашгаром (т. е. до 1758 г.) Таш-Рабат служил местом «бесплатной остановки» для проходивших здесь в зимнее время караванов и путников. Теперь же каравансарай «находится в полном запустении и, кажется, никто уже не останавливается».

В целом же, заметки с описанием Таш-Рабата у А. М. Фетисова, хотя и короче, чем у Ч. Ч. Валиханова, однако в них включены важные для истории изучения памятников детали: 1) указания на сходство центрального зала со сфероидным куполом в Таш-Рабате с рабатами по дороге из Чимкента в Ташкент, которые, впрочем, имели по несколько таких отделений; 2) вырезанные по штукатурке внутри центрального зала «красивые узоры на азиатский манер», а также то, что его «стены кроме того исписаны священными изречениями из корана»?); 3) наличие в окрестностях

памятника, давшего наименование ряду местных географических объектов, строительных материалов, пошедших на его строительство: «плит глинистого и слюдяного сланца» с ближних склонов Таш-Рабатского ущелья, «мраморов» и известняков (для обжига извести), а также леса в Кельтебеке (используемого для балок); 4) «свежие дунганские могилы» вблизи памятника, появившиеся в результате зимнего перехода в русские пределы суровой зимой в декабре 1877 г. дунган — беженцев и повстанцев¹.

В 1886 г. Таш-Рабат открылся на путях через перевалы и ущелья Тянь-Шаня семиреченскому краеведу, врачу из г. Верного (Алма-Аты) Н. Л. Зеланду. В книге о своем путешествии он, в числе других достопримечательностей края, описывал и этот необычный древний памятник. Автор, не знакомый с рукописью Мухаммеда Хайдера и свидетельствами о Таш-Рабате как о караван-сараяе Ч. Ч. Валиханова и А. М. Фетисова, акцентировал внимание на культовом характере постройки. Исходя из замкнутости ее общей планировки, сочетания центрального купольного зала с множеством небольших и слабо освещенных помещений с узкими проходами между ними, Н. Л. Зеланд считал, что это сооружение (в то время неизвестно когда, кем и для чего возведенное) не служило ни «частным жилищем», ни крепостью, ни тем более тюремным замком. Как он полагал, такое здание не могло быть убежищем для караванов, а по своему характеру, скорее всего, являлось обителью христиан-несториан или буддийским монастырем, который вместе с тем подавал помощь и приют проезжим. Описав внешний вид, внутреннюю планировку и определив приблизительные размеры памятника и его составных частей, путешественник с сожалением указывал, что, несмотря на остатки в большом зале кусков «грубой штукатурки», каких-либо изображений,

¹ Фетисов А. М. Экскурсия в За-Нарынские горы в 1879 году. // Туркестанские ведомости. — 1891. — № 31.

как-то барельефов, надписей и т. п. в настоящее время нет. Впрочем, он все же отметил «какие-то арабские надписи», видимо, оставленные, по его предположениям, приезжими, которые устраивали в непогоду под руинами рабата свои караваны.

Услышанные о Таш-Рабате легенды показались Н. Л. Зеланду «самыми противоречивыми и неправдоподобными» для уточнения истории и функций памятника, а возможностей и свободного времени для вскрытия «склепа в монастыре»(?), показанного ему кыргызами, где, по их словам, погребены «сарты и кыргызы», у него не было. Поэтому приподнять завесу неизвестности над Таш-Рабатом оставалось уделом будущих «систематических археологических исследований»¹, как справедливо заключил путешественник.

В 1888 г. подполковником К. А. Ларионовым из Нарынского укрепления была проделана инструментальная съемка участка, а также составлен план с фасадами и разрезами Таш-Рабата².

В 1894 г. А. Войцехович опубликовал в газете небольшую статью с кыргызскими легендами о Таш-Рабате — древней, уже полуразвалившейся постройке, давшей свое наименование перевалу и реке. Она сложена из небольших каменных плит черного сланца на столь прочном растворе («цементе»?), что при ударах по замазанным швам трескались не швы, а камни. Автор вновь подтвердил, что окрестное население относилось с большим уважением к памятнику, воздвигнутому, «вероятно, за много веков до настоящего времени», слагая легенды о поразительных особенностях его внутреннего строения и самом сооружении. кыргызы говорили ему, как и ранее Ч. Ч. Ва-

¹ Зеланд Н. Ташрабатское ущелье : На дороге из Нарына к Кашгару // ПТКЛА. — Ташкент, 1897—1898.

² Его материалы (в том числе 4 рисунка и 4 таблицы) помещены в «Известиях Археологической комиссии». — Вып. 4. — СПб., — С. 15—23.

лиханову, о невозможности будто бы точно сосчитать все помещения в рабате, что происходило от сложности («запутанности») его планировки и «совершенной тождественности этих помещений в форме и расположении их по обе стороны от центрального коридора». Основное содержание публикаций сводилось к пересказу двух упомянутых уже легенд о постройке Таш-Рабата неким ханским сыном или двумя мусульманскими батырами — отцом и сыном. Так, следом за Ч. Ч. Валихановым А. Войцехович продолжил фиксацию легендарных преданий о Таш-Рабате, отражающих интерес кыргызского народа к историческому прошлому своего края и к его древностям¹.

Не оставил без внимания Таш-Рабат в некоторых своих сочинениях и известный востоковед В. В. Бартольд, совершивший в 1893–1894 гг. поездку в Среднюю Азию в целях ее историко-археологического изучения. Правда, лично осмотреть памятник ему не удалось, но ученый знал строки из рукописи Мухаммеда Хайдера о нем, ему была известна также книга Н. Л. Зеланда, а, возможно, и публикация А. Войцеховича. В. В. Бартольд располагал планом Таш-Рабата (составленным офицером Нарынского укрепления Карнауховым) и фотографиями, сделанными поручиком Ковалевым в 1894 г. (два снимка общего вида памятника опубликованы в приложении к научному отчету об этой поездке В. В. Бартольда). Дошли до него и некоторые кыргызские легенды о Таш-Рабате, судя по упоминанию о двух из них в его трудах.

Хотя В. В. Бартольд первым указал на сходство загадочных тогда развалин Ахыр-Таша в Казахстане с Таш-Рабатом (оба эти памятника П. Лерх и Н. Зеланд рассматривали как древние монастыри), но он лишь осторожно отмечал, что постройка «знаменитого здания Таш-Рабат на северном берегу оз. Чатыр-Куль» (локализация, как известно,

¹ Зеланд Н. Ташрабатское ущелье. — С. 121.

неточная) приписывалась ревностному распространителю ислама могулистанскому правителю Мухаммед-хану (умер в 1416 г.) в местности, «где впоследствии жили кыргызы»¹.

В конце XIX—начале XX в. Таш-Рабатом заинтересовался уже Туркестанский кружок любителей археологии (ТКЛА) в Ташкенте. Так, в 1897 г. в его периодическом издании («Протоколы заседаний...») напечатаны рассмотренные нами сведения Н. Л. Зеланда о Таш-Рабатском ущелье и стоящем там памятнике, общий вид которого воспроизведен рисунком на отдельном листе, сопровождаемом подписью «Древнее здание в Таш-Рабатской долине». Отметим, что благодаря нашим отечественным путешественникам памятник стал известен и зарубежным ученым².

1 мая 1902 г. П. Т. Пославский доложил членам кружка сообщение верненского востоковеда и энтузиаста-археолога Н. Н. Пантусова о таш-рабатских развалинах (в Чеш-Тюбинской волости Атбашинского участка Пржевальского уезда, по тогдашнему административному делению Кыргызстана) «из жженных (?) сланцевых плит, частью на извести, частью на алебастре».

Рассмотрев высказанные прежде точки зрения о памятнике, как о якобы несторианском монастыре (впрочем, им для точности здесь отмечалось, что «кругом этого здания

¹ *Бартольд В. В.* Кыргызы. // Соч. — Т. II, ч. 1. — С. 513.

² Известный французский географ Э. Реклю в своем капитальном труде, описывая пути в Русском Туркестане, отмечал, что «проход в Таш-Рабат или каменный караван-сарай, названный так потому, что прежде там в самом деле существовал каменный постоялый двор для приезжих купцов». // Элизе Реклю. Всеобщая география. Т. 6. Кн. 4. : Азиатская Россия. — СПб., 1898. — С. 311–312. В наши дни современный зарубежный исследователь искусств и религии стран Востока Дениссон Е. Росс, сопоставив информацию Мухаммеда Хайдера о Таш-Рабате с записками о нем Н. Л. Зеланда, пришел к выводу о правомерности отождествления описанного последним памятника с рабатом, упомянутым впервые средневековым автором. В свое время на это обратила внимание Г. А. Ругаченкова (см. названную выше ее статью).

никаких следов пребывания несториан не найдено») и как о средневековом караван-сараяе («странноприимном доме» на Востоке), хотя при нем нет характерного обширного двора для вьючных животных, Н. Н. Пантусов остановился на том, что это — скорее всего, «рабат», т. е. «странноприимный дом для мусульманских путешественников», тем более, что и «стиль постройки среднеазиатско-мусульманский»¹.

Более подробное описание памятника с 4 рисунками и 4 таблицами по материалам археологического обследования его Н. Н. Пантусовым в том же году было опубликовано в специальном археологическом издании². Здесь же автором приведены и местные легенды о возведении Таш-Рабата якобы Тимуром или Абдулла-ханом. Он прочел и ряд «сартских» надписей, оставленных проезжими в 1803, 1813 и 1873 гг. Называя здание караван-сараяем, он все же был склонен разделить предположение Н. Л. Зеланда о культовом характере постройки (т. е. как о монастыре с храмом).

Такова известная нам информация о Таш-Рабате и начале его изучения, содержащаяся в дореволюционных источниках. Она включает первые известные упоминания о нем, предполагаемое время его сооружения и функциональном назначении. В трудах русских путешественников, обративших внимание на историко-архитектурную значимость памятника, приведены описания внешнего вида и внутренней планировки, приблизительные обмеры, состояние его сохранности. Даны краткие сведения о декоре памятника и посетительских надписях (без их датировки),

¹ При обсуждении сообщения Н. Н. Пантусова сановный покровитель кружка, его «почетный» председатель туркестанский генерал-губернатор Иванов соизволил «глубокомысленно» присовокупить, что «этот рабат, задуманный строителем с широким размахом», в свое время будто бы не был закончен постройкой (по-видимому, обрушения в течение веков отдельных частей из перекрытия и отделки здания воспринимались за его незавершенность в целом).

² Неточности описания отмечены Г. А. Пугаченковой.

зафиксированы легенды, сохранившиеся у окрестного кыргызского населения. Ценны и иконографические материалы (зарисовки, фото, планы и чертежи). Однако, к единому, утвердившемуся взгляду на характер, назначение и время появления памятника авторы, писавшие о нем до революции, не пришли. Ими высказываются противоречивые, иногда ошибочные суждения, а их публикации и описания не лишены ряда фактических неточностей.

В советский период Таш-Рабат привлекает внимание видных специалистов — историков, этнографов, археологов, архитекторов и искусствоведов. Новые публикации, появляющиеся с довоенного времени (в их числе работы Б. М. Зимы и С. И. Ильясова), внесли заметный вклад в исследование памятника. Так, летом 1940 г. бригада архитекторов республики (В. Г. Змиевский, М. Г. Полищук), курируемая Комитетом наук при СНК Кыргызстана, произвела обмер, зарисовку и фотосъемку Таш-Рабата¹. По итогам работы В. Г. Змиевский опубликовал информацию для общественности и составил уточненный (сравнительно с пантусовским) план памятника, который датировался им (однако без приведения аргументации) временем Махмуд-али-хана (1485–1505 гг.). Автор характеризовал Таш-Рабат как развалины «мечети, которая являлась в то же время и остановочным пунктом для приезжих купцов. По своей организации это сооружение напоминает крепость, где, возможно, совершались религиозные обряды, а, возможно, это был некрополь (город мертвых)»².

¹ См.: Советская Киргизия. — 1940, 24 мая.

² Змиевский В. Таш-Рабат — архитектурный памятник. // Советская Киргизия. — 1940, 25 июня. Предположение автора о некрополе, видимо, позднего времени перекликается с упоминанием Н. Л. Зеланда о «склепе в монастыре». Интересно и утверждение автора, что «возле Таш-Рабата, по некоторым признакам, было когда-то целое городище». То и другое еще предстоит выяснить археологам.

Затем, уже в годы Великой Отечественной войны, Таш-Рабат посетила археологическая экспедиция под руководством видного исследователя древностей Кыргызстана А. Н. Бернштама во время одного из многочисленных разведочных маршрутов по Тянь-Шаню. Публикации его появились уже в начале 50-х годов. Первая по времени из них (1950 г.) представляет отдельную главу в книге А. Н. Бернштама о выдающихся средневековых творениях зодчества в крае¹. В ней приводится выдержка с описанием памятника, сделанным в свое время Н. Н. Пантусовым, воспроизведены и его чертежи. Автор привел также исторические данные о постройке Таш-Рабата, почерпнутые из сочинений В. В. Бартольда, опиравшегося на упоминание о том Мухаммеда Хайдера. Однако, Мухаммед-хана, при котором, как явствует из «Тарих-и-Рашиди», был возведен Таш-Рабат, А. Н. Бернштам почему-то именует Мухаммед-султаном (впоследствии недочеты этой главы были отмечены Г. А. Пугаченковой). Исследователь, подробно характеризуя памятник как караван-сарай XV в., считал, однако, эту постройку произведением мастеров «западного среднеазиатского происхождения» (т. е. Мавераннахра). На мысль об этом его могло навести отсутствие тогда открытых памятников каменного зодчества в Семиречье. Одновременно А. Н. Бернштам находил в архитектурных чертах сооружения и влияние кочевнической среды. Так, в частности, в световых отверстиях куполов центрального и других помещений Таш-Рабата он видел подражание тюндюку — такого же назначения отверстие для света и дыма в кыргызской юрте. «Это — как бы окаменелый кишлак с богатой кибиткой в центре», — образно писал о Таш-Рабате А. Н. Бернштам, высказав еще ряд любопытных наблюдений о ритмичном построении композиции

¹ Бернштам А. Н. Таш-Рабат — караван-сарай XV века // Кн. : Архитектурные памятники Киргизии. — М., 1950.

памятника. Основные положения автора были затем повторены в его монографии (1952 г.)¹.

В том же году опубликована интересная статья о Таш-Рабате крупного искусствоведа Г. А. Пугаченковой². В небольшом, но емком ее историографическом обзоре рассмотрено большинство известных в литературе сведений о Таш-Рабате, начиная с первого упоминания Мухаммедом Хайдером и кончая рассмотренной выше главой в книге А. Н. Бернштама.

Г. А. Пугаченкова весьма точно и объективно оценила вклад своих предшественников в изучение Таш-Рабата, тонко подметив и несостоятельность отдельных предположений, неточности в описаниях и искусствоведческой характеристике деталей (в частности, у Н. Н. Пантусова, А. Н. Бернштама и др.), также в схематичных планах и т. п. Ею определено место Таш-Рабата в ряду других замечательных строений позднесредневекового зодчества Средней и зарубежной Азии, проделан искусствоведческий анализ архитектурно-строительных особенностей памятника, выделивших его как уникальное каменное сооружение семиреченской строительной школы. На этой основе Г. А. Пугаченкова, привлекая также широкие аналогии, высказала мнение о функциональном назначении памятника именно как караван-сарая с мечетью при нем, датируя его сооружение вторым–третьим десятилетиями XV в.

В 1960 г. в связи с намечавшимися работами по реставрации ряда средневековых памятников Кыргызстана Таш-Рабат был вновь исследован архитекторами (Б. В. Чурляевым, В. Е. Нусовым и В. А. Голубевым, зафотографирован А. А. Москалевым). Впоследствии В. Е. Нусов издал ряд

¹ См.: Бернштам А. Н. Историко-археологические очерки Центрального Тянь-Шаня и Памиро-Алая.

² Труды Института языка, литературы и истории // Кирг. ФАН СССР. — Вып. III. — Фрунзе, 1952.

работ по истории древних памятников архитектуры Кыргызстана, в которых им описан и Таш-Рабат. Полнее всего это сделано в последней его монографии¹, где приведены и многие данные архитектурных обмеров памятника в целом, отдельных помещений, наружных и внутренних его деталей, характеризующих строительные особенности и декор сооружения. Автор высказал также свои предположения о возможностях использования его для обороны и размещения проезжих торговцев. В книге помещены фотография и схематический план Таш-Рабата. В. Е. Нусов склонен, вслед за Бернштамом (статья Г. А. Пугаченковой осталась вне поля его зрения) отнести Таш-Рабат к кругу памятников самаркандской архитектурной школы первой половины XV в., к сооружениям, возведенным «для кратковременного пребывания в нем торговцев».

Таков вкратце обзор изучения Таш-Рабата, выяснения времени постройки и функционального назначения памятника, заслуг в этом научном поиске советских исследователей. В заключение остается добавить еще несколько слов об использовании памятника в новое время. Уже беглое изучение вновь выявленных посетительских надписей, часть из которых относится к первой половине XIX в., показывает, что Таш-Рабат, уже разрушившийся к этому времени и мало отвечавший назначению как караван-сарай, использовался также верующими кыргызами как почитаемое место, где совершались моления, поминки и погребения. Не исключено, что он по-прежнему, как и в начале XVIII в., продолжал служить приютом застигнутым непогодой путникам, но постоянного жилья и специально предназначенных для скота и товаров помещений не было.

Название же Таш-Рабат, известное из работ русских путешественников и исследователей второй половины XIX—

¹ См.: Нусов В. Архитектура Киргизии с древнейших времен до наших дней. — Фрунзе, 1971.

начала XX в., закрепилось в памяти местного населения, которое обозначило этим же топонимом и ряд окрестных природно-географических объектов.

В 1978 г. на памятнике начались подготовительные археологические и архитектурные исследования с целью дальнейшей реставрации его. Они ведутся специальными научно-реставрационными производственными мастерскими Министерства культуры Киргизской ССР при участии Института истории Академии наук республики.

Уже в первом полевом сезоне расчищен интерьер памятника прямоугольной формы с 31 помещением, перекрытыми куполами и сводами, сделаны разведывательные траншеи и заложено несколько шурфов у стен, проделаны тщательные архитектурно-археологические обмеры прямоугольного в основе памятника и его помещений, большая часть которых, к счастью, еще сохранилась. При расчистке интерьера обнаружены фрагменты керамической посуды раннесредневекового времени, а также несколько монет, переданных для определения.

Предварительное обследование позволило С. Я. Перегудовой — старшему архитектору упомянутых мастерских — усомниться в том, что сообщение мирзы Хайдера относится именно к Таш-Рабату, а также в его первоначальном назначении как караван-сарая и удревнить датировку его сооружения на несколько веков¹.

Последующие архитектурно-археологические исследования на памятнике и в его округе должны пролить дополнительный свет на время его сооружения, назначение и использование, а предстоящая реставрация сохранит для потомства это выдающееся архитектурное сооружение средневекового Кыргызстана.

В. Галицкий, В. Плоских

¹ Перегудова С. К тайнам Таш-Рабата. // Советская Киргизия. — 1980, 19 июня.

О ЛЕГЕНДАРНОМ ГЕРОЕ БИШКЕКЕ И НАЗВАНИИ НАШЕЙ СТОЛИЦЫ

Существует несколько версий происхождения нынешнего названия столицы. Эта версия — новый штрих к опубликованному ранее.

В середине XVIII в. под ударами китайских завоевателей пала последняя кочевая держава — Джунгарское ханство, которое в период могущества раскинулось от Монголии и Южной Сибири до Восточного Туркестана и Тянь-Шаня. Тогда значительная часть кыргызов насильно была отеснена калмаками в Фергану, на Памир и Алтай. Из Семиречья и Присырдарьинских районов откочевала к северу и часть казахов. После разгрома в 1758 г. китайцами калмаков — коренных жителей ханства — кыргызы стали занимать свои прежние кочевья по Таласу, Чу и Иссык-Кулю. В Семиречье и к западным отрогам Тянь-Шаня возвращались казахи.

На западе Ферганской долины обособилось Кокандское бекство. Оно принялось расширять за счет соседей свои владения и вскоре превратилось в ханство. А процесс образования новых границ — этнических и государственных — как свидетельствует история, редко проходит мирно. К тому же вмешательство Китая значительно обостряло ситуацию, и теперь его агрессии противостояли уже не джунгары-калмаки, а узбеки и кыргызы, не желавшие терпеть воинственные притязания Цийской империи.

В этой сложной обстановке не обошлось без вооруженного столкновения за плодородные пастбища Чуйской долины, освободившиеся после джунгар. Иногда схватки перерастали в крупные военные операции. Так, в октябре

1765 г. казахский султан Аблай с тридцатитысячным войском выступил против кыргызов Чуйской долины, которые призвали па помощь кокандцев из возвышавшегося узбекского ханства. В открытом сражении в 1766 г. союзники потерпели поражение от Аблая и заперлись в крепости Бишкек, где успешно выдержали осаду.

Об этом стало известно из ответной грамоты императора Китая Цянь-Луна на жалобу султана Аблая. Документ, датированный октябрём 1767 г., — это прямое свидетельство, подтверждающее подлинное название крепости и то, что она была кыргызской: «Кокандский Ирдана-бек в прошлом году убил твоего (Аблая) младшего брата Исыхан-тархана, его четырех сыновей и увел его жену. Ты отправился воевать с Ирданой, убил много его людей. Ирдана потерпел поражение и засел в крепости Бишкек и не выходит оттуда. Ты хочешь захватить крепость, но у тебя нет пушек. Умоляешь, чтобы великий император выделил тебе в помощь 20 тысяч своих солдат, а также просишь дать тебе пушки...»

Нас в данном случае не интересуют нотации императора султану. Подчеркнем главное: Аблай в 1766 г., чтобы отомстить кыргызам, напал на крепость Бишкек. Вызывает интерес и термин, которым китайцы называли крепость — «Писыгеке», что реконструируется как «Пишпек» или «Бишкек»: Такая реконструкция снимает таинственный покров со слова «Пишпек» и неотвержимо документирует старые кыргызские предания 70-х годов XIX в., согласно которым загадочный «Пишпек» есть искаженное кыргызское слово «бишкек» Можно предположить, что китайские документы XVIII столетия и дают нам первое упоминание в письменных источниках настоящего имени кыргызской столицы. Впоследствии в кокандских сочинениях крепость всегда именовалась Бишкек или Пишпек, что вполне закономерно в тюркской фонетике, — где звуки «б» и «п» взаимозаменяемы.

Так, в разных вариантах одного и того же списка рукописи по истории Кокандского ханства «Тарих-и Шахрухи» муллы Нияз-Мухаммада Хоканди встречаются одновременно Бишкек и Пишпек. Термин «Бишкек» или «Пишпек» хорошо знал выдающийся русский востоковед академик В. В. Бартольд. В своих сочинениях, опираясь на тюркские первоисточники, он писал, что «Бишкек» в переводе на русский это «Пишпек». Другой востоковед, уроженец Кыргызстана В. А. Ромодин, который прекрасно знал местные условия, замечал, что город Пишпек был известен среди местного кыргызского населения как Пишпек, Пешпек или Бишкек, и тут же приводил варианты тюркского написания из «Тарих-и Шахрухи» — Бишкек.

Впервые термин «Пишпек» именно в таком написании встречается с 1848 г. только в русских источниках. Один из документов канцелярии начальника Сибирского таможенного округа более позднего происхождения прямо констатировал: «Крепость Пишпек построена в конце XVIII столетия».

Таким образом, есть все основания считать, что топоним Бишкек является изначальным, а топоним Пишпек — более позднее производное от него в русскоязычных источниках. Этимология термина «пишпек» не известна ни одному из тюркских языков. Не имеет он смыслового значения и в русском языке. Отсюда непреложен вывод: слово Пишпек является иноязычным искажением топонима Бишкек. Следовательно, истинным, первоначальным названием, которым по крайней мере с середины XVIII в. именовалась местность и кыргызская крепость, существовавшая еще до кокандской колонизации, был Бишкек. В 1825 г. на месте разрушенной крепости Бишкек кокандцы возвели свое укрепление одноименного названия. Поэтому нередко основание Бишкека связывают с кокандским завоеванием и относят к 1825 г., хотя кыргызское укрепление было здесь еще полвека до этого!

Кто такой Бишкек? Обратимся теперь к значению слова «бишкек», его этимологии. В живом кыргызском языке так называется мутовка для взбивания кумыса. Согласно народной легенде в урочище между реками Аламедин и Ала-Арча, где сейчас расположена наша столица, какая-то женщина потеряла столь важный в быту предмет, поэтому и местность была названа Бишкек. Известно, что народные этимологии всегда сомнительны и пользоваться ими нужно очень осторожно. Тем не менее даже кыргызские лингвисты иногда вполне серьезно считают, что в основе нового названия столицы лежит «вид ремесленнических занятий местного населения», что «бишкек», хотя и неблагозвучное слово, но «такова природа» Подобные рассуждения дали повод отдельным шутникам «остроумно» называть столицу Кыргызстана «чем-то вроде миксера», а ее жителей — «миксерянами». К счастью, оскорбительные намеки уже канули в прошлое.

На самом же деле разгадка истинного значения кыргызской столицы лежит в другом. У народа бытует предание о Бишкек-ате — легендарном герое, жившем в Чуйской долине пару веков тому назад. Он прославился в борьбе с иноземцами, и на восточной окраине долины был построен гумбез, где его похоронили. Отсюда и название местности (правда, позже позабытое) — Бишкек.

В 1876 г. публикуется заметка востоковеда Н. Н. Цантусова, 4 в которой сообщалось, что 100 лет тому назад в окрестностях Пишпека был похоронен кыргызский батыр по имени Бишкек-ата. Вначале так назывался «город», но со временем его стали именовать Пишпеком... Могила батыра находилась на бугорке, который кокандцы разровняли и на этом месте построили крепость.

В конце XIX в. развалины гумбеза еще видел академик В. Бартольд, который определил гумбез как сравнительно недавнюю постройку: тогда ей было где-то около столетия. До наших дней он не сохранился.

Видный кыргызовед К. К. Юдахин отметил, что в географических названиях слово «ата» указывает на «святость» места, а это значит, что и батыр Бишкек-ата считался святым, почитаемым человеком, родоначальником. Другой видный кыргызовед С. М. Абрамзон опубликовал санжыру (родословную) Бишкек-ата, в которой к середине XX в. насчитывалось одиннадцать поколений. Это значит, что жизнь и деятельность Бишкек-ата приходилась примерно на начало XVII в., то есть он был современником Петра I.

До наших дней среди кыргызов сохранились его потомки, которые компактно проживают в других местах. В Чуйской долине род бишкек является подразделением жетикул племени солто, а в Таласской долине — бишкек входил в подразделение ай-тамга племени саруу. В настоящее время мы еще не имеем достоверных сведений о том, чем прославился Бишкек-ата. Выяснить это — задача для историков.

В. Галицкий, В. Плоских

ОТ КАЗАЧЬЕГО ПИКЕТА ДО УЕЗДНОГО ГОРОДА

После окончательного закрепления военного присутствия России в Чуйской долине (с ликвидацией там Кокандской Пишпекской крепости и других ханских укреплений в начале 60-х гг. XIX в.) и нараставшего переселенческого движения из центральных российских губерний в Кыргызстан в конце 60-х—начале 70-х гг. XIX в. произошло возрождение оседлой жизни в Пишпекке — сначала как опорного пункта русских войск (казачий пост — пикет в 1864 г.), затем крестьянского поселения в 1868 г., а позднее и города — административного уездного центра в 1878 г.

Первоначально в военных губернских округах Омска в 1860—1863 гг. Пишпекку отводилась роль будущего мощного форпоста с казачьим поселением близ него. Там предполагалось поселить 50 семей заилийских казаков. Но затем в 1864 г. при успешном продвижении русского военного отряда полковника М. Г. Черняева из укрепления Верного (г. Алматы) к кокандской крепости Аулие-Ата (г. Тараз) и взятия им последней было решено ограничиться установлением одного из промежуточных пикетов. Отметим, что факт его временного пребывания вблизи от остатков кокандской крепости на противоположной стороне Ташкентской дороги не равнозначен образованию здесь военного поселения. Да и надобности в этом не было.

Окрестные кочевники-кыргызы, подчиненные манапам Байтику, Корчу и другим биям, встретили на этот раз русских доверчиво и дружелюбно, поставляя им скот на продажу.

Дореволюционная история Пишпека как уездного центра исчисляется почти четырьмя десятилетиями (1878–1917 гг.). До 1878 г. центром Токмакского (впоследствии Пишпекского) уезда в течение 11 лет был Токмак (1864–1867 гг. — русское укрепление). Но уже с 1869 г. по настоянию начальника уезда, убедившегося в неблагоприятном расположении Токмака как пункта управления обширного по территории уезда, семиреченские власти проектировали перенесение его в более удобное место — к развалинам бывшей кокандской крепости, где образовались селения Аламедин и Пишпек, в Кочкорку или же Кутеналды (район нынешнего г. Балыкчи, а в прошлом Рыбачьего). Но все эти проекты не были одобрены в Ташкенте.

**Пишпекское городское общественное управление.
Фото 1906 года**

Лишь на следующий год во время инспекционной поездки туркестанского генерал-губернатора по Семиречью и ознакомления с положением Токмака и Пишпека его выбор пал на последний. Еще через два года, в 1872 г., начальнику Токмакского уезда были сообщены правила раздач переселенцам земли у Пишпека.

Но вплоть до весны 1878 г. сдвигов в осуществлении проектов переноса уездного центра в Пишпек не было. Лишь в связи с тем, что дальнейшей застройке Токмака с ростом его жителей стали мешать окрестные болота, а во время сильнейшего зимнего разлива р. Чу в 1877 г. он вновь был полузатоплен, 3 декабря 1877 г. военный губернатор Семиреченской области снова просил краевого начальника разрешить весной будущего года перевести уездный центр в Пишпек. На этот раз такое согласие было дано.

29 апреля 1878 г. уездное управление было переведено в Пишпек, и в мае того же года туда же были переведены уездно-городские учреждения, в том числе уездная касса и почтовая контора. Одновременно с чиновниками в Пишпек переехали уездный врач и акушерка.

Передислоцировалась сюда и часть Токмакской военной команды, солдаты которой охраняли арестантов и уездную кассу. До устройства казарм в Пишпек силами своих солдат они временно разместились в селе Аламедин. Описанные события в целом предопределили образование города в Пишпек.

Пионерами русской крестьянской колонизации Чуйской долины были выходцы из Воронежской, Тамбовской, Пензенской и Самарской губерний. Часть из них уже пыталась до этого найти свое трудное счастье на землях Западной Сибири и Южного Казахстана, но не прижились там («шатуны» — пренебрежительно именовали их местные чиновники). Среди переселенцев Пишпека, причисленных здесь на жительство распоряжением областной администрации, встречаются упоминаемые братья Рыбьяновы, Кушаковы, затем Журавлевы, Малыхин и др. — всего до десятка дворов. Облюбовав для себя свободные земельные участки под усадьбы, они сооружали на первых порах землянки и шалаши, «временки» для жилья, а хозяйственно окрепнув, — постоянные более прочные дома вдоль трактовой

Ташкентской дороги напротив руин бывшей кокандской крепости и в пределах будущей городской черты.

Из-за упорных слухов, что будущий населенный пункт должен стать уездным городом, к первым поселенцам Пишпека стали подселяться торговцы из Ташкента, Намангана и других городов современного Узбекистана. Примечательный случай, когда летом 1871 г. копальский мещанин из Казахстана Раимкул Вагиев, проживавший «при Пишпеке», обратился к властям с просьбой о причислении его «мещанским званием» в предполагаемый город Пишпек, местная администрация предписала старосте с. Аламедин (так как в Пишпеке тогда даже низовая власть отсутствовала) объявить ему, что «приписка в Пишпеке, как преждевременная, не допускается».

Планировка, застройка и архитектура

Планировка и начало застройки Пишпека как города велись уже после перевода сюда центра управления Токмакским уездом весной 1878 г. Тогда же в Верном, под руководством областного инженера и при участии военных топографов, была составлена первая проектная схема разбивки городских кварталов и площадей — важнейших частей любого нового города, а тем более уездного. Этот предполагаемый к распланировке на месте градостроительный документ — «План проектного расположения вновь предполагаемого города Пишпека» — был утвержден 31 августа 1878 г. военным губернатором Семиреченской области генерал-лейтенантом Г. А. Колпаковским (под руководством которого в 1862 г. была взята и разрушена русским военным отрядом кокандская крепость Пишпек). Но затем потребовалась еще и санкция туркестанского генерал-губернатора в Ташкенте.

²⁷ Том VI. В. М. Плоских

Особое место в плане городской застройки помимо выделения объектов общегородского значения (базарной, гостинной и церковной площадей, парадного плаца и городского сада, госпиталя и места для кузниц и кладбищ) занимали и территории для тюрьмы и казарм местной военной команды. Последние, по указанию и. о. краевого начальника, должны были располагаться так, «чтобы в случае каких-либо смут... быть опорным пунктом» царских колонизаторов.

Подобные градостроительные принципы и мотивы царских «устроителей» края, конечно, наложили свой отпечаток на схему распланировки Пишпека и его первоначальную застройку.

В. Плоских

ИЗ ИСТОРИИ ОСНОВАНИЯ РУССКИХ СЕЛЕНИЙ ПРИИССЫККУЛЬЯ

Село Ак-Су

Историю русского переселенческого движения в Прииссыккулье можно довольно точно датировать серединой 60-х гг. XIX столетия. Первым об этом упоминает известный русский путешественник из плеяды российских первооткрывателей Н. А. Северцов. В своей книге «Путешествие по Туркестанскому краю и исследование горной страны Тянь-Шаня», в записях 1867 г. он описывает свою встречу с крестьянином-ходоком, добравшимся до Иссык-Куля, жившим там уже 2 года. Переселенец работал на постройке Аксуйского укрепления, затем присоединился к заукинским кыргызам, где устроил мельницу, приобрел лошадей, стал промышлять извозом: возил хлеб, поставлял муку на Аксуйский пикет, а с 1867 г. сам засеял арендованные кыргызские поля с платой за орошение из урожая. Прибыл переселенец в Прииссыккулье в 1865 г., в год основания Аксуйского военного укрепления. И звали его Петр Иванович Трофименцев.

...Первое русское поселение Ак-Су в Прииссыккулье начиналось так. Ранней весной 1865 г. в Аксуйское укрепление прибыл русский крестьянин лет сорока, высокий, русобородый, с кустистыми бровями над серыми пытливыми глазами. В поводу он привел саврасого коня, запряженного в роспуски. На них стояла оббитая листовым железом будка. В ней, как в избе, сидела Анна по прозвищу «Красуля», малолетний сын Семен и дочь Маша. Петр Трофименцев прибыл в Семиречье еще лет 12 тому назад

с обозом переселенцев из Самарской губернии. Сперва жил около крепости Верный, затем перебрался за Кунгей-Алатау. Прибыв в Ак-Суйское укрепление, он — мастер на все руки — быстро нашел себя. Он освоил кыргызский язык, поставил свою будку в стороне от укрепления — около домашней кузницы кыргыза Айтбая. К осени на быстрой речке Ак-Су Трофименцев поставил мельницу. В ту же осень он распахал 4 десятины земли, засеяв их пшеницей, с помощью новых друзей поставил к осени дом.

Трофименцев написал письма своим друзьям-землякам на родину. Вскоре прибыли новые поселенцы. В 1871 г. в селе было уже 215 дворов, которые строились вдоль дороги.

Вдоль берега реки густо росли облепиха, жимолость, барбарис, под ногами шныряли фазаны. Зимой к овчарням подходили волки, в стужу к скирдам — косули. В зимние вечера в хатах при каганцах крестьянки пряли пряжу, ткали холсты. Трофименцевы отлично красили полотна, за что их прозвали «Красулями».

На стройку лес возили из ущелья, которое и сегодня называется «Красулино». Вокруг полеска распахивали землю сохами, разделявали тяжелыми бородами, сеяли вручную пшеницу, ячмень, овес, подсолнух, сурепку.

В урочище Джиланды стояли три юрты кузнецов — Айтбая, Кульбая и Агения. Самый искусный мастер был Айтбай. Им заказывали подковы, сошники, домашнюю утварь. Кузнецы были и хорошими камнетесами, делали сельчанам жернова, молотильные катки. По праздникам кузнецы и землепашцы ходили друг к другу в гости.

В 1889 г. через Ак-Су прошла экспедиция М. В. Певцова, направлявшегося после смерти Н. М. Пржевальского в Восточный Туркестан. М. В. Певцов был научным преемником великого путешественника Н. М. Пржевальского, захороненного на берегу Иссык-Куля.

На реке появилось девять водяных мельниц, расстраивалось село. В 1902 г. построили школу. Первые учителя прибыли из г. Верного: Аграфена Федоровна и Ольга Кирилловна. Первые ученики в холщовых сумках носили буквари и самодельные тетради. Не все из них окончили школу, приходилось помогать взрослым обрабатывать землю, пахать и сеять.

В 1904 г. в Пржевальске было 16080 русских крестьян-переселенцев.

Это — первые документальные сведения о русских переселенцах на Иссык-Куле¹.

Село Покровка (бывш. Сливнино)

История с. Покровки берет свое начало также в прошлом столетии. В 1863 г. на р. Чон-Кызыл-Су возник небольшой русский поселок Сливнино, основанный перемеленцем Сливниным. В 1872 г. сюда приехали переселенцы Федотов Николай Иванович, Гребенщиков Василий Степанович, Свиридов Никита Федотович, Конкин Матвей Николаевич.

Дома строили вдоль дороги. Первые дома были построены там, где ныне стоит средняя школа им. Макаренко. Приусадебные участки были большие, родственники строились рядом. Улиц в селе было всего 4, назывались они по-особому: Средняя (ныне Советская), Сергачи (ныне Комсомольская), Кавказская (ныне Ленина), П... (ныне Пионерская).

В 1875 г. было 300 дворов. Осенью 1875 г. в честь православного религиозного праздника Покрова село называли Покровкой.

¹ Из материалов Пржевальского краеведческого музея. Материалы по истории конезавода № 54 и Чолпон-Атинского музея.

В 1885 г. в селе появилась первая школа — мужское одноклассное училище, позднее преобразованное в двухклассное училище. Но учились в основном дети зажиточных крестьян. Дети бедняков оставались неграмотными. А кто из богатых хотел учиться дальше, тот ехал в г. Каракол в мужское 4-х классное училище.

Жителей в селе до 1917 г. было немного, в основном они занимались сельским хозяйством¹.

Село Тюп (бывш. Преображенское)

Одним из первых на Иссык-Куле в 1865 г. в устье р. Тюп возникло с. Тюп. Крестьяне-переселенцы были из Калужской губернии — Семен Кулагин и Михаил Тюрин — первые жители Тюпа. На их долю выпало быть пионерами в установлении первых контактов и добрососедских отношений между русскими и кыргызами. По ним «дети гор» судили о России и русском народе. Бывшие крепостные, простые труженики работали и здесь в поте лица: заготавливали лес, носили камни, гравий, расчищали площадки под дома.

Семен Кулагин осознавал, что для начала надо завоевать доверие местных жителей, и потому он предупреждал односельчан: «Мы должны уважать кыргызов, ведь мы приехали не на время. Надо жить в мире, а насильно никому мил не будешь. Давайте, мужики, жить с ними дружно». И первое начало положил он, кыргызы встретили его гостеприимно.

Время приближалось к зиме, это заставило торопиться с жильем. Вскоре стали появляться добротные отстроенные дома. Между «пришельцами» и местными жителями стали завязываться добрые отношения. Мужики побывали уже

¹ По материалам Каракольского краеведческого музея.

во многих окрестных аилах, часто гостили у кыргызов. А когда праздновали новоселье, приглашали в гости кыргызских соседей.

Семена Кулагина избрали старостой села. Здесь же на общем сходе решили назвать поселок Преображенским. Кыргызы же называли его «орусиянын кыштап» – русское село.

И у кыргызов проявлялась тяга к оседлой жизни и земледельческим занятиям. В 80-х гг. XIX в. около 40 юртовладельцев Пржевальского уезда обратились с прошением к уездному начальнику о разрешении жить оседло в с. Преображенском. Простые слова Семена Кулагина «будем жить вместе с кыргызами» отражали чувства простых крестьян-бедняков.

В 1881 г. в селе было 423 двора. Дома строили вдоль дороги, которая шла из Пржевальска в Пишпек. Поселенцы были из Курской, Воронежской, Полтавской, Харьковской и других губерний.

Крестьяне занимались земледелием, рыбной ловлей, охотой. Поселение было небольшое. По этому почтовому тракту пробегали почтовые тройки, а их поселенцы приносили новости из городов Туркестанского края и Центральной России, но доходили все новости поздно.

Советская власть пришла в 1918 г. В марте 1918 г. на Базарной площади в г. Пржевальске состоялся митинг, где открыто заговорили о Советской власти Михаил Чернов, Никанор Иванов, Николай Шокарев, Сергей Доронин. 25 мая здесь же, на митинге, была провозглашена Советская власть¹.

¹ По материалам Каракольского краеведческого музея.

Село Ананьево (Сазановка)

Одним из первых поселенцев села был Андрей Иванович Колесников. Шел 1869 г. Несколько семей на первых порах приютились в овраге, делая в стене землянки. А к зиме здесь появилось несколько избушек из дерна.

Шли годы. Село разрасталось. Крестьяне занимались в основном земледелием, ловили рыбу. Уже к 1891 г. переселенцы разработали 9793 дес. земли. В 1905 г. в селе, названном Сазановкой, насчитывалось 350 дворов.

С первых дней переселенцы нашли общий язык с местными бедняками-кыргызами, с каждым годом росла и крепла братская дружба. Русские крестьяне учили своих новых друзей обрабатывать землю, строить избы.

Но в 1910 г. прииссыккульская земля перенесла сильное землетрясение и сазановцы вынуждены были покинуть обжитые места, начав строиться далеко от озера. Так рождалось новое село.

Как вспоминал старейший житель села Иван Кузьмич Северсин, в Сазановке была только одна лавка, а в селе более четырехсот дворов, церковь, четырехклассная приходская школа, в которую редко кто ходил, — бедноте некогда было учиться. Почту привозили на лошадях...¹

Крестьяне-переселенцы были из Воронежской, Курской, Харьковской, Полтавской, Астраханской, Тобольской и Томской губерний, получили земельные наделы по 10 десятин на одну мужскую душу и стали строить дома вдоль почтового тракта, соединявшего города Пишпек с Пржевальском. В 1872 г. прошла первая колесная тройка по этой дороге, а с 1900 г. проложена первая почтовая линия. В 1909 г. было построено телеграфное отделение в с. Сазановка

¹ «Иссык-Кульская правда», 9 октября 1974 г. По материалам Каракольского краеведческого музея.

(теперь Ананьево). Здесь располагалась волость, в селе был волостной старшина и сельский староста.

В 1913 г. в Сазановке насчитывалось 249 дворов с поселением 2709 чел., приходская, русско-гуземная школа, почтово-телеграфное отделение, волостной суд из 4-х судей, врачебный участок под наблюдением врача, фельдшера, был и ветврач.

Кругом горы, места глухие, новости из центра сюда доходили поздно. Неделями шли газеты из Пишпека, керосина не было вдосталь, обходились больше каганцами и свечами, электричество и радио казались сказкой.

16 ноября 1941 г. в числе 28 гвардейцев-панфиловцев героически погиб и житель с. Сазановки, член колхоза «Иссык-Куль» Николай Яковлевич Ананьев. Указом Президиума Верховного Совета СССР ему и его боевым друзьям посмертно присвоено высокое звание Героя Советского Союза. По ходатайству земляков с. Сазановка переименовано в с. Ананьево.

Село Семеновка

В 1910 г. в Прииссыккулье произошло землетрясение. Оно принесло сильное разрушение Сазановки (Ананьево).

Встал вопрос о выборе нового места для села. Значительная часть сазановцев поднялась выше, к горам, а часть по настоянию фельдшера Семенова решила переехать на возвышенность. Здесь и было организовано село, которое впоследствии получило название по имени инициатора Семенова. Первыми жителями были Семен Русин, Павел Марченко, Степан Уткин, Василий Попов, Илья Черемушкин и др. Единственным утешением была церковь, построенная на средства семеновцев.

Село Григорьевка

В 1910 г. в Кыргызстане появились обозы крестьян-переселенцев, гонимых нуждой из Центральных губерний России. Многие из переселенцев оседали на северном побережье озера, некоторые между селами Сазановкой и Темировкой. Но приезжий урядник из Каракола силой заставил «пришельцев» переселиться в Сазановку. Крестьяне этого села не раз подавали прошение уездному начальнику о разрешении поселиться им на плодородных землях в 15 км к западу от села, но ответ был один — запрещаю.

Ходоком в Петербург с нарочным в Сенат был избран Григорий Лычиков, но и он вернулся из долгого странствия ни с чем...

Новое село получило название по его имени. Трудно было начинать новую жизнь первопоселенцам на новых местах. Жили сначала кто в землянках, кто в шалашах. Тяжело было обзавестись даже небольшим хозяйством. За мерку пшеницы или пользование сохой приходилось отработывать у местных кулаков.

Дети не имели возможности учиться из-за отсутствия школы. Последняя была за 100 км в г. Караколе (Пржевальске), да не все видели прок в ученье.

Почти два месяца Игнат Иванович Фотачев вместе с семьей, а у него уже было трое детей, с товарищами добирался до берегов Иссык-Куля. «Меня, — говорит он, — как только вступили на землю Прииссыккулья, очаровали своей первозданной красотой голубой Иссык-Куль в ожерелье величественных гор, прекрасная природа. Горные реки с чистой, как хрусталь, водой, радушное кыргызское гостеприимство, теплое дружеское отношение и полное доверие к нам, русским переселенцам, приехавшим сюда из многих губерний Центральной России, искренне радовало нас. Понравилось нам и село, расположенное на крутом

берегу бурной реки Ак-Суу, красиво вписавшейся в горный пейзаж».

На карте Прииссыккулья, как утверждают его старожилы, Григорьевка появилась в 1910 г. Первыми ее жителями стали крестьяне из Воронежской, Курской и др. губерний, в числе которых был и ссыльный большевик Григорий Николаевич Лычиков, скрывавшийся от преследований царской охранки за участие в революционных стачках в Донбассе в 1905 г. Это был умный, общительный человек, принимавший активное участие в общественной жизни.

К нему обращались с разными вопросами жители села. Он писал им разные прошения, ходатайства в Семиреченское переселенческое управление и Туркестанское генерал-губернаторство в г. Ташкенте. Много он сделал для своих односельчан¹.

Село Чолпон-Ата

Когда железнодорожных путей в Кыргызстане еще не было, в начале XX в. началось их строительство. Почтовые станции строились одна от другой на расстоянии 30 км. В 1905 г. была конно-почтовая станция в Чолпон-Ате. Содержал ее некто Киселев. Со станции почта отправлялась дальше, к Караколу. После смены почтовых троек проезжавшие получали ночлег и отдых.

Первые земельные наделы здесь стали нарезать крестьянам в 1912 г., поселение Чолпон-Ата росло медленно. Первыми поселенцами были Киселев, Самсонов, Полтавский, Баженов, Татильченко, Карпов. Домики строили маленькие, саманные, под заливными крышами. Вокруг дома и на участке разводили сады. Так появилось садово-фруктовое хозяйство в Прииссыккулье.

¹ «Иссык-Кульская правда». — 1 января 1955 г., 4 января 1985 г.

Тогда же был нарезан участок и в с. Бостери, где первым переселенцем был Баженов. По его фамилии и село было названо Баженовкой.

Такова вкратце история переселенческого движения на Иссык-Куль и оседло-земледельческих первых поселков с русско-украинским населением.

В. Плоских

СОДЕРЖАНИЕ

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ СТАРИННЫЙ ОШ

Предисловие	7
I. Древнейшие поселения	9
Легенды	9
Открытие археологов	11
Античная Давань	17
II. Средневековый Ош	20
Во тьме веков	20
По страницам сочинений средневековых географов	22
На периферии Караханидского каганата	27
Под копытами кочевников	38
В составе Моголистана	39
«Бабур-наме»	43
Против джунгарских завоевателей	53
III. Под гнетом кокандского ханства	57
В борьбе с кокандскими владетелями	57
Алымбек	68
Курбанджан	74
Город и его жители	80
Хозяйственные занятия горожан	86
Медресе и его вакф	104
Памятники и рукописи	113
Налоговый гнет	129
Грозные годы восстания	137
IV. Ош – уездный центр	147
Общее описание	147
Управление городом	157
Население	159
Хозяйственные занятия	165
Налоги и подати	182
Памятники Оша и культуры горожан	185
Народные выступления в конце XIX в.	198

Революционные события 1905–1907 гг.	203
Восстание 1916 г.	211
События на юге Кыргызстана в феврале 1917 г.	216
Послесловие	224
Список принятых сокращений	227

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

**Конурбаев А., Мокрынин В., Плоских В.
ГОРОД ВЕЛИКОГО ПУТЕШЕСТВЕННИКА**

I. Махмуд Барсхани	231
II. Города прииссыккуля в повествованиях средневековых авторов	241
Сюань Цзан на Иссык-Куле	241
Верхний Барсхан	247
Свидание Махмуда с «Кутадгу билиг»	256
III. Затонувшие города	260
Койсары	262
Дархан	266
Тюп	268
Долинка	269
Койсуу	270
Тору-Айгыр	278
IV. Культура средневековых поселений прииссыккуля	283
Как выглядели иссык-кульские горожане?	285
Религия	287
Христианство	287
Буддизм	291
Ислам	293
Письменность	296
Алфавит и караван	296
Древнетюрские руническое письмо	298
Сирийское письмо	299
Арабское письмо	300

Тибетская письменность	301
Календарь	302
Благоустройство	303
V. Кыргызские предания об озере Иссык-куль	309
VI. Озеро дышит (трансгрессии и регрессии	
иссык-куля)	315
Иссык-Куль и землетрясения	316
Река играет озером	321
Что день грядущий нам готовит?	324

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

КЕТМЕНЬ-ТЮБЕ. АРХЕОЛОГИЯ И ИСТОРИЯ

Предисловие	331
I. Укрепление Улуг-Коргон	337
II. Исторический очерк Кетмень-Тюбе XIX – начала	
XX веков	349

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

ТАШ-РАБАТ, БИШКЕК, ПРИИССЫККУЛЬЕ:

К изучению Таш-Рабата	397
О легендарном герое Бишкеке и названии	
нашей столицы	413
От казачьего пикета до уездного города	418
Планировка, застройка и архитектура	421
Из истории основания русских селений	
Прииссыккуля	423
Село Ак-Су	423
Село Покровка (бывш. Сливнино)	425
Село Тюп (бывш. Преображенское)	426
Село Ананьево (Сазановка)	428
Село Семеновка	429
Село Григорьевка	430
Село Чолпон-Ата	431

Владимир Михайлович Плоских

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ

История городов и поселений Кыргызстана

ТОМ VI

Редактор: д-р ист. наук С. В. Плоских

Дизайн: *В. Горнушкин*

Компьютерная верстка: *С. Каримова*

Подписано к печати 21.03.2016.

Заказ № 45.

Формат бумаги 60 x 84 ¹/₁₆. Объем 27,25 п. л.

Тираж 250 экз.

ОсОО «НЕО ПРИНТ»

